

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ
ХРУЩЕВ

Воспоминания

Книга 2

Никита Сергеевич Хрущев

Воспоминания. Время. Люди. Власть. Книга 2

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6896729

*Воспоминания. Время. Люди. Власть. Книга 2: Издательство «Вече»;
М.; 2016*

Аннотация

Вторая книга воспоминаний Н.С. Хрущева посвящена взаимоотношениям с внешним миром, в первую очередь с ближайшими союзниками – Восточно-Европейскими странами и главным соперником – Соединенными Штатами Америки.

Автор рассказывает о непростом становлении того, что сегодня мы называем Евразийским пространством: создании коалиции Восточно-Европейских и, до определенной степени, Азиатских государств, построении согласованной политики, направленной на улучшение жизни людей, о том, как закладывались основы совместной оборонной стратегии путем создания Варшавского договора (1955) и единого экономического пространства – Совета экономической взаимопомощи (1952).

Особенно интересны свидетельства автора о том, как принимались решения в кризисных условиях.

Фотографии для книги предоставлены Сергеем Никитичем Хрущевым. В оформлении обложки использована фотография из архива МИА «Россия сегодня».

Содержание

Часть IX. Совет Экономической Взаимопомощи и Социалистическое Содружество	8
Учиться жить вместе	8
Мао Цзэдун	31
Дружба с Китаем после победы народной революции[19]	54
XX съезд КПСС и поворот в отношениях с Китаем	95
Дальнейшее ухудшение отношений с Китаем	144
Хо Ши Мин	204
Об Албании	223
Югославские проблемы	256
Две Германии плюс Западный Берлин	304
«С поляками у нас особые отношения»	346
«Злоупотребления Сталина особенно болезненно отзывались в Венгрии»	454
Чехословацкие друзья	505
Конец ознакомительного фрагмента.	510

Никита Сергеевич Хрущев

Воспоминания. Время.

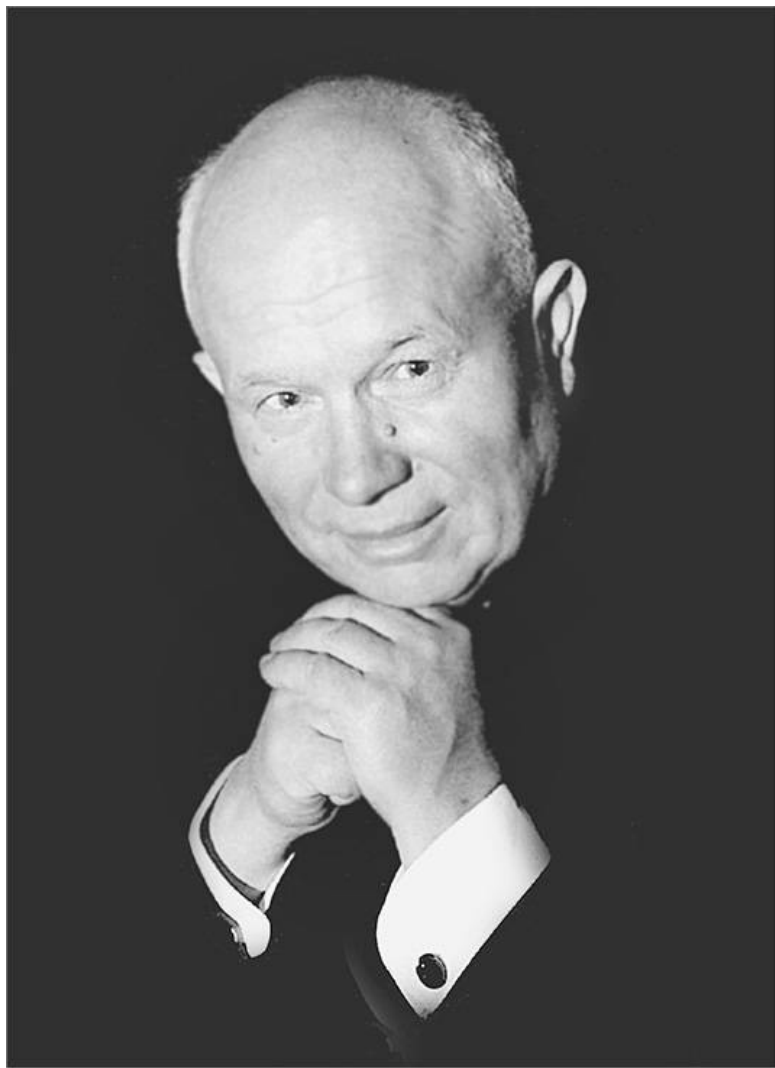
Люди. Власть. Книга 2

© Хрущев Н.С., наследники, 2016

© Хрущев С.Н., иллюстрации, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Часть IX. Совет Экономической Взаимопомощи и Социалистическое Содружество

Учиться жить вместе

Поделюсь некоторыми мыслями относительно стран, вошедших в социалистический лагерь. Сначала расскажу об отдельных наблюдениях насчет того, как Сталин строил отношения с ними. Он делал все, что было в его силах, чтобы эти страны развивались по социалистическому пути. В этом нет сомнений. То была его мечта, и он не жалел усилий для того, чтобы подталкивать страны в направлении построения социализма. Он хотел также, чтобы страны народной демократии были в дружбе с советским народом. Но дружбу он понимал односторонне, стремясь, чтобы они обязательно и во всем следовали в фарватере советской политики, особенно при контактах с Западом и в Организации Объединенных Наций.

После смерти Сталина мы стремились к тому же. Такая политика нам казалась правильной, поскольку она связана с общей платформой построения социализма и коммунизма. Тут все силы в борьбе против капиталистического мира

должны быть приложены к одной точке. Но Сталин был Сталиным. Осуществления правильно поставленных целей он добивался своими, сталинскими, варварскими средствами. Чистка, которая в послевоенные годы проводилась в странах народной демократии, велась именно под этим углом зрения. Доносчики и советники, которые работали там, чтобы указать, кого принести в жертву, собирали какие-то предварительные данные. А ведь всегда о каждом человеке узнать можно то, что очень хочешь узнать, и в зависимости от установки собирать такие сведения, которые будут рисовать данного человека в определенном свете и придавать его действиям желаемые политические оттенки. Этого Сталину было достаточно, чтобы считать такого человека недругом Советского Союза и «врагом народа». В результате там летели головы, как в свое время в СССР и в нашей партии. Та же политика проводилась касательно не только широкого круга лиц, но и в отношении коммунистического руководства стран народной демократии.

С руководителями этих стран Сталин строил контакты на основе абсолютного их подчинения и не терпел ни особых мнений, ни простых возражений. Если в беседе по любому вопросу человек настаивал на своей точке зрения, это его раздражало и порождало сомнения в искренности такого человека, подвергались сомнению его коммунистическая убежденность, его преданность марксистско-ленинскому учению. Отсюда оставался один шаг до его гибели. Вме-

сте с тем Сталин очень заботился о развитии экономики стран народной демократии и помогал им, чем только СССР мог. Например, строительство крупного металлургического завода в Польше было задумано и начато при Сталине. Я помню, как Болеслав Берут ставил этот вопрос. Тогда в Москве все вместе выбирали место для завода и решили, что следует построить его в районе Кракова, древней столицы Польского государства, но почти без промышленности. Учитывали большую историческую ценность и притягательность Кракова для польского народа. Берут обосновывал так: надо построить завод недалеко от Кракова и тем самым создать там новый пролетарский центр как опору партии при строительстве социализма в Польше. Это было разумное предложение со стороны Берута, Сталин отнесся к нему с пониманием, и полякам была оказана помощь в строительстве завода. Сейчас он успешно работает.

В 1946 году СССР имел очень мало ресурсов для удовлетворения потребностей советского народа в хлебе. На Украине был буквально голод, отмечались даже отдельные случаи людоедства. И в то же самое время Сталин оказывал щедрую помощь хлебом Польше, хотя Польша не терпела такой нужды, как отдельные районы Советского Союза, особенно Украина. Помню, как тогда Ванда Василевская ездила в Варшаву, где у нее жила мать, и по возвращении с возмущением рассказывала, как поляки ругают СССР за то, что наряду с поставками пшеницы мы поставили им рожь. По-

ляки не привыкли есть ржаной хлеб. Она-то видела, как мы на Украине жили в то время, как люди мерли от голода. Помощь народным демократиям преследовала и рекламные цели (Сталин был очень щепетильным в этом отношении): дескать, СССР имеет неисчерпаемые возможности. Все это делалось для того, чтобы привязать к себе и закрепить за собой страны народной демократии, включая их руководство.

Тут во мне действуют смешанные чувства. Основная направленность той политики была хорошая: надо было действительно сделать все, чтобы укрепить дружбу между нашими народами и между их руководителями. Но какими средствами? Вот главное. Все хорошо в меру. Любое злоупотребление недопустимо, даже если преследуются правильные цели. Подобные действия наносят непоправимый вред. Так оно и оказалось: и в Чехословакии, и в Венгрии, и в Болгарии, и в Румынии были казнены невиновные люди, которые потеряли свои головы в результате политической линии и характера Сталина. Какие дружеские отношения были у нас с Югославией! Как уважал (и заслуженно уважал) Сталин Иосипа Тито. Но достаточно было югославам возразить нам в каких-то вопросах и высказать свое мнение, как это уже посчиталось крамолой, после чего наши отношения не только оказались испорченными, но и стали враждебными. В СССР перестали признавать заслуги югославского народа под руководством Коммунистической партии и ее вождя Тито, боровшегося против Гитлера. Лидеры Югославии

превратились в «палачей» и «предателей». Мы стали доказывать, что никакого там социализма не строится, хотя социалистические принципы, заложенные в период расцвета дружбы Югославии и Советского Союза, не были нарушены, а, наоборот, продолжали укрепляться. Однако раз это делается без согласования со Сталиным и проявляется непослушание, то там уже не коммунисты и не друзья СССР, а враги. Такая нетерпимость Сталина ко всякой самостоятельности до невозможности портила любые отношения, и если бы Сталин пожил подольше, то не знаю, к чему бы мы пришли и во что бы это вылилось и у нас, и у соседей.

Тогда уже постепенно назревало ухудшение отношений с Китаем. Сталин, как коммунист, относился к новому Китаю правильно, и мы делали все, что было в наших силах, помогая Китаю на завершающем этапе борьбы с Чан Кайши¹. Когда Япония была разгромлена и разоружена ее Квантунская армия, то все трофейное оружие мы передали коммунистам Китая, формируя условия для разгрома войск Чан Кайши. Передали им много и нашего собственного оружия, тем более что война кончилась, а у нас оружия имелось в из-

---

¹ ЧАН КАЙШИ (1887–1975) – китайский военный и политический лидер, участник Гражданской войны в Китае. В 1925 г., после смерти СУН ЯТСЕНА – основателя партии Гоминьдан (Национальная народная партия), унаследовал пост ее лидера. В 1930–1940-е гг. воевал против японцев, вторгнувшихся в Китай и одновременно против левых сил, возглавляемых МАО ЦЗЭДУНОМ. После победы последнего и провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики бежал со своими сторонниками на остров Тайвань, где провозгласил «независимую» Китайскую Республику и стал ее президентом.

бытке. Но Сталин относился с недоверием к Мао Цзэду. Его недоверие проявлялось и у нас, его бывших сотрудников, и мы стали настороженно смотреть на Китай, особенно после нашей поездки туда. Тем не менее Сталин и сам не раз давал в свое время повод к плохому отношению со стороны Китая к Советскому Союзу. Нельзя было так поступать! Китай – независимая, богатая и древняя страна. Ее коммунисты боролись много лет против реакционных сил и теперь победили. И вдруг – стать в подчинение Советскому Союзу и вывернуться наизнанку в угоду Сталину? Требовать этого было очень нехорошо, даже если мы, что-то забирая, расплачивались по нормальному курсу валюты.

Решать, какими товарами, каким сырьем и в каком количестве можно делиться с братскими странами, а что оставить себе для внутреннего потребления или даже реализации на капиталистическом рынке, – внутреннее дело каждого государства. Надо с пониманием относиться к запросам братских стран, а не только стараться наживаться самому или нанести оскорбление другой стране и ее руководству. Сталин же с этим абсолютно не считался. Что его левая нога захочет, то и делал. Когда я однажды попытался сказать ему, что лучше действовать помягче, он гаркнул на меня, сверкнув глазами. Как это я – и вдруг его, самого Сталина, осмеливаюсь поправлять в таком принципиальном политическом вопросе! Он, вождь и теоретик, ошибается, а Хрущев его поправляет? Однако, когда он получил от Мао Цзэдуна ответную те-

леграмму по одному из подобных дел и зачитал ее нам (там Мао отвечал, что если дадите нам средства, то мы сами сделаем необходимое и потом будем поставлять вам), он оборвал разговор с членами Политбюро, ни на кого не взглянув. Получилось, что Мао поступил согласно моему предложению.

Строить в такой манере отношения со странами народной демократии было нельзя. Что же, Сталин не понимал, как он оскорбляет достоинство других и что такие поступки не способствуют укреплению нашего единства и выставляют нас в плохом свете в глазах руководителей братских стран? Понять ему это ничего не стоило. Но он не умел и не хотел сдерживать свои желания, любую прихоть. Дескать, все должно быть исполнено беспрекословно. Иначе друзья тут же превращались во врагов, а наши отношения поворачивались вспять. В экономической плоскости Сталин пользовался тут методами сильного против слабого. Так бывает в лагере капитализма. Но такое совершенно недопустимо в социалистических условиях. Каждая страна должна развиваться и в духовном, и в экономическом плане как независимая. И вовсе необязательно все у них должно существовать, как у нас, как было сделано при Сталине. Зато в его устах все сталинское тут же превращалось в ленинское. Получалось, что несогласные становятся врагами ленинизма. Подобные личностные наслоения никак не способствовали нашему сплочению.

Затем для координации развития экономики народных демократий и СССР был создан Совет экономической взаимопомощи². СЭВ – организация очень полезная и необходимая социалистическим странам как штаб по координации точек соприкосновения экономики каждой страны в ходе их развития на национальной, но социалистической основе. Взаимная помощь социалистических стран должна оказываться на принципах независимости и уважения суверенитета. Если так строить экономические отношения через СЭВ, получится просто необходимая и полезная организация. Мне думается, что после смерти Сталина мы таких принципов придерживались всегда. Не то было раньше. Когда Сталин приказал заключить договор о поставке угля Польшей Советскому Союзу, он установил цену, какую за-

---

² СЭВ как межправительственная экономическая организация был образован на совещании представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии 5–8 января 1949 г. В феврале 1949 г. в него вступила Албания, в сентябре 1950 г. – ГДР, в июне 1962 г. – Монголия, в июле 1972 г. – Куба, в 1978 г. – Вьетнам. Ассоциированный член: СФРЮ (Социалистическая Федеративная Республика Югославия), с 1964 г. Наблюдатели: КНДР, с 1956 г., КНР, до 1961 г., Финляндия, с 1973 г., Мексика, с 1975 г., Ирак, с 1975 г., Народная Республика Ангола, с 1976 г., Никарагуа, с 1984 г., Народная Республика Мозамбик, с 1985 г., Демократическая Республика Афганистан, с 1986 г., Народная Демократическая Республика Йемен, с 1986 г., Лаосская Народно-Демократическая Республика, с 1986 г., Народная Демократическая Республика Эфиопия, с 1986 г. Высшим органом СЭВ была сессия, главным повседневным органом – секретариат в Москве. Позднее возникли постоянные комиссии по отдельным проблемам (с 1956 г.) и Исполнительный комитет (1962). 28 июня 1991 г. страны-участницы в Будапеште подписали Протокол о прекращении деятельности соглашения.

хотел. Подписали договор от нас – Микоян, от Польши – Циранкевич, а потом Советскому Союзу вышло боком: пришлось отдать недоплату, которая возникла из расчетов по ценам ниже цен мирового рынка. Не говорю уж о скверном политическом и моральном эффекте в результате неправильного подхода Сталина к экономическим взаимоотношениям между братскими странами.

То же получилось между нами и Румынией. Румыны, когда наши отношения стали портиться, просто не могли спокойно произносить слово «Соврум» (Советско-румынское общество). Это было у них ругательное слово. Такие смешанные общества мы ликвидировали после смерти Сталина по нашей инициативе еще до того, как соседи начали высказывать недовольство. Я потом румынским лидерам говорил: что же вы сейчас нас упрекаете, если мы сами предложили ликвидировать такие неравноправные отношения? И когда после смерти Сталина у нас стали складываться дружеские отношения с народами Африки и Азии, которые освободились от колониального гнета, то с ними мы уже не стали строить экономические отношения по образцу «Соврума». Действовали теперь на равноправной экономической основе. Помню, когда мы с индийцами договаривались о строительстве у них Бхилайского металлургического комбината, нам потребовалось больших усилий доказать, что СССР вовсе не следует брать все работы по строительству на себя: мы дадим кредит и техническое руководство, а Индия пусть

сама строит комбинат. То есть мы не хотели выступать там в качестве подрядчика, потому что иначе нам пришлось бы нанимать рабочую силу, вести с нею расчеты, а это вызвало бы неизбежные конфликты между нами и рабочими, которые работали как бы на нас.

Той же линии придерживались мы и в других странах, где по их просьбе мы осуществляли какие-то работы. Имелось много объектов, которые сооружались по нашим планам, нашим чертежам и за счет наших кредитов. Но суверенность молодых государств мы старались теперь оберегать и возлагали и строительство, и руководство работами на местные кадры. Те доказывали нам, что у них нет опыта, нет инженеров, что они не сумеют. Мы отвечали, что техническую ответственность берем на себя, а вы беритесь за дело, назначайте своих людей, и если станете придерживаться наших рекомендаций, то мы отвечаем за итог сооружения и за полное техническое обеспечение. Считаю, что это очень важный элемент во взаимоотношениях между странами. Соблюдение суверенности, уважение местного быта, культуры и сложившихся традиций имеют большое, а порой решающее значение для формирования хороших отношений. Не надо быть страной, которая опекает. Конечно, создание социалистического содружества – дело новое. Практического опыта когда-то и у нас не было. Но я абсолютно убежден, что если бы мы начали сейчас как бы с нуля строить в СССР социализм, то многого сейчас не делали бы из того, что делали в

сталинские времена.

Поэтому другие страны, которые позже нас приступили к строительству социализма, имеют право учесть и положительное, и отрицательное из нашего опыта. Положительное надо использовать, но порой далеко не в такой революционной форме, как это произошло у нас, а переработать и приспособить ко времени и к условиям, в которых мероприятие сейчас проводится. Все отрицательное должно быть отвергнуто и отброшено. Это не только не должно нас коробить или обижать, а наоборот, мы сами обязаны предостеречь наших друзей, чтобы они не повторяли наших ошибок. Некоторые чистоплюи станут говорить, что у нас не было серьезных ошибок, но это вранье. В целом же СЭВ показал свою жизнеспособность и необходимость координировать планы развития хозяйства не через случайные, эпизодические торговые контакты, какие существуют с любыми странами, а через постоянный координирующий орган. В нем более глубоко изучаются тенденции развития экономики каждой страны и сопрягаются интересы братских стран через совместную разработку планов сотрудничества на длительный период. Наличие же огромных ресурсов в СССР, облегчая в целом общее дело, иногда порождает обстановку, каковой некоторые пользуются, чтобы, увы, получить от нас больше, чем СССР получает от них. Ведь нам требуется очень многое, так что никакая братская страна не сможет удовлетворить наши запросы.

И вот к нам приходят за помощью: «С точки зрения ваших огромных ресурсов что стоит вам помочь? У нас сложилось такое тяжелое положение...» И СССР вынужден, скрепя сердце и отрывая от себя, оказывать содействие. Конечно, это не благотворительность. Тут все оплачивается, но иной раз очень неравноценно, даже такими товарами, в которых мы и не нуждаемся. Правда, на рынке и такие товары потом находят потребителя. Тут не бросовые товары. Однако эти товары мы без особых усилий можем производить и у себя. Любой грамотный экономист, который посмотрит списки поставок в СССР по линии СЭВ, найдет там много ненужного. Например, согласно крупным заказам, поставляем мы машинное оборудование, в оплату получаем ширпотреб. То же ценность, но мы могли бы спокойно обойтись и без нее. То есть СССР не извлекает сейчас особой выгоды от СЭВ. Органы пропаганды капиталистических стран обвиняют нас в эксплуатации других стран, входящих в СЭВ. Это глупость, они меряют все на свой аршин. Наоборот, прочие страны, входящие в СЭВ, но менее мощные, чем Советский Союз, гораздо больше выгадывают от такого сотрудничества. Кроме того, сотрудничество через СЭВ приносит не только экономическую выгоду, а и политическую. Укрепляются дружеские отношения, братские страны развиваются равномернее, повышают свою обороноспособность, растут условия, полезные для мирного сосуществования, для возрастающего удовлетворения потребностей своего народа. Потом СЭВ был

дополнен в военной сфере Варшавским договором³. Этот оборонный союз социалистических стран возник в результате холодной войны. Холодной войны, навязанной Советскому Союзу и социалистическим странам Западом. Поджег факел холодной войны Черчилль.

После окончания войны он приложил руку к ухудшению отношений между бывшими союзниками. Это было, конечно, не просто его желание. Черчилль – наиболее яростный противник нового социалистического строя, противник коммунизма, и он все делал, чтобы защитить капиталистический мир, организовать его и противопоставить социализму. Он стремился, как говорится, держать под уздцы социалистические страны, чтобы они не только не могли бы развиваться и процветать, но хотел все сделать, чтобы отбросить социализм назад, сменить его базу, оторвать от Советского Союза его союзников. Эти и прочие формулировки довольно широко употреблялись противниками социализма со стороны западных политиков. Особенно рьяными нашими противни-

---

³ Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был подписан 14 мая 1955 г. Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией на Варшавском совещании по обеспечению мира и безопасности в Европе. Вступил в силу 5 июня 1955 г. Его члены образовали командование Объединенными вооруженными силами с Главнокомандующим от СССР, Штабом ОВС и начштаба тоже от СССР, с местопребыванием в Москве. Консультации и рассмотрение общих вопросов осуществлял Политический консультативный комитет. Позднее возникли Комитет министров обороны и Военный совет ОВС (1969). 1 июля 1991 г. в Праге подписан договор о прекращении его деятельности.

ками были Черчилль и Даллес, но и другие не меньше проявляли энергии в этом направлении.

Страны Запада, капиталистический мир создали временную организацию НАТО⁴, направленную против Советского Союза и других социалистических стран.

Это сильнейшая военная организация капиталистических стран, чье существование наносило большой ущерб странам социализма. Социалистические страны, а в первую голову Советский Союз, были подвержены блокаде, с нами западный мир почти не торговал. Особенно мы нуждались в получении промышленного оборудования и приборов. Нам их не продавали, да и сейчас на многие из них еще не снят запрет в ряде капиталистических стран, прежде всего в США. Противники быстро наращивали вооруженные силы НАТО. На первых порах Западная Германия не входила в состав НАТО, но впоследствии не только вошла, но и занимает там сейчас после США доминирующее положение, ибо обладает самой мощной промышленностью в Западной Европе и могучей армией. Это опасно, ибо доньше шовинистские и реван-

---

⁴ Организация Североатлантического договора (аббревиатура английского названия – НАТО) была образована в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. США, Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Канадой, Италией, Португалией, Норвегией, Данией и Исландией. В 1952 г. к ней присоединились Греция и Турция, в 1955 г. – ФРГ, в 1982 г. – Испания, в 1999 г. – Венгрия, Польша, Чехия, в 2004 г. – Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Эстония, в 2008 г. – Албания, Хорватия, а Франция восстановила свое членство в структурах военного командования. Высший орган – сессия Совета НАТО. Штаб-квартира находится в Бельгии.

шистские настроения кладутся в основу пропаганды против стран социализма, и все это опирается на большую военную силу. Именно создавшееся тогда положение и заставило нас действовать.

После смерти Сталина главным нашим достижением в повышении обороноспособности явилось, как я считаю, бурное развитие промышленности. К тому же мы правильное оценили направления в развитии вооружений и стали более разумно вкладывать капиталы в производство оружия. Поставили задачу создать обширный подводный военно-морской флот. Его стержень – подводные лодки с атомными двигателями и ракетной техникой, оснащенные ядерным вооружением. Развернули межконтинентальные ракеты и ракеты среднего радиуса действия до 4 тыс. км как стратегическое оружие. Создали армейское тактическое оружие нового качества. Проведенные мероприятия подняли нашу военную мощь. Не случайно американский президент, покойный ныне Кеннеди, правильно оценил новое соотношение сил и взял курс на переговоры с СССР. Это был умный президент. Он стал искать возможность смягчить отношения между Советским Союзом и США. До него американская пропаганда основывалась на тезисе, что США превосходят все социалистические страны в военном отношении и поэтому могут навязывать и диктовать им свои условия. Но Кеннеди заявил, что, конечно, хотя США и могут уничтожить СССР дважды, но СССР может уничтожить нас, а другого раза не потре-

буется. Заявление Кеннеди заставило каждого здравомыслящего американца взвесить его слова. Теперь США должны были перестраивать свое понимание мощи Советского Союза, понять необходимость и неизбежность изменения курса, определявшегося прежде их военным превосходством, и настроиться если и не на дружбу с нами, то, во всяком случае, на недопустимость доводить наши отношения до кипения, с тем чтобы наши страны потом не обожглись. Такое более трезвое понимание сложившегося соотношения сил лидерами США я считаю нашей большой победой, после которой основой наших отношений могла стать лишь политика мирного сосуществования, политика разрядки. И если разумно вести линию мирного сосуществования и держать вооруженные силы на определенном уровне, то можно будет избежать новой мировой войны.

Как вообще избежать войны, пока противостоят друг другу капиталистический и социалистический лагерь, если мир разделен на антагонистические группировки? В таких условиях абсолютных гарантий мира нельзя добиться и необходимо сдерживать потенциального агрессора, который должен быть уверен, что если он попытается навязать войну, то может быть разгромлен. Это будет действовать на него отрезвляюще. Карибский кризис, который мы пережили, был классическим примером в этом отношении. Уже после гибели Кеннеди новый президент США Джонсон⁵ сообщил

---

⁵ ДЖОНСОН Линдон Бэйнс (1903–1973) – политик-республиканец из штата

в Москву по каналам, которые мы заимели еще при жизни Кеннеди, что ему наша обоюдная договоренность известна и он будет ее придерживаться. Надо отдать ему должное, руководство США соблюдало обещание, которое взял на себя Кеннеди. Возвращаясь к созданию Варшавского пакта, скажу, что министром иностранных дел СССР был тогда Молотов. Когда мы окончательно договорились о создании такой организации, Президиум ЦК КПСС поручил ему подготовить соответствующие предложения. Прошел какой-то срок, предложения были представлены на рассмотрение руководству партии и правительству. Стало ясно, что требуются существенные исправления.

Молотов представил список стран, которые войдут в Варшавский пакт. Там не было ни Албании, ни ГДР. Тогда я спросил: «Почему эти страны не включены?» Молотов еще руководствовался понятиями времен Сталина. Сталин же ожидал, что вот-вот может разразиться новая мировая война. В его время вокруг Москвы были расположены зенитные

Техас. В 1961–1963 гг. вице-президент и в 1963–1969 гг. – 36-й президент США. Главной инициативой Джонсона было создание «Великого общества», в котором не будет бедности. По его инициативе в 1964 г. был принят Акт о гражданских правах, уничтоживший расовую сегрегацию на Юге США. Была учреждена государственная медицинская страховка (Medicare). В августе 1964 г. направил войска США во Вьетнам, чем развязал там полномасштабную войну. В июне 1967 г. встретился с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным в Гласборо (штат Нью-Джерси), проложив путь к договору 1968 г. о нераспространении ядерного оружия. Там же он убедил Косыгина подписать договор о противоракетной обороне.

батарей и на постоянном дежурстве у пушек были выложены снаряды. То была моментальная готовность, когда в любой момент дается команда открыть огонь. США уже имели атомные бомбы, а мы только что создали свое первое термоядерное устройство и обладали незначительным количеством атомных бомб. Средств же их доставки на дальнее расстояние при Сталине вообще не существовало. Не имелось такой дальней бомбардировочной авиации, которая смогла бы доставать территорию США, тем более ракет дальнего действия, а имелись только ракеты ближнего боя. Эта ситуация давила на Сталина, и он правильно понимал, что нужно не дать втянуть СССР в мировую войну. Молотов же – тень Сталина в понимании проблем международной политики.

Но хотя к 1955 году прошел небольшой срок после смерти Сталина, в вооружении нашей армии произошли качественные изменения. Ситуация изменилась. А на мой вопрос Молотов ответил так: «Албания далеко от нас и нам недоступна, наши границы не соприкасаются, она является соседкой Югославии, и мы только через Югославию можем иметь с албанцами сухопутный контакт». В ту пору наши отношения с Югославией были испорчены. Молотов же вообще считал Югославию несоциалистической и враждебной страной. Поэтому он и разъяснял: «Зачем нам втягивать Албанию? На нее могут напасть, она лежит под боком у сильных противников, мы же оказать ей помощь не сумеем. Ну, я и считаю, что не нужно в договор включать Албанию». – «А ГДР?» –

«Что же, мы из-за ГДР станем воевать с Западом?» Такой ответ меня поразил. И я сказал: «Видишь ли, Вячеслав Михайлович (а у нас с ним были тогда хорошие отношения), если мы создадим военную организацию, в которую войдут все братские страны без ГДР и Албании, это окажется для западных противников сигналом: вот оставляем вам, грубо говоря, Албанию и ГДР, а когда вам их забрать, выбор остается за вами. Подобный шаг именно так будет расценен. Он станет разжигать аппетит у западных реваншистов, так делать нельзя». То был не спор, а просто изучение обстановки, выяснение возможностей, при которых лучше создастся оборонительный союз. И Молотов согласился: «Да, верно, я этих обстоятельств не учел, давайте включим в проект договора Албанию и ГДР».

Структура Варшавского пакта хорошо известна. Каждая страна, входящая в него, выделила определенное количество войск, которые подчиняются Главному командованию Варшавского пакта. При главнокомандующем создан штаб. Когда мы обсуждали, кого им назначить, все высказались за то, чтобы им стал военачальник от Советского Союза. Тут и спора не возникло. Каждый правильно понимал, что у нас самая мощная армия и самая могучая военная промышленность. Ядерным оружием среди социалистических стран владеет пока только СССР. Да и опыт войны у нас самый большой. Мы окончили школу, обучение в которой стоило нам 20 миллионов жизней наших соотечественников. Было условлено,

что министры обороны стран, входящих в Варшавскую организацию, являются заместителями Главнокомандующего. Создавая этот пакт, мы хотели оказать давление на Запад и показать, что с социалистическими странами нельзя разговаривать языком силы, такие времена давно прошли. Если вы создали военный пакт НАТО, то мы в ответ создаем военную Организацию Варшавского договора. Вот две главные силы в мире, которые сейчас противостоят одна другой.

Однако мы не прекращали своей борьбы за разрядку и мирное сосуществование, подчеркивая, что создали Организацию Варшавского договора в оборонительных целях и только в ответ на создание НАТО. Предлагали много раз (и в беседах с государственными деятелями Запада, и в официальных документах) ликвидировать наш Варшавский пакт при условии, если Запад ликвидирует НАТО. Полагаю очень разумным, если бы наши противники стали нашими партнерами и мы достигли бы договоренности о ликвидации всех военных пактов. Мы еще тогда предлагали договориться о взаимном разоружении, если и не об абсолютном, то хотя бы о равномерном сокращении вооруженных сил. Предлагали также ликвидировать военные базы на территории третьих государств. Между прочим, СССР свои военные базы, которые имел в Финляндии и в Китае, ликвидировал в одностороннем порядке. Мы хотели тем самым продемонстрировать свою добрую волю и увлечь за собой другие страны, показать добрый пример Западу. Но они не последовали нашему

примеру и продолжали наращивать военную мощь. Это по-прежнему вынуждает нас иметь вооруженные силы на соответствующем уровне.

Вспоминаю такой эпизод. Когда я был с визитом в США, меня президент пригласил провести несколько дней в Кэмп-Дэвиде. По нашей терминологии это дача президента. Он называл ее именем своего внука. Там мы вели вольные беседы, смотрели кино, гуляли в парке и обменивались мнениями. Нужно сказать, президент Эйзенхауэр в личной беседе, при личных контактах показал себя очень добродушным человеком и хорошим собеседником.

Во время одной из прогулок он как-то сказал мне: «Хотел бы спросить вас, господин Хрущев. Вот у меня порой возникают такие трудности. Приходят ко мне военные и говорят: “Нам нужно на такое-то мероприятие столько-то миллиардов долларов”. А я смотрю на них и отвечаю: “Нет денег”. Что в таких случаях отвечаете вы? Мои генералы дают на меня: “Господин президент, если вы не дадите нам денег и мы не будем иметь этого вооружения, то предупреждаем, что СССР уже занимается этой проблемой или вообще успел сделать подобное (они говорят по-разному), так что наши вооруженные силы уступают советским”». Я его спросил: «И что же вы потом отвечаете?» – «Даю им, приходится давать». Я сказал ему: «Господин президент, я сталкиваюсь с теми же трудностями. Ко мне как к председателю Совета Министров СССР приходит министр обороны и го-

ворит: надо столько-то миллионов. Я тоже развожу руками: “Это невозможно, нет таких денег, СССР имеет большие потребности, нужны крупные суммы для развития экономики и средств потребления, дать вам столько не можем”. А он мне в ответ: “Если вы не дадите, то предупреждаю, что военное ведомство США уже получило кредиты и производит идентичные работы, возникнут условия, при которых мы резко будем уступать США по вооружению”. Что тут можно сделать? Приходится и мне соглашаться». Тут Эйзенхауэр предложил: «Давайте договоримся, что ни вы, ни я в будущем не станем давать деньги на такие проекты. Зачем нам сталкиваться лбами?» Я ему: «Это наша мечта. Мы всегда хотели этого и если бы смогли договориться по данному вопросу, то как облегченно вздохнули бы все народы».

Поговорили мы с ним, кино посмотрели, поужинали. А потом не раз возвращались к тому же вопросу, но так и не сдвинулись с места. Я верю, что Эйзенхауэр искренне заявлял, что хотел бы договориться. И я искренне ему отвечал. Но тогда наши позиции были противоположны до такой степени, что не возникли условия для соглашения. Мы стояли на классовых, пролетарских позициях социалистического строительства, а США – могучая капиталистическая страна – преследовала иные цели и взяла на себя обязанности мирового жандарма. В конце концов я сказал Эйзенхауэру: «Давайте договоримся на такой основе: главной целью будем считать взаимное разоружение, а главным принципом наших

отношений – невмешательство в дела других стран». То были не переговоры, а вольная беседа, но очень важная. Мы затронули важнейший вопрос, но, к сожалению, тогда не созрели еще условия для его разрешения. Вскоре же наши отношения вообще обострились до невероятного накала.

Сейчас сложились другие условия. Они объясняются тем, что соотношение вооружений и экономик СССР и США изменились в нашу пользу. Это дает нам больше возможностей для проведения наступательной линии в вопросах разоружения и мирного сосуществования. А когда возникали НАТО и Варшавский пакт, существовало иное соотношение сил: Запад многократно превосходил нас и экономически, и в военном отношении, что и вынудило нас пойти на организацию Варшавского договора.

Мао Цзэдун

Сейчас 1967 год, и в Китае окончательно побеждают сторонники Мао. А ведь еще 2–3 года назад кричали, что это невозможно, что хунвэйбины не победят. Ныне же там всюду развернулась «культурная революция». Я же тогда говорил: «Чепуха!» Конечно, маоисты победят. Армия у них сильная, морали там никакой не соблюдается, законы никакие не признаются. Если не слушаешь, то голову оторвут. А они ведь делают это артистически: собирают на площадях тысячи людей⁶ и душат несогласных. Что это, политика? Даже нельзя сказать, что это такое. Варварская политика. Нечто неопределяемое, но тут реальные факты, и ничего не поделаешь, такие там сложились условия жизни.

Лю Шаоци⁷ – умнейший человек, он не сдастся, он не согласен с политикой Мао Цзэдуна и как-то борется против него. К тому же у него очень много сторонников. Но они ре-

---

⁶ Н.С. ХРУЩЕВ имеет в виду первое массовое, около миллиона человек, собрание хунвэйбинов на площади Тянаньмэнь в Пекине 18 августа 1966 г., ознаменовавшее начало «культурной революции».

⁷ ЛЮ ШАОЦИ (1898–1969) – китайский политический деятель. Член Китайской компартии с 1921 г., профсоюзный деятель и одновременно участник гражданской войны. С 1943 г. генеральный секретарь ЦК компартии Китая, а с 1959 г. ее Председатель. В 1954–1959 гг. – Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. В 1966 г., после начала «культурной революции», объявлен «китайским лидером № 1», в 1968 г. снят со всех постов и сослан в провинцию на «исправление».

альной силы не имеют. Так что Лю Шаоци существует не потому, что у него есть сторонники, которые не выдают его Мао Цзэдуну. Нет, Мао может задушить Лю без особых усилий. Но это вызовет гнев масс, которым Лю хорошо известен. Это Мао знает и борется сейчас не против Лю как человека, а как против носителя определенной системы политических взглядов хочет изолировать его политически.

Культ личности Мао – сложное явление. С культом мы сталкивались и сталкиваемся не только в Китае. Сколько уже веков твердят: «Господи помилуй, Господи помилуй!» Это помогало? Кому? Обычно не помогало, но священники убедили нас, и народ верил в Бога. То же самое и тут. Между прочим, Мао начинали превозносить и у нас. Например, такой факт. Я тогда еще работал в составе советского руководства. Узнал, что наши военные напечатали труды Мао по военным вопросам. Вызвал я маршала Малиновского и говорю: «Товарищ Малиновский, ваше ведомство печатает Мао. Советская Армия разбила первоклассную германскую армию, лучшей армии у наших противников не было. А Мао воевал в Китае 20 или даже 25 лет, и все это время он и его враги друг другу ковыряли задницу штыками и ножами. Теперь вы печатаете “военные труды” Мао. Для чего? Учиться нам по этим трудам, как воевать в будущем? Какая часть тела принимала такое решение?» Это произошло пять лет тому назад. Умные вообще-то люди решали дело, но вы решили глупость, да они и сами были согласны, что совершили

глупость. А сейчас, наверное, эти книги лежат на складе, а может быть, просто сожгли их.

Хочу еще немного остановиться на «личностях». Год или полтора назад, как мне говорили, распространялось в СССР мнение, что это я поссорил Китай с СССР. Спорить не буду, поскольку история сама показала цену подобным заявлениям. Но меня удивило, огорчило и разозлило, что такую глупость повторял Юдин⁸, то есть человек, который был советским послом в Китае во время начала советско-китайского конфликта. Поэтому – несколько слов о Юдине. Он высказывается в том смысле, что я раздражил Мао, и тот превратился в антисоветского человека. Если бы он мне лично сказал это, я бы документально доказал, что внешнее начало нашего конфликта с Мао было заложено самим Юдиным. И если переходить на столь низкопробную дискуссию по данному вопросу, то могу с большим основанием говорить, что там, где появится Юдин, у нас с любой страной возникнет конфликт. Вот поехал Юдин в Югославию, и мы разругались с Тито. Послали Юдина в Китай, и мы разругались с Китаем. Тут вовсе не простое совпадение.

---

⁸ ЮДИН Павел Федорович (1899–1968) – философ, политик, дипломат. Директор Института красной профессуры в 1932–1938 гг. и Института философии АН СССР в 1938–1944 гг. В 1947–1953 гг. – главный редактор органа Коминформа «За прочный мир и народную демократию», базирующегося в столице Югославии Белграде. Во время пребывания в Белграде Юдин находился в центре советско-югославского противостояния, развернувшегося в 1947–1948 гг. Затем Сталин отправил его в Китай помочь Мао Цзэду в развитии марксистской философии. В 1953–1959 гг. – посол СССР в Китае.

Я в свое время к Юдину относился с уважением. Как он попал в Китай? Мао прислал письмо Сталину, в котором просил его, чтобы тот порекомендовал ему советского марксиста-философа: пусть он приедет в Китай, потому что Мао хочет отредактировать свои выступления и чтобы образованный человек помог привести их в надлежащий вид, дабы не было допущено каких-либо ошибок в марксистской философии. Выбор пал на Юдина. Его и послали. Юдин работал там душа в душу с Мао. Мао даже приезжал к нему в посольство чаще, чем Юдин к Мао. Так говорил Юдин, да так оно и происходило. Даже Сталина несколько беспокоило, что Юдин как-то неуважительно поступает по отношению к Мао.

Все шло хорошо. И вдруг мы получаем от Юдина длинную шифровку, где Юдин описывает невероятные вещи, которые он услышал от Мао в адрес Советского Союза, нашей компартии, а также лично Юдина. Если раньше складывалось впечатление, что Мао вроде бы пресмыкался перед Юдиным, то после этой телеграммы стало видно, что Мао вообще не уважает Юдина. У нас сложилось мнение, что Юдину надо отсюда убираться. Юдин как посол слаб. Когда личные отношения Мао и Юдина были дружеско-братские, тот был полезен. А чисто посольская работа от Юдина, на кой черт она нам нужна? Пусть дипломаты занимаются ею. Когда у него такой конфликт с Мао, то он и как посол — тоже не посол, а на философской основе у него получился полный разрыв

с Мао. И мы его тогда отозвали в СССР.

Когда же мы поехали в Китай в 1954 году и провели несколько бесед с Мао, я потом сказал товарищам: «С Китаем у нас конфликт неизбежен». Такой вывод я сделал из реплик Мао и из обстановки, созданной вокруг нас. Она была азиатская: вежливая до приторности, предупредительная до невозможности, но неискренняя. Мы любезно обнимались и целовались с Мао, плавали вместе в бассейне, болтали по разным вопросам, душа в душу проводили все время. Но это выглядело до приторности слащаво и противно. Отдельные же вопросы, которые возникали и вставали перед нами, настораживали нас. А самое главное, я почувствовал и еще тогда сказал об этом всем товарищам, что Мао не сможет примириться с тем, чтобы существовала какая-нибудь другая компартия, а не китайская, которая бы даже в какой-то степени верховодила в мировом коммунистическом движении. Он не потерпит этого.

Если бы Сталин прожил еще немного, тот же конфликт разразился бы раньше и получился бы полный разрыв между СССР и Китаем. Политика – это вообще игра. И Мао проводил свою политику, вел свою игру. Ее особенность заключалась в азиатских методах, в лести и коварстве. После XX съезда КПСС Мао говорил: «Товарищ Хрущев открыл нам глаза, сказал правду, и мы перестраиваемся». Сам Мао опубликовал это высказывание, а потом грянул конфликт. Мао объявил, что идея мирного сосуществования – буржу-

азно-пацифистская точка зрения. Затем китайцы стали говорить, что при социализме распределение благ по количеству и качеству вложенного труда – буржуазный лозунг. Послышались обвинения, что мы плетемся в хвосте у буржуазии. Тут уж встали принципиальные вопросы направления дальнейшего развития страны. Мы не могли идти за Китаем. А теперь философ Юдин все сваливает на личности. Он меня удивляет. Я его считал умным человеком.

Таковы были расхождения. Однако если мы говорим о Мао, то это одно дело, и совсем другое, если мы говорим о Китае в целом. Если мы начнем поносить китайский народ, то окажемся на националистических позициях. Национализм – это если мы начнем считать, что какая-то нация имеет особые права и преимущества. Это нацизм. Поэтому мы и сейчас искренне верим, что китайцы – наши братья, такие же люди, как мы. И если обманутая китайская молодежь нападает на наше посольство, это еще не значит, что нам надо ненавидеть китайский народ. Молодежь – еще не вся нация. Мы же марксисты! Должны понимать, что есть и иная молодежь. Ведь не весь Китай был на той площади, и не все, кто был на той площади и кричал, согласны с подобным. Вот в чем дело! Сколько сейчас китайцев, которые сами оплакивают то, что у них получилось? В Китае развернулась сильная борьба, китайцы убивают друг друга. Вот у нас Сталин расстрелял сотни тысяч граждан. Мы, члены партии, отвечаем за это, но нельзя же сейчас считать, что такое делала вся

партия. Имело место злоупотребление властью Сталиным, а сейчас то же самое повторяет у себя Мао.

Приведу еще несколько фактов из истории наших взаимоотношений с Китаем. Сталин довольно критически относился к Мао Цзэдуну. Он называл его, и с марксистской точки зрения правильно называл, каким-то пещерным марксистом. Действительно, когда Мао победно шествовал по стране, коммунисты подступили к Шанхаю. Но потом они остановились и не занимают его. Сталин спрашивал у Мао: «Почему не берете Шанхай?» Тот отвечает: «Там шесть миллионов населения. Если зайдем, надо их кормить. А чем их кормить?» И это марксист? Мао опирается на крестьян, а не на рабочий класс. Рабочий Шанхай он игнорирует, не хочет его принимать и не хочет на него опираться. Сталин его не раз критиковал с классической марксистской позиции и был прав. Но факт остается фактом. Мао, опираясь на крестьян, добился у себя победы. Тут не чудо, а поправка к историческому материализму: пришел к власти, опираясь на крестьян! Значит, правда истории – за ним. Только не марксистская правда. Ведь победы бывают и временными, и вообще с разными результатами. Это из истории тоже видно.

Или другой конкретный случай. При Сталине СССР заключил договор с Китаем о совместной эксплуатации недр Синьцзяна⁹. Когда китайские коммунисты воевали против

---

⁹ Синьцзян (Восточный Туркестан) на границе с СССР в районе Казахстана, население – уйгуры, народность тюркского происхождения, этнически близкая

Чан Кайши и Чан Кайши не имел возможности контролировать эту провинцию, мы там довольно крепко обосновались. Основное население там не китайцы, а уйгуры, и у нас с ними сложились хорошие отношения. Я не помню, что мы там добывали, кажется свинец. Когда заканчивалась война и Китайская компартия победила, Мао Цзэдун стал проявлять нервозность и настороженность: как мы поведем себя в Синьцзяне.

Сталин тогда послал Микояна в распоряжение коммунистических войск, и Мао Цзэдуну через Микояна было заявлено, что из Синьцзяна мы уходим. Это было правильно сделано. Однако взамен мы предложили Китаю создать смешанное общество по эксплуатации природных богатств Синьцзяна. Естественно, с нашими капиталовложениями, нашей техникой, а рабочей силой – из местного населения. Вся продукция шла в Советский Союз. Этим были посеяны семена недоверия. То была ошибка, даже оскорбление китайцев. В Китае раньше сидели французы, сидели англичане, сидели американцы, а теперь советские люди тоже туда влезут. Это же немыслимое дело! Сталин то же самое проделал в Польше, в ГДР, в Болгарии, в Чехословакии, в Румынии. Мы потом ликвидировали все смешанные общества такого рода.

Третий случай. Работники нашего посольства сообщили,

к казахам и киргизам, прикочевавшая сюда из Восточной Сибири в IX в. н. э., мусульмане-сунниты. В 1943 г. СССР заключил с Гоминданом договор на совместную эксплуатацию недр Синьцзяна. В феврале 1949 г. А.И. Микоян посетил Синьцзян и провел 9 дней в штаб-квартире Мао Цзэдуна.

что Китай начал добычу золота и алмазов и скрывает эту добычу, оставляет все у себя, не поставляет нам. Я помню, какой переполох устроил Сталин.

Сталин обзванивал всех нас и спрашивал: кто знает, в каком районе Китая разрабатываются золото или алмазы? Мы то не такие были знатоки, каждый ответил, что не знает. Он поднял ночью на ноги наших торговых работников, людей, которые ездят в Китай и, по-моему, даже ученых, у которых потребовал справку: где, в каких районах Китая, какие полезные ископаемые добываются.

Сталин даже послал телеграмму на этот счет в наше посольство в Китае с требованием тщательно разобраться и доложить. Сталин хотел нажать на Китай, потребовать отдать все нам.

Это невозможное дело. Мы потом сидели у него на даче за обеденным столом переглядывались, шутили потихоньку.

Берия говорит: «А ты знаешь, кому это известно? Артисту Козловскому. Он поет: “Не счесть алмазов в каменных пещерах...”» Между прочим, Берия лично подзуживал Сталина, что, мол, в Китае имеются крупнейшие природные богатства, а Мао их скрывает; раз мы ему даем кредиты, нужно заставить его, чтобы он поставлял нам сокровища из своих недр. Вот Сталин и заинтересовался.

В тот же период произошел и другой аналогичный случай. Возник вопрос о получении из Китая натурального каучука. В Китае на острове Хайнань произрастает гевея, которая да-

ет натуральный каучук. Я подал мысль выяснить у Мао, в каком районе Китая можно завести плантацию каучуковых деревьев. Развить бы это дело, дать Китаю кредит, технику и освободиться всем нам от зависимости по каучуку от капиталистических стран. Но Сталин все повернул по-иному.

Пошла телеграмма Мао Цзэдуну с просьбой предоставить нам территорию, где бы мы могли разводить эти деревья, перерабатывать сырье и получать каучук.

Я тогда хотел удержать Сталина от этого шага:

– Товарищ Сталин, не следует в такой форме писать Мао Цзэдуну, это похоже на то, что мы концессию хотим иметь. Китай имел раньше много территорий, занятых иностранцами под концессии и колонии. Наш шаг будет плохо расценен.

Как он на меня сверкнул глазами! Как это я посмел его, Сталина, поправлять. Вопрос концессий – принципиальный, политический вопрос, а он вождь, он теоретик, и вдруг ошибается – и Хрущев его поправляет. Он никаких поправок не терпел, тем более в такой щепетильной и острой области.

Послал он телеграмму Мао Цзэдуну и надеялся, что тот сейчас же ответит согласием. Получили мы очень быстро ответ. Помню, тогда Сталин собрал нас, это было не заседание, а надо было какие-то телеграммы разобрать, переброситься по разным вопросам, с тем чтобы следом пойти в кино, а после кино отправиться поесть.

Маршал Жуков написал в своих воспоминаниях, что когда он бывал у Сталина, то ел только кашу гречневую и от-

варное мясо, одним словом, питался диким медом и акридами. Я это не могу подтвердить. Были у Сталина на каком-то этапе и довольно демократические блюда, я сам ел с ним когда-то русскую похлебку. Но это были времена довоенные и ранние военные. Во время войны и после войны такому продукту, как каша гречневая, там уже места не было. Гречневая каша до революции считалась среди шахтеров едой солдатской и арестантской. Она была самая дешевая. Это говорю, хотя я сам гречневую кашу люблю и сейчас с удовольствием ее кушаю. Но не об этом речь. Это я так, мимоходом опровергаю писанину, которая написана в книге Жукова и написана не Жуковым. Жукова я всегда считал очень принципиальным человеком, не способным на такое, видимо, Жуков стал теперь не тем Жуковым, каким он был перед войной и во время войны.

Итак, получил Сталин ответную телеграмму и зачитал ее нам. Мао Цзэдун ответил: дайте нам деньги, и мы сами сделаем для вас то, что вы хотите, и будем вам поставлять каучук.

Когда Сталин прочел китайский ответ, он ни на кого не глянул. Все присутствовали при нашем с ним разговоре и помнили, что я его предостерегал и предупреждал, что это обидит Мао Цзэдуна. Вот Сталин и получил щелчок по носу.

Тем не менее дело получило какое-то развитие, и мы заключили договор. Но потом оказалось, что район, где могут произрастать каучуконосы, невелик, и наши потребности по-

крыть не сумеет. Так все и заглохло.

Как-то Сталину понравились ананасовые консервы. Он тут же стал диктовать телеграмму в адрес Мао. Маленков выполнял функции писаря: «Пиши, чтобы они дали нам в аренду территорию, где могут произрастать ананасы. (Они растут на юге Китая, в районе Кантона или на острове Хайнань) и предоставили место для строительства фабрики ананасовых консервов».

Я снова говорю: «Товарищ Сталин, они только еще пришли к власти, и там имеется столько фабрик разных чужих государств. А тут появится еще и наша, от социалистического государства. Это обидит Мао». Он на меня взглянул недобро, рассердился, гаркнул... И это уже во второй раз за короткое время.

Послали телеграмму. Через день или два получаем ответ от Мао: «Мы согласны. Если вас интересуют ананасовые консервы, дайте нам кредит, мы построим фабрику и будем поставлять вам всю ее продукцию в счет погашения кредита». Пока Сталин читал телеграмму, я молчал, но уже все слышали, как я его предупреждал. Закончив читать, Сталин расвирился и выругался. Конечно, им было обидно. Такого рода телеграмм ни за моей подписью, ни за подписью членов нашего правительства потом никогда не было. Ничего обидного для Китая мы не делали вплоть до тех пор, пока китайцы сами не стали нас распинать. А уж если так, то и я не Христос.

Когда уже в мое время разгорелся конфликт, газеты Китая стали помещать статьи о том, что Владивосток – это китайская территория и что русские отобрали его у Китая: исторически когда-то китайцы там господствовали, а затем якобы наши цари туда пролезли. Затем стали вести разговор о наших общих границах, и они прислали нам свою карту. Мы даже не могли спокойно смотреть на эту карту, такое там было нарисовано ими!

Сейчас у некоторых людей проскальзывает мнение, что Мао – дурак, выживший из ума. Неверно! Он умный человек. Он наш противник, но умный человек. Какое-то время он нас просто обманывал. Талейран сказал, что язык дипломату дан для того, чтобы скрывать свои мысли. Дипломатия – это политика. Вот, например, де Голль: умный человек или глупый? Ведь его когда-то некоторые считали идиотом. А это очень умный человек, только наш противник по взглядам и ведет себя как представитель своего класса, но не глупый, а умный. А Мао – националист, неглупый человек, у него имеется своя точка зрения. Мы не согласны с нею, и я действительно нетерпимо относился к ней. Если прочесть мой доклад на XXI съезде партии, то там многие рассуждения были посвящены китайским вопросам, хотя я не упоминал при этом о Китае. Мы отвергали его положения.

Когда китайцы выступили со своими лозунгами, их пропаганда свободно расходилась в нашей Сибири. Узнав, я сказал: «Прекратить это дело! Вы думаете, что положения урав-

нительного характера у нас не найдут почвы? Вы ошибаетесь. Уравнительные лозунги очень соблазнительны. Но нам надо отвечать по существу, а не только запрещать».

Между прочим, одно их мероприятие я поддерживаю. Мао отменил в армии погоны. Считаю, что это разумный шаг, а неразумным был наш шаг, когда мы надели погоны, нашили лампасы. На кой черт нам это? Мы Гражданскую войну выиграли без погон. Мой тогдашний ранг был комиссарским, и я ходил без погон. Красноармейцы признавали и своего комиссара, и своего командира, и мы разбили врагов без погон. А сейчас вырядились, как какие-то канарейки.

Мао буквально распирало нетерпеливое желание мирового господства. Сначала в Китае, потом во всей Азии. А дальше? В Китае 700 миллионов жителей, в Малайзии половина населения – китайцы и в других странах Азии их немало. Вообще очень интересными были с точки зрения понимания китайского национализма беседы «невинного характера» за чаем.

Мао как-то спросил: «Сколько раз различные завоеватели завоевывали Китай?» И сам ответил: «Не один. Но китайцы всех их ассимилировали». Вот его прицел на будущее: подумаешь, у вас там 250 миллионов граждан, а у нас – 700. Потом он затеял разговор о самобытности Китая. Поводом послужило то обстоятельство, что в китайском языке нет иностранных слов. Мао похвалялся: «Весь мир употребляет слово “электричество”. Взяли его у англичан и повторяют. А у

нас имеется свое слово». Меня просто трясло от всего этого бахвальства.

Прошло два года со времени моей диктовки о Мао Цзэду-не, и я чувствую потребность снова вернуться к китайской теме. Сейчас наступил 1969 год.

Китай, как говорится, далеко от нас. Но Китай и близок к нам. Он граничит с СССР, и на большом протяжении мы имеем общую границу. То есть тот же Китай – наш ближайший сосед. Однако сравнительно далекий сосед, если помнить, что общего у нас с Китаем (я говорю только о среде, в которой я лично вращался) было мало. До революции люди моего круга знали китайцев лишь по картинкам и мало что читали о Китае. С китайцами мы встречались главным образом, когда они разносили всякие товары. В Донбассе, например, они продавали чесучу. Вот по таким контактам мы и составляли себе представление о Китае. Правда, Русско-японская война заставила нас ближе соприкоснуться с ними. Впрочем, мнения русских солдат о китайцах были самыми различными.

После Октябрьской революции Советское правительство установило контакты с Китаем, с вождем Китайской революции Сунь Ятсеном¹⁰. Когда в 20-е годы в Китае началась

---

¹⁰ СУНЬ ЯТСЕН (1866–1925) – китайский революционер-демократ. В 1892 г. окончил Гонконгский медицинский институт. В 1894 г. основал антиманьчжурскую организацию «Союз возрождения Китая», эмигрировал за границу. С победой Учанского восстания в 1911 г. вернулся в Китай и был избран временным президентом Китайской республики, но под давлением феодалов внутри страны

гражданская война, Сунь проводил прогрессивную политику и стоял на позиции дружбы с Советским Союзом. Симпатии советских людей были на его стороне. Наши газеты прививали читателям симпатии к китайскому народу, к его борьбе за освобождение от империалистической зависимости. Потом к руководству в Китае пришел Чан Кайши. Он порвал связи с Коммунистической партией, началась война гоминьдановцев против нее. Симпатии нашего народа были на стороне советских районов Китая. Всеми своими помыслами мы жили как бы вместе с китайским народом, который вел борьбу против угнетателей¹¹.

Помню такой эпизод, наверное, в 1926 или 1927 году. Я тогда заведовал орготделом Окружного комитета партии в Юзовке. Ко мне пришел мой знакомый Ахтырский, который очень хорошо себя проявил во время Гражданской войны. Это была довольно громкая фамилия, ее обладатель командовал бронепоездом. Так и назывался его бронепоезд –

и империалистических держав извне был вынужден оставить этот пост. В 1912 г. создал партию гоминьдан, после того как в 1913 г. эта партия была запрещена, он вновь эмигрировал и в 1914 г. основал новую Китайскую революционную партию. В 1917 г. вернулся в Китай и возглавил военное правительство Южного Китая. В 1923 г. взял курс на сотрудничество с СССР и пригласил в Китай советских военных и политических советников. В 1925 г. умер от рака печени.

¹¹ Ко времени Октябрьской революции в России жили и трудились примерно 250 тысяч китайцев. С 1917 г. они стали формировать революционные военные отряды китайских интернационалистов. Их штаб с 1918 г. находился в Москве. Добровольцев для них поставляли с декабря 1918 г. Союз китайских рабочих в России и с июня 1920 г. – Центральное оргбюро китайских коммунистических организаций в Советской России.

«Ахтырский». Очень храбрый человек, но в политическом отношении полукоммунист-полуанархист. Вот пришел он в окружном, как всегда пьяный, и обратился ко мне: «Давай срочно путевку, еду в Китай, буду воевать против Чан Кайши. Скорее давай, чтобы мне не опоздать и принять участие в наступлении на Шанхай». Я ему сказал, что и без него китайские коммунисты справятся и возьмут Шанхай. Этот эпизод свидетельствует, какое настроение было в нашем народе.

Еще некоторые наблюдения времен Гражданской войны. Я тогда не встречался непосредственно с китайскими добровольцами, сражавшимися за Советскую власть. В воинских частях, в которых я служил, китайцев не было. Но вообще на нашем фронте китайские отряды имелись. Красноармейцы говорили, что китайцы ведут в бою себя очень хорошо, причем шутили насчет того, что китайский боец, дескать, действует так: давай кушать – машинка работает, не давай хлеба – машинка не работает. Одним словом, меня кормят, и я буду стрелять. Они действительно были бесстрашными в бою, а также отличными товарищами. Среди трудящихся были популярными имена организаторов борьбы против Чан Кайши, особенно Чжу Дэ¹², который командовал армией ки-

---

¹² ЧЖУ ДЭ (1886–1976) – член КПК с 1922 г., член ЦК КПК и его Политбюро с 1934 г., главнокомандующий китайской Красной армией в 1931–1937 гг., командующий 8-й армией в 1937–1945 гг., главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая в 1945–1954 гг., заместитель председателя КНР в 1954–1959 гг., председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей с 1959 г., член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК

тайских коммунистов. Было известно также имя Гао Гана¹³. Но упоминали и Чжан Цзолина¹⁴, контрреволюционера, который рассматривался у нас как ставленник японского империализма и враг рабочего класса. Мелькали и другие имена противников коммунистов – У Пейфу¹⁵ и иных. Многих я сейчас уже забыл.

Из числа коммунистических лидеров Китая я хорошо знал представителя компартии Китая в Коминтерне, очень популярного среди московских рабочих и часто выступавшего на митингах. Когда мы обращались к нему с просьбой приехать на какой-либо завод, он никогда не отказывал. Да он и сейчас еще живет в Москве, всегда оставаясь нашим

в 1956–1969 гг. и с 1973 г.

¹³ ГАО ГАН (1891–1955) – член КПК с 1926 г., член ЦК КПК и его Политбюро с 1945 г., секретарь Северо-Восточного бюро ЦК КПК и председатель народного правительства Маньчжурии (Северо-Восточного Китая). С 1949 г. заместитель председателя Центрального народного правительства КНР, в 1952–1953 гг. председатель Госплана КНР. Сторонник укрепления советско-китайского сотрудничества. В 1954 г. был обвинён в «антипартийной деятельности», признать обвинение отказался и, по китайской официальной версии, «покончил жизнь самоубийством».

¹⁴ ЧЖАН ЦЗОЛИНЬ (1876–1928) – офицер японской армии во время Русско-японской войны, с 1911 г. – военный губернатор Маньчжурии и с 1922 г. – ее самостоятельный правитель, в 1926 г. захватил Пекин, организовывал погромы коммунистов и содействовал эмигрантам-белогвардейцам. Изменив прояпонской ориентации, стал жертвой террористического взрыва.

¹⁵ У ПЭЙФУ (1878–1939) – китайский милитарист, в 1920–1924 гг. фактически руководивший политикой пекинского правительства и воевавший с Народно-революционной армией до 1927 г., под конец жизни – монах.

другом. Независимо от того, какую позицию занимают сегодняшние лидеры КНР, он продолжает сохранять дружеские отношения с нашей Коммунистической партией и нашим народом. Это товарищ Ван Мин¹⁶ – прекрасный коммунист. Правда, в 20 – 30-е годы мне не приходилось заниматься китайскими вопросами, и я не знал ни структуры компартии Китая, ни ряда ее руководителей. Помню, что довольно часто они упоминались в нашей печати, но их фамилии я сейчас не могу припомнить. Однако о Мао Цзэду¹⁷ я тогда ни разу не слышал.

После нападения Японии на Китай у нас установились довольно тесные связи с Чан Кайши, несмотря на то, что он

---

¹⁶ ВАН МИН (Чэнь Шаоюй. 1904–1974) – член КПК с 1925 г., генеральный секретарь ее ЦК в 1931 г., сторонник единого фронта с Гоминьданом. В 1931–1945 гг. член Политбюро и секретарь ЦК. Член Президиума Исполкома Коминтерна в 1932–1943 гг. В 1942 г. окончательно уступил лидерство в партии Мао Цзэду. С 1949 г. – на незначительных постах в партии и новом правительстве Китайской Народной Республики. Затем, в 1956–1969 гг., – член ЦК КПК. В 1956 г. уехал на лечение в Москву и в Китай не вернулся. В 1960–1970-х гг. выступал с критикой политики Мао Цзэду.

¹⁷ МАО ЦЗЭДУН (1893–1976) – один из создателей компартии Китая (КПК) в 1921 г. Стал членом Политбюро ЦК КПК, с 1933 г. – председатель Центрального народного правительства; в 1954–1959 гг. председатель КНР. В 1956 г., опасаясь, что начавшееся в СССР развенчание Сталина подорвет его личную власть в Китае, сменил курс, обвинил советское руководство в ревизионизме и начал проводить резко враждебную к СССР политику. В 1958–1960 гг. проводил политику «большого скачка» с целью в несколько лет догнать развитые страны, чем подорвал экономику Китая и привел страну к голоду. В 1966–1976 гг., с целью консолидации своей власти, организовал «культурную революцию», разрушившую все, что еще оставалось.

враждебно относился к компартии Китая. Сталин поддерживал Чан Кайши, видя в нем прогрессивную силу, ведущую борьбу против японского империализма и за освобождение Китая. Считаю, что это была правильная позиция. Нужно было его поддерживать, потому что его разгром означал бы усиление Японии, усиление нашего общего врага, который на Дальнем Востоке являлся нашим врагом номер один. Позже, когда я встречался с Мао Цзэдуном, он упрекал Сталина за то, что Сталин вел такую линию в отношении Чан Кайши. Но ведь Сталин не содействовал внутренней политике Чан Кайши и помогал ему, поскольку тот вел борьбу против Японии, что нам было выгодно.

Аналогичную политику проводил, например, Черчилль, который поддерживал Советский Союз во время Второй мировой войны, хотя оставался нашим политическим врагом. Он был таковым с первого дня рождения Советского государства и остался им до самой своей смерти. Но Черчилль – разумный политик, который считал полезным, когда началась борьба с Гитлером не на жизнь, а на смерть, объединить усилия Англии и СССР. Это не значит, что Черчилль в какой-то степени принял Советскую власть и желал сделать что-то доброе советскому народу. Вовсе нет! Его толкнули на союз с нами сложившаяся в мире ситуация и соображения выгоды для собственной страны. Исходя из этого же принципа Советский Союз поддерживал Чан Кайши.

На нашей границе с Китаем во время второй мировой

войны было спокойно. Я говорю о том участке границы, который контролировался Чан Кайши. На участке же, куда уже вышли японцы, напряженность все время возрастала, часто возникали различные конфликты. Японцы постоянно нас «прощупывали». Когда они после первых своих побед на Тихоокеанском театре военных действий стали терпеть поражения, ситуация на континенте начала постепенно складываться в пользу Китая. Его армия в свою очередь стала одерживать отдельные победы, потому что Японии было уже не до Китая. После разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов Советский Союз спустя три месяца включился в войну против Японии. Наши Вооруженные Силы успешно сыграли свою роль на завершающем этапе разгрома Японии. По договоренности с союзниками мы тогда освободили Маньчжурию и северную половину Кореи и тогда же обрели возможность более действенно помогать Китаю, включая широкое содействие материальными ресурсами и вооружением.

Когда вторая мировая война завершилась, СССР больше стал заниматься вопросами Китая. Мы решили оказать прямую помощь Мао Цзэдуну и Народно-освободительной армии в борьбе за государственную власть. В результате разгрома Японии ее Квантунская армия, сложив оружие, оставила нам огромное количество трофеев. Значительная их часть, особенно боевая техника, была передана китайским коммунистам. У нас имелась договоренность насчет этого оружия с союзниками в том смысле, что мы не имели права

передавать его ни одной из воюющих в Китае группировок. Поэтому его надо было передать Мао так, чтобы не создалось впечатления, что мы нарушили обязательство. И вот мы его куда-то завозили, люди Мао якобы «похищали» его и вооружали свою армию. К тому времени они уже создали крупные силы, оснащенные и трофейным японским оружием.

Впервые я лично услышал о действиях Мао, когда во время войны А.И. Микоян, как наш полпред, ездил в Яньань¹⁸ на встречу с Мао. Сталин хотел выяснить нужды китайских коммунистов для организации им помощи. Помнится, после возвращения Микояна Сталин обсуждал проблемы Китая в тесном кругу собравшихся за обедом и несколько недоумевал: «Что за человек Мао Цзэдун? У него какие-то особые, крестьянские взгляды, он вроде бы боится рабочих и обособляет свою армию от горожан». Особенное недоумение вызвало у нас поведение Мао, когда его армия, успешно продвигаясь на юг, подошла к Шанхаю и несколько недель не вступала в него. Я уже упоминал, что ответил нам Мао по этому поводу, связав линию своего поведения с невозможностью прокормить шесть миллионов шанхайцев. Сталин возмущался: «Что это за марксист? Он считает себя марксистом, но не идет на помощь шанхайским рабочим, ответственность за судьбу которых не хочет брать на себя».

В ту пору я работал еще на Украине и мог узнавать в де-

---

¹⁸ ЯНЬАНЬ (Фуши) – город в китайской провинции Шэньси, в пещерных горных жилищах возле которого размещался в 1936–1947 гг. ЦК КПК.

талях, что происходит в Китае и что мы делаем для Китая, только от Сталина, когда приезжал в Москву. Когда же китайские коммунисты одержали в 1949 году победу, меня как раз перевели в Москву, где я стал первым секретарем областного и городского комитетов партии и одновременно секретарем ЦК ВКП(б). Теперь я все время общался со Сталиным и поэтому оказался в курсе вопросов, которые касались Китая. Ведь без Сталина никто у нас такие вопросы не только не решал, но и вообще ими никак не занимался. Не думаю, что я относительно Китая знал все. Основные вопросы Сталин решал с Молотовым. Но мне было известно, что Советский Союз все шире оказывал помощь Мао Цзэдуну, чтобы закрепить его завоевания. Победу коммунисты одержали там в открытой вооруженной борьбе. США помогали организовывать контрфронт, так что гражданская война продолжалась в Китае длительное время после разгрома японцев. Коммунисты нуждались в нашей помощи и получали ее прежде всего оружием.

Дружба с Китаем после победы народной революции¹⁹

Первый приезд Мао Цзэдуна в Советский Союз был приурочен к 70-летию Сталина. Как раз к этому дню я возвратился с Украины в Москву на новую постоянную работу. Сталин сказал мне: «Сдавайте дела на Украине и обязательно приезжайте к моему 70-летию». Так я и сделал. Мне не пришлось присутствовать при беседах, которые вел Сталин с Мао один на один либо вместе с Молотовым. Сколько состоялось таких встреч и как они протекали, мне сейчас трудно сказать. Но после этих встреч Сталин ни разу не был в восторге от Мао и не особенно лестно отзывался о нем. Однако за обедом в честь Мао Сталин проявил большое гостеприимство. Он любил такие обеды и любил блеснуть гостеприимством, своим вниманием к гостю. Если хотел, то умел делать это особенно хорошо. На том обеде я был. Обед и сопутствующая беседа протекали в непринужденной обстановке.

Мне было приятно видеть, что вроде бы складываются хорошие отношения с новым Китаем. У нас все этого хотели. Правда, во время визита Мао имел место один неприят-

---

¹⁹ Начиная с этой и заканчивая главой «Об Албании» Н.С. Хрущев записывал воспоминания на магнитофонную ленту в 1969 г.

ный инцидент. После обеда и дружеской беседы, которая велась за обедом, Сталин несколько дней вообще не встречался с Мао. А раз сам не встречался и никому другому не поручил, то и никто из нас к Мао не ходил. Тут Мао стал проявлять недовольство, что сидит взаперти в отведенной ему резиденции, что ему ничего не показывают, что с ним никто не встречается, и заявил, что если так будет продолжаться, то он уедет. Доложили Сталину, что Мао проявляет недовольство. Тогда опять встретились с ним за обедом на даче у Сталина. Сталин теперь все делал, чтобы удовлетворить просьбы Мао, наладить хорошие отношения и показать, что находится всецело на его стороне.

Уехал Мао. Полномочным представителем Советского правительства в Китае по экономическим делам был тогда железнодорожник по профессии²⁰. Прежде он работал в Маньчжурии, восстанавливая там дороги после изгнания японцев, потом стал советником при Мао Цзэдуне. Сталин считал его доверенным человеком. В скором времени тот начал сообщать в своих донесениях, что наблюдаются плохие настроения в отношении СССР, а особенно проявляется такое недовольство у Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и ряда других руководителей страны. Аналогичные сведения посылал нам и Гао Ган еще до приезда Мао в Москву. Гао был то-

---

²⁰ КОВАЛЕВ Иван Владимирович (1901–1993) – нарком (министр) путей сообщения СССР в 1944–1948 гг. В 1948–1950 гг. советник при Народном правительстве Северо-Восточного Китая и советник при Центральном народном правительственном совете в Пекине, прозванный там «советником двух вождей».

гда уполномоченным Политбюро ЦК китайской компартии и одновременно уполномоченным пекинского правительства в Маньчжурии, как бы ее наместником. У него сложились очень хорошие отношения с нашим представителем. Гао ничего не говорил о позиции лично Мао, но зато и не говорил, что Мао предпринимает что-либо в отношении тех лиц, которые выражают явное недовольство нами. Гао приводил в подтверждение наличия такого недовольства много фактов.

Вот один из них. Проходил какой-то китайский праздник. Состоялся парад. Когда по площади ехали войска, вооруженные нашими танками, то китайские военные злились, что, дескать, русские дали им старые танки. Да, это было правильно. Те танки не были новыми, тогда у нас самих не имелось столько новых танков, чтобы мы могли дать их Китаю. СССР только что закончил войну, восстанавливал промышленность, производство танков сокращалось. Иначе и быть не могло. Так что я не вижу оснований для обиды на нас. Конечно, танки были старые, но еще вполне боеспособные. Но такие высказывания подогревали настроение недовольства нами, и все ставилось в строку Советскому Союзу.

Сталин, желая расположить Мао в нашу пользу, во время его визита демонстрировал, что относится к нему по-дружески и доверяет ему. Поэтому Сталин, взяв документы, полученные от нашего представителя в Маньчжурии с записью бесед с Гао Ганом, просто передал их Мао. Я-то, да и другие члены Политбюро, с кем мы обменивались мнениями,

не сомневались, что Гао сообщал нам чистую правду. Какие он преследовал цели, не знаю, но в любом случае выступал с дружеских к СССР позиций. И вот Сталин отдал эти документы! Если искать какие-то исторические параллели, получается что-то вроде доноса царю Петру Кочубея на гетмана Мазепу²¹. Тогда Петр вернул этот донос самому Мазепе, чтобы расположить его к себе и показать, что не верит в его измену. А Мазепа казнил Кочубея и стал помогать Карлу XII в походе на Россию. Этот эпизод ярко описан Пушкиным в поэме «Полтава». Как Мазепа поступил с Кочубеем, казнив его, так и Мао отнесся к Гао Гану. Сначала посадил его под домашний арест. Потом нам сообщили, что Гао «отравился»²². Маловероятно. Скорее всего, его там задушили либо отравили. На это Мао был способен, но на это был способен и Сталин. В данном отношении у них были родственные души, и методы они использовали одни и те же. В дальнейшем

---

²¹ КОЧУБЕЙ Василий Леонтьевич (1640–1708) – генеральный писарь с 1687 г. и генеральный судья с 1699 г. в Гетманском уряде Левобережной (российской) Украины. Неоднократно предупреждал Петра I о тайных переговорах гетмана И.С. МАЗЕПЫ с польским королем Станиславом Лещинским и шведским королем Карлом XII, после чего бежал в Россию, но был выдан царем Мазепе и казнен. Мазепа Иван Степанович (1644–1709) – в 1687–1708 гг. гетман Украины, близок к Петру I. Затем в разгар шведской войны 1700–1721 гг. перешел на сторону, как тогда казалось, побеждавшего шведского короля Карла XII, воевавшего в Украине в союзе с поляками.

²² В 1954 г. ГАО ГАНА сместили со всех постов, в 1955 г. исключили из компартии Китая. В том же году он умер от неизвестной причины, по китайской официальной версии, «покончил жизнь самоубийством».

это подтвердилось в еще большей степени.

А пока мы лишились человека, который демонстрировал свою близость к нам и подтверждал это конкретным делом, информируя нас о ситуации в китайском руководстве и его отношении к СССР. Это было очень ценно. И, вместо того чтобы поддержать Гао, Сталин предал его. Полагаю, что Сталин поступил так по следующим мотивам. Сталин – человек, который никому не верил. Сам себе не верил. Он считал, что рано или поздно тот факт, что секретные сведения, которые поступают к нам, передает именно Гао, станет известен Мао Цзэду. Тогда Сталин попал бы в щекотливое положение: вроде бы инспирировал оппозицию к пекинскому правительству. Поэтому Сталин и воспользовался возможностью продемонстрировать, что полностью доверяет Мао и, следовательно, не хочет получать информацию от человека, выступающего против китайского руководства. Хотя лично Гао никогда не говорил нам о своем отношении непосредственно к Мао, но для ряда китайцев оно не являлось тайной.

Помню, наши люди в Китае сообщили как-то, что в одном городе состоялась молодежная вечеринка. Когда ее участники перепились, молодежь стала враждебно и демонстративно высказываться в наш адрес: «Возьмите к себе своего Гао. Это ваш человек, а не наш». Это имело место еще в то время, когда он являлся членом Политбюро ЦК КПК. Следовательно, уже тогда Гао находился в некоторой изоляции, и о его нелояльности к «советской» политике Политбюро ЦК КПК

там было известно. Это тоже надо иметь в виду. Возможно, Сталин, предавая Гао, считал, что, мол, все равно тот разоблачен. Таково мое заключение. Я же лично подобных рассуждений от Сталина не слышал. Но никакими другими причинами не могу объяснить, почему Сталин взял да и передал Мао упомянутые документы. Мы, члены Политбюро ЦК ВКП(б), признаться, возмущались поступком Сталина. А Гао Ган был загублен.

Что касается пребывания Мао в Москве, то я видел, что Сталин проявлял неискреннюю вежливость. Чувствовалось какое-то его высокомерие в отношении Мао. Мао вовсе не глупый человек, сразу это понял, и это его раздражало, хотя сам Мао никакого недовольства внешне не проявил, за исключением вышеописанного случая.

Когда у нас с Китаем разгорелись споры, Мао в беседах со мной говорил, что Сталин не только не оказывал ему поддержки, но, напротив, предпринимал такие шаги в отношении Чан Кайши, которые противоречили интересам компартии Китая. А некоторые действия, вроде создания смешанных обществ²³, вообще порождали антисоветские и антирусские настроения в новом Китае. К сожалению, допускались и другие поступки, наносившие большой вред укреплению нашей дружбы с соседними социалистическими странами.

---

²³ Смешанные общества – форма организации акционерных компаний, в которых выступают партнерами частный капитал и государство либо несколько государств, совместно эксплуатирующих предприятия в каких-то отраслях экономики или при добыче природных ресурсов.

Например, считаю безумством и вероломством то, что Сталин домогался, чтобы все валютные товары и сырье, которые приобретали или добывали Северная Корея и Китай, поступали в Советский Союз. Естественно, каждая страна должна иметь свою валюту, с тем чтобы выйти на рынки капиталистического мира. Ведь СССР не все может дать им. Мы сами вынуждены были изыскивать валютные средства за счет добычи золота или экспорта валютных товаров на Запад, чтобы выручить ту валюту, на которую можно будет купить товары, нами не производимые.

Такие же нужды были и у Китая, и у всех социалистических стран вообще. С этим надо считаться и строить свою политику, учитывая их интересы. Но Сталин был тут глухим, он не понимал и не хотел понимать этого, особенно после того, как разбили Гитлера. Он считал, что как Александр I после разгрома Наполеона законодательствовал в Европе, так и он теперь может законодательствовать. То было преувеличение собственных возможностей и игнорирование интересов друзей. А такая политика их обижала, оскорбляла и сеяла семена враждебности в отношениях с СССР. Мне помнятся различные эпизоды взаимоотношений с Китаем, в которых наши необдуманные действия омрачили нашу дружбу, хотя никаких объективных причин к тому не имелось.

С другой стороны, иногда сам Мао Цзэдун не только проявлял уважение к Сталину, но и доходил до какого-то самоуничижения. Так, он обратился к Сталину с просьбой по-

рекомендовать человека, который помог бы ему в редактировании его речей и статей периода Гражданской войны. Эти материалы Мао хотел теперь издать и попросил прислать к нему человека, марксистски образованного, который не только помог бы ему при редактировании, но не позволил допустить какие-либо ошибки в теории. Сталину было приятно такое признание его авторитета, выраженное в этой просьбе. Думаю, что Мао поступил так, исходя из своих соображений, чтобы создать у Сталина иллюзию, что готов его глазами рассматривать вопросы теории и практики марксизма и не претендует на какую-то собственную точку зрения в деле строительства социализма в Китае. Но это противоречило всему тому, что выявилось потом в ходе дальнейшей истории Китая.

Китайцы выдвигали также большие просьбы насчет помощи вооружением, поставок оборудования, строительства заводов. И здесь Советский Союз оказывал огромную помощь Китаю. Я не могу сейчас назвать конкретно денежную сумму, в которую она обошлась. Но речь шла о металлургических заводах, автомобильном, тракторном и по производству современного вооружения. Под все это мы давали кредиты, пересылали чертежи, оказывали другую помощь, фактически бесплатную. Даже документация передавалась не на коммерческой, а на дружеской основе. В Китай посылались наши военные инструкторы по всем родам войск: летчики, артиллеристы, танкисты. Я считал, что это полезно и нам,

и Китаю. Мы рассматривали укрепление Китая как упрочение социалистического лагеря и обеспечение наших восточных границ. Тут интересы у нас с Китаем были общими, и мы относились к его просьбам, как к собственным нуждам, и шли навстречу настолько, насколько имели материальные возможности удовлетворить все просьбы.

На Востоке не только интересы Советского Союза и Китая, но и Корейской Народно-Демократической Республики очень тесно переплетались. К Северной Корее СССР также относился с большим вниманием и оказывал ей всевозможную помощь и в создании армии, и в налаживании народного хозяйства. Одним словом, мы делали все для того, чтобы Северная Корея экономически развивалась быстрее, чем Южная, и тем самым служила бы притягательной стороной для народа Южной Кореи. Когда Северная Корея вступила в войну с Южной, то здесь Северная Корея, Китай и Советский Союз еще прочнее связались в один узелок, потому что победа Южной Кореи явилась бы победой США над Северной Кореей, что угрожало и Китаю, и Советскому Союзу. Наши симпатии были целиком и полностью на стороне Северной Кореи, на стороне властей, которые возглавлялись Ким Ир Сеном²⁴.

---

²⁴ КИМ ИР СЕН (1912–1994) – основатель и фактический руководитель Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Родился в Корее, но с 1920 г. жил в Маньчжурии (Китай), с 1932 г. участвовал в антияпонском партизанском движении и в 1940–1941 гг. в Юго-Восточной Маньчжурии занимал должность командующего 2-м направлением 1-й Объединённой северо-восточ-

Много лет мы придерживались той точки зрения, что инициатива нападения принадлежала в той войне Южной Корее. А сейчас я считаю, что версию, которая была создана, нет нужды поправлять, потому что это было бы выгодно только нашим противникам. Но, если не детализировать версию, истина окажется такова: то была инициатива Ким Ир Сена, которая поддерживалась и Сталиным, и всеми нами. Мы, как коммунисты, сочувствовали корейскому народу, хотели помочь ему свергнуть иго капитализма и установить во всей стране народную власть. После смерти Сталина война какое-то время еще продолжалась. У нас давно созрела мысль найти возможности ее прекращения. Мы предприняли шаги по дипломатическим каналам и начали прощупывать американцев: как они отнесутся к прекращению огня? Американцы откликнулись позитивно, и начались переговоры. Потом была создана смешанная комиссия в составе корейцев, китайцев и американцев для непосредственных переговоров между сторонами, находившимися в состоянии войны. Пе-

---

ной антияпонской армии. В ноябре 1941 г., под давлением японцев, перебрался в СССР. С июля 1942 г. в Красной Армии, командир стрелкового батальона, участвует в освобождении Северной Кореи от японцев. В декабре 1946 г. назначен председателем Северокорейского оргбюро компартии Кореи, а в феврале возглавил Временный народный комитет Северной Кореи. В 1948–1972 гг. председатель Кабинета министров КНДР, в 1949–1994 гг. генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, с 1972 г. президент КНДР до самой смерти. В период войны с Южной Кореей (1951–1953) верховный главнокомандующий. После разоблачений преступлений Сталина в 1956 г., опасаясь за свою власть, провел чистки и заявил о нейтралитете в советско-китайском конфликте.

реговоры длились долго, но в конце концов была достигнута договоренность. Войска остались на тех рубежах, на которых они прекратили военные действия, то есть примерно по той 38-й параллели, по которой была установлена после разгрома Японии демаркационная линия между войсками СССР и США.

С Китаем в то время у нас были хорошие отношения, во всяком случае внешне. Говорю – внешне, потому что, как мы потом узнали, внутренне Мао не признавал нас за равноправных союзников и таил великодержавные поползновения. Мы же оказывали Китаю солидную помощь. Китайские рабочие проходили у нас практику, обучались на автомобильном, тракторном и других заводах, которые строились с нашей помощью в Китае. Наши инженеры и рабочие трудились в Китае и напрямую участвовали в этом строительстве. Китайские граждане относились к нам на первых порах очень хорошо, а мы делали все для того, чтобы братские отношения укреплялись. Мы считали, что народы Советского Союза и Китая – братья и что это полезно не только нам, но и международному коммунистическому движению.

Еще по предложению Сталина мы дали очень много оружия китайской Народно-освободительной армии: артиллерию, танки и пулеметы, винтовки и автоматы, самолеты. Китайцы получали то оружие, которым в основном была вооружена тогда Советская Армия. Правда, она по отдельным видам боевой техники уже переходила на новое вооружение.

Ведь всегда – и во время войны, и тем более после войны, – в процессе строительства вооруженных сил одни виды вооружения снимаются с производства, другие вводятся. Какой же общий принцип действовал у нас в отношениях с Китаем? По мере совершенствования оружия мы вооружали этим оружием свою армию, потом предлагали его Китаю для перевооружения его Народно-освободительной армии. Мы считали, что такой подход является основой братских взаимоотношений, были заинтересованы, чтобы Китай был силен, а его армия находилась на современном уровне развития. Прилагая все усилия для повышения боеспособности собственной армии, мы в той же мере были заинтересованы в повышении боеспособности китайской армии.

До нас доходили слухи о том, что в Китае имеются силы, которые враждебно относятся к Советскому Союзу. Мы получали сведения, что в китайских газетах пишется о том, что китайцы недовольны границами с Советским Союзом, претендуют на Владивосток и пр. Они рассказывали читателям, что русские цари силой установили существующую границу и навязали ее Китаю; употребляли также другие выражения недружественного характера по отношению к СССР. Я, конечно, не защищаю царей. Но границы, которые сложились у СССР, перешли к нему в наследство от бывших границ, и мы всегда считали, что тут законные советские территории. Ведь и в других социалистических странах новые, революционные правительства стали наследниками бывших прави-

телей и считали своей всю национальную территорию в тех же границах, которые они получили от свергнутых властей.

Полагаю, что такой подход разумен и правилен. Если поставить сейчас вопрос о пересмотре границ и искать какие-то исторические давности, когда границы были иными, то можно зайти очень далеко. Это не приведет к укреплению дружеских отношений между нашими странами, а, наоборот, рассорит нас. Кроме того, для настоящего коммуниста-интернационалиста, который должен видеть дальше национальных границ, этот вопрос вообще не имеет значения в деле конечной мировой победы революционного движения и в рамках марксистско-ленинской философии.

Мы говорили об этом в Пекине. Они отвечали: не обращайтесь внимания, у нас имеется много партий, и каждая партия обладает своей печатью. Там встречаются и враждебные высказывания представителей буржуазно-помещичьего класса, но они не являются точкой зрения нашего руководства. Мы этим удовлетворялись, хотя и хотели, чтобы была в открытую опубликована точка зрения китайского руководства. Но этого так и не было сделано. Прямых таких требований мы не высказывали, а просто верили на слово китайским руководителям.

Деловые же контакты у нас главным образом поддерживались с Чжоу Энлаем. Чжоу довольно часто приезжал к нам, с ним обсуждали мы все вопросы. С ним же предварительно договаривались о прекращении войны в Корее, вырабатывая

общую тактику поведения. Часто Чжоу приезжал в СССР по тем или другим вопросам экономического характера, в том числе для заключения договоров о поставке в Китай оборудования и по прочим нуждам, которые имел Китай. С Чжоу у нас сложились очень хорошие отношения. Мы относились к нему с большим уважением. Он оказался деловым человеком, и с ним легко было разговаривать, легко находить взаимовыгодные решения. Мы считали, что у нас вообще сложились с Китаем хорошие деловые отношения. Чжоу являлся в то время премьером и министром иностранных дел. Поэтому вопросы дипломатических отношений Советского Союза с Китаем тоже решались с ним.

Я уже говорил, что мы осуществляли Китаю большие поставки, строили там заводы. Хотел бы специально остановиться на этом вопросе, потому что, когда я оказался уже на положении пенсионера, разные люди, встречаясь со мной, изъявляют тревогу, что мы оказываем слишком большую помощь другим странам и тем самым раздаем богатства Советского Союза. Да, мы помогаем нашим друзьям, например Китаю. Но Китай платил нам, как платят и прочие страны, которые мы поддерживаем. Какая же это помощь, скажут, если взамен платят? Вроде бы это торговля. Не совсем так! Конечно, торговля, раз идет оплата. Помощь же заключается в том, что мы поставляем в кредит оборудование, которое устанавливается тоже при нашем содействии, строим заводы и обучаем рабочих, затем даем все, что нужно для организа-

ции производства. Такая страна сразу получает возможность производить металл, оборудование.

Конечно, если рассматривать отношения, которые складываются в капиталистическом мире, то там любая фирма прикидывает, что ей выгодно, и только. Выгоднее ли ей продать оборудование? Или выгоднее не продавать оборудование, а продавать продукцию, которая выпускается на этом оборудовании? Чаще всего делается последнее. Мы же, желая укрепить экономику дружеской страны и способствовать поднятию жизненного уровня ее населения, поставляем и оборудование, и целые заводы. Мало того, оборудование поставляем по льготным ценам. Например, капиталисты дают кредиты из 5 % – 7 % годовых, а мы давали из 2,5 % или 2 %. Это большие льготы. Поэтому мы вправе говорить, что оказываем именно помощь братским странам.

К тому же времени, середине 50-х годов, относятся переговоры с Китаем, которые закончились заключением договора о статусе Порт-Артура²⁵ и Дальнего. Здесь наши позиции были вполне правильно определены. Мы исходили из

---

²⁵ ПОРТ-АРТУР (Ляюшунь) – город и порт на Ляодунском полуострове Китая, вместе с г. ДАЛЬНИЙ (Далаянь) образует основную часть административного района ЛЮЙДА. С 1898 г. арендовался Россией и был соединен железнодорожной линией с Харбином. После Русско-японской войны 1904–1905 гг. отошел к Японии, которая по окончании арендного срока в 1923 г. отказалась возвратить его Китаю. Освобожден Красной Армией 23 августа 1945 г., по советско-китайским соглашениям 1945, 1950 и 1952 г. совместно использовался СССР и Китаем как военная база. В мае 1955 г. безвозмездно передан Китайской Народной Республике.

того, что Порт-Артур – исконно китайская территория, а мы там будем находиться до тех пор, пока это отвечает интересам как Китайской Народной Республики, так и Советского Союза. Наши усилия были направлены против возможного общего врага, хотя ранее и разгромленного, Японии. К тому же конкретно в то время сложились новые условия, когда нарастала угроза со стороны США, которые фактически организовали войну против народной власти на юге Китая и поэтому могли угрожать Китайской Народной Республике со стороны Японии.

Мы затратили много сил и средств для приведения в надлежащий вид крепости Порт-Артур, заново вооружили ее и держали там довольно солидный гарнизон. Все это позднее мы передали Китаю. Кроме того, отказались от своих прав на Китайско-Восточную железную дорогу в Маньчжурии. По моему, такое решение было правильным: мы не хотели порождать конфликт, не хотели иметь собственности на территории другого социалистического государства. И мы покончили с этим вопросом, передав ее Китаю. Но, видимо, этот факт их не совсем удовлетворил. Мао желал большего.

После смерти Сталина мы ликвидировали все неравноправные договоры, а также совместное общество по эксплуатации Синьцзяна, договорились о передаче Китаю Порт-Артура и эвакуации оттуда наших войск. По последнему вопросу долго велись предварительные переговоры. Решение задерживали не мы, а китайская сторона, хотя нам это бы-

ло понятно. Китай опасался США, пока шла война в Корее. Американцы повернули ее ход в пользу Южной Кореи, и в Пекине возникли опасения: не совершат ли они агрессивных акций и против Китая? Войск у США в Южной Корее было достаточно, поэтому передачу Порт-Артура в те годы китайцы не только не форсировали, но и сдерживали.

В 1954 году было решено направить в Пекин на празднование 5-летия КНР нашу партийно-правительственную делегацию. Ее по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР возглавил я. Состав делегации был большим и представительным: Булганин, Микоян, Шверник, Фурцева, Шелепин, Насриддинова²⁶, другие лица. Выезд делегации приурочили к годовщине победы народной революции и установлению власти трудящихся в Китае – 1 октября. И вот мы прибыли в Китай. Встречали нас очень радушно. Да и мы были очень рады побывать на китайской земле, встретиться и побеседовать с руководителями ее народа. Особых вопросов к Пекину у нас не было, кроме общих проблем оборо-

---

²⁶ В тот период: ХРУЩЕВ Никита Сергеевич (1894–1971) – первый секретарь ЦК КПСС, БУЛГАНИН Николай Александрович (1895–1972) – Председатель Совета Министров СССР, МИКОЯН Анастас Иванович (1895–1978) – заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр торговли СССР, ШВЕРНИК Николай Михайлович (1888–1970) – председатель Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), ФУРЦЕВА Екатерина Алексеевна (1910–1974) – первый секретарь Московского горкома партии, ШЕЛЕПИН Александр Николаевич (1918–1994) – первый секретарь ЦК комсомола, НАСРИДДИНОВА Ядгар Садыковна (р. в 1920 г.) – заместитель председателя Совета министров Узбекской ССР.

ны. Чтобы обеспечить оборону, надо было и дальше способствовать развитию экономики, особенно индустрии в Китае, С нашей стороны имелась только одна просьба к китайскому правительству. Мы считали, что дело представляет взаимный интерес и в какой-то степени явится помощью Китаю. Там существовала большая безработица, мы хотели какое-то количество китайских рабочих привлечь для разработки богатств Сибири, прежде всего на лесоразработки.

Точно не помню сейчас, о каком количестве людей шла речь. Нам требовалось около 1 млн человек, а может быть, и больше. Таковой была общая потребность, согласно заявкам отраслевых министерств. Действовало мнение, что у нас налицо нехватка рабочей силы. Эта точка зрения оказалась неправильной и была потом пересмотрена. Выяснилось, что у нас рабочей силы хватает, даже с излишком. Просто мы плохо используем рабочую силу, поэтому проявляется нечто вроде дефицита. Главным образом, дефицит ощущался в Сибири. Это и понятно. Чтобы разрабатывать богатства Сибири, надо привлекать рабочих из европейской части СССР, потому что в Сибири слишком слабая плотность населения. Я на этом задерживаюсь, чтобы показать затем, как реагировал на нашу просьбу Мао Цзэдун.

Собрались мы для очередного чаепития. В Китае я не замечал злоупотребления спиртными напитками. Даже когда мы собирались за обедом, то пили вино в умеренном количестве и без всякого принуждения, не то что у Сталина, ко-

гда каждый пил не сколько хотел, а сколько Сталин хотел влить отравы в его организм. Мао в этом отношении резко отличался от Сталина, и я не могу сказать, чтобы он лично проявлял какую-то склонность к питейным делам. Пили вообще преимущественно чай. Во время заседания его подавали в чашке с крышкой (по китайской традиции). Как только выпьешь, приносят следующую. Если не успевал выпить, чай забирали и ставили новый. Спустя некоторое время – опять то же. Периодически приносили теплое, распаренное махровое полотенце. Им китайцы вытирают голову и лицо, освежаются. Мы к такой церемонии не привыкли, но пользовались ею ради уважения к хозяевам.

Чай подавали в таком большом количестве! Я не привык пить столько жидкости и от чая отказывался. Тем более подавали зеленый чай, а я его не люблю. Булганин же любил чай и добросовестно выполнял церемонию, зато потом лишился сна. Врач его осмотрел и спросил: «Вы пили зеленый чай? Много?» – «Да, много». – «Если вы и дальше будете пить его в таком количестве, то еще хуже станете спать. Вам надо сократить потребление чая. Чай содержит тонизирующие вещества, которые лишают человека сна». Булганин перестал пить чай и опять вошел, как он мне сказал, в норму.

Как же Мао реагировал на нашу просьбу о рабочей силе? Надо знать Мао! Ходил он спокойно, медлительно, вроде как медведь, вразвалочку. Он глянул на меня, опустил глаза, опять поднял их и спокойно, тихим голосом, начал го-

ворить: «На Китай все смотрят как на резерв рабочей силы. Все считают, что у нас много безработных, что мы слабо развитая страна, и поэтому китайцев можно привлекать на всякие там неквалифицированные работы как дешевую рабочую силу. Но в Китае считается оскорбительным такое отношение к китайскому народу. Ваши требования (вот как он это поднес) могут создать для нас трудности и породить в Китае неправильное понимание в отношении Советского Союза. Получается, что СССР тоже смотрит на Китай как на поставщика грубой рабочей силы. Так смотрели на нас западные капиталистические страны».

Нам было очень неприятно выслушивать это, особенно такое сравнение. Мы-то искренне, по-братски относились к Китаю и пришли, как говорится, с открытой душой. Думали, что такое предложение выгодно Китаю, что он заинтересован временно избавиться от лишних ртов. Китайцы смогут сами зарабатывать на хлеб. Таким образом, это будет выгодно и тем, кто станет работать у нас, и Китаю, потому что он тоже будет получать какие-то выплаты за работы в Сибири. Мы условились, что я поведу переговоры от советской делегации. Поэтому я и ответил: «Товарищ Мао Цзэдун, мы не хотим создавать для вас трудности. Мы считали, что это предложение и в ваших интересах. Если оно создает вам трудности, то мы не настаиваем на своем предложении и обойдемся собственными силами».

На этом разговор закончился. После заседания у Мао со-

брались мы в своей резиденции и решили: раз наша просьба создает трудности для китайских товарищей, нам не стоит проявлять упорство, мы сами внутренними силами справимся с задачей разработки богатств Сибири. Так мы отказались от постановки этого вопроса и более к нему не возвращались. Но когда после поездки по Китаю мы вернулись в Пекин, к нам обратилась уже китайская сторона: что же вы не ставите вопрос о рабочей силе? Мы разъясняли, что отказались от своего предложения, получив такой ответ от товарища Мао Цзэдуна. Тут Пекин обратился к нам официально, заявив, что китайская сторона высказала лишь свои соображения, но тем не менее, с пониманием относясь к нуждам Советского Союза, готова нам помочь. Раз инициативу проявили китайцы, мы согласились возобновить переговоры и заключили соответствующий договор, который был подписан обеими сторонами. В нем зафиксирован объем поступления рабочей силы из Китая и разработаны условия оплаты. Мы пошли на заключение договора потому, что раньше сами проявили инициативу, а теперь уже Пекин поднял этот вопрос. Нам неудобно было отступать, пришлось бы давать какие-то объяснения, что могло ухудшить наши отношения.

Мы обусловили на первых порах получение 200 тысяч рабочих, и китайцы стали приезжать к нам. Однако из бесед, которые мы провели в Пекине, а особенно в связи с их постановкой вопроса о привлечении рабочей силы из Китая в Сибирь мы поняли, что поступили так зря. Мы заслу-

шали обширную лекцию Мао Цзэдуна по истории Китая, а также о Чингисхане и других завоевателях, которые приходили в Китай; о том, что более стойкой оказалась китайская нация, которая ассимилировала всех завоевателей, приходивших в Китай. Очень многое было сказано о превосходстве китайской нации в сравнении с другими. То, что рассказал нам про это Мао Цзэдун, было интересно послушать, но мы сделали для себя вывод, что Мао относится к другим нациям свысока. У меня сложилось мнение, что при дальнейшем развитии отношений Китая с Советским Союзом могут встретиться трудности, что Мао наделен националистическими мыслями и считает китайцев превосходящими все другие нации.

Мы отметили такое личное качество Мао, что он никогда не считает равным себе; значит, сможет дружить только с теми, кто будет признавать его превосходство и подчиняться ему не юридически, а в смысле понимания проблем, стоящих перед странами и перед партиями. Мне казалось, что Мао не сумеет примириться с условиями, необходимыми для здоровых отношений между социалистическими странами, когда каждая страна и каждая правящая партия занимают равноправное место. А он претендует на гегемонию в мировом коммунистическом движении!

После возвращения в СССР мы откровенно обменялись мнениями по этому вопросу в Президиуме ЦК КПСС. Наше сообщение вызвало тревогу. Докладывал я как глава делега-

ции. Мое мнение сводилось к тому, что в наших отношениях с Китаем заложены опасные перспективы, а причина тому – высокомерие, проявляемое Мао при оценке роли Китая в мировой истории и собственной роли в истории китайского народа и коммунистического движения. Выдвижение на первый план собственной персоны угрожает трениями между нашими странами, а может быть, даже и больше, чем трениями. Поэтому (и со мною все согласились) мы должны сделать все, чтобы этого не допустить и строить свои отношения так, чтобы не вызывать не только каких-либо подозрений, но и вообще не вскармливать отрицательных, националистических бацилл, которые носит в своем организме Мао. Мы решили также приложить все силы к тому, чтобы не нарушать братских отношений Китая с СССР и сделать все возможное для их укрепления.

Однако у меня лично сложилось мнение, что этого будет трудно достичь или даже невозможно, потому что Мао не согласится занять равное другим положение в коллективном руководстве мировым коммунистическим движением и потребует признать свою гегемонию. По таким вопросам бывает невозможно договориться. Тут все зависит от личных качеств, от того, как относится к себе какой-нибудь руководитель, в каком направлении он прилагает свои усилия. Если добиваться не физического подчинения, а утверждения ведущего положения путем проявления более глубокого понимания хода истории и развития политики, вырабатываемой

коллективом коммунистических партий, — тут другое дело! Но нет, я чувствовал, что Мао безоговорочно определил себя в вожди мирового коммунистического движения. А это было опасно.

Другие наши беседы в Пекине касались напрямую вопросов мирового коммунистического движения. Мы считали целесообразным осуществить какое-то «разделение труда» по связи с компартиями несоциалистических стран. Так как КПК добилась победы в Китае, то мы полагали, что лучше всего, чтобы именно она установила более тесные связи с братскими компартиями стран Азии и Африки. Кроме того, по уровню развития промышленности и жизненному уровню населения Китай стоял ближе к народам таких стран, как Индия, Пакистан, Индонезия. Мы-то имели в виду в первую голову как раз эти страны. А хотели оставить за собой укрепление связей с коммунистическими партиями Запада, в первую очередь европейскими и в США.

Когда мы высказали эти соображения китайским товарищам, Мао возразил: «Нет, это невозможно. В коммунистическом движении ведущая роль должна принадлежать Коммунистической партии Советского Союза. У нее богатый опыт, у нее был Ленин, в КПСС созданы кадры, которые глубже понимают марксистско-ленинскую теорию, а мы без Советского Союза никак не можем браться за такое большое дело. Мы ведь и сами смотрим на Советский Союз, учимся у него. Должен быть единый центр руководства, в Москве». Когда

я слушал всевозможные доводы Мао насчет признания ведущей роли СССР и КПСС, то не мог отделаться от мысли, что это все на словах. А думает Мао совсем о другом, готовя соответствующую почву для себя. Это меня очень огорчало, я чувствовал, что когда-то настанет время трений, а может быть, и более чем трений, между нашими партиями, между нашими странами. Заявляю еще раз: это было для меня сильным огорчением. Но и мы не могли прятать голову в песок, как страусы, а смотрели такой опасности прямо в лицо, а с другой стороны, дали себе слово сделать все, чтобы заглушить такие ростки, изжить их и добиться самых лучших, братских отношений между нашими партиями, между нашими странами.

Когда мы вернулись в СССР, то решили глубже изучить собственные возможности. После смерти Сталина мы почувствовали большую ответственность за судьбу страны. Эта ответственность заставила нас глубже вникать в хозяйственные вопросы, особенно в вопросы планирования. Мы убедились, что мнение о нехватке у нас рабочей силы было неверным: в СССР имеются даже излишки рабочей силы, просто их неправильно используют. Поэтому для нас отпала необходимость в таком количестве рабочих, которое мы просили у Китая. К нам уже приехала первая их очередь, а далее мы не проявляли инициативы в этом вопросе. Казалось, такой поворот должен был импонировать Пекину и взглядам Мао, которые он нам высказал. Не тут-то было! Китайцы са-

ми стали нам напоминать: «Что же вы, мол, договор подписали, а рабочих не берете? Стесняетесь, что ли? Мы готовы оказать вам братскую помощь».

Мы стали разъяснять им положение вещей, а при встрече с Мао я извинился за то, что мы ранее завысили свои пожелания в получении рабочей силы, которая на деле сейчас нам не требуется в таком количестве. Пришлось сказать, что в результате новой политики, которую мы сейчас проводим после смерти Сталина, у нас выявились новые возможности высвобождения рабочей силы, и дай нам Бог хотя бы ее задействовать, а не то что приглашать. Действительно, у нас в Москве посейчас скрытой безработицы на сотни тысяч людей. Они все при деле, но при каком деле? Если его не будет, так никто и не заметит, что его нет. В любом учреждении сейчас сократите на 30 % персонал, и работа не пострадает.

Закончилась эта эпопея так: по окончании соглашения с китайскими рабочими они возвращались домой, а мы уже не восстанавливали прежнего их количества за счет вновь прибывающих из Китая. Постепенно у нас сложилось единое мнение, что таким способом китайцы хотят внедриться на наш Дальний Восток. Я еще раз напоминаю об интересном маневре Мао: сначала он сказал, что наше предложение обидно, оскорбительно для китайского народа, а потом сам начал настаивать, чтобы мы взяли побольше людей, а если нужно, то они еще добавят.

Сложилось мнение, что Пекин хочет переселить к нам как

можно больше людей для «оказания помощи» в разработке богатств Сибири, с тем чтобы внедриться в экономику Сибири и ассимилировать ее небольшое русское население. В результате Сибирь этнически станет китайской. Когда потом наши отношения испортились, они дошли бы в таком случае вообще до крайнего предела, поскольку Китай уже тогда предъявил претензии на наш Дальний Восток. Прямо это не высказывалось. Но, безусловно, подразумевалось бы, что и на Сибирь претендовать Китай имеет не меньше оснований, чем Советский Союз. Это вытекало из их взглядов на советско-китайскую границу, из их высказываний в печати, из бесед между нашими людьми и китайцами как на высшем уровне, так и в массах.

Так появились первые признаки наших разногласий и первая тревога у нас насчет отношений с Китаем. В короткое время эти признаки проявления китайского национализма переросли в оголтелый, захватнический национализм, сопровождаемый культом Мао. Жизнь, к нашему сожалению, подтвердила наши прежние опасения.

На одной из взаимных встреч в 1954 году мы поставили вопрос об эвакуации советских войск из Порт-Артура. Мы хотели при этом передать Китаю все недвижимое имущество, за исключением тяжелого вооружения, которое мы там только что поставили. Мао возразил, стоит ли сейчас это делать? Он опасается, что США могут воспользоваться уходом наших войск из Порт-Артура и напасть в этом районе на Ки-

тай. Я высказал наши соображения: «Сомневаемся, товарищ Мао Цзэдун, что США сделают это. Более того, я уверен, что они этого не сделают. Правда, никакого ручательства быть не может, потому что США проводят агрессивную политику: только что закончилась война в Корее. Однако мы выводим войска во Владивосток. Это рядом. Если произойдет вражеское нападение, мы, конечно, придем вам на помощь». В конце концов Мао согласился: «Ну, раз вы считаете, что США нападать не будут, мы не станем возражать против вывода ваших войск».

Так мы договорились и поручили нашим представителям приступить к оформлению договора о выводе советских войск из Порт-Артура. Спустя какое-то время (а мы часто встречались) Чжоу Энлай опять поднял тот же вопрос: «Мы бы хотели, чтобы в Порт-Артуре осталось ваше артиллерийское вооружение». Мы согласились оставить им вооружение, но за плату. Чжоу же настаивал на том, что Китай хочет получить вооружение бесплатно. Это был неприятный вопрос, и мне отвечать на него было не совсем легко, но я вынужден был ответить: «Извиняюсь, но хотел бы, чтобы вы меня правильно поняли. Это очень дорогое оружие, и мы вам продаем его по заниженной цене. Мы бы хотели, чтобы это вооружение передавалось вам на тех условиях, которые мы предложили. Мы еще не оправились после разорительной войны с Германией. У нас разорено хозяйство, народ живет плохо. Поэтому мы просили бы, чтобы вы не настаивали и согла-

сились с нами. Поймите нас правильно!» На этом разговор кончился. Пекин настаивать не стал.

Я вспоминаю, не заглядывая в документы. Поэтому отдельные детали могут быть не совсем точными, но за общую точность приводимых фактов я ручаюсь.

Китайцы подняли также вопрос о строительстве железной дороги и заявили, что дорога к ним через Улан-Батор представляет для них мало интереса. Я и сейчас не совсем понимаю почему. Раньше мы грузы везли через Дальний Восток, дорога в Пекин через Улан-Батор намного сокращает путь. Но китайцы прямо заявили, что хотели бы иметь дорогу, которая пройдет через их районы, богатые залежами минерального сырья, и выйдет к нашей границе примерно в районе Алма-Аты. Мы не возражали: если это выгодно для вас, то мы все сделаем со своей стороны, чтобы обеспечить постройку такой дороги. Потом работала соответствующая комиссия. Договорились, что китайцы на своей территории будут прокладывать дорогу своими силами к нашей границе, мы же на своей территории проложим путь к границе с Китаем в районе Алма-Аты.

Началось строительство. Китайцы шли со своей стороны, мы – со своей. У нас был отрезок пути короче, рельеф не столь тяжелый, кадры и техника сильнее. Поэтому мы быстрее подошли к границе, а китайцев пока и в отдалении не было видно. Когда в следующий раз их представители приехали к нам, они уже начали работу конкретно и вкусили,

как говорится, от самого плода — познали прокладку дороги и почувствовали, что орешек крепок, что его надо разгрызть, имея хорошие зубы. Тогда они вновь подняли тот же вопрос через Чжоу. Все не очень приятные для нас вопросы они обычно поручали Чжоу Энляю. Во-первых, он премьер, во-вторых, более дипломатичен.

Чжоу спросил: «Как вы посмотрите на то, чтобы взять на себя прокладку отрезка железной дороги и на нашей территории?» Это прозвучало для нас неожиданно. Мы, однако, сразу поняли, что это означает. Во что это обойдется, пока нам было неизвестно. Предполагали, что окажется очень дорогим удовольствием. Дорогу следовало вести через горы, овраги, ущелья. Там надо было навести столько мостов, столько проложить тоннелей, и не счесть! Это было бы очень накладно. Неприятная обязанность отвечать на такой вопрос друзьям опять выпала на меня. И я сказал, что весьма извиняюсь, но сейчас такое нам не под силу. Даже свои задачи мы решаем с большим напряжением и принять на себя обязанность по постройке железной дороги на территории Китая просто не можем. Ведь подразумевалось, что строительство должно вестись не только нашими силами, но и за наш счет. Таким образом сей вопрос отпал. Дорога осталось недостроенной.

Видимо, подобного рода вопросы, которые нам подбрасывали, а мы от их решения отказывались, падали, как камни, на весы нашей дружбы, на ту чашу, которая, опуска-

ясь, не способствовала укреплению дружеских отношений. Возникал груз, который отяжелял наши отношения. Однако дружба дружбой, а служба службой. Каждое правительство и каждый представитель правительства должен служить своей стране. Поэтому подобные инциденты не должны бы в принципе ухудшать отношения между странами. Да и не в этом заключалась главная причина ссоры, но все это в конце концов тоже способствовало ухудшению отношений.

Теперь о том, как китайцы реагировали на решения XX съезда КПСС и разоблачение злоупотреблений Сталина. От КПК на XX съезде присутствовала делегация во главе с Лю Шаоци и, кажется, Чжоу Энляем. Они понимали мотивы, которыми мы руководствовались, и поддерживали нас. Уже после съезда Мао и другие китайские руководители неоднократно выступали в поддержку его решений, и первое время у нас с Китаем продолжали сохраняться хорошие отношения, несмотря на то, что мы обнажили преступления, совершенные Сталиным. Сейчас Мао не соглашается, он осуждает решения XX съезда партии и берет себе дела Сталина на вооружение. Те методы, которыми Мао сейчас пользуется при расправе с оппозицией, не имеют ничего общего с диктатурой пролетариата. Это диктатура личности. Так в свое время поступал Сталин, когда уничтожал членов ЦК партии, руководителей центральных, краевых, областных, городских, районных, заводских организаций и просто рядовых коммунистов.

Не припоминаю каких-то особых трений, которые складывались в отношениях с Китаем в первые годы моей работы после смерти Сталина. Наши взаимоотношения протекали более или менее нормально, как и с компартиями других стран. И я бы даже сказал, что они были несколько теплее, потому что Китай для нас оставался каким-то экзотическим государством, угнетенным ранее империализмом, и к нему издавна возникло любовное отношение: и к народу, и к его руководителям. Ухудшение отношений нарастало постепенно. Но это было ощутимо.

Тут началась война на Ближнем Востоке. Англия, Франция и Израиль в октябре 1956 года развернули войну против Египта. Их агрессия совпала с печальными событиями в Венгрии, трениями с Польшей. В столь сложной международной обстановке у нас возникла потребность в более тесных контактах с Китаем. И мы обратились к Пекину с просьбой, чтобы кто-либо из китайского руководства приехал в Москву. Мы хотели посоветоваться и выработать общую линию в отношениях с Польшей и Венгрией.

В Венгрии события развивались бурно, там уже начались расправы с коммунистами, в них стреляли, их вешали, громили партийные комитеты. Ракоши²⁷ попросил нас помочь

---

²⁷ РАКОШИ Матьяш (1892–1971) возглавлял ЦК Венгерской партии трудящихся, в июле 1956 г. был освобожден от всех должностей и покинул Венгрию. ГЕРЭ Э., сменивший его на посту первого секретаря ЦК ВПТ, занимал его по октябрь 1956 г., когда началось восстание и первым секретарем был избран Я. КАДАР (1912–1989).

ему уехать из его страны. Мы послали ему самолет, и он прилетел в СССР. После отстранения Ракоши от руководства лидером венгерских коммунистов стал Герэ. Мы ему доверяли, он был, безусловно, хорошим коммунистом и нашим другом. Но Герэ там никто не слушал, все нити управления страной сходились к Имре Надю²⁸. Надь почему-то был очень враждебно настроен к Советскому Союзу, хотя он жил у нас в эмиграции и работал в Коминтерне. Ракоши объяснял нам это тем, что тот всегда занимал крайне правые позиции, хотя все-таки считался коммунистом и тоже входил в руководство Венгерской компартии²⁹ и потом Венгерской партии трудящихся.

Итак, к нам прилетел товарищ Лю Шаоци. Кажется, входили в китайскую делегацию Дэн Сяопин и Кан Шэн³⁰. Ныне

---

²⁸ НАДЬ Имре (1896–1958) – глава правительства Венгрии в 1953–1955 гг. и в октябре – ноябре 1956 г. Осужден по обвинению в предательстве родины и казнен, в 1989 г. посмертно реабилитирован. В 1930-е гг. Надя завербовало НКВД и дало ему кличку Володя.

²⁹ Коммунистическая партия Венгрии (1918–1943). Венгерская коммунистическая партия (1944–1948). Венгерская партия трудящихся (1948–1956). Затем называлась Венгерской социалистической рабочей партией (до октября 1989 г.).

³⁰ ДЭН СЯОПИН (1904–1997) – член КПК с 1924 г., член ее ЦК в 1945–1966 гг., 1973–1976 гг. и 1977–1987 гг., член его Политбюро в 1955–1966 гг., 1974–1976 гг. и 1977–1987 гг. В 1956–1966 гг. – генеральный секретарь ЦК КПК, заместитель главы правительства. В 1952–1966 гг. и в 1975–1982 гг. – заместитель председателя ЦК КПК. В 1977 г. он провозглашает кампанию «Пекинская весна», в ходе которой начинается низвержение «культурной революции» Мао Цзэдуна. Он провозгласил принцип «социализма с китайской спецификой», чем открыл путь экономическим и политическим преобразованиям в стране.

Дэн Сяопин оказался в опале, и я ничего не знаю о его судьбе, а Кан Шэн к нам очень плохо относится, он в руководстве Китая является наиболее враждебно настроенным человеком в отношении СССР и КПСС. Лю Шаоци приятный человек, с ним можно по-человечески рассматривать вопро-

---

В 1978–1983 гг. председатель Всекитайского комитета народного политическо-го консультативного совета. В 1975–1980 гг. начальник Генерального штаба. В 1982–1987 гг. председатель Центральной комиссии советников КПК. В 1981–1989 гг. председатель Военного совета ЦК КПК. В апреле 1989 г. высказывает-ся за силовое разрешение кризиса во время демонстраций на площади Тянаньм-энь в Пекине, чем предотвращает сползание в хаос и сохраняет единство стра-ны. В 1983–1990 гг. председатель Центрального военного совета КНР. В 1992 г. уходит со всех постов, но сохраняет решающее влияние на политическую жизнь Китая.КАН ШЭН (1898–1975) – один из лидеров компартии Китая (КПК), ру-ководитель органов госбезопасности, один из главных организаторов «культур-ной революции». Член КПК с 1925 г. В качестве лидера партийной ячейки КПК участвует в нескольких восстаниях в Шанхае под руководством Чжоу Эньлая, в 1938 г. назначается в секретариат ЦК КПК. В 1938–1945 гг. Кан Шэн возглав-лял Шэхуэйбу – главный орган разведки КПК до её прихода к власти в 1949 г. После образования КНР Кан практически не появлялся на публике. В середине 1950-х гг., благодаря своей активной роли в нападках на Пэн Дэхуая, возвращает контроль над аппаратом безопасности КПК и становится личным агентом Мао во внутрипартийной борьбе. В 1959 г. начинает кампанию по борьбе с традици-оналистами, которая позже переросла в «культурную революцию». В 1962 г. ста-новится членом секретариата ЦК КПК. В 1966 г. избирается членом Политбюро ЦК КПК и становится одним из руководителей Группы по делам «культурной ре-волюции», организовывал кампании против Пэн Дэхуая, Лю Шаоци, Дэн Сяопи-на, Линь Бяо и многих других лидеров КПК. Его последняя провокация 1976 г. была направлена против Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина, но он не дожил до ее на-чала, умер от рака 16 декабря 1975 г. В 1980 году Кан был посмертно исключен из партии и его прах был вывезен с Бабаошаньского революционного кладбища.

сы и решать их³¹. Президиум ЦК партии уполномочил меня вести переговоры. С нашей стороны в состав делегации входил еще Пономарев³². Мы вели беседу всю ночь напролет, обсуждали ход событий, рассматривали варианты, думали, что же нам предпринять?

Вопрос стоял остро: предпринять ли нам в Венгрии военную акцию или же нет? Если нет, то какие к тому имеются основания, ведь контрреволюция бушует в полной мере, в Будапешт уже приехали из Вены эмигранты и захватывают руководство страной в свои руки. В самом Будапеште находились в то время Микоян и Сулов³³. Они нам сообща-

---

³¹ В то время Дэн Сяопин был вице-премьер-министром правительства Китая, а Кан Шэн возглавлял службу безопасности. С началом «культурной революции» Дэн Сяопина лишили всех постов и сослали в провинцию на перевоспитание. Он вернулся к активной деятельности после смерти Мао Цзэдуна. Кан Шэн во время «культурной революции» возвысился, занимал пост советника по культурной революции при ЦК КПК.

³² ПОНОМАРЕВ Борис Николаевич (1905–1990) – партийный работник. В 1926 г. окончил Московский университет и в 1932 г. Институт красной профессуры. В 1932–1934 гг. заместитель директора Историко-партийного института Красной профессуры, в 1934–1937 гг. директор Института истории партии при Московском комитете ВКП(б). В 1936–1943 гг. помощник руководителя Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова. С 1944 г. заместитель заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б), с 1947 г. заместитель начальника, начальник Совинформбюро при Совете Министров СССР. В 1948–1955 гг. первый заместитель заведующего, с 1955 по 1986 г. заведующий Отделом по связям с иностранными коммунистическими партиями – Международным отделом ЦК КПСС. В 1961–1986 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1972–1986 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Академик (1962).

³³ МИКОЯН Анастас Иванович (1895–1978) в указанное время был первым

ли, что там идет стрельба, развернулось сражение. В других районах страны этого не наблюдалось, там было спокойнее и никаких особых проявлений вражды в отношении СССР и венгерских коммунистических руководителей не ощущалось.

При обсуждении с Лю Шаоци сложной ситуации, которая сложилась в Венгрии, у нас чувствовалось абсолютное доверие друг к другу: одной делегации к другой и одной партии к другой. Мы в процессе беседы приходили то к тому, то к другому решению, изменяли их несколько раз за ночь. Лю сейчас же связывался с Мао, передавал ему нашу точку зрения. И, как правило, мы получали согласие с такой точкой зрения. Несмотря на то что она менялась, Мао соглашался с противоречащими одно другому решениями, которые мы тут вырабатывали, заседаая, если можно так сказать, как

заместителем Председателя Совета Министров СССР и членом Президиума ЦК КПСС. СУСЛОВ Михаил Андреевич (1902–1982) – партийный работник. В 1926 г. окончил Московский институт народного хозяйства, в 1931 г. окончил аспирантуру в Институте экономики Коммунистической академии. В 1931–1934 гг. в аппарате Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК – РКИ), а с 1934 г. – в Комиссии советского контроля при Совете Народных Комиссаров СССР (СНК СССР). В 1938–1939 гг. – второй секретарь Ростовского областного комитета ВКП(б), 1939–1944 гг. – первый секретарь Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома ВКП(б). В 1944–1946 гг. председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР. С 1946 г. руководитель отдела внешней политики ЦК ВКП(б), а с 1947 г. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС. В 1949–1951 гг. главный редактор газеты «Правда». В 1947–1982 гг. секретарь ЦК ВКП(б)/КПСС. В 1952–1953 гг. и 1955–1982 гг. член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС.

бы в смешанной советско-китайской комиссии по венгерскому вопросу. Закончили мы ночь решением не применять силу в Венгрии и дать возможность развиваться событиям самим по себе. Мы хотели верить, что внутренних сил окажется там достаточно, чтобы взять верх, восстановить порядок и не позволить контрреволюции захватить власть. За ночь мнение менялось несколько раз: то Советский Союз, то Китай предлагал применить войска, а в другой раз – наоборот. Однако, несмотря на все наши колебания и споры, отношение делегаций друг к другу было очень хорошим, основанным на полном доверии и искренности.

Заседали мы на даче Сталина, в Липках, где жила китайская делегация. Уехали домой уже утром, так и решив: советские войска в ход не пускать. И тут же утром получили сообщение из Будапешта, что контрреволюция начала буквально погром: коммунистов вешают за ноги, особенно чекистов и партийных руководителей; идет жестокая, зверская расправа. Собрались члены Президиума ЦК партии, еще раз все обсудили и решили применить силу. Но с Китаем мы уже договорились, что не будем применять силу, и Лю передал это в Пекин. Было бы нехорошо с нашей стороны, договорившись об одном, делать обратное. Лю должен был улетать в Китай вечером того же дня. И мы договорились с ним, что мы приедем на Внуковский аэродром пораньше и проведем там еще одну общую беседу. Сказали, что хотели бы вернуться к тому вопросу, по которому просидели всю ночь.

Приехали мы, по-моему, в полном составе членов Президиума ЦК, прибыла и делегация Китая. В отдельной комнате мы и провели беседу, объяснив причины изменения нашей точки зрения. Лю согласился, что другого выхода, видимо, нет, придется пойти на крайние меры. Он выразил уверенность в том, что братские коммунистические партии и венгерский народ поймут, что это была вынужденная акция в интересах рабочего класса, в интересах прогрессивных сил. Ведь трудно было даже представить себе возможные последствия утверждения контрреволюции в Венгрии.

Китайцы улетели. Мы были очень довольны их визитом и не усматривали никаких разногласий в отношениях между нашими партиями. После наведения порядка в Венгрии в Москву прилетел Чжоу Эньлай. Отсюда он полетел в Варшаву, в Будапешт, а потом, по-моему, в Белград. После ликвидации мятежа контрреволюции в Венгрии у нас опять ухудшились отношения с Югославией, хотя касательно изменения силы югославские товарищи, а в первую голову товарищ Тито, были полностью с нами согласны и одобряли такую акцию. Мы ведь к ним специально летали туда с Маленковым и советовались, применять нам силу или нет.

Мы были очень довольны прибытием Чжоу Эньлая. У нас обострились отношения с Польшей, а у Китая этого не было. И мы рассматривали Китай как доброго посредника, который может смягчить обостренные отношения между компартиями СССР, Польши и Венгрии. Хотя не все было бла-

гополучно и с Югославией, но мы считали, что надо не идти путем ухудшения отношений, а изыскивать пути их нормализации и установления братских связей между компартиями наших стран. Чжоу приехал в СССР с хорошим настроением. Но я бы сказал, что проявился уже какой-то сквознячок, вроде бы ощущались какие-то щели, сквозь которые дуло. Может быть, это был результат обостренности нашего восприятия? Ни в чем конкретно это не проявлялось, просто мы чувствовали холодок в интонациях. Чжоу, попросту говоря, более независимо высказывал теперь свои суждения, нежели раньше.

Мы к этому относились с пониманием. Ведь вина за ухудшение отношений с Польшей и Венгрией ложилась на Сталина, значит, и на нас. Сталин породил такие отношения, и они должны были когда-то прорваться, не могли пройти бесследно. Теперь мы расплачивались за прежние кровавые дела, которые он учинил в руководстве Польши и Венгрии. Мы нуждались в правильном понимании нашей позиции, позиции осуждения методов насилия, осуждения поступков Сталина, хотели восстановить нормальные, братские отношения с нашими друзьями и на равноправной основе хотели строить наши отношения на базе уважения к народам всех стран и к руководству их коммунистических партий.

Отношения должны были нормализоваться именно на новой основе, потому что прежде Сталин считал себя персону, которая отдает распоряжения, изрекает законы в ком-

мунистическом движении, а остальные должны качать головами, как болванчики, смотреть ему в рот и только повторять: «Да, да, гениально. Полностью согласны». Тогда большего не требовалось. Но теперь нужны были другие отношения. Если создавать равноправие, следовательно, надо научиться выслушивать неприятные замечания, понять обиду на методы, которые применял Сталин. Все это и легло на наши плечи. Прокисшую похлебку, сваренную Сталиным, приходилось расхлебывать после его смерти.

Китай сыграл здесь положительную роль. Но мы чувствовали себя не совсем хорошо и видели, что китайские руководители несколько по-другому стали вести себя в беседах при обсуждении наших общих вопросов. Зато быстро шла нормализация отношений с Польшей. Здесь проявилась огромная заслуга товарищей Гомулки, Циранкевича, Спыхальского³⁴ и других, которые пришли в польское руководство. После подавления контрреволюции в Венгрии там тоже довольно быстро стало нормализоваться положение. Венгерские товарищи с большим пониманием отнеслись к применению нами военной силы для устранения контрреволюции, а ведь там проявилась контрреволюция в чистейшем виде. Однако некоторые затруднения наметились в других братских партиях. Отдельные члены компартий Франции, Италии и ряда

---

³⁴ ГОМУЛКА Владислав (1905–1982) был тогда первым секретарем ЦК ПОРП. ЦИРАНКЕВИЧ Юзеф (1911–1989) был тогда членом Политбюро ЦК ПОРП и председателем Совета министров ПНР. СПЫХАЛЬСКИЙ Марианн (1906–1980) был тогда министром народной обороны.

других не поняли сути дела и публично осуждали наши действия в Венгрии. Особенно тяжело переживали происходящее литераторы и остальные представители интеллигенции. С Югославией у нас тоже пошел процесс нормализации отношений. И мы, и югославы со своей стороны все делали для этого.

XX съезд КПСС и поворот в отношениях с Китаем

В сложившейся к 1957 году обстановке назрел вопрос созыва международного совещания коммунистических и рабочих партий. Стали вести подготовку. Договорились приурочить совещание к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Была создана комиссия, которая готовила предварительные документы. Наступило время, и встретились мы в Москве.

Компартия Китая прислала очень солидную делегацию. Ее возглавлял сам Мао Цзэдун, а в состав делегации входили, по-моему, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Кан Шэн и другие. Входила в нее и жена Сунь Ятсена Сун Цинлин. Признаюсь, мы были несколько озадачены этим, потому что я и тогда не знал и сейчас не знаю, являлась ли она членом компартии. Мы-то полагали, что она беспартийная. Правда, она очень прогрессивный человек и в течение многих лет в ходе борьбы китайского народа против реакции всегда занимала коммунистические позиции. Нас особенно не беспокоило, является ли она формально членом компартии или не имеет партийного билета. Ведь по своим убеждениям она была близким к коммунистам человеком. Сун Цинлин вела себя по отношению к нам тоже хорошо, по-товарищески, по-братски.

Работа совещания в целом протекала на высоком идейном и политическом уровне. Особых разногласий между делегациями не возникало. Данное совещание представителей братских партий было самым широким и со времен Коминтерна. В Москву прибыли посланцы 80 с лишним партий. Мы обсуждали международное положение, возможности предотвращения мировой войны. Ракетно-ядерная война вообще всегда оставалась темой таких совещаний. Если разразится мировая война, не знаю, удастся ли воюющим сторонам удержаться на применении средств обычного, классического вооружения, или события перерастут в ракетно-ядерную войну. Ведь ту сторону, которая станет терпеть поражение, но имеет у себя резервы ядерно-ракетного оружия, трудно будет удержать от его применения: для своего спасения она захочет нажать «на все кнопки». Ну пока что это вопрос будущего. Не хочу сейчас пророчествовать и говорю о прошлом.

Мао выступил на этом совещании по вопросам войны. Речь его носила примерно такой характер: войны не следует бояться. И не следует бояться ни атомных бомб, ни ракетного оружия. Какой бы такая война ни была, мы, социалистические страны, все равно победим. Говоря конкретно о Китае, он заявил: «Если империализм навязет нам войну, а у нас сейчас 600 миллионов человек, и мы потеряем из них 300 миллионов, так что же, это ведь война, пройдут годы, мы вырастим новых людей и восстановим численность насе-

ления». Вот в такой грубой форме он все это и сказал. После его слов наступило гробовое молчание. Никто не был подготовлен к такому подходу к мировой войне. Все думали, наоборот, о том, какие изыскать возможности, чтобы избежать ее. Главной темой служила именно борьба против мировой войны, за мирное сосуществование. И вдруг Мао выступает с лозунгом, что войны не надо бояться, она принесет нам победу, а если окажутся потери, так на то и война!

После этого заседания делегации начали обмениваться впечатлениями. Помню, как товарищ Новотный³⁵ сказал: «Товарищ Мао Цзэдун говорит, что из 600 миллионов человек они готовы потерять 300 миллионов. А как нам быть? У нас 12 миллионов. Мы тогда потеряем всех, и некому будет восстанавливать численность нашего населения». Гомулка реагировал еще более резко. Однако критика со стороны представителей братских партий не произвела на Мао ни малейшего впечатления. Пока такая линия еще не стала постоянной нормой его поведения. Но уже чувствовалось, что он ставит себя выше остальных. Иногда же он позволял себе вещи, вообще недопустимые, и делал все это, не обращая ни на кого внимания. Так, однажды он сидел рядом со своей женой Цзян Цин³⁶ и все время с ней заигрывал, говорил непристой-

---

³⁵ НОВОТНЫЙ А. (1904–1975) – в ту пору первый секретарь ЦК КПЧ и президент Чехословакии.

³⁶ ЦЗЯН ЦИН, урожденная ЛИ ШУМЭН (1914–1991) – шанхайская актриса, член компартии Китая с 1934 г., четвертая жена МАО ЦЗЭДУНА с 1939 г., в 1950-е гг. министр культуры, выступила инициатором реформы китайского те-

ности и сам хохотал, и она смеялась. Вряд ли нужно было допускать такое поведение вообще, тем более на серьезном заседании. Это тоже говорило о том, что Мао себя не хочет сдерживать и ведет себя, не считаясь с окружающими.

Югославия тоже прислала свою делегацию, ее возглавлял Кардель, Ранкович³⁷ также входил в ее состав. Он очень хорошо, по-дружески относился к нам, да и мы со своей стороны относились к нему с полным доверием. Но, когда мы стали согласовывать заключительный документ совещания, югославы поставили вопрос об изменении некоторых формулировок. Мы считали, что это невозможно. Другие компартии поддерживали нас, заявив, что декларацию нужно принять в тех формулировках, как это было уже записано и отработано членами комиссии из представителей братских партий. Тогда югославы сказали, что они такого докумен-

---

атра. С её именем связывают процессы по ликвидации китайских традиционных культурных ценностей и травле творческой интеллигенции. По её инициативе стали повсюду ставиться революционные оперы и революционные балеты, которые венчали собой явления «нового искусства». Впервые вышла на широкую политическую арену летом 1964 г., а в 1966 г. де-факто, стала лидером Группы по делам «культурной революции», организатором бесчинств хунвэйбинов и цзаофаней (молодежных отрядов и рабочих отрядов) в ходе «культурной революции» 1966–1976 гг. После смерти Мао в 1976 г. совместно с ЛИНЬ БЯО была причислена к «банде четырех», отстранена от партийных и государственных постов, осуждена за злоупотребления властью, скончалась в заключении.

³⁷ КАРДЕЛЬ Э. (1910–1979) являлся тогда членом Исполкома, секретаря Исполкома и Президиума ЦК Союза коммунистов Югославии; РАНКОВИЧ А. (род. 1909) был заместителем председателя Союзного исполнительного веча, членом ЦК СКЮ.

та не подпишут. Нам ничего не оставалось, как подписать его без Югославии. Мы долго ухаживали за ее делегацией, уговаривали, доказывали необходимость подписать декларацию в таком виде, в каком она была подготовлена комиссией, но югославы остались неумолимы. У меня сложилось даже впечатление, что они нарочно придрались и настаивали на изменении формулировок потому, что просто не были еще готовы полностью нормализовать отношения с братскими партиями и подписать совместный международный документ. Подписав его, они как бы теряли свое лидерство среди так называемых «третьих стран», которые занимали особую, промежуточную позицию между империалистическими державами и социалистическими государствами. У меня, во всяком случае, сложилось именно такое мнение, потому что никакого разумного основания не подписывать текст у югославов вроде бы не существовало.

Мы обсуждали этот вопрос с китайцами, и Мао тоже сказал: «Ну, что же, не хотят, их дело. Давайте подпишем без них». И мы подписали декларацию, не став обострять отношения с югославской делегацией. Мы все же надеялись, что впоследствии югославы присоединятся к общему документу, и делали все со своей стороны, чтобы нормализовать отношения с Югославией, строя их на базе братства и доверия. А наши беседы с китайской делегацией и лично с Мао были самыми дружескими, я бы даже сказал – интимно дружескими. Однако потом выяснилось, что со стороны китайцев это была

игра. Когда у нас все же улучшились отношения с Югославией, кто-то из югославских товарищей рассказал, что, когда они беседовали во время совещания с Мао, он довольно пренебрежительно отзывался о нас. С нами он обсуждал вопрос, как уговорить югославов подписать совместное заявление, а им прямо заявил: «Что же, ну не подпишете вы заявление, дело ваше. Собственно говоря, тут никакой трагедии нет. Только наши хозяева, представители КПСС, немножко понервничают. А потом успокоятся». Одним словом, за нашей спиной Пекин провоцировал югославскую делегацию не присоединяться к общему документу и подал ей руку ободрения, чего мы тогда не знали.

При обсуждении текста декларации возникли разногласия, хотя уже другие, и с китайцами. Тогда они казались нам незначительными. Но, как показали дальнейшие события, имели под собой глубокую основу. При подготовке проекта декларации наша делегация по поручению Президиума ЦК КПСС внесла предложение исключить из текста все упоминания о лидерстве КПСС в мировом коммунистическом движении. Я считал, что после разоблачения ошибок Сталина подобные положения, да еще записанные в международной декларации, могут быть восприняты как попытка возвращения к сталинским методам руководства коммунистическим движением, попытка возвращения нашей партии к тому, чтобы утвердить гегемонию над другими братскими партиями. Это могло быть воспринято как стремле-

ние пересмотреть новые взаимоотношения коммунистических партий разных стран, основывавшиеся теперь на принципах равноправного сотрудничества.

Почти все представители братских партий правильно поняли наше предложение и согласились с ним. Неожиданно стали возражать как раз китайцы. Они заявили, что КПСС реально возглавляет мировое коммунистическое движение и что это должно быть отмечено в документах совещания; необходимо иметь лидера, который направлял бы политику всех коммунистических и рабочих партий в борьбе против империализма. Мы не смогли согласиться с этим, тем более что предполагали (а последующие события подтвердили наше мнение), что это делается неспроста. Если все другие партии признают за одной роль лидера, то лидера можно ведь и заменить. Сегодня – один, завтра – другой. Мы считали, что китайцы готовят себе почву для будущих притязаний на такую роль. Поэтому мы поблагодарили китайских товарищей за признание заслуг КПСС перед мировым коммунистическим движением, но твердо сказали, что выступаем против подобной записи. Другие партии вновь согласились с нами. На этом обсуждение текста закончилось. Однако данный инцидент свидетельствует о том, что нынешняя политика КПК не возникла вдруг и на пустом месте, а исподволь готовилась ею уже давно.

Во время работы совещания у нас состоялись встречи со многими делегациями или даже со всеми. Много беседовал

я с Мао и его товарищами, которые с ним прибыли. Эти беседы выглядели как самые дружественные и приятные. Мао, между прочим, при личных встречах давал характеристики членам Политбюро ЦК КПК. Меня его характеристики насторожили. О большинстве своих товарищей он говорил в мрачных тонах или даже, я бы сказал, грязно. Он все красил в черный цвет. О Лю Шаоци я сейчас не могу дословно повторить сказанное им: Мао отзывался о нем очень плохо, приводя какие-то «факты» в доказательство. Чжоу Энляо он тоже дал отрицательную характеристику. Даже о старом товарище Чжу Дэ³⁸ говорил гадости. Казалось бы, Чжу Дэ – больше воин, чем политик, к тому же хороший воин, беззаветно сражавшийся за дело рабочих и крестьян Китая и оказавшийся хорошим коммунистом. Но нет! Столь же плохо характеризовал Мао и всех других, кроме Дэн Сяопина, который уже тогда был генеральным секретарем ЦК компартии Китая. Мао показал на него: «Вот этот маленький (мы с Мао беседовали во время приема, сидя отдельно) – очень умный человек, очень перспективен». И он на все лады рас-

---

³⁸ ЧЖУ ДЭ стал командиром полка в 1911 г., когда вступил в суньятсеновский гоминьдан и участвовал в свержении китайской монархии. Коммунистом он стал в 1922 г., когда учился в Германии. А широкую известность в СССР приобрел в 1927 г., после того как Уханьское правительство капитулировало перед Чан Кайши и в Наньчане вспыхнуло коммунистическое восстание против реакционеров. Будучи членом ревкома восставших, Чжу принял на себя командование 9-м корпусом войск и стал активно участвовать в походах китайской Красной армии, в 1931 г. был избран в составе Советского правительства Китая наркомом по военным и морским делам.

хваливал мне Дэна как будущего руководителя всего Китая и его компартии.

Дэна я почти не знал до той встречи. До победы Китайской революции его имя не фигурировало у нас в газетах. Зато имя Чжу Дэ гремело с самого начала гражданской войны в Китае. Полковник Чжу перешел на сторону Коммунистической партии и возглавил вооруженную борьбу против Чан Кайши. Он одним из первых старых кадровых офицеров китайской буржуазной армии поднял знамя борьбы за дело народа. Я помнил и имя Гао Гана, тоже представителя прежней боевой гвардии, которая воевала за идеи Коммунистической партии. Конечно, в то время уже не было Гао Гана, и о нем не могла идти речь во время нашего совещания. А Мао задним числом характеризовал его как самого плохого человека. Когда он давал такие характеристики людям из своего окружения, то невольно я сравнивал его со Сталиным.

Сталин тоже характеризовал таким же образом всех близких. Не знаю, кого он выделял в лучшую сторону. Причем он не только давал скверные характеристики, но и физически уничтожал тех людей, с которыми работал. Из тех, с кем он оставался рядом после смерти Ленина, большинства уже не было в живых. Тут сквозили нотки, сближающие Мао со Сталиным. Я увидел здесь какое-то родство их душ, правда, далекое. Тогда я не мог себе и представить, какими красками расцветится потом характер Мао и к какой трагедии он приведет свой народ.

Мао спрашивал меня, как идут у нас дела. Я ему рассказывал, что дела у нас идут хорошо, работаем мы дружно. Но сказал также, что среди наших товарищей поговаривают, что следует заменить товарища Булганина и передвинуть его на другой пост, а председателем Совета Министров выдвинуть нового человека, поскольку товарищи не удовлетворены работой Булганина. Я это сказал ему потому, что считал: будет нехорошо, если после отъезда Мао у нас начнутся какие-то перестановки, о которых мы его не проинформировали. Он мог подумать, что мы что-то скрываем. И я ему рассказал откровенно и искренне о наших внутрипартийных вопросах, об отношениях среди членов руководства. «Кого же у вас думают выдвинуть взамен?» – «Мы еще ничего не решили. Но я, хотя еще и не твердо, буду предлагать товарища Косыгина»³⁹. – «А кто такой Косыгин?» Я ему рассказал о Косыгине. «Вы меня познакомьте с ним!» Я познакомил их, и они

---

³⁹ КОСЫГИН Алексей Николаевич (1904–1980) – советский государственный деятель. В 1935 г. окончил Ленинградский текстильный институт. В 1937–1938 гг. директор фабрики в Ленинграде. В 1938–1939 гг. председатель Ленинградского горисполкома. В 1939–1940 гг. нарком текстильной промышленности. В 1940–1956 гг. и 1957–1960 гг. заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР. В 1956–1957 гг. первый заместитель председателя Госплана СССР, а в 1959–1960-х гг. председатель Госплана СССР. В 1960–1964 гг. первый заместитель, а в 1964–1980 гг. председатель Совета Министров СССР. В 1948–1952 гг. и 1960–1980 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. В 1957 г. занимал пост заместителя председателя Совета Министров СССР, потом первого заместителя и одновременно являлся первым заместителем председателя Государственной экономической комиссии Совмина СССР, был кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

удалились поговорить в какой-то уголок. Мне было приятно, что Мао хочет познакомиться с человеком, который станет возглавлять правительство СССР. Я расценил это как желание и в дальнейшем укреплять хорошие отношения между нашими государствами и нашими партиями.

Совещание закончилось. Китайцы уехали. Но много раз после него с официальными визитами или инкогнито к нам приезжал Чжоу Эньлай. И всегда его приезды оказывались приятными. Мы хорошо сошлись с ним, сами очень хорошо к нему относились, и эти встречи доставляли нам радость. Он информировал нас о положении дел в Китае, и мы были довольны, что все у них идет как надо. К тому времени в Китае закончилась коллективизация деревни. Она прошла успешно, и мы были просто в восторге от этого. Когда я лично, бывало, думал о перестройке сельского хозяйства на социалистический лад, то заранее представлял себе те невероятные трудности, которые ждут каждого, кто возьмется за такое дело. Я-то знал, как тяжело проходила она у нас. Китай же был еще более бедной и разоренной страной, чем Россия, не имел почти никакой техники, везде господствовал ручной труд с сохой и лопатой. Не каждое тамошнее хозяйство имело плуг. Как проводить коллективизацию в таких условиях?

Ленин говорил, что объединение крестьян в кооперативы возможно только на базе механизации: если бы у нас было 100 тысяч тракторов, писал он, то крестьянин сказал бы, что он выступает за коммунию. В Китае же не только тракто-

ров, керосина и кадров, а даже плугов почти не имелось. Но, несмотря на большие трудности, китайцы справились с коллективизацией. Видимо, это объяснялось небольшой их требовательностью: они довольствовались малым, и, когда объединяли свои нищенские средства производства, это сразу дало им возможность лучше обрабатывать землю и больше извлекать выгод из вложенного труда, лучше обеспечивать крестьян. Мы радовались этому успеху компартии Китая.

Я уже говорил о китайской промышленности. С нашей помощью они строили тракторный и автомобильный заводы, оборонные заводы по производству артиллерии, вооружения, самолетов. Мы гордились этим, и нам было приятно оказывать помощь Китаю, а Китай соответственно платил нам вниманием и дружбой. Так что внешне отношения были предельно хорошими. При встречах членов руководства мы говорили буквально обо всем, и хорошем, и плохом, что встречалось у нас, ничего не скрывая. Много шутили, смеялись.

Помню, когда были мы в Китае и ездили по стране, то видели примитивную организацию земляных работ, основанную на ручном труде, без механизации. Китайцы стояли цепью и передавали из рук в руки корзины, наполненные землей. Получился своеобразный конвейер. Некоторые тащили корзинки на плечах или спине. Наши доморощенные остряки придумали (не знаю, кому из наших принадлежит авторство этого выражения), что перед нами китайский шагаю-

ший экскаватор. Довольно метко, я бы сказал, брошено было сравнение. Как-то за общим обедом мы много шутили, а китайцы любят шутки и сами были часто их инициаторами. Тут я им и рассказал, как, на наш взгляд, в Китае работают эти шагающие экскаваторы. Они хохотали. Но я потом подумал: как бы это не обидело их, ведь китайцы очень обидчивы. Нет, они правильно поняли шутку и не обиделись. Или же обиделись, но не подали вида. Они хорошо умеют маскироваться, это тоже их особенность. Умеют носить на лице маску, которая не выражает их истинного отношения к делу, их чувств.

В 1958 г. китайцы обратились к нам с просьбой оказать им помощь оружием, так как они хотят провести новую военную операцию против Чан Кайши. Они попросили авиацию прикрытия, дальнобойную и береговую артиллерию, что-то еще. Мы все это дали им. Думали, что они замышляют что-то решительное по ликвидации Чан Кайши. Мы их тогда не только не сдерживали, а, напротив, считали такие действия правильными, помогающими объединению Китая. И они начали проводить свою операцию. Конкретно она вылилась в нападение на два прибрежных острова⁴⁰, которые примыкали к берегам континентального Китая. Эта операция оказалась не из легких. Долгое время велась перестрелка, причем американцы активно помогали Чан Кайши. Однако перевес

---

⁴⁰ Речь идет о наиболее крупных из 64 скалистых Пескадорских островов (Пэнхуледао) в Тайваньском проливе.

был на стороне сил Китайской Народной Республики. Мы, конечно, были всемерно заинтересованы в их победе, все наши симпатии были на стороне Мао. Надо было ликвидировать очаги чанкайшистов на этих двух островах, которые могли послужить трамплином для высадки десанта в континентальном Китае. Тогда Чан Кайши еще мечтал об этом, а американцы, по нашим сведениям, подталкивали его к нападению на континентальный Китай.

Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что стрелка склоняется в пользу КНР и эти острова можно занять, а Мао прекратил наступление. Бои затихли, и операция ничем не завершилась. Потом, при встрече с Чжоу Энляем, когда он как-то приехал к нам, мы его спросили: «Почему вы тогда так поступили?» – «А, – говорит, – мы это сделали сознательно». – «То есть как сознательно? Вы же не захватили островов, а ведь начинали операцию с тем, чтобы занять их? В чем же состоит ваша сознательность, и какая польза от такой вашей акции?» – «А мы хотели показать наши возможности, но не хотели, чтобы Чан Кайши ушел от нас далеко. Мы желаем, чтобы он оставался в радиусе досягаемости наших военных возможностей. Мы можем ведь не только авиацией ударить по этим островам, но и достать их береговой артиллерией. Если бы мы заняли острова, то силы Чана оказались бы от нас на таком расстоянии, что мы были бы лишены возможности беспокоить его военными средствами в нужное для нас время». – «Какая же тут выгода? Иметь

острова, занятые противником у своих берегов, и ждать его десантной операции. Такая близость дает ведь лучшие возможности именно противнику?»

Но Пекин доказывал свое. Так мы и не поняли, почему там отказались от завершения операции. Зачем же тогда они нанесли большой ущерб островам? Они сильно побили их, с одного из них Чан Кайши эвакуировал даже свои войска. Надо было лишь занять опустевший остров. Мне и сейчас непонятно, почему не была окончена операция, на которую затратили много средств. Еще когда она готовилась, мы считали, что, может быть, необходимо помочь Китаю более активно? И предложили перебросить к ним нашу истребительную авиацию, дивизию самолетов или сколько понадобится. Они на это предложение вдруг реагировали очень нервно и дали нам понять, что такое предложение их обидело, оскорбило: им такой помощи не надо! Мы не стали навязываться. Мы-то думали о содействии, раз они сами прежде обратились к нам. Дали им самолеты, артиллерию, послали своих авиационных инструкторов, а также генералов в качестве советников. Но когда от присылки наших соединений они отказались, мы почувствовали, что это было ими плохо расценено, хотя мы не преследовали никаких иных целей, кроме желания помочь другу и брату в укреплении его государственных границ и в объединении страны. Мы ведь всегда поддерживали стремление Китайской Народной Республики, направленное на ликвидацию чанкайшистского прави-

тельства, присоединение прибрежных островов и включение Тайваня в состав КНР.

Когда проводилась эта операция, те два острова маячили на страницах мировой печати. Имели место и другие примечательные эпизоды, которые раскрывали нам истинное лицо Пекина в смысле дружеских отношений с нами. Над Китаем шли воздушные бои. Авиация Чан Кайши имела на вооружении американские самолеты с ракетами класса «воздух – воздух». Какие-то ракеты, пущенные чанкайшистами по самолетам Китайской Народной Республики, отказывали и потом падали на землю. Некоторые из них сохранились в довольно хорошем состоянии. Наши советники знали это и докладывали о том нам. Естественно, нас интересовали военные новинки США, особенно все, относящееся к ракетному делу. То были довольно маленькие ракеты «Сайдуиндер»⁴¹, но весьма сложные по устройству.

Тут у нас появилась очередная возможность познакомиться с американской техникой. Как говорится, американцы сами послали нам свои образцы через Китай. И мы обратились к китайцам, написав им, что знаем: ими захвачены такие-то ракеты, и мы хотели бы их изучить, а тем самым использовать потом американскую технику в наших общих интересах... Ответа нет. Проходит какое-то время, мы напомина-

---

⁴¹ Ракета «воздух – воздух» AIM-9 «Сайдуиндер» поступила на вооружение авиации США в 1956 г. Вес ракеты 84 кг, дальность действия 1,8 км, тепловая головка самонаведения. (Подробнее см.: *Хрущев С.Н.* Рождение сверхдержавы. М.: Время, 2010. С. 196–202.)

ем. Ответа вновь не дают. Мы были удивлены: как же так? Мы дали Китаю все – нашу секретную военную технику, чертежи, технологические карты производства, образцы, напрямую вооружаем китайцев, а здесь попало трофейное оружие, которое они захватили в боях с Чан Кайши, и нам его не дают? Москве это было просто непонятно. Стали мы проявлять настойчивость. Тут они ответили, что сами сейчас изучают эту ракету, а так как у них есть всего один экземпляр, то дать его нам не могут. Вот когда изучат, то сами обменяются с нами информацией.

Мы не могли согласиться с этим. Ракетная техника сложна, а Китай еще не находился на таком уровне технического развития, чтобы быстро и грамотно справиться с изучением новой ракеты. Мы считали, что больше к тому подготовлены, потому что у нас уже и строились такие ракеты, и состояли на вооружении, так что американский образец был нужен нам для сравнения. Ожидали, конечно, что американцы могли придумать что-то новое, интересное, что можно было бы позаимствовать для нашей армии. Кроме того, такой ответ нас очень задел и обидел по существу. Полагаю, что каждый человек на нашем месте реагировал бы точно так же. Оно и понятно: мы от Китая ничего не держим в секрете, все им даем, помогаем и оборудованием, и советниками, и монтажниками, и инженерами, и конструкторами, делимся по-братски чуть ли не последним куском хлеба, а здесь они получили трофейное оружие и не хотят его нам дать!

Но делать нечего: оружие-то находится у них. И мы решили оказать на китайцев некоторое давление. В то время мы готовили для отправки им документацию на производство баллистических ракет среднего радиуса действия, и они нас очень торопили с поставками. Мы дали указание нашим военным советникам выразить при переговорах свое неудовольствие и, как бы лично от себя, в частном порядке, сказать, что мы-то поставляем Китаю нашу новейшую технику, а они не хотят дать нам даже трофейную ракету, это нас обижает. Советники должны были намекнуть, что у нас возникают «технические трудности» при передаче документации на производство ракет и что, возможно, мы не сумеем уложиться в оговоренные сроки. Мы были убеждены, что такой разговор дойдет до ушей тех, кому следует услышать. Действительно, в скором времени мы получили от китайцев согласие на передачу нам ракеты. Ее передали нашим советникам для отправки в Москву. Тут проявилась со стороны Пекина какая-то неразумная игра в секретность. Она, конечно, наложила некий отпечаток на наши отношения. Я сказал бы, что это подействовало на нас отрезвляюще: брат братом, а денежки, как гласит русская пословица, врозь!

Получили мы эту ракету, и она поступила в научно-исследовательский институт неподалеку от Москвы. Наши конструкторы вскоре доложили, что ракета интересна и что мне следовало бы посмотреть на нее. Я поехал в этот институт. Мне продемонстрировали сборку и разборку ракеты. Она

оказалась весьма интересной с точки зрения ее эксплуатации в условиях войсковых частей. Ее было легко собирать и разбирать при помощи одного только ключа. Наши ракеты были не хуже, но менее технологичны, более сложны при сборке, а по весу – тяжелее. По боевым же качествам наши ракеты не уступали американским. Но мы все же посчитали, что американская ракета сделана лучше. Именно так, вполне объективно, докладывали наши инженеры-конструкторы. И мы решили начать производство такой же ракеты с небольшими изменениями.

О ее изучении мне часто докладывали потом конструкторы. Я тогда довольно много занимался военной техникой, потому что вопрос вооружений стоял остро: мы полагали, что отстаем от США. Надо было наверстывать упущенное, главным образом в ракетах и в авиации, вооруженной ракетами. Противник, окруживший нас военными базами, обладал сильной бомбардировочной авиацией, и нам были жизненно необходимы истребительная авиация, вооруженная ракетами класса «воздух – воздух», и ракеты класса «земля – воздух» для обороны. Следовало как можно быстрее и лучше решить эти вопросы, чтобы вооружиться на случай неожиданного возникновения военной ситуации. Затем мне сообщили, что китайцы не отдали нам чувствительных элементов тепловой головки самонаведения, по размерам очень маленьких, в виде пуговицы. Без них ракета не являлась полноценной. Мы вновь запросили китайцев, но они

нам ответили, что отдали все. Мы не стали более настаивать. Или они потеряли детали, когда собирали и разбирали ракету, или не дали умышленно. Наши научно-исследовательские институты потом сами решили эту проблему, хотя потребовалось очень много времени, пока мы раскрыли технические секреты. И вот мне доложили, что задача решена.

Осадок от дела с этой ракетой лег на наши мозги и отравил наши чувства. Раньше мы буквально детскими глазами смотрели на наши отношения с китайскими братьями. Родовались, что у нас с ними такие хорошие контакты. Китай стал социалистической страной. Это сразу изменило соотношение сил в мире. Ведь Китай – это Китай! Главное, огромная континентальная держава, расположенная у наших границ. Теперь вся социалистическая система складывалась в едином лагере со сплошными границами, что представляло довольно большую силу. Образовались два мировых лагеря: капиталистический и социалистический. Постепенно наша идеология, наша марксистско-ленинская теория побеждали и закреплялись в головах людей. И вот произошел такой инцидент, который заставил нас призадуматься. Наши отношения продолжали развиваться в духе дружбы. Но стал назревать и конфликт. Наши пути начали расходиться. В тот момент в Китае явно обозначилось направление, которое сильно повлияло на прежнюю искренность наших взаимоотношений.

Мао поднял вопрос о «большом скачке»⁴². Могут сказать, что «большой скачок» – внутреннее дело Китая. Верно, но если придерживаться истинно дружеских отношений, сложившихся между социалистическими странами с такими тесными экономическими связями, то было бы полезно обменяться мнениями и заслушать точку зрения всех братских стран. Могут возникнуть особые мнения у отдельной страны или группы стран. Однако в любом случае надо хотя бы информировать друг друга. Мы считали, что такой метод укрепляет взаимное доверие и создает лучшие отношения между нашими государствами и партиями. И вдруг мы о «большом скачке» узнаем через органы печати.

Когда о чем-то узнаешь через печать, то замысел авторов не всегда раскрывается. Смысла лозунга «большого скачка» мы не понимали. Потом, опять же из печати, мы узнали о «малой металлургии»⁴³, то есть о решении строить в Китае маленькие домашние доменные печи. Это была какая-то буквально эпидемия. Отдельные коллективы или даже просто материально обеспеченные люди строили себе доменные

---

⁴² «Большой скачок» 1958–1960 гг. преследовал цель не позднее чем через 7 лет превратить Китай в «великое индустриальное государство», основываясь на «седлообразной теории развития» страны: скачок – закрепление достигнутого при спаде – большой скачок.

⁴³ В августе 1958 г. на расширенном совещании Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ постановили добиться кустарными способами, в домашних доменных и сталеплавильных печах, резкого роста производства чугуна и стали. В 1962 г. вместо намеченной ранее выплавки стали на уровне 10–12 млн тонн предполагалось получить 80–100 млн тонн.

печи. Никто не задумывался насчет качества такого чугуна и о том, сколько он будет стоить. Нечего было и думать о выпуске пригодного для промышленности металла в столь примитивных условиях. Уж и не знаю, к какому давнему веку относится такая металлургия. Нам казалось, что все это как-то несерьезно: и «малая металлургия», и «большой скачок». Мне рассказывали, что даже вдова Сунь Ятсена возле своего дома построила доменную печь. Не знаю, получала ли она чугун из нее. О ней рассказали мне люди, которые были ее гостями и перед которыми она похвалялась своей печью.

Появился в Китае лозунг: за несколько лет догнать Англию по выплавке металла, а потом догнать и перегнать в этом США. Мы, читая такие лозунги, не могли к ним относиться всерьез, потому что знали, что такое невозможно. Невозможно же в примитивных условиях решить столь сложную задачу, хотя и очень заманчиво. Китай тогда находился на сравнительно низком техническом и экономическом уровне развития. Даже мы, ставя такую задачу перед СССР, не называли конкретных сроков. У нас действовал сугубо общий лозунг: догнать и перегнать Америку как самую развитую капиталистическую страну. Но мы тоже еще находились на такой стадии развития, что называть сроки, когда это совершится, не осмеливались. Потом в КНР началась организация коммун. Китайцы стали объединять всех крестьян, обобществляя даже средства потребления и бытовые вещи. Это совершенно невозможное дело, которое мо-

жет привести к тяжелым последствиям.

Вообще в Китае люди на придумывание лозунгов довольно способны и могут такие лозунги хорошо подать населению. К нам поступали китайские газеты, наши люди читали их, и мы стали получать сведения, что и советские газеты в районах, пограничных с Китаем, тоже ставят вопросы перенятия опыта братского китайского народа в строительстве коммун. Появились даже предложения взять на вооружение «большой скачок». Нас это, надо признаться, испугало. Мы уже не могли сохранять долее нейтралитет по данному вопросу и были вынуждены высказать свою точку зрения насчет применения такого лозунга в советских условиях, считая, что он нам абсолютно не подходит...

В Китай поехал тогда Вылко Червенков⁴⁴, один из лидеров Болгарской компартии. Он не разбирался в данном деле и, приехав из Китая, разразился потоком нелепых статей в болгарской печати. Мы увидели, что Болгария тоже берет на вооружение лозунг коммун и «большого скачка». Эти идеи стали там практически претворяться в жизнь. В чем же это выразилось? Болгары начали укрупнять колхозы до невероятных размеров и вкладывать средства в тяжелую промышленность, себе не по карману. Через тех болгарских друзей, ко-

---

⁴⁴ ЧЕРВЕНКОВ Вылко (1900–1980) – последовательный сталинист, председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии в 1950–1956 гг. В 1956–1958 гг. заместитель главы правительства, затем министр народного образования. В 1962 г. (при Хрущеве) исключен из партии, в 1969 г. (при Брежнев) – восстановлен.

которые смотрели на это критически, мы получали тревожную информацию, свидетельствовавшую о том, что могут иметь место очень печальные последствия.

Мы вынуждены были пригласить к себе болгарских друзей и в ходе беседы высказать свою точку зрения. Заявили, что считаем применение китайских методов в условиях европейских и других социалистических стран Запада нереальным, что это к добру не приведет и вызовет большие сложности. Конкретно о самой Болгарии мы сказали так: «Товарищи! Вы знаете, какие у нас с вами хорошие и братские отношения. И мы хотели бы, чтобы они такими сохранялись вечно. (А отношения у нас с Болгарией действительно были такими, что и желать лучшего нельзя.) Мы считали своим долгом предупредить вас, что если вы и дальше станете подражать Китаю в «большом скачке» и не по своим средствам развернете строительство, то тем самым поставите свою экономику в угрожающее положение. Сейчас вы вынуждены делать большие заказы в капиталистическом лагере. Придут сроки платежей, а у вас возможностей к оплате своих векселей не окажется. Мы полагаем, что вы обратитесь тогда к нам с просьбой о займе, мы же окажемся в затруднении оказать вам такую помощь. Это может поставить вашу экономику в очень тяжелое положение.

Теперь – вопрос о сельском хозяйстве. Сельское хозяйство Болгарии ведется на высоком культурном уровне. У вас не просто там полеводство или животноводство, нет,

вы развиваете отраслевое огородничество, садоводство, осуществляете промышленную посадку роз, стали европейскими поставщиками овощей. Гигантомания в сельском хозяйстве приведет к краху, сделает хозяйства неуправляемыми и экономически нерентабельными. Обобществление же личных хозяйств просто отпугнет крестьян от коллективов, расплачиваться потом придется многие годы. Этот сложный вопрос надо решать постепенно и с большой осторожностью».

Я сам был большой поклонник болгар, просто преклонялся перед ними как овощеводами. Детство и юность я провел в Донбассе, который питался овощами болгар. Из Болгарии к нам приезжали люди, арендовали землю и занимались огородничеством. Это были замечательные огородники. Работали, правда, на их огородах не сами болгары, а украинцы, но владельцы были хорошими организаторами и буквально заваливали рынок всевозможными овощами, очень дешевыми и всегда свежими. Бывало, рано утром приезжал болгарин на арбе, запряженной парой коней, и нараспев обращался к женщинам-шахтеркам: «Бабень, миленькая бабень! Вставайте, зелени покупайте!» Женщины просыпались, выскакивали из домов. Возчик останавливал свою арбу, начиналась торговля. Он по именам знал всех покупательниц, да и они, обращаясь к нему, тоже называли его по имени.

Когда я стал взрослым и заимел велосипед, то часто после работы переодевался, садился на него и ехал в поле к болгарам. А там любовался плодами их трудов: замечательными

помидорами, баклажанами. Я уж не говорю о капусте, огурцах и прочем. Особенно привлекало меня просто поэтическое поле баклажанов. Приедешь, глянешь на ряды синеньких баклажанов: висят огромные кувшинообразные плоды, блестят своими сине-фиолетовыми боками. Так что болгар я давно знал и с уважением относился к ним, как отношусь и сейчас. Правда, когда они теперь поставляют в СССР помидоры, я иной раз в шутку говорю своим ближним: «Болгары нам присылают помидоры как братья, но сами таких помидоров не едят». Почему? Потому что они невкусные: срывают их рано, и они созревают не на корню. Такой помидор тоже красен, но нет у него того вкуса, которым обладает плод, созревший на плантации. Ну, это я несколько отвлекся.

Итак, высказали мы болгарам свои соображения. Они реагировали болезненно. Тогда мы сказали: «Мы не добиваемся, чтобы вы с нами согласились, а только хотели предупредить, что если вы будете обращаться к нам за золотым кредитом, то, поскольку мы золота сейчас в резерве не имеем, оказать помощь вам не сможем. Как вы будете выходить из тяжелого финансового положения, когда наступит время платежей, думайте сами». На этом мы расстались. Правда, болгары предприняли кое-какие меры: провели разукрупнение коллективных хозяйств и пр. Но, конечно, всего, что они сделали, исправить полностью было нельзя, они не смогли вернуться к прежним организационным формам в деревне, и у них все-таки остались многие укрупненные сельские ко-

оперативы.

Вот я упомянул: «укрупненные». Не случайно. Люди, которые со мной работали, знают мою точку зрения на данный вопрос. В Советском Союзе именно я был инициатором укрупнения колхозов. На этой почве у меня возникли и радости, и неприятности. Я считал, что колхозы, которые у нас имели небольшие угодья и с малым количеством рабочей силы, не обладали перспективой. У них нельзя было использовать высокопроизводительную технику. Поэтому такие колхозы следовало перестраивать на другой основе, чтобы перевести их на более современную техническую базу, что и было нами сделано в свое время. Правда, мы тоже не обошлись без гигантомании, и это оказалось для нас накладно. Тут уже мой недосмотр. Увлекаясь, многие люди не могут порою реально соразмерить, что такое крупное, что такое крупнейшее, а что такое мелкое хозяйство.

А вот китайцы чуть ли не целые провинции загнали в один колхоз. Только назвали его не колхозом, а коммуной⁴⁵. Получилось нечто вроде нашего района или даже побольше. Возникла неуправляемая хозяйственная единица, которая не могла быть рентабельной. Хочу закончить освещение вопроса, как применение китайского опыта повлияло на на-

---

⁴⁵ На том же совещании в августе 1958 г. было принято решение о создании народных коммун (26 тысяч, в среднем по 20 тысяч человек в каждой) с обобщественными крестьянской собственностью, приусадебными участками, трудом, средствами производства, уравнительным распределением доходов и с военизированным бытом.

ших друзей-болгар. Спустя полгода они обратились к нам за помощью, когда использовали все предоставленные им кредиты, даже краткосрочный. А краткосрочные кредиты – самые дорогие, по ним платят чуть ли не 15 % годовых (при 5–7 % долгосрочных). Банки в таких случаях кожедерствуют. Все-таки пришлось нам вынуть кое-что из наших резервов и положить на стол друзьям, чтобы не допустить опротестования их векселей, по которым следовало платить. Получилась буквально кража. Вот как экономика ударила по тем, кто неоправданно увлекся в подражании китайцам.

Сами же китайцы решили этот вопрос очень просто. Там была волевая бесконтрольность, не опиравшаяся ни на какие хозяйственные и научные основы, не изученная заранее и непродуманная. Несмотря на кажущуюся очевидность дела, мы считали, что нам надо разъяснять несостоятельность опасного лозунга о коммунах. Тем более, как я уже говорил, у нас к тому возникла прямая причина, потому что ряд областных и краевых комитетов Сибири стал брать на вооружение китайский лозунг, выступать с пропагандой его в печати и растолковывать, как можно его применить в наших условиях.

В то время мы готовили решения XXI съезда партии⁴⁶ по вопросу о семилетнем плане развития народного хозяйства и решили в отчетном докладе осветить данный вопрос, не ссы-

---

⁴⁶ XXI съезд КПСС состоялся 27 января – 3 февраля 1959 г. и был посвящен принятию 7-летнего плана развития экономики СССР на 1959–1965 гг.

лаясь прямо на Китай, но разобрать его по составным элементам. Как раз я был докладчиком от ЦК партии на XXI съезде по проблемам развития нашей экономики на предстоявшие семь лет. Попутно разобрал и «большой скачок». Тем самым мы сделали прививку нашим партийным руководителям от слепого подражания, показали, что оно может больно ударить по СССР и нанесет непоправимый ущерб нашей экономике, следовательно, и нашей политике. Ведь политика очень зависима от экономики, поэтому надо внимательно следить за тем и другим, чтобы не допустить ничего, что может оказаться вредным для развития страны.

Китайцы присутствовали на XXI съезде КПСС. И когда они слышали мои слова и прочли текст доклада, им уже не надо было дополнительно разъяснять, что мы относимся отрицательно к «большому скачку». Это обстоятельство тоже, видимо, не послужило им поощрением для углубления наших дружеских отношений, а наоборот – охладило их. Мы разошлись здесь по коренному вопросу развития. Теперь, естественно, мы уже публично стали высказываться критически относительно мероприятий, которые развернулись в Китае. Еще до «большого скачка» там широко публиковался (об этом трубили во все трубы) лозунг «Пусть расцветут сто цветов»⁴⁷. Когда мы познакомились с ним и изу-

---

⁴⁷ Идеологический курс «Пусть расцветают 100 цветов, пусть соперничают 100 школ» был выдвинут в мае 1956 г. Но уже в 1957 г. Мао Цзэдун заявил, что расцветать могут только «благоухающие цветы», а «ядовитые травы» надо выпалывать.

чили возможные его последствия, то не могли его ни понять, ни принять. Что это такое – пусть расцветут сто цветов? Каждый крестьянин знает, что одни цветы надо поддерживать и культивировать, а какие-то другие уничтожать, потому что, когда сорняки расцветут и дадут плоды, они окажутся горькими или вредными для здоровья и посевов. Такой лозунг для нас неприемлем.

Наши пропагандисты поставили перед ЦК партии вопрос: как быть? Мы должны выразить наше отношение, советские люди читают газеты, и такой лозунг уже гуляет по советской стране. Тогда была дана установка для печати и пропагандистов специально не затрагивать данный вопрос, а обходить его. Ведь этот лозунг выдвинут китайцами для внутреннего потребления, поэтому, может быть, для них он имеет некое значение, а в наших условиях он не подходит, и мы его не принимаем. Конечно, нам было ясно, что китайцы сразу поймут нашу линию: раз у нас не пропагандируется их лозунг, стало быть, мы его не поддерживаем. И хотя он не осуждается и не отвергается, каждому ясно, что мы выступаем против него.

Во время одной из наших встреч (то ли это было в Москве, то ли когда я летал в Китай) Мао сам поднял данный вопрос: «Как вы относитесь к лозунгу «Пусть расцветут сто цветов?» Я ответил, что такой лозунг нам непонятен, поэтому нам трудно применить его у себя, у нас его могут неправильно истолковать, и он не принесет пользы. «Да, – говорит, – мы

понимаем ваше положение. Но у нас этот лозунг основан на изучении древних авторов». И стал приводить мне какие-то примеры из древней литературы, где впервые встречается призыв «Пусть расцветают сто цветов». Мао понял, что мы не разделяем его точки зрения, и это опять же не способствовало укреплению наших добрых отношений. В ходе того разговора мы легонько наступили Мао на мозоль, слегка дав понять, что он может выдумывать у себя любые лозунги и бросать их в печать, но далеко не всякие лозунги приемлемы для нас. Мао считал себя божественного происхождения, а своего бога он сам себе выдумал. Поэтому то, что он преподносит, все, дескать, во благо человечеству. Естественно, наша реакция охлаждала дружеские отношения или хотя бы способствовала такому охлаждению. Однако он, как умный человек, делал вид, что ему не обидно: каждой партии вольно брать на вооружение только то, что ей полезно, и не брать того, что ее не устраивает.

«Большой скачок», организация коммун и прочие мероприятия, которые были начаты Мао, стали приносить свои отрицательные плоды. Экономика Китая ухудшалась. До претворения в жизнь этих лозунгов мы радовались тому, как быстро Китай поднимался, наращивались достижения его хозяйства, улучшался быт людей и рос уровень их жизни. Но «большим скачком» вся промышленность была дезорганизована. В первую очередь пострадали технические нормы, ибо китайцы заявили, что это лишь буржуазные выдум-

ки. Например, для станка, который они купили в Советском Союзе, предельная норма выпуска изделий была точно установлена, а они увеличили ее в несколько раз. Возникало перенапряжение оборудования, станки изнашивались. Наступил период дезорганизации промышленности, появилась анархия, стало не хватать сырья, портилось оборудование. В Китае создалось тяжелое положение. Инженеров, которые придерживались технических норм, основанных на научных знаниях, обвиняли, что они буржуазные подголоски, вредители и т. п., и переводили их на работу простыми рабочими.

Через посольство мы получили запрос, что к нам хотел бы приехать Чжоу Эньлай: какова наша позиция? Мы сейчас же ответили, что будем очень рады принять его. Прилетел он. И какой же вопрос поставил перед нами? О тяжелом положении в китайской металлургии. Сказал, что Пекин просит нас прислать экономических советников. Там уже работали наши советники. Каких еще других советников можем мы дать, кроме тех, которые имелись? Туда уже были посланы квалифицированные люди, в том числе в области черной металлургии. А Чжоу попросил прислать еще более квалифицированных людей, которые изучили бы вместе с ними сложившееся положение и помогли сделать должные выводы. Мы посоветовались и решили рекомендовать туда товарища Засядько⁴⁸, заместителя председателя Совета Министров

---

⁴⁸ ЗАСЯДЬКО Александр Федорович (1910–1963) – рабочий, член ВКП(б) с 1931 г., в 1935 г. окончил Донецкий горный институт и работал на различных

СССР по проблемам металлургии и угледобычи. Сам он инженер-угольщик, из шахтеров. Я хорошо знал его по работе на Украине, где он руководил крупнейшим угольным управлением в Сталинской области. Очень хороший работник, но с одним недостатком: он сильно пил и, выпив, не владел собой.

Послали мы Засядько в Китай. Он, безусловно, принес там пользу, ибо был прямым и, можно сказать, даже резким человеком. Пробыл у них несколько недель. Вернувшись, докладывал о результатах поездки. Я спросил: «Что же вы там увидели, товарищ Засядько? И что рекомендовали китайским братьям?» – «Да что там рекомендовать (голос у него грубоватый был), товарищ Хрущев, они сами во всем виноваты, сами дезорганизовали деятельность всей черной металлургии. Приехал я на Аньшаньский⁴⁹ металлургический

должностях в угольной отрасли. С 1942 г. зам. наркома угольной промышленности СССР и одновременно в 1943–1946 гг. начальник комбината «Сталинуголь» на Донбассе. В последующие годы зам. министра и министр, в разное время: Строительства топливных предприятий СССР и Угольной промышленности СССР. В 1958–1962 гг. заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1960 г. одновременно председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР, член ЦК КПСС в 1952–1963 гг.

⁴⁹ Аньшаньский металлургический комбинат расположен в провинции Аньшань в Маньчжурии – крупнейшее предприятие такого рода в Китае, охватывающее железорудные предприятия, обогатительную и агломерационную фабрики, доменно-мартеновский металлургический завод, прокатное производство, коксохимический и магнезитовый заводы, производство огнеупоров, а также заводы кислотный и горнорудного оборудования. Начато строительством в 1916 г. японцами. В 1931 г. развернут в комбинат, с 1953 г. подвергался реконструкции

завод, все там запущено». И начал приводить конкретные примеры работы доменного, мартеновского и других цехов этого предприятия. «А кто там управляющий?» – «Управляющий такой-то. Я познакомился с ним, и оказалось, что это по образованию ветеринарный врач».

Когда я встретился с Чжоу Эньлаем, который попросил меня рассказать о сложившемся впечатлении, я его спросил: «Товарищ Чжоу Эньлай, где те инженеры-металлурги, которые учились у нас и окончили институты? Говорят, что они у вас работают на селе, проходят так называемую боевую закалку. А металлургическим заводом у вас управляет человек, который не имеет никакого понятия о металлургии. Если бы у вас не имелось специалистов, такое было бы понятно. У нас тоже в первые годы после революции случалось всякое. Но сейчас вы можете свободно подбирать людей, соответствующих по квалификации делу, на которое они назначаются». Чжоу ничего вразумительного не сумел ответить. Я видел, что он и сам понимает допущенную глупость. Но ведь не он ее выдумал и не он в силах ликвидировать ее.

В других отраслях китайской промышленности тоже содалась неразбериха. Наши специалисты и даже простые рабочие, которые посылались туда налаживать пусковые предприятия, построенные с нашей помощью, стали нам сообщать о невероятных вещах: приходим мы с работы домой, все наши вещи перевернуты, чемоданы подверглись обыс-

ку. Обращаемся за разъяснениями, нам заявляют, что такого просто не может быть, видимо, сами не заперли дверей, все отрицают. Ну, тут возникло уже не недоразумение, а недоверие. Что они искали? И что могли найти в чемоданах инженеров или рабочих? Что там могло лежать? Сами не знают, что искали.

Рассказали о таком случае. Наши инженеры помогали китайцам овладеть эксплуатацией ракет и собирали их для передачи китайцам, а по окончании сборки уходили домой. На завтра видят, что ракета разобрана. Спрашивают: «Кто разобрал ее? Ее не должны были разбирать без нас. Это ведь наши ракеты, мы их сдаем вам». Никто ничего внятно объяснить не смог. Видимо, китайцы решили что-то проверить ночью, подсмотреть секреты (хотя неясно, для чего: ведь мы им передаем все эти ракеты) и для этого разобрали ракету. Однако у них не хватило знаний снова собрать ее⁵⁰. Много еще возникло инцидентов, основанных на недоверии и неуважении к нашим специалистам. Потом начались грубые оскорбления, особенно со стороны выпивших китайцев.

Они обвиняли наших людей, что те – «предельщики». Знакомая нам терминология! В былые годы, на каком-то этапе развития СССР, у нас тоже ходило такое ругательное слово. Не знаю, насколько оно вообще было разумным. Видимо, и у нас оно было необоснованным и отражало недове-

---

⁵⁰ Речь идет о корабельной крылатой самонаводящейся ракете П-15 с дальностью действия в 40 км.

рие к инженерно-техническому персоналу. Тогда была сильно развита подозрительность в отношении буржуазных специалистов. Мы ломали их нормы, но не всегда разумно, хотя иной раз поступали правильно. Однако китайцам такого метода уже не рекомендовали. Они сами пришли к нему, повторяя нас. Это их дело. Но все-таки мы им говорили, что такое ведение дела не принесет хороших плодов.

Примерно тогда или немного раньше мы получили тревожную телеграмму от нашего посла из Пекина. В ней говорилось о резком недовольстве китайского руководства действиями Советского Союза. Послом там был Юдин. Сам он философ, и его послали в Китай с особым поручением. Он поехал туда именно как ученый, когда Мао Цзэдун обратился к Сталину с просьбой помочь ему привести в порядок его литературные труды: речи, статьи и пр., так как он хочет их издать. Пусть грамотный марксист просмотрит их и поможет в редактировании этих текстов, с тем чтобы не допустить каких-либо теоретических ошибок. Так и был послан Юдин. Мао всегда считал себя философом, очень любил философские темы и навязывал их всем смертным, с которыми беседовал. Поэтому Сталин решил послать Юдина, чтобы посол мог вести с Мао разговоры на общепhilosophические темы и одновременно оказался способен помочь ему в редактировании его трудов с подготовкой их к печати.

И при Сталине, и после смерти Сталина мы получали от Юдина телеграммы, в которых он восторженно сообщал

о Мао: живут они душа в душу, причем даже не Юдин ездит к Мао, а Мао сам приезжает к Юдину и просиживает у него ночи напролет, занимаясь не столько редактированием, сколько ведя беседы на вольные темы. Юдин просто захлебывался от восторга, описывая эти беседы. Мы радовались этому, потому что чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Нам было приятно, что Мао наладил хорошие контакты с нашим послом. Мы считали, что это свидетельствует о взаимном доверии и способствует еще большему улучшению наших отношений.

В тот же период наши военные обратились в ЦК партии с предложением направить просьбу китайскому правительству разрешить Советскому Союзу построить на юге Китая радиостанцию, которая могла бы поддерживать связь с нашими подводными лодками, патрулирующими в Тихом океане. Мы обсудили вопрос и пришли к выводу, что это предложение окажется в общих интересах социалистического лагеря. Как раз тогда мы развернули большое строительство подводных лодок на дизельных двигателях и уже приступили к созданию лодок с атомными двигателями. Естественно, нам нужна была прочная связь с подводным флотом, который будет действовать в Тихом океане.

Военные, безусловно, были правы, выбрав подходящую точку, из которой можно было бы наладить такую связь. Но теперь я полагаю, что мы тогда погорячились, преувеличив интернациональные интересы коммунистических партий и

социалистических стран. Мы-то считали, что и наш флот, и китайский, и вообще все военные средства социалистических стран служат одной цели: быть готовыми к отпору, если империализм навяжет нам войну. Подводные лодки должны были действовать не только в интересах СССР, но также в интересах Китая и всех братских стран. Поэтому мы полагали, что в строительстве радиостанции Китай заинтересован не меньше, чем мы.

Почему мы хотели сами строить радиостанцию? По тому времени китайцам трудно было бы построить сложное сооружение и в нужные сроки. Военные нажимали на нас, чтобы побыстрее начать строительство. Однако мы недоучли национальные чувства китайского руководства. Мао был задет нашим предложением, было затронут его национальное чувство, затронут суверенитет Китая. Он считал, видимо, что таким способом мы как-то внедряемся в Китай, и очень бурно отреагировал на наше предложение, хотя сам раньше обращался к нам с просьбой помочь Китаю построить ракетные подводные лодки. СССР направил туда всю документацию. Китайцы выбрали нужную площадку и с помощью наших специалистов развернули строительство таких подлодок. Мы рассматривали это как само собой разумеющееся дело: в общих интересах надо создавать защитные средства и осуществлять эту работу общими усилиями.

Возникали и другие вопросы подобного же характера, когда мы вдруг получили от Юдина тревожную телеграмму.

Мы посовещались, и Президиум ЦК КПСС решил, что я должен вылететь в Пекин. Мы известили китайских товарищей и получили от них ответ, что нас примут. Это было в июле 1958 года. Со мной полетели, кажется, маршал Малиновский, потому что должны были обсуждаться военные вопросы, и заместитель министра иностранных дел СССР Кузнецов⁵¹. Летели мы туда инкогнито, без объявления о поездке в печати.

В Пекине на аэродроме нас встречали Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, другие руководители Китая. Разместили нас в доме для почетных гостей. Большую часть времени мы проводили у бассейна. Там соорудили навес, где купался Мао и мы вместе с ним. Мы, конечно, не могли соревноваться с ним в плавании на дальность. Ведь Мао «побил» какой-то рекорд, как сообщили в китайской печати. Но о нем мы узнали позже, однако и тогда, сразу же, мы как пловцы «подняли руки» и сдались Мао, признав его первенство. Обычно мы лежали, как тюлени, на теплом песочке или на ковре и беседовали. Потом лезли в воду. Опять вылезали и грелись на солнышке. Беседы протекали у нас в довольно спокойном, дружеском тоне, несмотря на те резкие высказывания Мао, которые бы-

---

⁵¹ КУЗНЕЦОВ Василий Васильевич (1901–1990). По специальности инженер, работал на металлургических предприятиях. В 1944–1953 гг. – председатель Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. В 1953 г. посол в Китае, а затем, в 1953–1955 гг., заместитель, а в 1955–1977 гг. первый заместитель министра иностранных дел СССР. В 1977–1986 гг. первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1986 г. на пенсии.

ли изложены Юдиным в его телеграмме.

Насчет радиостанции Мао сказал: «Мы не можем принять ваше предложение. Китай столько лет все рассматривают как несuverенное государство. Это нарушает наш престиж, бьет по нашей суверенности». Я извинялся, как только мог: «Мы ни в коей степени не хотим нарушать ваш суверенитет или вмешиваться в ваши дела, внедряться в экономику Китая, вообще делать что-либо такое, что нанесет ущерб суверенности Китайской Республики». – «В таком случае предоставьте нам кредит, а мы построим вам радиостанцию». Я ему: «Так это самое лучшее. Пожалуйста, вот вам наше техническое руководство, наши чертежи, наши кредиты, наши поставки оборудования. Одним словом, дадим все, чтобы поскорее соорудить радиостанцию. Стройте!» – «Хорошо, – сказал Мао, – мы согласны».

Казалось бы, мы быстро решили вопрос к обоюдному удовлетворению. Задача, которая ставилась нашими военными, будет выполнена. На деле оказалось все не так. Строительство никак не начиналось, китайцами выдвигались все новые и новые условия, они искали всякие зацепки для проволочек. А после ухудшения наших отношений этот вопрос вообще был снят с повестки дня.

Приступили мы в бассейне к обсуждению и другого вопроса, и тоже о подводном флоте.

Согласно подписанному ранее договору, наши самолеты могли пользоваться аэродромами Китая. Теперь наши моря-

ки поставили задачу о заходе ими в какие-то порты Китая для заправки наших подводных лодок и отдыха экипажей. Берег-то Китая большой, а мы, Советский Союз, находимся как бы на краю его берега, так что военные моряки и тут преследовали свои сугубо деловые цели. Однако китайцы опять выдвинули возражения престижного характера. Мао резко возражал. Я ему: «Товарищ Мао Цзэдун, я вообще тут не понимаю вас, это ведь в наших общих интересах». – «Нет, мы с этим согласиться не можем, это затрагивает наш суверенитет, мы тоже создаем свой подводный флот». – «Ну, что мы можем сказать? Если говорить о суверенитете, то давайте действовать на основе взаимности. К примеру, если вы хотите иметь свой подводный флот в Северном Ледовитом океане, то мы вам, пожалуйста, предоставим базу на нашей территории, а взамен будем иметь базу наших подводных лодок на берегу Тихого океана, на китайской территории». – «Нет, мы и с этим не согласны. Вооруженные силы всех государств должны быть расположены только на собственной территории. Ваше предложение оскорбляет и задевает нас, мы не можем с ним согласиться». – «Ладно, если так смотрите на дело, мы не хотим настаивать и обойдемся теми возможностями, которые у нас имеются. Станем укреплять дальневосточный флот. Мы хотим его перевооружить и значительно усилить, чтобы наш подводный флот был могучей силой на Тихом океане».

Опять мы затронули чувствительные струны государства,

на территории которого долгое время господствовали чужеземные завоеватели. После этого я стал лучше понимать, чем руководствовался Мао в нашем разговоре. Да и вообще зря, видимо, обратились мы к Китаю с таким предложением. Если бы мы заранее знали, что возникнет такая реакция, то ни при каких бы условиях не вылезли с этим предложением, не стали бы создавать для себя трудностей и не обратились бы к Мао с просьбой. Но сделанного не вернешь. Я понимаю, что в подобных вопросах необходима большая щепетильность. Теперь-то я это обстоятельство особенно хорошо понимаю. Нельзя ущемлять национальное достоинство любой страны и любой нации. Существует суверенитет. Поступиться суверенитетом? Об этом можно говорить лишь при полном обоюдном согласии, да и то по возможности лучше избегать этого, если нет крайней необходимости, например опасности войны для договаривающихся сторон. Вообще вопросы суверенитета еще долгое время будут являться предметом разногласий в мире и наносить при их неожиданном всплытии чувствительный ущерб взаимному пониманию между отдельными государствами.

Со своей стороны Мао тоже однажды у бассейна затеял беседу такого характера: «Товарищ Хрущев, давайте подсчитаем сейчас соотношение сил империализма и социализма. Я занялся арифметикой и вычислил: Китай имеет около 700 миллионов населения, следовательно, сможет сформировать столько-то армейских дивизий. Советский Союз име-

ет 200 миллионов и сможет сформировать столько-то дивизий». Да, существуют известные нормативы, и его арифметика была более или менее правильной. Он прикинул обычным способом, сколько смогут поставить под ружье все социалистические страны. Затем начал считать, сколько дивизий смогут выставить США, Англия, Франция, прочие назовские страны. Получилось несравненно меньше. «Вот, – говорит, – каково соотношение сил. Поэтому чего нам бояться?»

Такие рассуждения соответствовали его прежней точке зрения, высказанной на международном совещании братских партий в 1957 году, когда Мао заявил, что для Китая потеря 300 млн человек, то есть половины населения, никакой трагедии не представляет. А теперь он опять подбросил тот же вопрос, подкрепляя подсчетами свой тезис, что войны нам не надо бояться. Он прямо не говорил, что вообще не нужно вести борьбу за мир. Но если поразмыслить, то его аргументация сводилась именно к этому. Мао ставил во главу угла не вопрос о мирном сосуществовании, а вопрос подготовки к войне с целью разбить в ней наших противников, какие бы большие потери она ни принесла социалистическим странам.

Я сказал ему: «Товарищ Мао Цзэдун, то, что вы подсчитали, всем известно. Но надо также иметь в виду, что арифметический подсчет был бы справедлив, если бы мы жили в другое время, когда войны велись врукопашную или холод-

ным оружием: пиками, штыками. Раньше было так, что у кого больше дубинок, тот и с перевесом. Теперь же мы живем в иное время. Когда пулемет только-только появился, он сразу несколько уравнил силы; их соотношение затем менялось в пользу той армии, которая имела пулеметы в большем количестве. Когда затем появились танки и самолеты, соотношение сил вообще совершенно изменилось, и побеждал уже не тот, у кого больше населения, а тот, кто обладал лучшей военной промышленностью и мог обеспечить себя новым вооружением. Теперь мы имеем ракеты и ядерное оружие. Мировая война окажется ракетно-ядерной, а ракетно-ядерная война уравнивает все шансы. Одна бомба разметет несколько дивизий. Так что количество дивизий – это сейчас не признак силы, а, грубо говоря, человеческое убойное мясо. Поэтому мы иначе подходим к вопросам войны и не измеряем соотношение сил численностью населения.

Мы сейчас ускоренно развиваем нашу промышленность, особенно атомную и ракетную, с тем чтобы СССР не был застигнут врасплох. Мы должны иметь достаточное количество таких новейших средств, которыми, безусловно, противник будет вооружен. Наш вероятный противник – высокоорганизованный, с очень мощной промышленностью и обладающий высоким техническим уровнем». – «Нет, я все-таки считаю, что вы ошибаетесь. В соотношении сил решающей по-прежнему является численность населения». В данном вопросе никакими средствами не удалось нам прийти

к общему мнению. Он высказывал свою точку зрения, я – свою. Далее мы не стали повторяться, потому что это ни к чему бы не привело.

Мао затронул и еще одну проблему. В свое время мы опубликовали в печати заявление министра обороны СССР Жукова. Международная ситуация потребовала тогда от нас заявления во имя защиты социалистических стран. Мы подготовили такое заявление и поручили товарищу Жукову выступить с ним. Идея заявления заключалась в предупреждении империалистического лагеря насчет того, что если он нападет на одну из социалистических стран, то Советский Союз не останется нейтральным, а нанесет ответный удар по агрессору всеми возможными средствами, которыми располагают наши Вооруженные силы. Мао, сославшись теперь на выступление Жукова, сказал, что считает это выступление неправильным. Я спросил его почему? Это ведь была не личная точка зрения Жукова, а мнение нашего Центрального Комитета партии. Как раз тогда сложились напряженные отношения между Китаем и США. «Наша твердая позиция сдержит империалистов. Они будут знать, что нападение на одного из наших союзников, Китай ли это будет или Албания, не останется безнаказанным. Причем заявление Жукова касалось тогда прежде всего Германской Демократической Республики, которая граничит с капиталистическим миром».

«Неверно, – говорит Мао, – это не так». И начал развивать

свою точку зрения, которая сводилась к следующему: «Если нападут на Китай, вы не ввязывайтесь в войну. Мы будем сами воевать, хоть 10, хоть 20 лет. У нас народу много, и мы имеем обширную территорию. Если противник ввяжется в войну с нами, то он из нее добром не выйдет. Мы сами справимся и разобьем его. Ни одной стране не удастся победить нас. Японцы воевали с Китаем многие годы, а что от их агрессии осталось? Враги разрушат нашу экономику? Ну и пусть. Самое важное, чтобы был сохранен Советский Союз. Если СССР останется и будет развиваться дальше как социалистическая страна, то все потом встанет на свои места. Китай расправится с противником и с вашей помощью восстановит свою экономику. Поэтому вообще не надо подвергать опасности войны с империалистическим лагерем Советский Союз». Вот как он повернул: вроде бы Китай готов принести себя в жертву, чтобы первая социалистическая страна мира, Советский Союз, сохранила себя.

Я говорю: «Если мы будем так относиться к своему интернациональному долгу и предоставим каждой стране опираться только на свои силы, то противник поодиночке расправится с нами. Такая позиция поощряет агрессию, а не сдерживает. Поэтому мы считаем, что наше заявление следовало сделать, и мы будем придерживаться его в своей политике. Это формулировка не министра обороны, а нашего правительства, нашего Центрального Комитета партии». – «Неверная формулировка», – отвечает Мао. На этом обсуждение про-

блемы закончилось, каждый остался при своем мнении. При следующей встрече продолжалась беседа на военные темы. Здесь она носила другой характер, и высказывания Мао, я бы сказал, стали противоположными. Тем не менее они имели общие корни с предыдущими:

«Я думал о нашем прошлом разговоре и пришел к выводу, что если состоится нападение на Советский Союз, то я рекомендовал бы вам не давать отпора». Я сразу насторожился: как? Происходит нападение империалистических держав на СССР, а мы им не должны давать отпор? «И что же получится?» – «Вы постепенно отходите, отступайте год, два, три. Растягивайте коммуникации своего противника и тем самым будете ослаблять его. Потом мы общими силами набросимся на него и разобьем». Я сказал ему: «Даже не знаю, как вам ответить. Для нас совершенно немыслимо такое понимание дела. Год отходить? Да год вообще вряд ли будет продолжаться следующая мировая война. Она окажется скоротечной». Мао продолжил: «Но вы же отступали до Сталинграда? Вы целых два года отступали, так почему же теперь вы не сможете отступать три года? Если тогда вы отступили до Сталинграда, то теперь отступите до Урала, до Сибири, а дальше в вашем тылу стоит Китай. Мы используем свои ресурсы, свою территорию и, безусловно, разобьем противника». Я ответил: «Нет, мы придерживаемся другой позиции, позиции немедленного отпора, и в случае агрессии такой отпор будет дан всеми средствами, которыми мы

располагаем. Мы сейчас обладаем большими силами, большими техническими возможностями и с каждым годом наращиваем их. Неизбежность ответного удара заставит противника не раз подумать, прежде чем решиться на агрессию против нас. А может быть, агрессия будет вообще исключена». – «Нет, – говорит он опять, – я считаю этот тезис неправильным».

Позднее я много раздумывал, на чем основаны его взгляды? Не знаю, как можно охарактеризовать подобные позиции и рассуждения. У меня вызывало удивление, как это Мао может так мыслить, и я не мог дать себе ответа. Если предположить, что это с его стороны провокация, то не думаю, чтобы Мао пошел на столь грубую и глупую провокацию. Не такие уж мы наивные. Он никак не мог допустить, что мы согласимся. Если же он сам верил в здравость своих рассуждений насчет военной стратегии, то трудно предположить, что умный человек в состоянии так мыслить. Это для меня и сейчас остается сплошной загадкой. Так я и не знаю, что там было – недомыслие или провокация? Однако такой разговор состоялся, и я полностью отвечаю за точность передачи мною выражений Мао и моих ответов, без всякого утрирования, без всякого передергивания. Боже упаси, зачем? У нас и так достаточно забот с Китаем, и я не хотел бы их увеличивать. Наоборот!

В такой обстановке недалекие люди могут сказать: «Мы много сделали для Китая, а он встал на путь вражды с Со-

ветским Союзом». Что же, но в этом виноваты не мы. Даже при той ситуации, которая сейчас сложилась у Советского Союза с Китаем и, казалось бы, наглядно доказывает, что не следовало бы нести таких затрат, я считаю нашу политику правильной. Мы так действовали, чтобы поднять экономику Китая и укрепить ее на пути строительства социализма. Мы искренне помогали, с тем чтобы наш друг также развивался, строил свое хозяйство и укреплял свою независимость, как это сделали мы после Октябрьской революции. Но получили обратное. Все возможно ожидать от людей. Мао Цзэдун, безусловно, проводит неправильную политику. Но я глубоко уверен, что наша дружба оставила глубокий след в сознании китайского народа. Как говорится, Мао Цзэдуну приходят и уходят, а народ Китая остается. Придет время, когда не будет Мао Цзэдуна, не будет и его последователей, а то здоровое, полезное семя, которое посеяно нами в Китае, прорастет и будет развиваться. Так что это не брошенные затраты, не бросовые материальные средства, которыми Советский Союз поступился в пользу китайского народа.

Когда-нибудь я помру, и если человек может думать после смерти, то я думал бы о том счастливом времени, когда опять восстановятся братские отношения между народами Советского Союза и Китая, вообще между всеми народами социалистических стран.

Дальнейшее ухудшение отношений с Китаем

В 1959 году президент США Эйзенхауэр пригласил меня прибыть в Вашингтон с официальным визитом. Мы приняли приглашение, и той же осенью я вылетел в Вашингтон. Между тем наши отношения с Китаем все ухудшались и ухудшались, но разногласия еще не вышли за рамки внутренних переговоров между руководством двух стран и пока не выносились в печать. И вдруг Китай начал агрессивные действия против Индии. У нас с Индией существовали наилучшие отношения. Мы высоко ценили руководителя индийских народов, главу правительства господина Неру⁵² и его соратников, которые придерживались курса на укрепление дружеских отношений с СССР.

Наша делегация побывала в Индии, мы познакомились с этой страной. Конечно, короткого визита было явно недостаточно, чтобы как следует ознакомиться с такой великой державой, как Индия, и ее народами. Но все же мы получи-

---

⁵² НЕРУ Джавахарлал Пандит (1889–1964) – один из самых видных политических деятелей мира, был лидером левого крыла индийского национально-освободительного движения. Под наставничеством Махатмы Ганди стал председателем Индийского национального конгресса, а в дальнейшем, после обретения страной независимости 15 августа 1947 г., первым премьер-министром Индии. Оставался на этом посту вплоть до 27 мая 1964 г., когда умер от сердечного приступа.

ли более конкретное представление об этой замечательной стране, чем до нашей поездки. А главное, получше узнали Неру и его соратников.

Китайцы в принципе тоже дружественно относились к Индии. Они проявили совместную инициативу при созыве Бандунгской конференции⁵³. На ней большую роль сыграл Чжоу Энлай. Выработанная там декларация импонировала нашему, советскому, пониманию сложившейся обстановки в мире призывом к мирному сосуществованию и сулила надежды, в частности, на укрепление дружеских связей Китая с Индией. По международным вопросам у них складывалась общая точка зрения. Ничто как будто бы не предвещало нарушения их дружбы. Мы радовались этому и сами тоже стремились идти в том же направлении, укрепляя контакты с обеими странами. А после нашей поездки в Индию наши контакты с Неру стали еще больше укрепляться.

Неру тоже приезжал в СССР и произвел на нас очень хорошее впечатление. Конечно, он был не коммунистом, а буржуазно-либеральным деятелем и демократом, обладавшим собственными политическими взглядами. Мы понима-

---

⁵³ Бандунгская конференция представителей освободившихся от колониальной зависимости 29 азиатских и африканских стран заседала 18–24 апреля 1955 г. в городе Бандунг в Индонезии с целью установления экономического и культурного сотрудничества. В 1961 г. эти страны провозгласили себя «неприсоединившимися» ни к союзу западных держав во главе с США, ни к восточному – во главе с СССР. Так возникло движение неприсоединившихся стран, в котором доминировали Индия, Индонезия, Египет и Югославия.

ли, что хотя он не марксист и не сторонник советской государственной системы, однако хочет добра своему народу и устройства жизни Индии на демократических основах. Тогда о социализме он говорил еще довольно глухо, и нам трудно было понять, какой вообще социализм он имеет в виду. Ведь термин «социализм» довольно затаскан. Его на вооружение брал даже Гитлер. Пока не было ясно, в каком стратегическом направлении станет развиваться Индия. Мы считали, что нам надо проявить терпение и не форсировать эту тему в ходе бесед. Пусть жизнь сама заставит Неру встать на правильную позицию, которая устраивала бы запросы народных масс. Конечно, мы всемерно содействовали на практике тому, чтобы Индия стала именно на социалистический путь развития. К тому же у нас сложились хорошие отношения с Коммунистической партией Индии, которую тогда возглавлял товарищ Гхош⁵⁴.

Но вот возник индийско-китайский конфликт⁵⁵. Потом он развернулся очень широко, с участием больших военных сил, взаимными потерями и захватами спорной территории. В китайской печати поносили Неру как противника социализма и как врага Китая номер один. Китайцы умеют это

---

⁵⁴ ГХОШ Аджоу Кумар (1909–1962) – один из организаторов компартии Индии в 1925 г., член ее ЦК с 1933 г., член Политбюро ЦК в 1936–1943 гг. и с 1950 г., генеральный секретарь ЦК с 1951 г., с 1958 г. генеральный секретарь Национального совета и член Центрального исполнительного комитета КПИ.

⁵⁵ Он вспыхнул в сентябре 1959 г., резко обострился в октябре – ноябре 1962 г., а впоследствии неоднократно возникал вновь.

подать публично, чтобы приковать внимание к тому, кого они осуждают. Мы не разделяли их точку зрения, а наша печать проявляла сдержанность, заняв такую позицию: дескать, разразился неожиданный конфликт между народами дружественной нам Индии и братского Китая. Именно такие употреблялись слова: дружественная Индия и братский Китай. Мы показывали тем самым, что Китай нам ближе. Так ведь, по существу, и было: Китай действительно стоял ближе к нам по идеологии, по целям развития в сторону социализма и коммунизма. Индия таких целей во времена Неру не провозглашала. Поэтому соответственно мы и разделяли словесно две страны.

Бои в районе их границы нарастали. Мое возвращение в Москву из Вашингтона как раз совпало с национальными торжествами по случаю 10-летнего юбилея провозглашения КНР. Туда должна была отправиться наша делегация. Члены Президиума ЦК КПСС высказались в том смысле, что возглавить ее должен я. Имелось в виду, что при намечавшемся быстром ухудшении наших отношений с Китаем, если не поехать туда мне как лицу, занимающему самое высокое положение в нашей партии, Пекин может расценить это как принижение роли государственного праздника и места Китая в международном коммунистическом движении. «Поэтому, – сказали мне товарищи, – несмотря на то, что вы только что вернулись из Вашингтона, придется вам набраться сил и полететь в Китай, чтобы представлять там советскую страну и

ее коммунистическую партию, а заодно (это-то и было главным) провести с его руководством соответствующие беседы».

Война на границе Индии бушевала, нам обязательно нужно было высказать свое отношение к происходящим там событиям. В Москве было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось, что мы сожалеем о военном конфликте между братским Китаем и дружественной Индией и надеемся, что с той и другой стороны будут приложены усилия к прекращению военных действий и восстановлению прежних отношений. Когда я появился в Пекине, китайские руководители внешне проявляли ко мне всяческое внимание. Но я чувствовал, что их раздражает недовольство политической линией СССР и моей лично. Начались наши встречи. Китайцы всегда отводили в ходе беседы роль основного оппонента какому-то одному лицу, то есть не все разговаривали со мною, иные сидели молча. Мао обычно не брал на себя неприятных разговоров и поручал вести их кому-либо еще. Так, в свое время о выделении средств СССР на строительство железной дороги через Синьцзян с нами говорил Чжоу Эньлай. Ему же Мао поручил вести переговоры о бесплатной передаче Китаю артиллерии Порт-Артура. Чжоу вел беседы очень вежливо, в утонченной дипломатической манере, никогда не допускал грубых слов в отношении не только собеседников, но и третьих лиц.

Иначе держал себя Чэнь И⁵⁶, министр иностранных дел. Не знаю, то ли это была его характерная особенность, или же ему это требовалось по политическим соображениям, но он проявлял себя как острый в выражениях, грубый по манере держать себя и угловатый в поведении человек. Такой вывод о нем я сделал на основе конкретного разговора с Чэнь И по проблеме индийско-китайского конфликта. Вот в какой форме протекал наш разговор. «Почему, – сразу сказал он, – вы опубликовали заявление такого содержания через ТАСС? Ведь Неру – это такой, сякой» (и начал всячески поносить его). Сейчас не смогу восстановить бранный лексикон министра. Да этого и не нужно. Чэнь И допускал всевозможные унижительные выражения, вплоть до личных оскорблений Неру. Давая ему политическую характеристику, он заявил, что Неру – самый отъявленный враг социализма и агент американского империализма; что дальнейшего прогрессивного развития Индии не произойдет, пока не будет оттуда изгнан или даже уничтожен Неру.

Конечно, мы никак не могли согласиться с такой оценкой социальной роли Неру и его личности. Я доказывал, что у нас другая точка зрения, что мы иначе относимся к господину Неру и считаем, что из всех буржуазных деятелей Индии он как раз самый прогрессивный человек, который проводит антиимпериалистическую политику и не заключал никаких

---

⁵⁶ ЧЭНЬ И (1901–1972) – в 1949–1958 гг. мэр Шанхая. С 1958 г. министр иностранных дел.

антинародных договоров с США, в то время как сосед Индии Пакистан заключил с США военный союз⁵⁷. Поэтому у нас нет оснований отталкивать от себя Неру. Наоборот, нам нужно укреплять позиции Неру в Индии, потому что если там будет свергнут Неру, то к власти придут реакционные силы, которые могут повернуть политику Индии в сторону сближения с империализмом, а это невыгодно и СССР, и Китаю. Я сказал также, что мы не понимаем причин нынешнего военного конфликта двух стран: районы, за которые идет война, слабо населены, лежат высоко в горах и вообще неизвестно, представляют ли они какую-либо ценность. Вопрос о них следует решать мирным способом.

Далее я приводил различные примеры решения пограничных вопросов с несоциалистическими странами, окружающими Советский Союз, еще во времена Ленина. Так, Ленин быстро решил пограничный спор с Турцией⁵⁸, уступив ей довольно обширные территории, которые занимали русские войска после первой мировой войны. Эти районы населены армянами. У Армении на ее знамени герб с изображением

---

⁵⁷ США и Пакистан заключили военный союз в 1955 г. в составе Организации Центрального договора (CENTO). Кроме упомянутых выше двух стран, в него входили Ирак, Иран, Турция и Великобритания. Ирак покинул договор в 1958 г. В 1979 г., после того как его покинули Турция и Пакистан, военный союз прекратил свое существование как нежизненный.

⁵⁸ 16 марта 1921 г. в Москве был подписан советско-турецкий договор о дружбе и братстве, согласно которому к Турции отошли районы Карса, Ардагана и Артина.

горы Арарат, а Арарат сейчас находится на турецкой территории. Турки даже предъявляли нам претензии, почему это Армения изобразила на своем гербе Арарат: это притязания на турецкую территорию? Туркам ответили: а почему они на своем знамени изображают полумесяц? Ведь месяц даже на половину не принадлежит Турции. Вы что же, хотите подчинить себе Вселенную и избрали поэтому эмблемой Луну? Спор иссяк, Стамбул снял свои претензии. Потом я привел и другие примеры. Как раз в то время мы закончили переговоры об уточнении границы с Ираном⁵⁹, опять пошли на значительные уступки и разрешили территориальный спор на базе взаимности, сняв, к нашей радости, дискуссию, которая длилась в течение многих лет. «Зачем же Китаю нужно вести войну по пограничным вопросам? Мы этого не понимаем».

Но Чэнь И, как заведенный, вновь и вновь твердил: «Неру, Неру, Неру! Индия проводит империалистическую политику! Китайцы будут вести войну, пока не разгромят армию Индии...» Мы были очень обеспокоены таким заявлением. Нужно также вспомнить, что перед тем произошли неприятные для Китая события в Тибете. Там вспыхнуло восста-

---

⁵⁹ 2 декабря 1954 г. в Тегеране состоялось подписание советско-иранского соглашения об урегулировании пограничных и финансовых вопросов с установлением новой линии государственной границы на участках Атрек, Серахс, Эдды-Эвляр, Деман и Мугань. Демаркация и редемаркация всей линии этой границы произведены смешанной советско-иранской комиссией в августе 1955-го – апреле 1957 г.

ние⁶⁰. Силы китайцев в Тибете были сначала небольшими, а тибетцы хорошо проявили себя в ходе борьбы и даже временно захватили власть. Индия заняла тогда антикитайскую и противотибетскую позицию. Она хотя и не прямо, но довольно явно выражала симпатии тибетцам. Я говорил китайским товарищам, что следует отнестись к этому факту терпимо и с пониманием. Ведь Неру политически трудно поддерживать Китай в тибетском деле. Надо иметь в виду, что Тибет граничит с Индией, которой более выгоден независимый Тибет, слабая страна, не представляющая никакой угрозы для Индии. Китайский же Тибет мозолит ей глаза.

Хотя мы были целиком на стороне Китая, но я апеллировал к разуму Пекина, призывал понять, что Неру не коммунист и не сочувствует нашим конечным стремлениям, поэто-

---

⁶⁰ Тибетское государство как суверенное существует с VII в. В XVIII в. оно было включено в состав Цинской династии Китая с сохранением правительства далай-ламы, социально-экономического, политического и духовного (религиозного) уклада жизни страны. В ходе Синьхайской революции 1911–1913 гг. цинские войска и чиновники были изгнаны из Тибета. С 1913 по 1950 г. Тибет являлся самостоятельным государством с теократической политической системой. В 1949 г. китайские войска вторглись на территорию Тибета и оккупировали его. 23.05.1951 г. обеими сторонами было заключено соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета, однако Китай продолжал наращивать свое военное присутствие, проводил мероприятия, коренным образом разрушавшие национальный и духовный уклад жизни тибетцев. Это привело к восстанию 1959 г., которое потерпело поражение и вынудило главу государства далай-ламу XIV эмигрировать в Индию вместе со значительной частью тибетского населения (в основном – священнослужители ламы). Об этом восстании и говорится в книге Н.С. Хрущева. С 1965 г. Китай объявил Тибет автономным районом КНР. До настоящего времени правительство Китая проводит политику ассимиляции.

му трудно себе представить, что он окажется на стороне Китая в его борьбе против восставших тибетцев. Но тщетно, со мною не соглашались. Так шли переговоры. А как встречали нашу делегацию? Тут полностью проявился «восточный стиль». Встреча была очень любезной, беседы за обедом тоже самые любезные. Переговоры же проходили в большой напряженности и даже с обостренностью, что, однако, не отразилось на проводах. Провожать нас на аэродром приехали и Мао Цзэдун, и Лю Шаоци, и Чжоу Эньлай, и Чжу Дэ⁶¹, и Чэнь И. На аэродроме Чэнь И продолжил свои нападки на Индию и Неру, советских руководителей они тогда еще не трогали. Остальные присутствовавшие практически молчали, только изредка вставляли реплики. Пару раз в поддержку Чэнь И высказался Мао. Разговор велся резче, чем прежде,

---

⁶¹ ЧЖУ ДЭ (1886–1976) – китайский военный, государственный и политический деятель, лидер китайской революции 1930–1940 гг., являлся одним из наиболее близких соратников Мао Цзэдуна. Член ЦК КПК и его Политбюро с 1934 г., член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в 1956–1969 гг. и с 1973 г. В августе 1911 г. Чжу Дэ окончил военное училище и был назначен командиром взвода в частях Юньнаньской армии. В августе 1912 г. Чжу Дэ, командир бригады, одним из первых в Юньнани вступает в только что созданную партию Гоминьдан, а в ноябре 1922 г. вступил в КПК. Активный участник гражданской и антияпонской войн 1922–1949 гг., главнокомандующий китайской Красной армией в 1931–1937 гг., командующий 8-й армией в 1937–1945 гг., главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая в 1945–1954 гг. В 1954–1959 гг. заместитель Председателя КНР. В 1959 г., после провала «большого скачка», его избрали председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). В октябре 1969 г., во время культурной революции, Чжу Дэ КПК выслали из Пекина, но в июле 1970 г. вернули. В январе 1975 г. Чжу Дэ вновь избран председателем Постоянного комитета ВСНП.

Чэнь И уже не выбирал выражений.

Как же в дальнейшем развивались военные действия Китая против Индии? Китайская армия была лучше вооружена и более дисциплинирована, прошла недавно серьезную школу войны. Ничего этого не было у индийцев. Естественно, они терпели довольно крупные поражения. Как конкретно протекали там боевые действия и чем закончились, я сейчас не стану говорить, это известно из газет, да и я тоже пользовался практически почти теми же сведениями, что и вся мировая общественность. Хочу остановиться в этой связи только на одном еще аспекте. Военный конфликт породил большие трудности для индийской передовой общественности, поставил в тяжелое положение компартию Индии, которая по проблеме отношения к войне с Китаем просто раскололась. Большинство партии пошло за Гхошем, который стоял за оборону отечества и поддерживал действия Неру, но часть довольно хороших коммунистов, членов ЦК партии, которых я лично знал и с уважением относился к ним, заняла прокитайскую позицию, высказываясь за поражение индийской армии. Пекин же развил энергичную агитационную кампанию против большинства КПИ, тем самым против КПСС, которая занимала сходную позицию прекращения войны без чьей-либо победы или конечного поражения. В конце концов война так и закончилась.

В скором времени возник вопрос и о нашей границе с Китаем. Там существовала граница, установленная еще до по-

беды Китайской революции 1949 г., и мы ее строго придер- живались. Со стороны Китая граница сначала не охранялась, а с нашей стороны находились пограничные войска. Правда, у нас охрана этой границы тоже была довольно условной. Китайские скотоводы часто перегоняли свой скот через границу для выпаса на советской территории. Они это делали издавна. А мы никогда не заявляли каких-либо претензий или тем более протестов по данному поводу. Кажется, существовала даже некая договоренность о том, что в каких-то местах китайские граждане могут пасти свой скот на нашей приграничной территории. К этому же вопросу тесно примыкает проблема взаимоотношений Китая с Монголией⁶². На ней я тоже хотел бы остановиться. Эта проблема была поставлена на одной из встреч представителей Советского Союза и Китая. Китайскую сторону возглавлял Мао Цзэдун, а вопрос нам задал Чжоу Эньлай. Мы, естественно, понимали, что Чжоу говорит то, что ему продиктовал Мао.

---

⁶² Монгольская Народная Республика была провозглашена 1 июля 1924 г. и включила в себя территорию так называемой Внешней Монголии. Она входила в состав Китайской империи с 1691 до 1911 г., когда монгольские князья провозгласили независимость и установили монархию. В 1914 г. китайские войска оккупировали Внешнюю Монголию, но в начале 1921 г. были изгнаны оттуда отступавшими из Сибири частями Белой армии. В июне 1921 г. Красная Армия в союзе с повстанческими силами Монголии изгнала белых и восстановила монархию, которая просуществовала до смерти монарха, после чего революционные силы во главе с СУХЭ-БАТОРОМ провозгласили Республику. На территории Китая по границе с Монголией располагается Внутренняя Монголия, автономный район размером 1,2 млн кв. км, входящий в состав Китайской Народной Республики.

Чжоу поставил вопрос якобы дипломатично: «Как вы смотрите на то, чтобы Монголия вошла в состав Китайского государства?» Я ему возразил: «Вы ставите вопрос, на который очень трудно ответить. Он касается Монгольской Народной Республики и Китая. Поэтому вам следовало адресоваться к монгольским товарищам. Нас это не касается, мы здесь третья сторона». Видимо, китайцы предвидели такой ответ, ибо Чжоу тут же сказал: «Хорошо. А каково ваше личное мнение? Что вы сами думаете на этот счет?» Отвечаю: «Наше отношение к делу зависит от того, как посмотрит на него Улан-Батор. Но думается, что вряд ли такое предложение обрадует монголов. Уж сколько лет МНР существует как независимое государство, имеет свое правительство, армию, парламент. Для них сейчас войти в состав Китая – значит попросту лишиться независимости. Вряд ли это может им улыбаться. Кроме того, сейчас Монголия накануне вступления в Организацию Объединенных Наций. Многие страны имеют с ней дипломатические отношения. И всего этого Монголия должна лишиться? Зачем? Полагаю, что ваше предложение создаст трудности для руководителей Монголии. Но за них вообще-то я говорить не хочу, ибо не знаю, что они скажут». На этом данный вопрос был исчерпан, больше к нему китайцы не возвращались.

Когда наши отношения с Китаем еще более ухудшились, Пекин предъявил нам ряд территориальных претензий, а также обвинил нас в захвате территорий европейских социа-

листических стран. Китайцы вытащили из-под спуда вопрос о том, что Советский Союз, дескать, опять присоединил к себе земли, которые входили в состав России до первой мировой войны, то есть часть Польши, Бессарабию и прибалтийские государства. Одним словом, советское правительство проводит, как китайцы потом изошрялись по радио, внешнюю политику царского правительства, политику захвата чужих земель.

Считаю, что на этот счет было дано достаточно разумных разъяснений со стороны Советского правительства. Его политика была абсолютно правильной. Если сейчас аннулировать исторически сложившиеся границы, не признавая законности обладания территориями, которые перешли по наследству от императорских, царских или королевских правительств к социалистическим правительствам наших братских стран, и начать отыскивать этнические границы, влезая в места расселения народов в далеком прошлом, то мы запутаемся, перессоримся и все-таки вряд ли сумеем разумно решить эту проблему. Ведь целые народы, которые сейчас имеют свои государства, должны будут лишиться своих территорий, потому что они пришли сюда и расселились на земле, которая их далеким предкам не принадлежала. Когда-то и откуда-то пришли все эти люди, теперь тут живут. Так не выгонять же их сейчас на Луну? Эта теория пересмотра границ несостоятельна, не преследует разумных целей и витаскивается на свет, чтобы рассорить народы, замутить воду и

в мутной воде вылавливать жертвы для проведения агрессивной политики в отношении братских социалистических стран. Это порочная линия. К сожалению, Китай продолжает ее проводить.

Монголия сама решила уточнить свою границу с Китаем. Это тоже сложный вопрос, потому что монгольская земля состоит из двух частей. На территории МНР монголы создали свое независимое государство, а другая часть монголов осталась жить в границах Китая. Та земля называется Внутренней Монголией, поскольку она находится внутри, между МНР и немонгольской территорией Китая. Как тут проводить границу? Здесь будет трудно искать этнические или исторические межи, потому что нынешняя граница разрезала по-живому тело монгольского народа и древнюю территорию Монгольского государства. Итак, Монголия обменялась с Китаем картами, начались переговоры. Прямо нужно сказать, что я был приятно поражен тем, как быстро решались спорные вопросы, причем китайцы не особенно упорствовали в пользу своих первоначальных предложений. Вскоре обе стороны пришли к обоюдному соглашению и наметили уточненные границы, которые устраивали и Монгольскую Народную Республику, и Китай. Они подписали на этот счет договор и установили ту твердую границу, которую официально признали оба государства.

Тот же вопрос возник и у нас. К этому времени китайская печать начала ставить под сомнение давно установившуюся

советско-китайскую границу. В беседах с нашими советниками пекинское руководство просто враждебно заявило, что русские захватили у Китая Дальний Восток и другие прилегающие территории. Мы хотели ликвидировать подобные разговоры раз и навсегда, договорившись с Пекином по всем пограничным вопросам. Между нами возникли некоторые недоразумения относительно границы по реке Уссури и другим рекам. Как известно, реки со временем меняют свои русла, образуя острова. Согласно договору, который был подписан с Китаем царским правительством, граница проходила по китайскому берегу реки, а не по фарватеру, как это обычно принято в международной практике. Таким образом, если образовывались новые острова, то они считались российскими. Правда, на некоторых островах мы признавали де-факто интересы китайского населения. Оно там собирало дрова, пасло скот. Мы по-братски, с пониманием относились к таким бытовым нуждам, и наши пограничники как бы «спустя рукава» взирали в этих случаях на нарушение границы.

Потом положение обострилось. Китайцы стали обстреливать наши пограничные катера. Имели место столкновения наших пограничников с китайскими «крестьянами», о которых пограничное начальство докладывало, что это были вовсе не крестьяне, а китайские пограничники, переодетые в гражданскую одежду. Они, что называется, брали наших «за грудки» и угрожали им оружием. Наши же пограничники, нужно отдать им должное, вели себя очень дисциплиниро-

ванно и строго выполняли инструкции: ни при каких условиях не позволить спровоцировать себя на вооруженный конфликт. Поэтому кончались эти столкновения вначале почти мирно: люди трясли друг друга за одежду, обрывая пуговицы, а иногда даже доходило до мордобоя, но оружие в ход не пускалось.

Мы официально обратились в Пекин: «Давайте договоримся. Зачем нам сталкивать наших пограничников в ожидании возникновения крупного конфликта, который будет вреден для обеих стран?» Не помню, как долго велась переписка, но Китай ответил согласием на встречу. Мы организовали правительственную комиссию и предложили Китаю выбрать место встречи. Китайцы предложили, чтобы встреча состоялась на их территории, мы согласились. Развернулись переговоры. Сначала Пекин в устной форме изложил свои территориальные претензии. Они требовали отдать Китаю Владивосток и довольно обширную территорию советских среднеазиатских республик. Мы, конечно, никак не могли такого принять или хотя бы взять за основу для ведения переговоров. Наша сторона представила свое объяснение дела и толкование сложившихся границ. В результате договорились, что обе стороны представляют свои карты с предложениями об изменении существующих границ. У нас уже была подработана такая карта, правительство рассмотрело ее и поручило уполномоченному лицу передать ее в Пекин. Китайцы тоже передали свой вариант.

Когда мы взглянули на китайскую карту, то там уже не значился в качестве китайского Владивосток, эта претензия была молчком снята. Но были обозначены какие-то острова на пограничных реках, на которые претендовал Китай, а главным являлось требование, чтобы граница по рекам проходила не по китайскому берегу, а по фарватеру. Мы с этим согласились, потому что в мировой практике чаще всего проводят границы именно по фарватеру пограничной реки. Вообще при решении спорных вопросов с Китаем мы старались опираться на мировую практику. В итоге мы согласились на передачу Китаю большинства тех островов, на которые он претендовал, после чего между нами не осталось практически спорных вопросов по границе, разделяющей Китай и СССР, за исключением единственного: Пекин настаивал, чтобы китайские пароходы могли пользоваться основным руслом Амура в районе Хабаровска; по старому же договору с Россией⁶³ они имели право плавать только по прилегающей к китайскому берегу протоке. Теперь Пекин требовал права ходить буквально у стен Хабаровска. Мы хотели сохранить старое соглашение, потому что наши отношения были напряженными, и мы не желали подпускать недружелюбно настроенных людей к такому важному пункту. Китайцы с нами не согласились, и этот параграф остался вне

---

⁶³ Нерчинский договор был подписан в 1689 г., Кяхтинский – в 1727 г., Айгунский – в 1858 г., Тяньцзиньский трактат – тоже в 1858 г., Пекинский договор – в 1860 г., Петербургский договор – в 1881 г.

договоренности.

Касательно линии остальной границы (а она превышает в длину две тысячи километров, причем сухопутная во многих местах тянется по горам, где бродят только охотники) мы, рассмотрев все претензии Китая, предложили нашей делегации придерживаться средней позиции. Спорные участки были небольшими и не представляли особой ценности ни для нас, ни, на наш взгляд, для Китая. Вот мы и хотели, применив линейку, просто разрезать их пополам: где-то нам поступиться в пользу Китая, а где-то срезать выступы в нашу пользу. В таком случае получилась бы не буквальная компенсация, а спрямление границы. Конечно, по линейке на местности границу не проведешь, потому что граница существует не для птиц, которые перелетают ее. Граница в идеале должна проходить по местам, доступным для пограничников, так что разделительную линию следовало, конечно, уточнить конкретно уже на местности. Мы исходили из того, что лучше из-за пустяков не дразнить гусей, а прийти к полюбовному соглашению. Нам казалось, что здесь, как говорится, кладется плюс на минус: уступка за наш счет в одном случае и уступка с китайской стороны – в другом случае. Мы надеялись, что теперь будет найдено общее решение, не наносящее ущерба ни престижу, ни основной территории обеих сторон.

Наша делегация изложила такую позицию Советского правительства. Но Пекин не принял наших предложений и

настаивал на том, чтобы все вопросы были решены только так, как указано на китайской карте. Главным препятствием к подписанию договора о границах теперь служил уже не отказ китайцев принять наши предложения, а другое. В конце концов мы были готовы пойти на принятие их новых предложений, чтобы навсегда закрыть спорные вопросы. Главное заключалось в том, что Пекин требовал признать в тексте договора, что советско-китайская граница была установлена на неравноправных условиях, когда Китай был слаб и царское правительство навязало ему силой такую границу, какая была выгодна России. Требование зафиксировать в договоре, что граница сложилась на неравноправной основе, совершенно неприемлемо для любого суверенного государства. Ведь прежние русско-китайские договоры были подписаны той и другой стороной, одни – столетиями, другие – десятилетиями ранее. Если согласиться с Пекином, то надо отказаться от всех территорий, полученных ранее Россией, и китайской справедливости ради отдать неравноправные приобретения. Пекином вопрос был поставлен дыбом, да и сейчас он стоит таким же образом.

Когда мы увидели, что договориться не удастся и нам могут предъявить новые претензии, мы честно и прямо заявили, что территория, на которую претендует Китай, никогда исторически не была китайской. Когда-то Китай имел там своих людей, которые, опираясь на насилие, собирали дань с местного населения, и поэтому Пекин теперь считает эти

земли китайскими. Но жили-то там и живут вовсе не китайцы, а казахи, таджики, киргизы, другие среднеазиатские, сибирские и дальневосточные народы. В Приморье китайцы имели лишь отдельные поселения, пытаясь колонизировать этот край. Главным образом то были охотники и торговцы. Они пользовались теми же правами, что и русские, которые проникли туда позже и постепенно экономически вытеснили китайцев, а политическое присоединение Приморья к России произошло давно⁶⁴. Любая попытка пересматривать сейчас исторически сложившиеся границы, подвергать их сомнению и пытаться их переделывать безнадежна и не вызовет улучшения отношений между государствами. Нельзя решать никакие споры между государствами на такой основе.

Наша делегация вернулась из Китая без договоренности. Следующее заседание должно было состояться в СССР. Наше правительство рассмотрело все, что требовалось, и дало соответствующие указания нашей делегации. Ее возглавлял командующий погранвойсками СССР⁶⁵. На меня он производил хорошее впечатление как спокойный и разумный человек. С полным пониманием дела он мог вести предстоявшие переговоры. Затем мы обратились к Китаю, чтобы

---

⁶⁴ Приморский край СССР, охватывающий Приморье, в 1938 г. выделился из Дальневосточного края, который включал в себя ранее район от р. Уссури до Японского моря – прежний Уссурийский край, признанный вплоть до корейской границы владением России по русско-китайскому Пекинскому договору 1860 г.

⁶⁵ ЗЫРЯНОВ Павел Иванович (1907–1992). В 1952–1956 гг. и 1957–1972 гг. командовал пограничными войсками КГБ.

узнать, когда делегации сумеют встретиться. Но Пекин вообще нам не ответил. До конца моей государственной и партийной деятельности СССР так и не получил ответа. Как развиваются соответствующие события сейчас, я знаю только по газетам. Из них видно, что советская позиция ясна и принципиально ни в чем не изменилась, а правительство СССР проводит в этом вопросе ту же линию, которую проводило при мне.

Добавлю, что наиболее скользким вопросом оставалась проблема Памира. Статус Памира не был предусмотрен никакими договорами между царским правительством и Китаем. Вот и возникла проблема. Мы дали директиву нашей делегации разъяснить, что Памир исторически заселен таджиками и по праву должен принадлежать им. Никаких китайцев там нет сейчас и не было раньше. Значит, о чем вдруг возникла речь? Граница там должна оставаться такой, как она исторически сложилась. Как отреагировали китайцы на это разъяснение, я не могу сказать, потому что в мою бытность главой правительства наших встреч больше не было.

Сейчас нашей делегацией, которую возглавляет Кузнецов⁶⁶, опять ведутся переговоры. Как они протекают и какие претензии предъявляются Пекином, не знаю. А по высказываниям китайской печати видно, что Пекин продолжает недружественную в отношении СССР политику, как и

---

⁶⁶ Являвшийся в 1953 г. советским послом в Китае В.В. КУЗНЕЦОВ в описываемое время был 1-м заместителем министра иностранных дел СССР.

прежде, когда я возглавлял Советское правительство. Очень жаль! Но я верю, что придет все-таки время (хотя мне и неизвестно, когда придет), и китайские руководители поймут необходимость сплочения социалистических стран и коммунистических партий в интересах своих народов, борьбы за мир, за социализм на Земле. Тогда на разумной основе ликвидируется конфликт, и обе стороны начнут делать все, чтобы укрепить общую дружбу, двигаться совместными усилиями к цели, которая была поставлена Марксом и Лениным, к коммунизму.

Говоря об истории наших отношений с Китаем, я касался главным образом государственных вопросов. Но межгосударственные споры не могли не затрагивать и межпартийных вопросов. Хотел бы привести в этой связи некоторые факты, характеризующие развитие отношений КПК с КПСС, другими братскими партиями. Если после Бандунгской конференции Китай выступал в едином ряду борцов за мир, за мирное сосуществование стран с различными социальными системами, то со временем стал обособлять свою политику и в конце концов дошел до того, что начал подрывать само это движение. Как известно, в борьбе за мир участвуют люди разных социальных слоев, разных религий, различного имущественного положения. Они объединились во имя одного стремления – обеспечить мир между народами. В своей деятельности я неотступно следовал этому положению и насколько хватало сил пропагандировал его, верил и сейчас

верю, что такая политика соответствует интересам народов как социалистических, так и капиталистических стран.

Китай еще в 50-е годы начал постепенно торпедировать это движение, не соглашался с тезисом мирного сосуществования, заявляя, что оно ведет к буржуазному пацифизму и ослабляет революционные порывы народов изменить состояние дел в мире; что только резко активные действия против капитализма могут способствовать переходу к социализму; что надо гораздо интенсивнее вести революционную работу, не отвлекаясь на борьбу за мир, которая разоружает и ослабляет народные массы. Пекин выступал и против участия в этом движении представителей буржуазии, заявляя, что союз с ними есть предательство интересов рабочего класса. Мы же считаем неразумным ослаблять столь важное движение, отталкивая от себя людей, которые верят нам и делают все для того, чтобы обеспечить мир на Земле. Например, Сайрус Итон⁶⁷ – крупнейший капиталист, металлургический магнат, но разумный человек, который искренне выступает за мир, за мирное сосуществование между США и Советским Союзом. Зачем нам отталкивать его? Потому что он капиталист? Глупость. Многие религиозные деятели, занимающие высокое положение, также стоят на позиции мирно-

---

⁶⁷ ИТОН Сайрус (1883–1979) – один из лидеров Кливлендской группы финансистов и промышленников США и один из инициаторов международных Пагуошских конференций (с 1957 г.) ученых, выступающих за мир, международную безопасность и научное сотрудничество. Лауреат Международной Ленинской премии в 1960 г.

го сосуществования. И мы тоже считали неразумным отталкивать их от себя.

В связи с этим хочу напомнить о замечательном человеке, французском канонике Кире⁶⁸. Сейчас он уже умер. Когда я ездил во Францию, то беседовал с ним. Этот человек в свое время многое сделал для организации борьбы патриотов против фашистских оккупантов, потом до конца своей жизни был предан делу борьбы за мир. Как можно отталкивать таких людей? Наоборот, надо мобилизовать все эти силы, чтобы они работали в том же направлении, что и коммунисты, и боролись за обеспечение мира на Земле, за лучшее социальное переустройство. Революционные же преобразования и изменение социально-политического строя – это внутренний вопрос каждой страны, и его решения нужно добиваться не путем войны, а путем организации рабочего класса, который в союзе с крестьянством и интеллигенцией будет стремиться к победе марксистско-ленинских идей переустройства общества. Мы этому и служили.

Пекин же все делал, чтобы подорвать единство в борьбе за мир, сколачивал фракционные группировки, создавал всяческие трудности на заседаниях мирных представителей разных стран, срывал принятие единых решений. Внутри Китая тоже велась большая работа по дискредитации политики

---

⁶⁸ КИР Феликс А. (1876–1968) – участник движения французского Сопротивления во Второй мировой войне, публицист, мэр г. Дижона, депутат Национального собрания, член епископального совета по управлению духовной епархией, активный деятель движения за мир и безопасность в Европе.

СССР в целом, советских специалистов в Китае в частности. В результате возникли условия, в которых наши специалисты не могли уже нормально там работать. Им не доверяли, над ними буквально издевались. И мы решили, что дальнейшее пребывание наших специалистов в Китае не способствует улучшению отношений между нашими странами. Мы-то преследовали цель оказать всемерную экономическую помощь развитию науки и техники Китая, а это все теперь оборачивалось против нас: нарочито порочили наши технические предложения, наши станки, наше оборудование. В Китае трудились довольно много наших людей. Им были созданы невыносимые условия жизни и работы. Поэтому перед нами встал вопрос, как быть? Ведь мы, даже в ущерб самому Советскому государству, посылали туда лучших специалистов и отличных рабочих, лишая себя самого хорошего, что было подготовлено в отечественной промышленности и сельском хозяйстве. А теперь, вместо того чтобы ценить нашу дружескую помощь, прежние друзья оборачивали это против нас, дискредитировали нас и оскорбляли наших товарищей.

В принятии решения об отзыве специалистов сыграл свою роль и такой случай. В то время возникли разногласия Китая с Северным Вьетнамом⁶⁹. Китайцы после этого отзывали от-

---

⁶⁹ Эти разногласия определились на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1960 г.), «Заявление» которого вьетнамская делегация подписала, в отличие от китайской, без оговорок, а также на Женевском совещании по урегулированию лаосского вопроса (с 16 мая 1961 г.

туда всех своих специалистов. А теперь мы оказались в положении, когда пребывание наших людей в Китае не достигало той цели, во имя которой их туда послали. Исчез иной выход из ситуации, кроме возвращения этих людей на Родину. Когда же мы их отозвали, китайцы начали громко возмущаться и разыгрывать роль перед коммунистами братских партий, что вот, мол, СССР пошел на такую акцию и лишил Китай помощи. На такую пропаганду в Пекине имеются умельцы. Но, безусловно, и я это подчеркиваю всегда, когда я говорю «китайцы», это ни в какой степени не относится к народу в целом. Китайцы в своей массе дружелюбные и очень трудолюбивые люди, заслуживающие большого уважения. Сказанное относится только к клике Мао Цзэдуна. Это он направлял такую политику против нас, и прежде всего именно он несет ответственность за разрыв с нами. Ни компартия Китая в целом, ни тем более китайский народ неповинны в том и сами страдают от безрассудной политики.

На первом этапе наших разногласий Пекин вел борьбу против нас так, что она еще не выходила за рамки межпартийных отношений и внутренних контактов, материалы о ней не попадали на страницы широкой печати. Хотя такую масштабную работу, которую они повели против нас,

---

по 23 июля 1962 г.), где китайская делегация определила особую позицию, и в ходе вьетнамо-китайских контактов в начале 1960-х гг., когда Пекин поднял вопрос о судьбе районов Северного Вьетнама, временно входивших некогда в состав китайских владений: со 111 г. до н. э. (Аулак и Намвьет), с 603 г. н. э. (Вансуан) и с 1407 г. (Северный Дайвьет).

конечно, нельзя было скрыть, и о ней зачирикали воробьи на всех крышах. Заграница трубила в антисоветские трубы, что уже близок разрыв Китая с СССР, что разгорается их ссора. Это радовало противников марксистско-ленинской политики, и у них к тому появились весомые основания. К моменту начала открытой дискуссии в печати мы обнаружили, что на китайские позиции перешло руководство Албании. Как это произошло? Как раз в то время, когда наши отношения все больше накалялись, в Китай отправилась албанская делегация. Мы считали, что такие поездки в принципе всегда полезны. Мы тоже с удовольствием ездили в Китай и готовы были повторять деловые поездки. Визиты представителей всех братских партий мы рассматривали как полезный способ установления личных контактов, служащих укреплению взаимопонимания, с тем чтобы держать общее марксистско-ленинское оружие отточенным, в боевом состоянии.

Но оказалось, что та поездка албанской делегации преследовала другую цель. Мы буквально остолбенели, узнав, какие беседы с нею вели китайцы. Они проводились в конфиденциальном порядке, однако когда делегация проезжала через Москву, к товарищу Андропову⁷⁰ пришла член Политбю-

---

⁷⁰ АНДРОПОВ Юрий Владимирович (1914–1984) – советский политический деятель. В 1936 г. окончил Рыбинский речной техникум и в 1947 г. Высшую партийную школу при ЦК КПСС. В 1936–1938 гг. на комсомольской работе в Рыбинске, в 1938–1940 гг. первый секретарь обкома комсомола Ярославской области, в 1940–1944 гг. первый секретарь ЦК ВЛКСМ Карело-Финской ССР. С 1944 г. второй секретарь Петрозаводского горкома ВКП(б), а с 1947 г. второй

ро Албанской партии труда Лири Белишова⁷¹, которая придерживалась позиции дружбы с Советским Союзом и была возмущена прошедшими переговорами. Эта стойкая коммунистка прошла ранее суровую школу борьбы с итальянскими фашистами, испытала застенки тюрем. Ей в тюрьме выбили один глаз. Очень преданный делу коммунизма человек. Она, как и другие – настоящие албанские коммунисты, – была сторонницей дружбы с Советским Союзом и рассказала по-товарищески о состоявшихся в Пекине беседах, будучи потрясена их антисоветской направленностью. Она сообщила, что инициаторами бесед были китайцы, но албанцы охотно откликнулись и восприняли антисоветские тезисы Пекина.

Мы же проявили тогда большую наивность. В то время председатель Совета Министров Албании Мехмет Шеху⁷² лечился у нас в больнице. К нему поехал, кажется, Ан-

---

секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. В 1951–1954 гг. инструктор ЦК ВКП(б). В 1954–1957 гг. посол в Венгрии. В 1957–1967 гг. заведующий отделом социалистических стран ЦК КПСС. В 1967–1982 гг. председатель КГБ СССР. С 1973 г. член Политбюро ЦК КПСС. С 1982 г. генеральный секретарь ЦК КПСС и с 1983 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

⁷¹ БЕЛИШОВА Лири (р. 1923) в 1939–1944 гг. в борьбе с итальянско-немецкими оккупантами потеряла глаз. В 1946–1948 гг. председатель Союза народной молодежи Албании. В 1948–1960 гг. член Политбюро и секретарь ЦК партии труда Албании. В 1952–1954 гг. учится в Москве в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. В 1950–1960 гг. член Президиума Народного Собрания Албании. В 1960 г. заняла просоветскую позицию и была арестована и сослана на поселение в деревню. В 1991 г. вернулась в Тирану.

⁷² ШЕХУ Мехмет (1913–1981) – профессиональный военный. В 1937–1939 гг.

дропов, который заведовал отделом ЦК КПСС, занимаясь связями с коммунистическими партиями социалистических стран, и сказал ему, что мы получили такую-то информацию, и даже сообщил, кто нас проинформировал. Мы-то считали, что Мехмет Шеху и Энвер Ходжа⁷³ – наши настоящие друзья, подлинные коммунисты, и не сомневались, что это известие поразит их так же, как нас. Думали, что они не разделяют таких взглядов, но глубоко ошиблись. Как только наш человек вышел от Шеху, тот сейчас же скинул с себя больничную одежду и улетел в Албанию. Там развернулась буквально погоня за людьми, которые стояли на позициях дружбы с Советским Союзом. Их объявили врагами Албанской партии труда, врагами своей Родины. А Лири Белишову, комму-

---

участвовал в гражданской войне в Испании. В 1942–1945 гг. участвовал в албанском партизанском движении против войск фашистской Италии, командир бригады, затем – дивизии. В 1945–1948 гг. заместитель, а после обучения в Москве начальник Генерального штаба армии Албании. В 1948 г. провёл чистку против титовцев – сторонников Кочи Дзодзе. После этого стал вторым человеком в партии. В 1948–1953 гг. секретарь ЦК Албанской партии труда и заместитель председателя Совета министров. С 1954 г. и до конца жизни председатель Совета министров Албании. В 1981 г. из-за разногласий с Э. Ходжа покончил с собой, по другой версии – застрелен.

⁷³ ХОДЖА Энвер (1908–1985) – с момента основания в 1941 г. первый секретарь ЦК албанской компартии (партии труда), а в 1948–1954 гг. ее генеральный секретарь. После упразднения в 1954 г. должности генерального секретаря и переименования партии в Албанскую партию труда – до конца жизни первый секретарь ее ЦК. В 1944–1954 гг. премьер-министр Албании. В организованной И.В. Сталиным в 1947 г. антиюгославской кампании встал на сторону Сталина. В 1956 г., после XX съезда КПСС, опасаясь за свою судьбу, порвал отношения с СССР и занял прокитайскую позицию.

нистку, которая приходила к нам, вывели из состава Политбюро и даже исключили, кажется, из рядов партии. Кончилось тем, что ее вообще арестовали и, как я думаю, физически ликвидировали. Албанские лидеры повели себя как настоящие звери. Они жестоко расправились со всеми неудобными людьми. У них были созданы пресловутые тройки, которые возглавлял Балуку⁷⁴. Те выносили приговоры и сами приводили их в исполнение.

Когда мы узнали, что творится в Албании, чаша нашего терпения переполнилась, и мы решили, что надо принимать какие-то меры. Но об этом я расскажу дальше. Китайцы же развернули свою пропаганду в нашей стране. Их студенты стали распространять в учебных заведениях антисоветскую литературу, листовки, пытались организовывать антисоветские демонстрации на улицах и площадях. Наши студенты, которые учились в Китае на основе межгосударственного обмена, терпели всяческие издевательства и практически не могли заниматься. Мы решили их отозвать и в свою очередь предложили выехать из нашей страны китайским студентам: попросили Пекин забрать тех людей, которые недостойно ведут себя в Советском Союзе. Когда эти лица возвращались в Китай, то на конечной железнодорожной станции перед Монголией устроили безобразную демонстрацию.

---

⁷⁴ БАЛУКУ Бекир – генерал, первый заместитель председателя Совета министров, министр обороны Албании. В 1974 г. освобожден от занимаемой должности, арестован, казнен.

Даже неприлично говорить о том, что они проделывали: снимали штаны и гадили на перроне и в вокзале. Не знаю даже, как назвать такую демонстрацию. Это просто свинство! И делали это «культурные люди». Но не потому, что не понимали, что такое неприличие. Они хорошо все знали, а поступали так именно потому, что это было неприлично, устроив своеобразную выходку против нас.

Конечно, подобные акции нельзя было скрыть от общественности, считая их недоразумением и дожидаясь, пока все нормализуется. Наши отношения с Пекином накалились до предела. Скажу, что еще во времена добрых контактов мы подписали соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии, в том числе о передаче Китаю секретов технологии производства атомного оружия. Мы вообще давали Китаю все. У нас от него не было секретов, а их ученые, инженеры и конструкторы, которые занимались атомными делами, работали рука об руку с нашими атомщиками. Когда Китай попросил у нас атомную бомбу, мы поручили своим ученым принять его представителей и обучить их, как ее делать. Наши ученые предложили сделать для них подходящую модель. Я не могу тут разъяснять, что это была за модель и почему ее нужно было делать. Существует понятие государственной тайны. Достаточно упоминания. И действительно, изготовлена была модель атомной бомбы небольшой мощности.

Как раз к моменту резкого ухудшения наших отношений

завершилось обучение соответствующих китайских специалистов, а модель была уже упакована. Министр атомной промышленности СССР (должность называлась – министр среднего машиностроения⁷⁵) доложил, что все готово, включая решение об отправке модели, и люди приготовились отправлять ее. Оставалось дать сигнал! Мы собрались на совещание Президиума ЦК КПСС. Нам было очень трудно решить, как быть: мы знали, что Китай использует все против нас, если мы нарушим договор и не отправим модель бомбы. С другой стороны, нас так поносят, предъявляют нам немыслимые территориальные претензии, а мы в это время, как послушные рабы, будем снабжать их атомной бомбой? И мы решили не посылать ее. Как только мы так сделали, китайцы тотчас это использовали, конечно, чтобы восстановить братские партии против КПСС: жаловались, что Советский Союз не делится с Китаем своими оборонными достижениями и не хочет оказывать помощь Китаю. Конечно, то была ложь, потому что все современное вооружение, которое имел Китай, было изготовлено по образцам, полученным из СССР, и при нашем полном содействии. Он узнал всю технологию производства любых видов вооружения: стрелкового, артиллерийского, танкового, ракетного, авиационного, морского.

---

⁷⁵ СЛАВСКИЙ Ефим Павлович (1898–1991) – инженер-металлург. В 1941–1945 гг. директор Уральского алюминиевого завода. В 1945–1946 гг. заместитель наркома цветной металлургии. С 1946 г. занимается атомными делами. В 1953–1957 гг. заместитель министра среднего машиностроения. В 1957–1986 гг. – министр (председатель Госкомитета) среднего машиностроения.

Вообще все, о чем просил Пекин, мы сейчас же давали ему, включая лучшие образцы.

В тот период наше идеологическое противоборство еще велось по закрытым каналам или в иносказательной форме, но Пекин и здесь считал дозволенными любые методы. Единственное, чего тогда не позволяли себе ни Китай, ни Советский Союз: мы не выходили в печать и не затрагивали персон, руководителей государства и партии. Однако когда я уже находился в отставке, то я читал в газетах и слушал по радио бранные речи китайцев и в свой адрес, и в адрес нового руководства Советского Союза. Столь хлесткую брань нечасто услышишь и от классовых врагов. Мало сказать, что то были «недружественные» заявления. То были враждебные призывы к свержению Советской власти в СССР. Не буду, впрочем, об этом говорить, потому что данному явлению уделяется достаточно внимания в нашей печати.

Вот так, к сожалению, сложились наши отношения. К большому огорчению для настоящих, искренних коммунистов. Я лично тоже очень огорчен, что произошло именно так. Я душою верил и хотел верить Китаю, радовался его победам, с восхищением следил за борьбой за свое освобождение, которую вел народ Китая под знаменем Коммунистической партии. Да мы все радовались, когда китайские товарищи одержали победу, полагая, что это огромная победа всех революционных сил. К сожалению, сейчас наши усилия разъединены, а следовательно, ослаблен и социалистический

лагерь. Но хочу верить, убежден, что это продлится недолго. Компартия Китая найдет в себе здоровые элементы, которые преодолеют болезнь, поразившую ее.

Увы, то, что ныне происходит в компартии Китая, в какой-то степени повторяет то, что Сталин в свое время сделал с нашей Коммунистической партией. Он тоже прикрывался тем, что борется за революцию, за социализм и против врагов народа. Но кто были эти «враги народа»? Лучшие люди Коммунистической партии, кадры, которые создавали саму партию вместе с Лениным и под его руководством работали в подполье и в первые годы Советской власти. И этих-то людей объявили врагами народа. Сейчас их реабилитировали. Правда, их доброе имя еще не восстановлено полностью, и к ним не относятся у нас с тем вниманием, какого требуют история и справедливость. Но процесс в данном направлении идет неумолимо, правда победит. На XX съезде партии было проявлено мужество, мы сказали слово правды. Но сейчас важнее будущее, чем прошлое.

Надо очень внимательно следить, чтобы подобное сталинским действиям не повторилось в будущем, что в общем-то не исключено. Должны быть приняты специальные меры, которые оберегали бы народ от возможности установления диктатуры в стране. Главное – наличие демократии, высокий культурный и моральный уровень членов партии и всего народа. В этом случае народ сам сумеет защитить себя от тирании и от злоупотреблений властью.

То, что происходит в Китае, очень похоже на то, что происходило ранее у нас. Мао Цзэдун, как говорится, закусил удила, набрал силу после победы над Чан Кайши и утвердился у власти, а теперь стал расправляться с теми, вместе с кем шел к победе. Для истребления партийных кадров он взял именно то оружие, которым пользовался Сталин, хотя такие методы уже были разоблачены и заклеены на XX и XXII съездах КПСС. Мао одобрял наши решения, много говорил в этом духе, а затем выдумал «культурную революцию». При чем тут культура? Однако вопрос состоит не в том, под каким конкретно лозунгом ведут честных людей на плаху, а в том, что это делается во имя утверждения власти одной личности. У нас был Сталин, в Китае – Мао. Такая же опасность грозит всем братским странам и может повториться в любой коммунистической партии. Гарантий неповторения никаких нет. Никакие слова не смогут преградить нашествие тирании. Только сама партия, сам народ, если он сознает свою ответственность перед историей и уважает человеческое достоинство, причем не только в коллективе, но и каждого отдельного его члена, сумеют поставить преграду диктатуре. Иначе нельзя противостоять диктатуре одной личности, воспитать коллективное мышление во имя интересов народа и торжества марксизма-ленинизма.

Бросив лозунг «Пусть расцветают сто цветов», Мао открыл шлюзы для свободного высказывания любых мнений и устно, и в печати, и в партии, в народе. По существу, то

была хорошо продуманная злостная провокация. Он вызвал людей на откровенность, а потом начал истребление тех, чьи мысли считал вредными. В таких случаях всегда прикрываются тем, что борются с вредными идеями. Но кто определяет эту полезность или вредность? Сам Мао. Поэтому каждый, кто ему перечил, становился вредным для нового строя. У нас Сталин самых достойных людей обратил во «врагов народа». А тот же народ, который вчера им аплодировал, сегодня требовал их казни и одобрял злоупотребления властью, не требуя никаких доказательств правоты таких поступков. Сталин нашел людей, которые подтасовывали дела, выдумывали факты и пускали их в оборот. Буквально теми же методами действует сейчас Мао.

Интересна метаморфоза его поведения по отношению к личности Сталина. После смерти Сталина, когда мы встречались с Мао, он очень нелестно отзывался о нем, обвинял его в том, что Сталин не понимал сущности Китайской революции и недооценивал возможности народа. Мне-то очень трудно было понять взгляды Мао на рабочий класс. В войне против Чан Кайши Мао больше опирался на крестьянство и вообще считал, что крестьяне более революционны, чем рабочий класс. За это Сталин критиковал Мао. А последний называл конкретные факты, ссылаясь на письма Сталина к Чан Кайши и к нему, из которых вытекало, что особенно вредную роль для Китая играл Коминтерн, действовавший по указке Сталина, потому что Коминтерн находился

в Москве и делал все, что рекомендовал Сталин. Мао возмущался, что ему советовали в свое время не особенно задиаться с Чан Кайши, постараться установить с ним контакт и объединить усилия в борьбе против японского агрессора. Видимо, такое имело место⁷⁶. Видна и историческая логика в этих рекомендациях, потому что главная опасность Китаю тогда грозила со стороны Японии, и надо было объединить усилия для отпора интервенту. Это не означало – слить силы. Надо было временно перенести центр тяжести на отражение нашествия врага.

Представителем Китая в Коминтерне был тогда Ван Мин⁷⁷. Он и сейчас здравствует. Я всегда с уважением относился к товарищу Вану. Думаю, что он правильно понимал революционный процесс в Китае и был среди тех, кто выработывал верные директивы. Мао, направляя ранее острие своей критики против Сталина, имел в виду и Ван Мина,

---

⁷⁶ В 1936 г. СТАЛИН настоял на объединении китайских коммунистов с Гоминьданом для совместной борьбы с японской агрессией. В результате была сформирована 8-я армия, успешно сражавшаяся под совместным командованием. После капитуляции Японии 3 сентября 1945 г. Сталин продолжал настаивать на сотрудничестве китайской компартии с правительством Чан Кайши, что имело место в 1946 г. Однако в 1947 г. развязалась полномасштабная гражданская война, закончившаяся победой коммунистов в 1949 г.

⁷⁷ ВАН МИН (Чен Шаю) (1904–1974). В 1930-е гг. – лидер «интернационалистов» в Политбюро ЦК Китайской компартии, противостоявших группе Мао Цзэдуна. Потерпел поражение от Мао в 1935 г. В 1932–1943 гг. представлял китайскую компартию в Коминтерне (до его расформирования). В 1956 г. Мао избавился от него, позволив Вану переехать на жительство в Москву, где тот и умер.

считая, что тот неправильно понимал обстановку в Китае и неверно действовал, когда возглавлял в начале 30-х годов компартию Китая. В его словах чувствовалось, что Мао ищет оправдание свержению Ван Мина. Сейчас товарищ Ван, видимо, потерял бы голову, если бы оказался доступен Мао Цзэду. Сразу после победы революции Мао не захотел пачкать руки кровью Вана. К нему проявили внимание, избрали заочно в ЦК КПК, но порекомендовали не возвращаться в Китай, и он поселился в Москве. Однако потом дело изменилось. Мы располагаем сведениями, что неоднократно предпринимались попытки умертвить Ван Мина. Ему присылали отравленные продукты из Китая. А он всегда пробовал их сначала на кошках. Кошки подышали. Кто мог быть заинтересован в этом деле? Только Мао. У него есть некий мясник, вроде Берии у Сталина, – Кан Шэн. При возможностях, которыми обладают Кан и Мао, не так уж трудно подобрать ключи для убийства любого человека. Но Ван Мин проявлял осторожность и, зная повадки своих «друзей», действовал предусмотрительно и избежал преждевременной смерти.

Однако почему Мао сначала был любезен с руководством СССР, которое сложилось после смерти Сталина, а потом повернул на 180 градусов? Почему вначале все время повторял, что является другом Коммунистической партии Советского Союза, а затем отказался от своих слов? Почему сначала он поддерживал нас, когда мы осудили Сталина, а потом

стал превозносить его? В основе такого поведения лежит магия величия. Ее проявления мы заметили еще тогда, когда советская делегация впервые приехала в Китай. Мао страдал той же болезнью, которой болел всю свою жизнь Сталин. Сталин никого не признавал равным себе. Людей, которые работали около него, он рассматривал как мебель, которая необходима, чтобы есть на ней, сидеть и спать. Когда мебель, по его мнению, немножко изнашивалась, он ее спокойно менял.

То же самое делает сейчас Мао. На первых порах после смерти Сталина он хотел взять нас лаской и рассыпался в любезностях, хвалил за решения XX съезда КПСС, говорил, что мы проявили мудрость, разоблачив сталинские злоупотребления властью. Когда же увидел, что лаской нас не купить, что мы имеем свою твердую точку зрения, желая проводить строго марксистско-ленинскую политику, как мы ее понимаем, и когда он уже убедился, что никакими средствами не сумеет повлиять на нас, сделав нас ручными, чтобы утвердить свою гегемонию и через нашу партию распространить ее на все международное коммунистическое движение, он потерял былую надежду и начал искать другие способы показать свою гениальность и превосходство над окружающими.

Вот тут-то он и выдумал «большой скачок» и коммуны. Хотел продемонстрировать особые китайские методы построения социализма, маоистский стиль руководства, чтобы

решить в кратчайший срок задачу, поставленную Лениным: перегнать капиталистический мир в производстве продукции на душу населения и сделать мир социализма непобедимым. Мао полагал, что Китай догонит за несколько лет Англию, а потом примется за США и попутно превзойдет успехи, которые достигнуты народами Советского Союза. Он хотел добиться этого с меньшими затратами и в кратчайшее время. До «большого скачка» и коммун Китай очень быстро набирал силы. Я восхищался этим. Имелся хороший эталон для сопоставления: Индия. Китай резко выделялся в сравнении с нею. Вот выгодный аргумент: до победы народной власти в Китае обе эти страны находились почти на одном уровне развития, причем Индия имела даже лучшую индустриальную базу. А затем жизненный уровень в Китае поднимался быстрее. Вот вам и преимущество социалистического строя!

Когда же Китай зашагал «большими скачками» и Мао решил через «малую металлургию» явить миру китайское чудо, перегнав высокоразвитые капиталистические страны за какие-то годы, и когда он разорил народ, создав коммуны, а затем превратил коммуны в полувоенные поселения, то китайское хозяйство было дезорганизовано, и начался упадок и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Тут нужно было бы признать свои ошибки. Но разве могли Сталин или Мао признаваться в собственных ошибках? Сталин, даже когда допустил грубейшие ошибки при коллективизации сельско-

го хозяйства, нарушив принцип добровольности вступления в колхозы, выступил вдруг с письмом «Головокружение от успехов». То было удивительное вероломство. Но мы признали верность лозунга «Головокружение от успехов», и он вошел в историю. Однако какое же может быть истинное головокружение от успехов, которых не было? Тут не успехи, а провал! Надо было назвать все своим именем и поправить дело. Но Сталин не смог так поступить, а свалил вину на кадры, которые сначала полетели со своих постов, а потом потеряли свои головы. Мао действовал такими же способами, когда начал «культурную революцию». Эта революция – в действительности контрреволюция. Мне трудно объяснить, как она трактовалась в КПК и для народа, а в чем конкретно проявилась, это знает каждый китаец.

Уничтожая партийные кадры и интеллигенцию, ломая все, чтобы привести страну к состоянию, когда мог быть признан богом (уже не вождем, а богом), Мао напоминал мне, в частности, как у нас, бывало, на заседаниях при упоминании имени Сталина все вставали с мест и аплодировали, как в церкви крестятся, упоминая Господа. Те же действия, только у нас это было чем-то вроде физкультурных занятий на собраниях: встал, поаплодировал, сел. Мао сделал проще: приказал отпечатать выдержки из своих речей, объявил их заповедями и заставил всех зубрить эти цитаты как идиотов. И люди тупели не то от страха, не то от зубрежки. Это было видно даже в кинокадрах по телевизору. Немыслимое дело –

такое унижение человеческого достоинства! Я слышал как-то по радио, как хирурга заставляли перед операцией твердить изречения Мао. Разве это допустимо в XX веке, когда человеческая нога уже ступила на Луну? В наше ли время верить в такие заклинания, надеяя одного человека сверхъестественными силами? Как можно говорить, что операция прошла удачно потому, что хирург зубрил изречения Мао и перед тем, как что-то сделать, заглянул в цитатник узнать, что тот сказал?

Неслыханную вещь учинил Мао, когда свою жену, в прошлом актрису, объявил главным идеологом и руководителем культурной жизни Китая. Не знаю, какими там она наделена достоинствами. Как актриса, может быть, и хороша. О таких людях судачат по-разному: одни говорят, что она талантлива, другие – что ничего талантливого у нее нет, что она просто нравилась Мао и только в этом заключались ее достоинства, а слава пришла к ней потом. Истинное же положение деятелей культуры – композиторов, писателей, ученых, преподавателей, всей интеллигенции – непрекращающееся, неслыханное, невозможное унижение. Там творятся огромные злоупотребления. Но народ терпит. Из среды китайской молодежи выдвинуты отряды, которые наводят «порядок» в учебных заведениях, устанавливая, как преподавать и как трактовать основы науки, посредством палки и таким способом внедряя «культурную революцию».

Как-то, крутя настройку радио, я набрел на китайскую пе-

редачу на русском языке. Послушал немного, и мне стало противно, потому что повторялось одно и то же: какая-то девушка говорила на плохом русском языке, затем парень ругал нас. Мне показалось, что голоса их мне знакомы. Может быть, когда я был в Китае или Мао приезжал к нам, они были переводчиками? Я допускаю это, потому что, когда включал Китай, всегда сразу же узнавал их голоса. Потом перестал слушать, потому что мне стало неприятно. Эти китайские передачи заключаются в однообразном повторении, как молитвы, маоистских изречений с попутными восхвалениями Мао. Вновь говорю: к сожалению, мы прошли тот же путь во времена Сталина. На партийных и общих собраниях без конца все твердили: «Сталин, Сталин, отец родной!» И я это твердил, не являясь исключением. Тем более мне сейчас противно все это слушать, быть свидетелем повторения этого маоистами буквально в той же форме.

Хочу сказать несколько слов о других китайских руководителях, с которыми мне приходилось сталкиваться. Лю Шаоци: он наиболее импонировал мне как человек. С ним было приятно разговаривать. Когда я беседовал с ним, то чувствовал, что у нас одинаковый стиль мышления, что мы понимаем друг друга с полуслова, хотя и разговариваем через переводчика. С докладом товарища Лю на VIII съезде КПК и изложением задач, которые тогда стояли перед китайским народом и компартией, мы полностью были согласны. Лю смотрел на факты теми же глазами и так же понимал их, как мы.

Но потом Лю стал выступать против нас. Впервые это произошло, когда он вел беседу с албанцами. Думаю, что он делал это под нажимом. Жизнь подтвердила мои подозрения: ведь и сам Лю пал жертвой «культурной революции». Сейчас он там – жертва № 1, хотя был самым влиятельным лицом после Мао и, полагаю, наиболее разумным руководителем.

Чжоу Эньлай⁷⁸: его мы ставили на второе место после Лю Шаоци. Сейчас он занимает вредную позицию, служа какой-то подпоркой в кровавых делах, которые творит Мао. Но в свое время, когда мы с ним встречались, товарищ Чжоу проявил себя приятным собеседником, человеком, понимающим проблемы экономики и хорошо разбирающимся в политике. Правда, о сельском хозяйстве мы с ним почти не говорили, но задачи промышленности он понимал отлично.

Чжу Дэ: он, по-моему, конкретными вопросами повседневной жизни уже не занимался, а занимал примерно та-

---

⁷⁸ ЧЖОУ ЭНЬЛАЙ (1898–1976) – китайский политический деятель, в 1917–1924 гг. жил за границей, сначала в Японии, потом в Европе. По возвращении в Китай он присоединился к Гоминьдану, в 1927 г. организовал восстание и захват Шанхая отрядами рабочих, за что Чан Кайши приговорил его к смерти. Ему удалось бежать, и он до 1931 г. действовал в подполье самостоятельно, а затем стал политкомиссаром в Народной армии, возглавлявшейся Чжу Дэ. В 1948 г. его избрали заместителем Председателя китайской компартии (КПК), а в 1949 г. – членом ее секретариата. После провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. он стал премьер-министром и членом Политбюро КПК. В 1949–1958 гг. он также министр иностранных дел. С 1969 г. он входил в пятерку членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, фактически управлявшую страной, а с 1971 г. стал второй, после Мао, фигурой в политической иерархии Китая.

кое же положение, как у нас прежде Михаил Иванович Калинин. Не знаю, какую практическую работу выполнял Калинин при Ленине. Но при Сталине он номинально подписывал все указы, а реально в государственных делах участвовал редко. Вводили его иной раз в состав какой-нибудь комиссии, но с его мнением мало считались. Обидно было смотреть на это, просто даже жалко Михаила Ивановича. Это был по-народному мудрый человек, представитель трудящихся, хорошо знавший нужды и рабочих, и крестьян. Потому-то Ленин и выдвинул его на роль юридического главы государства. Примерно такой же пост занимает в Китае Чжу Дэ. Когда я встречался и беседовал с ним, то он на меня производил доброе впечатление, и мне казалось, что существует большое сходство даже в характерах Чжу и Калинина.

Чэнь И⁷⁹: я его знал очень мало. Говорили, что он, как

---

⁷⁹ ЧЭНЬ И (1901–1972) – китайский военачальник, маршал (1955). С 1923 г. член КПК. В 1926 г. окончил Военно-политическую школу Вампу. Затем на командных постах в армии, сначала Гоминьдана, а после поражения восстания рабочих 1927 г. – коммунистической. Во время Второй мировой войны командовал дивизией, затем армией, к 1949 г. насчитывавшей 420 тысяч бойцов. После провозглашения КНР 1 октября 1949 г. он занял посты члена Центрального народного правительственного совета и Народно-революционного военного совета КНР, 2-го секретаря Восточнокитайского Бюро ЦК КПК, командующего Восточнокитайским военным округом, 1-го секретаря Шанхайского городского комитета КПК и мэра Шанхая. С 1954 г. он заместитель председателя Государственного совета КНР и заместитель председателя Государственного комитета обороны КНР. С 1956 г. член Политбюро ЦК КПК. С 1958 г. министр иностранных дел и заместитель премьер-министра. В 1966 г. введен в пятерку членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В период «культурной революции» он продер-

бывший командарм, в военном деле способный человек. Сейчас его положение там тоже несколько подвешено. Не знаю, какое фактически он занимает место, потому что и он подвергался атакам со стороны оголтелых хунвэйбинов и других опричников Мао.

Дэн Сяопин: он на меня производил весьма сильное впечатление. И не потому, что являлся одним из самых молодых в китайском руководстве. Даже Мао в свое время давал ему блестящую характеристику, называя его будущим вождем, и говорил, что это лучший из его соратников, главная растущая сила. Когда же мы встречались с Дэном в Советском Союзе, а также на съезде Румынской компартии в 1960 году, где у нас состоялся предварительный обмен мнениями насчет необходимости созыва Международного совещания коммунистических и рабочих партий, то Дэн, естественно, в ту пору вынужден был занимать неправильную позицию, представляя не интересы компартии Китая, а точку зрения Мао.

Кан Шэн: не знаю, что о нем сказать доброго. Это просто топор, китайский Малюта Скуратов⁸⁰. Такие функции он выполнял раньше и выполняет сейчас у Мао.

жался до 12 сентября 1968 г., после чего исчез, но его не репрессировали, и он до самой смерти в 1972 г. продолжал числиться министром иностранных дел.

⁸⁰ СКУРАТОВ-БЕЛЬСКИЙ Григорий Лукьянович по прозвищу Малюта (уб. в 1573 г.) – думный дворянин, глава опричного кровавого террора при царе Иване IV, внушавший ужас всей России.

Пэн Чжэнь⁸¹: бывший руководитель пекинского горкома компартии, из рабочих. Умный человек. Он нравился мне, хотя я с ним вел большой спор по поводу созыва Международного совещания коммунистических и рабочих партий. Он, конечно, тоже занимал маоистскую позицию. Но, когда мы с ним спорили, иной раз на его лице можно было прочесть тревогу, заметить задумчивость, и он вызывал у меня сочувствие. Казалось, он сам нуждался в сочувствии, что-то глубоко переживая. Может быть, уже тогда началась его внутренняя трагедия? Он ведь видел, куда ведет страну Мао, но не решался на какие-то действия и слепо выполнял директивы. Однако это уже был раздвоившийся человек. Чем кончилась его карьера, ныне известно всем: снят со всех постов, и я не знаю, жив ли он, а если жив, то где обитает и как влачит свое существование.

Пэн Дэхуай⁸²: я с ним встречался не один раз. Он произво-

---

⁸¹ ПЭН ЧЖЭНЬ (1902–1997) – член КПК с 1923 г., в 1945–1966 гг. и 1979–1987 гг. член ЦК КПК и его Политбюро, с 1949 г. первый секретарь горкома КПК и мэр Пекина, член Секретариата ЦК КПК, в 1954–1966 гг. и с 1979 г. заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и его председатель в 1983–1988 гг. В 1966 г. отстранен от власти за противодействие «культурной революции», реабилитирован в 1978 г. и вернулся к активной деятельности. С 1988 г. в отставке.

⁸² ПЭН ДЭХУАЙ (1898–1974) – китайский военачальник, маршал (1955). Заместитель главнокомандующего вооруженными силами коммунистов в войне с Японией. Командовал 1-й армией в гражданской войне 1947–1949 гг. Главнокомандующий формированиями китайских «добровольцев» в период войны в Корее. В 1954–1959 г. министр обороны Китая. За критику политики «большого скачка» освобожден от своего поста, но назначен заместителем премьер-мини-

дил впечатление настоящего коммуниста, марксистски подготовленного человека. Таким он и оказался на деле.

Теперь выскажу некоторые дополнительные соображения о причинах событий, происшедших в Китае, и об их влиянии на другие страны и на международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение. Я в своей политической жизни многое повидал. И сейчас, оценивая то, что совершалось на моих глазах, раздумываю: почему все-таки это могло произойти? Такой анализ необходим. Тут требуются теоретики-политэкономы, философы и историки. Много материала следует переварить, всесторонне рассмотреть и не побояться сделать выводы на будущее. Эти выводы сами просятся на бумагу. Возможно, люди, которые живут в наше время, еще такого не скажут. Но, уверен, родятся люди (или уже родились), которые, когда они политически вырастут и разберутся в вопросах былого, скажут свое слово. Желательно, чтобы если и не мое поколение, то хотя бы следующее, которое сейчас находится в физически цветущем состоянии, осуществило это.

Что же случилось с Китаем? Сложный вопрос. Такое развитие событий возникло еще у нас после смерти Ленина, а особенно после того, как Сталин укрепился, набрал силу, почувствовал, что его никто и ничто не ограничивает и что он

стра (1959–1965), после чего подвергся гонениям хунвэйбинами, в 1967 г. освобожден от всех постов, арестован, подвергся пыткам и сослан в «исправительно-трудовой лагерь», где он и умер. В 1978 г. посмертно реабилитирован.

может начать расправу с инакомыслящими. Вначале он это делал, как мы привыкли выражаться, партийными методами, без очевидных репрессий. Но сейчас даже такие методы должны быть рассмотрены под новым углом зрения. Что делать, если точки зрения среди руководства страны расходятся? До каких пределов они вообще могут расходиться? Возможно ли в принципе такое расхождение, различные точки зрения в руководстве той или иной партии, в том числе коммунистической? Да, причем не только возможны, но неизбежны, потому что нет даже двух капель воды, абсолютно похожих одна на другую. Ничто в мире и в природе не повторяется, все рождается и развивается с какой-то своей индивидуальностью. А в больших партиях, в больших обществах, вроде наших, невозможно заранее предвидеть, что такие-то позиции будут абсолютно правильны, другие неправильны. Это было бы глупо. Точка зрения вырабатывается у человека в процессе его жизни, в его общении с другими людьми, в ходе его участия в строительстве нового общества и экономики.

Говоря о Китае, хочу в качестве примера привести нашу историю, которую лучше знаю и которая мне ближе. Нашей Коммунистической партии выпала честь первой поднять знамя победной социалистической революции. Ленин сделал это с большим успехом, потому что революция у нас вначале прошла почти бескровной. Нельзя судить, как совершалась Октябрьская революция, по кинофильмам, хотя

бы их и делали выдающиеся кинорежиссеры. Когда я видел на экране, как шел штурм Зимнего дворца, то улыбался. Ведь такого штурма вообще не было. Я-то жил в то время, читал тогдашние газеты. Ни в одной из них такого описания штурма, какой показан в фильме, не было, потому что Временное правительство давно потеряло влияние на общество, само себя изжило, а охрана Зимнего дворца быстро капитулировала, как только ей предъявили требование сложить оружие. Знаменитый Антонов-Овсеенко⁸³ просто вошел с сопровождающими во дворец и выполнил данное ему поручение арестовать правительство.

Из истории известно, как Зиновьев⁸⁴ и Каменев⁸⁵ выступи-

---

⁸³ АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО В.А. (1883–1939) – видный советский государственный деятель, военачальник, юрист и дипломат. Во время Октябрьской революции руководил взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства. Один из организаторов Красной Армии. Во время Гражданской войны командовал фронтом. В 1922–1924 гг. начальник Политуправления РВС СССР. С 1924 по 1934 г. посол в Литве, Польше, Чехословакии. С 1934 г. прокурор РСФСР. С 1936 г. консул в Барселоне, Испания. В 1937 г. нарком юстиции РСФСР. Арестован Сталиным и расстрелян, посмертно реабилитирован.

⁸⁴ ЗИНОВЬЕВ (Радомысльский) Григорий Ефимович (1883–1936) – член Коммунистической партии с 1901 г., активный участник революционного движения, с декабря 1917 г. председатель Петроградского совета, в 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна, член ЦК партии в 1907–1927 гг., член Политбюро ЦК в 1921–1926 гг., член ВЦИК и ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁸⁵ КАМЕНЕВ (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) – член Коммунистической партии с 1901 г., активный участник революционного движения, председатель ВЦИК в ноябре 1917 г., председатель Моссовета в 1918–1926 гг., заместитель председателя Совнаркома СССР в 1923–1926 гг., председатель СТО

ли с отказом от восстания. Зачем я сейчас останавливаюсь на этом факте? Напоминаю о нем только для того, чтобы отметить стиль поведения Ленина. Казалось бы, после такого их выступления ни Зиновьеву, ни Каменеву нет возврата в руководство большевистской партии. Однако нет, когда революция победила, Ленин привлек их к работе, они были членами Политбюро и долго занимали ключевые посты в партии и государстве. Даже после всего случившегося остались людьми, лично близкими к Ленину. Если бы Ленин пришел к выводу, что оба они себя изжили и, совершив политическую ошибку, не заслуживают доверия, разве оставил бы он Зиновьева руководителем Петрограда, когда Советское правительство уехало в Москву? А когда был создан Коминтерн, Ленин предложил избрать Зиновьева председателем.

Теперь Каменев. Он стал заместителем Ленина как главы правительства и председателем Моссовета. Тогда были две важнейшие парторганизации: петроградская и московская. И обе эти организации, а также параллельные им государственные учреждения возглавляли люди, которые проявляли политическую неустойчивость. Однако им не отказали в доверии. Если бы не имелось доверия, разве Ленин мог бы пойти на это? Тут проявилась его человеческая мудрость, его понимание свойств людей. Да, люди не смогли сра-

---

в 1924–1926 гг., директор Института Ленина в 1923–1926 гг.; член ЦК партии в 1917–1927 гг. и Политбюро ЦК в 1919–1926 гг., ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

зу найти правильную точку зрения, верно проанализировать ход событий, отсюда и их колебания. Но он верил в их личную честность, их преданность делу революции и поручил им занимать высокие посты⁸⁶.

Если бы, к примеру, тогда во главе партии стоял не Ленин, а Сталин, что было бы тогда? Репрессии начались бы гораздо раньше. А Зиновьева и Каменева расстреляли бы одними из первых, нежели потом, то есть тогда, когда их лишили жизни за то, что на XIV съезде партии они выступили с особой позицией, против диктатуры Сталина. Не стану разбирать сейчас, по каким вопросам расходились сталинцы и сторонники Зиновьева. Вопрос тут не в расхождении и не в их степени. Возможны разные мнения, ибо только среди дураков не может быть никаких расхождений. Мыслящие люди, творческие люди всегда могут иметь разные подходы к тому или иному вопросу даже в теории, а уж о практике и говорить нечего. В практике всегда возникает много путей решения проблемы. И если кто-либо занимает особую позицию, это вовсе не значит, что он враг социализма, рабочего класса и народа, как нарочито формулировал это Сталин.

Точки зрения вообще могут разойтись настолько, что люди станут личными врагами. Но надо полностью переродить-

---

⁸⁶ Имеется в виду эпизод от 18 (31) октября 1917 г., когда петроградская газета «Новая жизнь» опубликовала письмо КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА, в котором они выражали несогласие с решением большевистского ЦК начать в ближайшее время восстание против Временного правительства, тем самым выдав срок проведения готовившегося большевиками восстания в Петербурге (Петрограде).

ся, чтобы предать дело, которому посвятил всю жизнь. А те, о ком я говорю, не перерождались. Это только Сталин, стремясь укрепить свою личную власть, назвал их вырожденками и погубил таких выдающихся деятелей, как Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Радек, Сырцов, Ломинадзе, многих других. Да, у них имелись личные недостатки, порою даже крупные, но изменниками делу социализма они никогда не были. Некоторые умники скажут, что Ломинадзе сам застрелился. Да, сам. Но он уже понимал, что, если он не покончит с собой, его все равно устранят. А разве не то же самое наблюдается в Китае? Не знаю, в каких конкретных формах выражается этот процесс сейчас: в виде ли ссылок, заключения в тюрьму либо общественной изоляции бывших руководителей китайского народа. Не знаю также, что произошло с Лю Шаоци, с другими видными деятелями Коммунистической партии Китая. Тут много возможностей. Сталин тоже действовал разнообразно: арестовывал, казнил, ссылал, объявлял честных людей «врагами народа».

В былые времена самодержавие устраивало порой гражданскую казнь⁸⁷. Ее осуществили, например, над Чернышев-

---

⁸⁷ ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ: в России XVIII–XIX вв. вид позорного наказания для дворян. Осужденного привязывали к позорному столбу и ломали шпату над его головой в знак лишения всех прав состояния: чинов, сословных привилегий, прав собственности, родительских и др. Такому виду гражданской казни 12–13.07.1826 г. были подвергнуты декабристы, в 1849 г. Ф.М. Достоевский, а 31.05.1863 г. – Н.Г. Чернышевский (в Петербурге, на Мытной площади) перед отправкой в Вилуйскую ссылку в Сибирь.

ским. Мао часто использует метод казни, несколько похожий на тот, который применялся царизмом или инквизицией, когда на людей надевали дурацкие колпаки, а на грудь вешали оскорбительные надписи, выставляли несчастных на площадях и организовывали над ними глумление. Ужасно, как могут быть люди доведены до столь дикого состояния. А ведь в Китае это проделывают студенты, молодежь. Я уж не говорю о грубом применении вооруженной силы там, где это требовалось для достижения целей, поставленных Мао. И происходит все это под флагом борьбы за интересы трудового народа. Чудовищно, но факт! Во имя народа истребляют его лучших представителей да еще вещают, что опираются при этом на марксистско-ленинскую теорию, на идею диктатуры рабочего класса, ведя борьбу за построение социалистического общества. Самые высокие идеалы, за которые люди шли на казнь, в ссылку и на каторгу, подставляют в качестве оправдания варварских бесчинств.

Как все это могло случиться? К сожалению, глубоко и серьезно этим сейчас никто не занимается, отделиваются поверхностными публикациями. Между тем мы столкнулись уже в международном масштабе с таким явлением, которое трудно было себе раньше представить: диктатура пролетариата обернулась не против классовых врагов, а против лучших представителей самого рабочего класса, тех людей, которые завоевали авторитет в народе, участвуя в революционной борьбе. Это страшное дело. Если рассуждать по-обыча-

тельски, то встает вопрос: кому верить? Но еще хуже другое. Такая политика отбрасывает человечество от идеалов социализма, что может иметь исключительное историческое значение для будущего, для судьбы мирового социализма. Борцы за народное дело, участвуя в этом движении в разных странах, спросят: а что ждет нас потом? Куда девались те герои, кто осуществил Октябрьскую революцию и строил Советскую власть? Где ныне ваш Крыленко⁸⁸, первый командующий войсками большевистского государства? Его нет! А где Антонов-Овсеенко, человек, которому Ленин поручил арестовать Временное правительство? Как закончил он свой жизненный путь, а вместе с ним многие другие, кто играл, допустим, небольшую роль при создании Советского государства, но выдвинулся потом? Вот Петерс⁸⁹, безупречный в личном плане большевик. И он погиб как «враг народа». Постоянно при воспоминаниях о том времени у меня срываются с языка такие имена, как Чубарь⁹⁰, Постышев⁹¹, Косиор⁹².

---

⁸⁸ КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885–1938). Командовал войсками с ноября 1917 г. по март 1918-го. После чего занимал различные посты в советском руководстве, включая народного комиссара юстиции СССР в 1936–1938 гг. Арестован по приказу Сталина и казнен, реабилитирован посмертно.

⁸⁹ ПЕТЕРС Ян Христофорович (1886–1938) – из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1904 г. и член Британской социалистической партии с 1909 г., после 1917 г. занимал ответственные посты в ВЧК (Петроград, Москва, Киев, Тула, Туркестан), с 1923 г. член коллегии ОГПУ, член ЦКК в 1923–1934 гг., затем член КПК при ЦК ВКП(б). Контрольную партийную комиссию Московской области он возглавлял в 1930–1934 гг. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁹⁰ ЧУБАРЬ Влас Яковлевич (1891–1939) – крестьянин, член РСДРП с 1907 г.

И они канули в вечность как отщепенцы, хотя заслуживали совсем иного.

Прослеживается печальная закономерность: из диктатуры пролетариата чуть ли не всюду рождается диктатура личности над трудящимися классами, над завоевавшей победу партией и даже над своими соратниками. Полагаю, что тех, кто признал абсолютную непререкаемость авторитета Мао, постигнет та же судьба, которая постигла сейчас многих его соратников. История мстит насильникам. Сталин начал мас-

---

С 1911 г. рабочий, участник трех российских революций, в 1918–1922 гг. сотрудник ведущих хозяйственных ведомств, с 1923 г. Председатель Совнаркома УССР и заместитель Председателя Совнаркома СССР. С 1934 г. заместитель председателя Совета Труда и Оборона СССР, с 1937 г. народный комиссар финансов СССР, с 1938 г. 1-й заместитель Председателя Совнаркома СССР, член ЦК партии с 1922 г., член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1935 г. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁹¹ ПОСТЫШЕВ Павел Петрович (1887–1939) – рабочий, член РСДРП с 1904 г., участник трех российских революций, в 1917–1922 гг. занимал ряд военных, партийных и государственных должностей на Дальнем Востоке, а с 1923 г. – на Украине, секретарь ЦК и член Политбюро ЦК КП(б)У в 1926–1930 гг., секретарь ЦК ВКП(б) в 1930–1933 гг., затем 2-й секретарь ЦК КП(б) У, с 1937 г. секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б), в 1934–1938 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), член ЦК ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁹² КОСИОР Станислав Викентьевич (1889–1939) – рабочий, член РСДРП с 1907 г. После 1917 г. видный партработник, один из организаторов КП(б)У, секретарь ее ЦК с 1920 г., Сибирского бюро ЦК РКП(б) с 1922 г., далее генеральный секретарь ЦК КП(б)У до 1938 г., перед репрессированием – заместитель Председателя Совнаркома СССР и председатель Комиссии советского контроля, член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г., член ЦК партии с 1924 г. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

совые репрессии с организации убийства Кирова, которое он объявил трагедией партии. Партия, естественно, переживала эту трагедию: враги народа убили Кирова. Теперь каждому абсолютно ясно, что смерть Кирова нужна была для того, чтобы в обстановке всеобщего страха создать условия непрекаемости сталинского авторитета и убрать тех людей, которые вместе с Лениным прошли великий путь борьбы и могли помешать Сталину стать единоличным вождем. Принципиального отличия здесь от того, что совершается в Китае, я не вижу.

Неизбежно возникает проблема того, кому и чему служит коммунистическая партия, централизованная, дисциплинированная, спаянная единым порывом. Такая партия может служить инструментом перестройки общественной жизни на основах социализма. Но ее организационная система позволяет также кому-то одному использовать ее ради злоупотреблений властью. Мне кажется, что если бы Ленин продолжил свою жизнь, то он что-то предложил бы, с тем чтобы исключить такую возможность. Но это лишь догадки. Сегодня мы сами обязаны добиваться этого. Иначе получается лотерея: попадется ли в вожди добросовестный человек, терпимо относящийся к мнениям других членов коллектива, или такой, каким оказался Сталин. Ленин успел предложить создать Центральную контрольную комиссию⁹³, а спорные во-

---

⁹³ ЦКК являлась высшим контрольным органом РКП(б) и ВКП(б) в 1920–1934 гг., затем была преобразована в Комиссию партийного контроля.

просы, которые возникают внутри партийных органов, решать на общих заседаниях Центрального Комитета партии и ЦКК. Однако после Ленина эти органы утратили прежнее значение. И в ЦК, и в ЦКК были подобраны люди, которые делали все, как им указывал Сталин, и смотрели сталинскими глазами на события, понимая их так, как ему было угодно. Такое же положение возникло ныне и в Китае. Возможно такое и в других социалистических странах. Значит, подобных мер недостаточно. Необходим более действенный контроль снизу над вождями, то есть подлинная демократия.

Выше я упоминал покойного философа Юдина. Мне рассказывали, уже когда я находился в отставке, что Юдин на каком-то собрании, делая доклад о Китае, излагал, отчего у нас ухудшились и дошли до столь скверного состояния отношения с Китаем. И он заявил, что виноват в этом персонально Хрущев. Хрущев неуважительно относился к Мао Цзэду-ну, поэтому и создались такие отношения. Прозвучало публично такое позорное объяснение, данное человеком, который занимал ведущее у нас положение как философ и долгое время заведовал отделом в ЦК партии. Надо ведь смотреть глубже, а не сводить все к воле и поступкам только одного человека. Конечно, персона лидера играет в истории огромную роль. Это мы хорошо знаем. Персона Сталина, например, сыграла пагубную роль. Но в описываемом случае, если говорить о личностях, то неплохо было бы Юдину оглянуться и на себя. Именно он стал первой ласточкой в печальном

повороте в наших отношениях с Китаем. Тогда было еще далеко до любых размолвок, которые потом возникли у советских руководителей с Мао. Для нас те сообщения Юдина о его спорах с Мао прозвучали как гром среди ясного неба.

Главное заключалось в том, что Мао претендует на мировую гегемонию. Он сам искал повод начать борьбу с нами, и он же ее начал. Поэтому дело не в Хрущеве. Не было бы Хрущева, окажись у нас Иванов, Петров, Сидоров, – это не имело никакого значения. Мао все равно устремился бы к своей цели. И опять встает та же проблема: как гарантировать народ, в данном случае китайский, от злоупотреблений со стороны вождя? Неужели никто так и не задумается над этим? Что же в таком случае ожидает нас в будущем?

Этими мыслями закончу свои воспоминания о Китае.

Хо Ши Мин

Умер товарищ Хо Ши Мин. Сегодня эту печальную новость передали по радио. Из всех людей, кого я встречал за время своей политической деятельности, Хо Ши Мин произвел на меня особое впечатление. Говорят, когда-то жили святые апостолы. Хо Ши Мин похож на этих святых апостолов. Только он был апостолом революции. Впервые я встретился с ним еще при жизни Сталина. Тогда он прилетел к нам прямо из джунглей, и Сталин беседовал с ним в нашем присутствии. Я не буду перечислять всех, кто там присутствовал, а хотел бы сказать лишь о своем впечатлении. Его взгляд светился какой-то искренностью и чистотой. Это была искренность неподкупного коммуниста, идейно преданного своему делу. Это был воистину святой человек.

Он рассказывал нам, как пробирался через джунгли и сколько дней шел пешком, пока вышел на китайскую границу, откуда перебрался в Советский Союз. Когда он рассказывал о борьбе, ведшейся под его руководством во Вьетнаме, то во время беседы он смотрел какими-то особенными глазами на Сталина и на всех советских руководителей, которые присутствовали там. Я бы сказал, что в его взгляде была даже какая-то детская наивность. Он подкупал своей искренностью, честностью, убежденностью в правоте коммунистического дела. Каждое его слово подчеркивало, что коммуни-

сты являются братьями по классу и, следовательно, разговор между ними должен быть самым искренним и самым честным.

Хо Ши Мин⁹⁴ поставил вопросы оказания материальной помощи вьетнамцам вооружением. Он был благодарен за все, что можно будет получить от Советского Союза для борьбы, которую проводил Вьетнам против французских оккупантов. Мне он очень понравился. Поэтому меня сильно обижала та характеристика, которую дал ему Сталин после беседы. Мы не обменивались мнениями, но я видел, что и другие чувствуют то же самое и не согласны со Сталиным, с его высказываниями. А тот издевательски говорил о Хо Ши Мине и употреблял всякие обидные, оскорбительные слова. В его речах не чувствовалось искренности, нам же хотелось, чтобы она была проявлена Сталиным, как вождем мирового

---

⁹⁴ ХО ШИ МИН (1890–1969) – вьетнамский политический деятель, основатель Коммунистической партии Вьетнама, руководитель августовской революции, первый президент Северного Вьетнама, создатель Вьетминя и Вьетконга, философ и поэт. Родился во Французском Индокитае, в 1911 г. покинул родину и жил в США, Великобритании и Франции. Член Французской компартии с 1920 г. В 1923 г. переезжает в Москву, работает в исполкоме Коминтерна. В 1927 г. перебирается в Индокитайское государство Сиам. В 1930 г. основал Коммунистическую партию Индокитая. В 1941 г. в оккупированном японцами Индокитае учредил Вьетминь и возглавил освободительную борьбу. После поражения Японии стал премьер-министром (1946–1955) и президентом (1946–1969) нового государства Вьетнам. С 1951 г. председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама. В 1955–1956 гг. его правительство провело аграрную реформу. В 1946 г. воевал, сначала с французскими колониалистами, после их поражения и ухода – с американской армией.

коммунистического движения, по отношению к такому коммунисту, как Хо Ши Мин, который в тяжелейших условиях сумел организовать коммунистическое движение в своей стране, поднял народ на восстание и вот уже сколько лет успешно борется за освобождение Родины. Перед этим человеком можно было благоговеть, выразить ему признательность за его беззаветное служение коммунистическому делу, которому он отдавал все свои силы и возможности.

Во время одной из бесед Хо достал из портфеля советский журнал (кажется, «СССР на стройке») и попросил Сталина расписаться на нем. Во Франции гоняются за автографами, Хо тоже не был свободен от этого. Да ему, конечно, было соблазнительно приехать во Вьетнам и показать автограф Сталина. Не знаю, что случилось. Видимо, проявилась та же болезнь Сталина – его недоверчивость, мнительность. Он дал потом задание чекистам изъять этот журнал: дескать, он проявил неосторожность и расписался на обложке. Никаких трудов это не стоило – перерыть все вверх дном в помещении, где жил Хо, и вернуть журнал. Потом Сталин шутил: «Вот он хватится, а журнала нет». Уж не знаю, сказал ли кому-либо Хо о том, что пропал журнал, или не сказал. Но я представлял себе, с каким чувством он открыл чемодан, а в нем не оказалось столь драгоценного для него журнала. Можно себе представить, каким ядом это влилось в душу такого искреннего человека, каким был товарищ Хо.

Во время того визита было принято решение о признании

нами Демократической Республики Вьетнам⁹⁵. Позднее Сталин часто возвращался к этому вопросу и сожалел: «Потопились, не надо было их признавать, рано мы их признали». Это свидетельствовало о том, что Сталин не верил в возможность победы движения, которое было поднято товарищем Хо во Вьетнаме. Но дело было сделано, и обвинять некого. Помню еще такой досадный случай. Хо очень хотел, чтобы было официально объявлено о его прибытии в Моск-

---

⁹⁵ Демократическая Республика Вьетнам была провозглашена 2 сентября 1945 г. Советский Союз официально признал ее 30 января 1950 г. Во время Второй мировой войны движение Вьетмин во главе с ХО ШИ МИНОМ вело партизанскую войну против японцев, оккупировавших Французский Индокитай (Вьетнам, Камбоджу и Лаос). После поражения Японии Демократическая Республика Вьетнам 2 сентября 1945 г. провозгласила независимость, однако в том же сентябре Британский экспедиционный корпус высадился на юге страны в районе города Сайгона (ныне Хо Ши Мин). Британцы позволили французским вооруженным силам вернуться в Индокитай и восстановить свое присутствие в колонии. В декабре 1946 г., после того как французы захватили Ханой, Вьет Мин начал против них освободительную борьбу, однако Сталин помогать им не пожелал. Они обратились к США, но тоже получили отказ. В 1947 г. Сталин переменил свою позицию и стал оказывать ограниченную военную помощь Вьетмину. Видимо, в это время Хо Ши Мин и приезжал в Москву. В январе 1950 г., через три месяца после победы Мао Цзэдуна над Чан Кайши и провозглашения Китайской Народной Республики, Советский Союз 30 января 1950 г. официально признал Вьетнам. В мае 1954 г. Вьетнамская народная армия разбила французские войска у Дьен Бьен Фу (Северо-Западный Вьетнам), и французы, признав свое поражение, эвакуировали войска, а Вьетнам разделился по 17-й параллели на Северный во главе с Хо Ши Мином и Южный, в котором французов постепенно сменили американцы. Окончательно освободительная война закончилась в 1976 г. поражением американцев, их эвакуацией из Вьетнама и воссоединении Севера и Юга.

ву. Он сказал об этом Сталину. Я при этом не присутствовал, а только слышал о том со слов Сталина. Сталин говорил нам потом, что Хо хотел, чтобы он был принят официально в качестве представителя Вьетнама. «Но я ему ответил, что упущен момент. Вы уже находитесь в Москве, прибыли сюда инкогнито, как объявлять?» На это Хо ответил: «Давайте сделаем так. Дайте мне самолет, я поднимусь в воздух, будет проведена соответствующая подготовка, а когда я приземлюсь, мне будет устроена встреча, соответствующая рангу главы государства». Сталин хохотал, издеваясь: «Ишь, чего захотел, чего захотел...» Да, Сталин не верил в возможность победы партизан во Вьетнаме.

Как-то уже после своего отъезда Хо письменно обратился к нам с просьбой, чтобы ему прислали хинин, потому что его народ очень страдает от малярии. У нас было организовано производство хинина в промышленных масштабах. Сталин расщедрился и говорит: «Послать ему полтонны». Полтонны? И это – людям, которые своими телами устлали землю в борьбе против иностранных захватчиков? Мы переглядывались и возмущались: «Как не стыдно проявлять такую даже не жадность, а уж и не знаем, что...» Видимо, Сталин не понимал, чего стоят полтонны хинина в сравнении с тем, что платит Хо в борьбе за общее коммунистическое дело.

Впоследствии я много раз встречался с товарищем Хо. Говоря о нем, хотел бы вспомнить нашу работу в период подготовки Женевского совещания по Вьетнаму в 1954 го-

ду⁹⁶. В тот период у нас существовали самые лучшие отношения с Вьетнамом и такие же хорошие отношения с коммунистической партией Китая. На подготовительном совещании в Москве Китай был представлен Чжоу Эньлаем, а Вьетнам – президентом Хо Ши Мином и премьер-министром Фам Ван Донгом⁹⁷. Мы сообща отработывали нашу позицию для Женевского совещания и разбирались в обстановке, которая сложилась во Вьетнаме. Положение было очень тяжелым, освободительное движение находилось на грани краха, партизаны нуждались в соглашениях с нами, чтобы сохранить те завоевания, которых добился вьетнамский народ в борьбе против оккупантов. Ханой был в руках французов, и партизаны на него не претендовали. Другие города и провинции тоже контролировались французами. Если взять карту,

---

⁹⁶ Женевское совещание министров иностранных дел СССР, КНР, Великобритании, США и Франции по Индокитаю (26 апреля – 21 июля 1954 г.).

⁹⁷ ФАМ ВАН ДОНГ (1906–2000) – вьетнамский государственный и политический деятель, окончил Вьетнамский колледж и тогда же включился в освободительную борьбу. В 1929–1936 гг. арестован французскими колониальными властями. В 1941–1945 гг. участвовал в создании революционных баз в Северном Вьетнаме. В 1945 г. вошел в Национальный комитет освобождения Вьетнама. После Августовской революции 1945 г. стал министром во Временном правительстве Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). В 1949–1955 гг. заместитель премьер-министра, одновременно с августа 1954 г. министр иностранных дел. С сентября 1955 г. премьер-министр и одновременно (до 1961 г.) министр иностранных дел ДРВ. В 1976–1987 гг. премьер-министр правительства объединённой Социалистической Республики Вьетнам. С 1930 г. член Коммунистической партии Индокитая, член Политбюро ЦК КПВ в 1951–1986 гг. С 1987 г. советник ЦК компартии Вьетнама.

на которой было бы отражено наше требование номер один, то она запестрела бы островами внутри Северного Вьетнама, где в случае выполнения наших требований продолжали бы оставаться французские оккупанты.

После одного из совещаний в Екатерининском зале Кремля подошел ко мне Чжоу, взял меня за пуговицу, отвел в угол и говорит: «Товарищ Хо сказал мне, что положение у них безнадежное. И если они не добьются прекращения огня в ближайшее время, то не смогут противостоять французским войскам. Поэтому они решили отходить к китайской границе с тем, чтобы Китай двинул свои войска, как он сделал раньше в Северной Корее, и помог вьетнамскому народу выбить французов из Вьетнама». Затем Чжоу добавил, что они не смогут сделать это, так как потеряли в Корее много людей, и эта война дорого им стоила. Поэтому ввязаться сейчас в новую войну они не в состоянии и согласиться с просьбой Хо не могут. Тут я обратился с просьбой к товарищу Чжоу: «Борьба идет очень жестокая, вьетнамцы хорошо дерутся, французы несут большие потери. Поэтому не надо говорить Хо Ши Мину, что вы не окажете им помощи, если они будут отходить под ударами французов к вашей границе. Пусть это станет святой ложью. Пусть вьетнамцы верят, что им помогут, это будет дополнительным источником сопротивления вьетнамских партизан французским оккупантам». Чжоу согласился не говорить товарищу Хо, что Китай не вступит в войну с французами на вьетнамской территории.

Свершилось буквально чудо. Когда делегации приехали в Женеву, вьетнамские партизаны одержали крупнейшую победу и заняли крепость Дьен Бьен Фу⁹⁸. На первом же заседании Мендес-Франс⁹⁹, который тогда возглавлял французское правительство, предложил разграничить силы Франции и Вьетнама по 17-й параллели. Признаться, когда нам сообщили эту новость из Женевы, мы ахнули от удовольствия, мы такого не ожидали. Это был максимум, на который мы претендовали. И мы дали указания нашим представителям в Женеве потребовать перенести демаркационную линию южнее, на 15-ю параллель, но предупредили, что это – для торга, а принять надо будет предложение Мендес-Франса и, таким образом, закрепить завоевания коммунистов Вьетнама. Соответствующий договор был подписан.

Нужно отдать должное Мендес-Франсу. Он трезво и правильно оценил ситуацию, которая сложилась. У партизан во Вьетнаме имелись свои трудности. Но не меньше трудностей было и у французской армии. Это оказалось разумным шагом, который положил конец войне французов во Вьетнаме. Франция вышла из войны и эвакуировала свои войска. Все было бы хорошо, если бы выполнялись Женевские соглашения. Через два года должны были пройти всеобщие выбо-

---

⁹⁸ Вьетнамская народная армия разбила французские войска у Дьен Бьен Фу (Северо-Западный Вьетнам) в мае 1954 г.

⁹⁹ МЕНДЕС-ФРАНС Пьер (1907–1982) являлся министром иностранных дел Франции в 1954 г. и премьер-министром в 1954–1955 гг.

ры во Вьетнаме, и мы не сомневались, что Хо Ши Мин, то есть коммунисты и все прогрессивные силы страны, одержат победу. Но тут опять появился злобещий Даллес, и США навязали Вьетнаму новую кровопролитную войну, которая продолжается до сих пор¹⁰⁰. Об этом я не буду сейчас говорить, потому что все это освещается в печати. Политическим деятелям хорошо известна эта история. Однако в связи с тяжелым для меня сообщением о смерти подлинного коммуниста, видного деятеля международного коммунистического движения товарища Хо Ши Мина хотел бы рассказать о сложном положении Вьетнама в связи с его конфликтом с Китаем.

Помню, когда проходило Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в 1960 г., Китай был представлен там Лю Шаоци. Китайцы выступили против нас. Особенно оголтело вел себя Энвер Ходжа как агент Мао. После его выступления говорила товарищ Ибаррури¹⁰¹, с возмущением отозвавшаяся о Ходже. Она его сравнила с собакой, кусающей руку, кормящую ее хлебом. На завершающей стадии совещания был отработан совместный документ, проводилось его согласование по отдельным пунктам. Китайцы отказались подписать декларацию. Все согласовали, но по одно-

---

¹⁰⁰ Она вспыхнула в 1964 г. и официально длилась до января 1973 г., но воссоединение Вьетнама было завершено в июле 1976 г.

¹⁰¹ ИБАРРУРИ Долорес (1895–1989) являлась в 1942–1959 гг. генеральным секретарем, а с 1959 г. – председателем компартии Испании.

му пункту китайцы заупрямились, а мы тоже не могли пойти им навстречу, потому что вопрос был принципиального характера. Тогда подошел ко мне Хо и говорит: «Товарищ Хрущев, надо уступить им». – «Как уступить? Это же вопрос принципиальный». – «Товарищ Хрущев, Китай – большая страна, там большая коммунистическая партия, надо им уступить, нельзя допустить раскола. Надо, чтобы китайцы вместе со всеми подписали документ, который будет иметь большое международное значение». Я говорю: «Товарищ Хо Ши Мин, наша делегация и наша партия все силы прилагают к тому, чтобы сохранить единство в коммунистическом движении и правильно оценивают значение Коммунистической партии Китая. Мы сделаем все, чтобы Китай остался вместе с братскими компартиями. Но вы поймите, что мы не можем в принципиальных вопросах согласиться с позицией, которую занимают китайцы: она противоречит коммунистическому миропониманию. А если вспоминать, что Китай – большая страна, а КПК – большая партия, то можно сказать, что и мы тоже не маленькая страна и у нас не маленькая коммунистическая партия. Кроме того, все коммунистические партии равны, должны пользоваться равными правами и равными возможностями. Наши устремления должны быть подчинены одной цели, победе коммунистического движения». Он согласился с таким доводом, но сказал: «Для нас это вдвойне трудно, ведь мы с китайцами соседи». И от меня он, видимо, пошел к китайцам. После длительных переговоров на-

ших представителей с китайцами мы все же нашли общую формулу, и Китай согласился подписать документ¹⁰².

Поэтому я был очень огорчен, когда позднее китайцы пошли на открытый разрыв с Коммунистической партией Советского Союза и другими братскими партиями. Китай имеет сильное влияние во Вьетнаме. Там налицо большая прослойка китайского населения. Даже ключевые позиции в руководстве Компартии Вьетнама занимали прокитайские люди. Поэтому они повели там работу против Советского Союза, против нашей политики в то самое время, когда мы делали все, чтобы помочь Вьетнаму. А прокитайские элементы во Вьетнаме делали все, чтобы поссорить нас, оттолкнуть Вьетнам от Советского Союза и рассорить наши партии.

После того как Пекин фактически порвал с нами всякие деловые и политические отношения и делал все, что только было в его силах, против нас, он стал навязывать свою точку зрения и Вьетнаму. К сожалению, Вьетнамская партия трудящихся пошла на поводу у Китая. Это нам очень обидно. Мы искренне ничего не жалели, оказывая помощь Вьетнаму, а Вьетнам потом делал все в угоду Китаю против нас и против интересов самого себя. Почему сейчас я вспомнил об этих горьких пилюлях прошлого? Из сообщений в печа-

---

¹⁰² Конференция продолжалась с 6 ноября до 1 декабря 1960 г., на ней присутствовали представители 81 партии. Китай представляли: Лю Шаоци (Председатель КНР) и Дэн Сяопин (генеральный секретарь компартии). На совещании впервые произошла открытая конфронтация между делегациями КПСС и КПК, но китайцы все-таки подписали заключительное коммюнике.

ти (а других сведений я не имею) можно сделать вывод, что все идет хорошо: приезжают делегации вьетнамского народа и Вьетнамской партии трудящихся, делегации наших журналистов ездят во Вьетнам, освещают борьбу вьетнамского народа, показывают ее по телевизору и в кино. Но кое-какие сведения, которые доходят до меня, гласят, что, в сущности, не все обстоит так гладко, как это рекламируется в печати, по радио и телевидению.

Говорят, что вьетнамцы проявляют незаслуженную сдержанность в отношении к советским людям. И это – несмотря на признание всей мировой печатью, всеми врагами коммунизма, что Вьетнам оказывает сопротивление американцам главным образом потому, что опирается на помощь со стороны Советского Союза. Следовательно, существуют еще во Вьетнаме и во Вьетнамской партии трудящихся, в ее руководстве и правительстве какие-то прокитайские силы. Внешне между нами развиваются дружеские отношения и взаимопонимание. Но не является ли это данью, которая, может быть, даже по совету Китая отдается вьетнамским руководством, чтобы не лишиться помощи Советского Союза?

Я допускаю такую возможность, хотя хотелось бы, чтобы этого не было. Хотелось бы верить в иное, но думаю, что Китай из своих лап не выпустит Вьетнам, а прокитайские силы там всегда были очень большие. В то время, когда я занимал место в руководстве Коммунистической партии Советского Союза и в правительстве, основным сторонником Ки-

тая называли Генерального секретаря ЦК Вьетнамской партии трудящихся Ле Зуана¹⁰³. Доклады, которые мы получали и от посла, и от людей, которые выезжали во Вьетнам, позволяли сделать вывод, что фактически Хо Ши Мина отстранили от руководства, ссылаясь на то, что он стар. Его обвинили в том, что он питает особое отношение к Советскому Союзу, не может реально разобраться в ситуации, которая сложилась сейчас, недооценивает роль Китая. Одним словом, я уже тогда, обладая такой информацией, понимал, что товарищ Хо фактически не принимает участия в решении важнейших вопросов коммунистического движения во Вьетнаме.

Сейчас, с его смертью, эти бациллы могут ожить с новой силой. Это было бы плохим памятником Хо Ши Ми-ну. Сколько сил он затратил, сколько вложил ума в дело революции, в укрепление дружбы с Советским Союзом! Сейчас еще, конечно, до победы там не так близко, но все-таки свет победы над американским империализмом уже брезжит, уже виден. Поэтому надо не ослаблять усилий и мо-

---

¹⁰³ ЛЕ ЗУАН (1907–1986) – государственный и политический деятель Социалистической Республики Вьетнам. С юношеских лет включился в борьбу с французскими колонизаторами. С 1930 г. член Коммунистической партии Индокитая (КПИК), с 1951 г. – Партия трудящихся Вьетнама (ПТВ). С 1939 г. член Постоянного комитета ЦК КПИК. После победы Августовской революции 1945 г. ЦК КПИК направил Ле Зуана своим представителем в Южный Вьетнам. С 1960 г. первый секретарь ЦК ПТВ, а с 20 декабря 1976 г., после объединения Севера и Юга и до своей смерти, генеральный секретарь Коммунистической партии Вьетнама.

билизовать все на завершение борьбы вьетнамского народа. А ведь это борьба не только вьетнамского народа. Вьетнамцы проливают кровь и жертвуют собой в интересах мирового коммунистического движения. Будет ли проявлено достаточное понимание нас руководителями Вьетнама, которые остались там после смерти Хо Ши Мина, покажет время. Сейчас, когда разгорелась жесточайшая борьба между Вьетнамом и американскими агрессорами, даже эти прокитайские элементы поняли необходимость дружбы с Советским Союзом, и верность позиции Хо Ши Мина обозначилась лучше. Если после его смерти опять там будет проводиться Ле Зуаном линия, как в те времена, о которых я говорил, то будет нанесен большой ущерб коммунистическому движению, и в первую голову непоправимый ущерб самим коммунистам Вьетнама, вьетнамскому народу в его борьбе за независимость и социализм во Вьетнаме.

После смерти Хо Ши Мина много было произнесено речей и еще больше написано статей о нем в газетах и журналах. Видимо, и дальше будут писать о Хо Ши Мине люди разных политических направлений, разного миропонимания, разных взглядов. Я же хочу сейчас поделиться впечатлениями о прочитанном и услышанном, попытаться высказать некоторые соображения относительно перспектив развития взаимоотношений между Вьетнамом и Советским Союзом. Какие это будут отношения? Как станут строиться отношения не только с капиталистическими странами, но и с теми

коммунистическими партиями, которые разошлись взглядами с Мао? Какие возникнут отношения руководства Вьетнамской партии трудящихся и вьетнамского народа с Китаем? Это сейчас многих волнует. Вряд ли кто сумеет предсказать, как начнут развиваться события. Какие-то их проблески заметны, но надо быть осторожным, потому что все течет, все меняется. Были же когда-то безупречные отношения у Советского Союза с Китайской Народной Республикой, были хорошие отношения и с самим Мао. А теперь все изменилось. То же – и с Вьетнамом. Наши отношения были хорошими, и если они потом ухудшились, то это была вина не Коммунистической партии Советского Союза, а, как я считаю, результат влияния Мао.

Основные документы, которые дают возможность прогнозировать, гадать о будущем, – так называемое Завещание Хо Ши Мина и речь Ле Зуана на его похоронах. Я прочел оба документа дважды. Я даже принуждал себя внимательно прочесть, чтобы правильно разобраться и понять, как будут развиваться отношения между Советским Союзом и Вьетнамом. Так называемое Завещание не вселяет в меня хороших перспектив. Не знаю, насколько точен документ, названный Завещанием. Если это подлинное Завещание, то насколько полностью оно опубликовано и не подверглось ли редактированию или даже исправлениям после смерти Хо? Это покрыто мраком неизвестности. Почему во мне закрались сомнения? Зная товарища Хо и его отношение к Советскому

Союзу, я удивлен, что он в своем Завещании даже не назвал нашу страну. У него нет там слов «Советский Союз», нет слов «Коммунистическая партия Советского Союза». Он абстрактно обращается к народам, к компартиям, призывает всех к единству. Но Хо был умным человеком и понимал, что такое отвлеченное обращение без адреса не способствует объединению и сплочению компартий. Это не в его духе. Поэтому думаю, что, когда этот документ составлялся, на Хо оказывали давление. Не говорю, что стояли над его душой. Нет, он учитывал обстановку, которая сложилась. Следовательно, этот документ не столько сориентирован на будущее, сколько на настоящее.

Когда у нас испортились отношения с Китаем, Вьетнам вначале колебался. Но Хо занимал дружескую позицию в отношении нашей компартии и нашего народа. Однако в результате линии, которую начал проводить Ле Зуан, произошло отстранение Хо Ши Мина от руководства, и я убежден, что его положение в политическом руководстве потом не восстановилось. Все дальнейшее время Хо Ши Мин оставался как бы иконой компартии, а народ в своем большинстве не знал об истинном положении вещей. Если принять эту гипотезу, то станет понятным содержание Завещания. Оно составлено в прокитайском духе, хотя там Китай и не назван. Достаточно было не назвать Советский Союз, не говорить о тех симпатиях, которые питали и питают народы Советского Союза к героической борьбе вьетнамского народа.

В Завещании ничего не говорится и о той огромной бескорыстной помощи, которую оказывает Советский Союз Вьетнаму. А ведь эта помощь – решающая, потому что в условиях современной войны, которую ведет Вьетнам с таким богатым и сильным агрессивным государством, каким являются США, невозможно бороться без нашей помощи. Получить более или менее равнозначное американскому вооружение можно, только опираясь на Советский Союз. Правильно сделали вьетнамцы, когда перестроили свою политику. Я говорю «перестроили». Да, они ее не изменили, но перестроили, учитывая необходимость продолжения войны. Чтобы добиться победы, надо иметь соответствующее вооружение, а это вооружение они получают только от Советского Союза. Китай это дать им сегодня не может.

Если с учетом этих обстоятельств вновь проанализировать Завещание, то оно соответствует положению «Богу молись, но и черта не гневи». Поэтому я считаю, что оно составлено в прокитайском духе. Может быть, под влиянием Чжоу Энляя немедленно после смерти Хо Ши Мина этот документ подвергся редактированию и опубликован не подлинник, а выдержки из него? В политике известны, к сожалению, такие случаи. Речь Ле Зуана, которую я внимательно прочел, тоже построена в духе Завещания. Это еще больше подтверждает мою догадку. Все направлено на то, чтобы не лишиться материальной помощи со стороны Советского Союза и других коммунистических партий. Но, получая ее,

не противоречить Китаю. Китай понимает сейчас необходимость для Вьетнама проводить политику дружбы со всеми братскими народами. В острейшей борьбе, которая там сейчас ведется, нет другого выхода. Но нужно иметь в виду, а я абсолютно в этом убежден, что такая политика проводится больше в интересах Китая, чем самого Вьетнама.

Как же дальше будут развиваться наши отношения? Повторяю, очень трудно сейчас сказать определенно. Все меняется. Однако можно предвидеть, что, пока продолжается война Вьетнама с США, будет проводиться политика, которая проводилась и при жизни Хо Ши Мина. Но, зная, что Ле Зуан до мозга костей прокитайский человек, я не думаю, что он сможет повернуться на 180 градусов и стать просоветским человеком. В отношении его это исключено. Следовательно, он будет прикрываться маской дружбы. Но надо помнить, что дружба вынуждена учитывать сложившиеся обстоятельства. Как только война закончится и американцы будут выброшены из Вьетнама (а я желаю, чтобы как можно скорее наступил этот день), будет сброшена и маска, и Ле Зуан опять предстанет перед Компартией Советского Союза в прокитайском обличье.

Полагаю, что нам придется перетерпеть очень горькие явления, которые будут проявлены в отношении нашего народа и нашей партии. Вьетнам поставит в отношениях с Советским Союзом такие же условия, как и Китай, то есть изгонит наших людей, за исключением небольшого числа лиц.

Видимо, сейчас сохранился какой-то наш дипломатический штат в Пекине. Так будет и с Ханоем. Хочу, чтобы этого не случилось, но не хочу и проявить слепоту. Я видел и знаю их политику. Со смертью Хо Ши Мина там развязаны руки для проведения антисоветской политики. Высказывая свои мысли, желаю добрым словом еще раз помянуть своего друга и товарища по борьбе за коммунистическое дело, апостола коммунистического движения, незабвенного и дорогого друга товарища Хо Ши Мина.

Об Албании

Хочу теперь остановиться на наших отношениях с албанским правительством и с Албанской партией труда¹⁰⁴. Во времена Сталина у нас не существовало никаких трений в отношениях между Советским Союзом и Албанией, между нашей компартией и Партией труда. Они были такими, какими и должны быть между социалистическими странами. СССР все делал для того, чтобы помочь Албанскому государству укрепить после разгрома гитлеровских полчищ и изгнания итальянских вооруженных сил с его территории. Албанский народ объединил тогда свои усилия с югославами, и они вели совместную борьбу против общего врага – гитлеровской Германии и фашистской Италии. Как мне рассказывал товарищ Тито, Коммунистическая партия Югославии оказывала большую помощь албанскому народу в организации борьбы против фашистов. Это естественно, потому что Коммунистическая партия Югославии была лучше организована и имела более богатые революционные традиции. Коммунистическая партия Албании, как она тогда называлась, была слабее и нуждалась в поддержке, которую ей и оказывали югославские товарищи. Тито рассказывал, как

---

¹⁰⁴ Албанская партия труда до 1948 г. именовалась Коммунистической партией Албании.

он посылал своего соратника Вукмановича-Темпо¹⁰⁵ в Албанию, где тот занимался организацией Партии труда.

Когда еще имели место самые хорошие отношения между Советским Союзом и Югославией, а Тито¹⁰⁶ у Сталина пользовался абсолютным доверием, помню, как при мне Сталин продиктовал телеграмму Тито, где говорилось, что дальнейшие взаимоотношения с Албанией должны исходить из того, что Албания будет входить в состав Балканской федерации. Такая телеграмма была послана. Конечно, в Албании об этом ничего не знали. Сталин вынашивал идею создания Балканской федерации и часто высказывался на эту тему в нашем кругу. Для будущего правительства Балканской федерации даже начали строить дворец около Белграда. Когда я

---

¹⁰⁵ ВУКМАНОВИЧ-ТЕМПО Светозар (1912–1976). Член компартии Югославии с 1933 г. Во время Второй мировой войны член верховного командования народно-освободительной армии Югославии. В 1945–1948 гг. заместитель министра обороны. В 1953–1958 гг. зам. премьер-министра по вопросам экономики. В 1958–1967 гг. – во главе югославских профсоюзов.

¹⁰⁶ ТИТО Иосип Броз (1892–1980) – президент Югославии с 1953 г., Председатель Президиума Социалистической Федеративной Республики Югославии с 1971 г., маршал с 1943 г., был членом социал-демократической партии Хорватии и Словении с 1910 г., в 1915 г. попал в русский плен, с 1920 г. член компартии Югославии, член ее ЦК и Политбюро ЦК с 1934 г., в 1940–1966 гг. ее генеральный секретарь, потом председатель Союза коммунистов Югославии, верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии в 1941–1945 гг., в 1946–1953 гг. председатель Совета министров Федеративной Народной Республики Югославии и в 1953–1963 гг. председатель ее Союзного исполнительного веча, в 1945–1963 гг. председатель Социалистического союза трудового народа Югославии. В Коминтерне (о чем упоминается в тексте) он работал в 1935–1936 гг., находясь в Москве.

был в Югославии, то видел это место. Там возвели довольно много железобетонных конструкций, но потом все забросили. Включение Албании в состав Югославского государства не противоречило идее Сталина о создании федерации балканских стран. Когда же прервались дружеские отношения с Югославией и Сталин возненавидел Тито, идея Балканской федерации была похоронена.

Я не все знал о том, что послужило поводом к ухудшению отношений между Югославией и Советским Союзом, но кое-что мне было известно. Сталин рассылал нам некоторые телеграммы, получаемые от советского посла Юдина в Югославии. В этих телеграммах Юдин рисовал в националистическом свете деятельность Тито и все делал для того, чтобы показать, что это не дружеская страна, что компартия Югославии под руководством Тито ведет подрывную работу против нашей Коммунистической партии. В чем конкретно Юдин обвинял югославов, я сейчас не помню. Тогда я работал на Украине и мало занимался международными вопросами, потому что был как бы изолирован от этих дел и не получал соответствующих документов. Хотя я являлся членом ЦК Политбюро ВКП(б), документов, которые должны были бы мне присылаться, не поступало. Тут господствовал Сталин. Он скажет – всем разослать, тогда и пошлют, а если не скажет, то ничего и никому не рассылали.

После смерти Сталина нам остались в наследство наихудшие отношения с Югославией. Мы стали думать, как этот

вопрос решить. И я сказал бы, что в этом вопросе именно я проявил инициативу. Почему? Я всегда восторгался деятельностью югославских партизан. Югославские партизаны в борьбе с фашизмом проявили себя едва ли не лучше всех других. Это общеизвестно и должно быть общепризнано. Они создали армию, которая имела свое централизованное командование и вела успешную борьбу с немцами, освободила довольно значительные территории, на которых был создан партизанский край. Кроме того, еще до войны я слышал о деятельности Тито. Это был коммунист, хорошо известный в Коминтерне. Как бывший военный служащий австро-венгерской армии, он попал в русский плен и прошел свою первую политическую школу во время Октябрьской революции. Вследствие этого я и питал к нему симпатии, хотя лично с ним мало встречался.

Встречался же я с Тито тоже у Сталина. Я находился как-то в Москве, когда Сталин сказал, что приедет югославская делегация. Сказал он это с симпатией и с радостным ожиданием: вот они приедут! Но я не дождался приезда этой делегации и вернулся в Киев. Потом Сталин мне позвонил и сказал, что Тито будет возвращаться домой проездом через Киев, и попросил: «Вы там поухаживайте за Тито и другими товарищами. Они хорошие друзья». Я так и сделал. Приехали Тито, Кардель¹⁰⁷, Джилас¹⁰⁸ и другие. Мы сделали все,

---

¹⁰⁷ КАРДЕЛЬ Эдвард (1910–1979) – школьный учитель и политический деятель. Один из теоретиков рабочего самоуправления. Ввёл термин «бюрократ

что было нужно: показали им город, его окрестности, поехали в колхозы, были в театре, проводили беседы. Беседовали мы, конечно, о жизни Украины, о деятельности Центрального Комитета КП(б) У, а других вопросов не касались.

Мы жили тогда идеей, что когда будут возникать новые социалистические страны, то одновременно должно оформляться какое-то их руководство не только по политическим и партийным вопросам, но и по вопросам экономики: что-

тический социализм». В 1928 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии. В 1930 г. был осуждён на два года за коммунистическую деятельность. В 1935–1937 гг. в эмиграции в Москве. С 1937 г. член ЦК КПЮ и Политбюро ЦК с 1938 г. В период Второй мировой войны – один из организаторов антифашистского Сопротивления в Словении, вошёл в переходное правительство Иосипа Броз Тито. В 1945–м, 1946–1963 гг. заместитель председателя правительства Югославии и в 1948–1953 гг. министр иностранных дел. В 1958–1966 гг. секретарь ЦК СКЮ, в 1953–1960 гг. генеральный секретарь Социалистического союза трудового народа Югославии, в 1963–1967 гг. председатель Союзной скупщины Югославии, в 1974–1979 гг. член Президиума Югославии.

¹⁰⁸ ДЖИЛАС Милован (1911–1995) – член Коммунистической партии Югославии (КПЮ) с 1932 г. и в 1932–1935 гг. был в заключении. С 1938 г. член ЦК КПЮ, генерал-лейтенант, с 1945 г. член Временной народной скупщины и министр по делам Черногории, с 1948 г. секретарь Исполнительного бюро ЦК КПЮ, с 1953 г. один из вице-президентов Югославии и позднее председатель Союзной народной скупщины. В 1953 г. перешел в оппозицию, опубликовав серию статей с резкой критикой «сталинских методов» и однопартийной системы. Выступал против сталинской и титовской моделей построения социализма, популяризатор концепции «нового класса» – партийной номенклатуры, правящей в коммунистических странах. В марте 1954 г. вышел из партии и, вскоре арестован. После освобождения продолжил критико-литературную деятельность, опубликовал книги: «Новый класс: Анализ коммунистической системы» (1957) и «Разговоры со Сталиным» (1962), за что был снова арестован и приговорен к 5 годам тюрьмы. В 1966 г. амнистирован, но продолжал свою деятельность.

то вроде международных Советов рабочих депутатов для всемирного союза таких республик. На этом мы все были воспитаны. Поэтому мы с такой любовью и доверием относились к каждому народу, вступившему на путь строительства социализма, тем более к их коммунистическим партиям. Каждому народу мы делали то же, что и себе, считая, что в объединении всех наших материально-технических, научных и партийных кадров заключена наша сила в борьбе против мирового капитализма. Я считал, что это является свидетельством хорошего внутреннего содержания людей, которые стояли на коммунистических позициях.

Когда же произошел разрыв, все сразу переменялось. Сталин готовил чуть ли не нападение на Югославию. Помню, однажды мне доложил министр госбезопасности Украины¹⁰⁹, что производится секретная отправка большого количества людей на Балканы из Одессы. Их отправляли каким-то кораблем, наверное в Болгарию. Люди, которые были причастны к организации их отправки, докладывали мне, что образованы воинские соединения, и хотя те уезжают в гражданских костюмах, но в чемоданах у них лежат военная форма и оружие. Мне сообщили, что готовится некий удар по Югославии. Почему он не состоялся, не могу сказать. Более того, от самого-то Сталина я вообще не слышал об этом, а докладывали мне исполнители его воли, которые занимались ор-

---

¹⁰⁹ Министром госбезопасности Украины в 1943–1949 гг. был САВЧЕНКО Сергей Романович (1904–1966).

ганизацией отправки и посадкой тех людей на корабли. Настроение у них было агрессивное: «Дадут им наши! Вот они уже отправляются и вскоре начнут действовать». В их словах не было никакого сожаления о происходящем.

Почему я сейчас заостряю внимание на Югославии, хотя собрался говорить об Албании? Потому что эти вопросы взаимосвязаны. Почему именно я проявил интерес к улучшению отношений с Югославией, а не кто-либо другой? Человеку, немного смыслящему политически и знающему те времена, это должно быть ясно. Когда у нас ухудшились отношения с Югославией, я находился на Украине и, хотя входил в руководящее ядро ВКП(б), был свободен от всей этой югославской «скверны». Не могли же проявить такую инициативу Молотов, Суслов, Ворошилов и другие? Они в то время слишком близки были к Сталину. Я бы сказал тут, не столько близки к Сталину, сколько близко около Сталина: вся антиюгославская политика, которую вел Сталин, проходила через их руки, и они были непосредственными ее исполнителями, особенно Молотов. Молотов в этих вопросах являлся правой рукой Сталина.

Эти люди были приучены Сталиным мыслить с позиций великодержавного шовинизма и подходили с этой меркой ко всем коммунистическим партиям, в том числе, конечно, и к югославской. Поэтому они не понимали необходимости улучшения наших отношений и ликвидации конфликта с Югославией, они вообще не хотели поднимать этот вопрос.

Когда же я поднял его, то больше всего понимания и поддержки встретил со стороны Анастаса Ивановича Микояна. Он считал, что надо предпринять такие шаги. Молотов, Ворошилов, Суслов не соглашались со мной. Им застилал глаза туман: как это мы, великая страна, победившая гитлеровскую Германию, пойдем на поклон к какой-то Югославии?

К тому времени уже сами наши брехуны, соврав однажды и много раз повторяя потом свою ложь, начали верить в собственную выдумку, что Югославия – капиталистическое государство, у которого нет ничего социалистического; что она стала на позицию предательства социализма и связана с империализмом. Интересно, что такой же аргументацией пользуется сейчас Китай, критикуя нашу страну. В Пекине заявляют, что Советский Союз заключил тайный союз с империалистами США, и тому подобные прочие глупости. К сожалению, подобные же вещи 20 лет назад и мы говорили о Югославии. Все это выдумал Сталин, а журналисты подхватили. Было испорчено много бумаги и чернил. На всех нас давил груз прошлого, и не так-то легко было пойти тогда сразу на новый шаг.

Поэтому я предложил: «Товарищи, давайте создадим комиссию из ученых и поручим ей изучить, какого типа сейчас Югославское государство – капиталистическое или социалистическое? Если капиталистическое, то какие элементы свидетельствуют, что это именно не социалистическое государство?» Не припоминаю сейчас всех, кто входил в ту комис-

сию, но хорошо помню, что в нее входил главный редактор «Правды» Шепилов¹¹⁰. Комиссия вынуждена была признать, что Югославию никак нельзя считать капиталистическим государством и что в государственном устройстве Югославии присутствуют все элементы социалистического уклада: нет частной собственности на средства производства, нет частной собственности на банки, все это принадлежит народу. Торговля в основном тоже находится в руках государства. Не решена была только проблема сельского хозяйства: колхозов там почти не существовало, и господствовали единоличные хозяйства. Однако такое положение имелось и в других странах, которые встали на путь строительства социализма, так что Югославия в этом отношении почти ничем не выделялась среди таких стран, как Румыния, Венгрия, Болгария, Чехословакия, Польша. Я уж не говорю о Германской Демократической Республике.

Из всех стран, которые встали на путь строительства социализма, наиболее визгливую антиюгославскую политику проводила Албания. В известное время это нравилось в СССР и поощрялось. Но когда мы решились предпринять шаги к нормализации советско-югославских отноше-

---

¹¹⁰ ШЕПИЛОВ Дмитрий Трофимович (1905–1990) – член ВКП(б) с 1926 г., с 1935 г. на партийной работе, с 1945 г. генерал-майор, потом на журналистской работе, главный редактор газеты «Правда» в 1952–1956 гг., секретарь ЦК КПСС в 1955–1957 гг., в 1956–1957 гг. министр иностранных дел СССР, затем на административной и научной работе, член ЦК КПСС в 1952–1957 гг. и кандидат в члены его Президиума в 1956–1957 гг.

ний, чтобы самим проложить первыми путь к сплочению, к консолидации революционных сил, нам уже вредила такая албанская позиция. Перед тем как предпринять конкретные шаги по нормализации советско-югославских отношений, мы посоветовались с братскими коммунистическими партиями. Не помню сейчас, кто и как реагировал, но большинство согласилось с нами. А мы добивались этого очень настойчиво. Исключение составила Албания. Руководители Албанского государства и Партии труда очень плохо встретили наши предложения и стали доказывать, что югославы – безнадёжные люди, что они не коммунисты. Все это высказывалось со злобным присвистом. Особенно возмущался Энвер Ходжа¹¹¹. У него резкий характер, и когда он говорит о том, что ему не нравится, у него лицо просто передергивается и он чуть ли не скрежещет зубами.

Мы же спокойно доказывали, что надо с пониманием и мудростью относиться к тому, как складываются международные отношения; что нормализация будет полезна и Албании, и Югославии, и всему социалистическому лагерю. Зачем нам такое разобращение? Надо иметь в виду, что

---

¹¹¹ ХОДЖА Энвер (1908–1985) – со дня ее основания в 1941 г. первый секретарь ЦК Албанской компартии (Партии труда), а в 1948–1954 гг. ее генеральный секретарь. После упразднения в 1954 г. должности генерального секретаря и переименования партии в Албанскую партию труда до конца жизни первый секретарь ее ЦК. В 1944–1954 гг. премьер-министр Албании. В организованной И.В. Сталиным в 1947 г. антиюгославской кампании встал на сторону Сталина. В 1956 г., после XX съезда КПСС, опасаясь за свою судьбу, порвал отношения с СССР и занял прокитайскую позицию.

в Югославии живет много албанцев, и хотя социалистические страны тоже подтасовывают иной раз статистические данные, когда это выгодно, но Тито потом говорил мне, что в Югославии албанцев больше, чем в самой Албании¹¹². Я в этом ничего плохого, собственно, и не вижу, особенно при наличии дружбы между государствами. Албания была вынуждена согласиться с нами, но не потому, что мы их убедили, а потому, что другого выхода у нее не было.

Советская делегация поехала в Югославию (о чем я буду говорить особо), и мы нормализовали наши отношения. Правда, и после нормализации они протекали неровно: были объятия, было и охлаждение. Но, во всяком случае, того, что случилось при Сталине, больше не повторялось. Мы стремились к укреплению наших добрых отношений и делали шаги, способствующие объединению наших усилий как в политике, так и в экономике. Это вызвало еще большее негодование у Албании. В те времена мы относились к этому как бы с позиции старшего товарища: ну, что делать, если они не понимают? Подрастут и поймут, ничего тревожного здесь, собственно говоря, нет. Мы разъясняли нашу позицию, чтобы албанцы поняли нас как можно лучше.

С Албанией же мы строили не просто братские отношения. Ведь братские отношения – это отношения на равной ноге. А здесь с точки зрения оказания помощи возникли от-

---

¹¹² В годы, о которых идет речь, из 2,5 млн албанцев в самой Албании проживало свыше 1 млн чел. и около 900 тысяч в Югославии.

ношения старшего к младшему. Мы очень много средств затрачивали на содействие Албании. Другим странам мы оказывали помощь в порядке предоставления льготных кредитов, а Албании шла помощь на другой основе, главным образом путем дарственных. Албанскую армию мы вообще целиком взяли на свое содержание: давали ей обмундирование, питание, боеприпасы, вооружение, и все это бесплатно.

Почему? К тому имелись свои причины, и любой здравомыслящий человек, который разбирается в обстановке, в которой мы тогда жили, поймет и найдет полное оправдание таким нашим действиям. Надо иметь в виду, что в то время уже был создан Североатлантический пакт. Албания занимала хорошее стратегическое положение на Средиземном море, и ее мы рассматривали как базу социалистических стран на этом море. Поэтому вставала дилемма: иметь ли нам там, грубо говоря, свои войска или же создать в Албании собственную сильную армию? Естественно, Албания могла содержать лишь небольшое количество войск, и они не производили бы никакого впечатления на противника. Собственного вооружения она практически не производила, видимо, только винтовки. Поэтому мы решили помочь материально созданию по возможности многочисленной албанской армии, но, конечно, не настолько, чтобы это было обременительно для экономики Албании. Это должна была быть армия, которая могла бы производить грозное впечатление, будучи вооружена современными боевыми средствами. Поэто-

му она получила танки, артиллерию, новое стрелковое вооружение. Я уж не говорю об обмундировании и питании. Если бы Албания из своего бюджета выделяла средства на обеспечение армии, то у нее бы не осталось денег на другие нужды: развитие экономики, индустриализацию страны, на социалистическую перестройку. И мы с пониманием относились к нуждам Албании.

Когда после войны стали вновь обостряться отношения СССР с капиталистическими странами, мы уже не исключали возможности военного конфликта. Со своих позиций Албания серьезно угрожала бы действиям натовского военного блока на Средиземном море. Поэтому мы договорились тогда с албанцами о том, чтобы завести у них подводный флот. Мы так делали в интересах всех социалистических стран. Было решено разместить там 12 подводных лодок. Знаете, довольно крепкий кулак – 12 подлодок в Средиземном море. С таким кулаком наши противники вынуждены были бы считаться. Эти подводные лодки мы тоже хотели передать Албании. Наши моряки выехали к ним со всеми надводными и ремонтными средствами, должны были обучить и, по мере создания албанских команд для подводных лодок, передавать им эти подлодки. Данный шаг свидетельствует о том, с каким доверием и, я бы сказал, с какой любовью относились мы к албанским друзьям. Албанские делегации во главе с Энвером Ходжей и Мехметом Шеху приезжали к нам несколько раз. Между нами сложились наилучшие отноше-

ния, я не говорю уже о простом албанском народе.

Албанцы много раз просили нас прислать к ним делегацию от нашей партии и правительства на высшем уровне. Было решено, что я возглавлю такую делегацию. В 1959 году мы отправились в Албанию¹¹³. Перед тем как выехать, мы проинформировали албанских друзей, что не хотели бы, чтобы в нашем присутствии публично велась какая-либо критика Югославии и ее руководства. В то время Албания сохраняла очень обостренные отношения с Югославией и вела с ней словесную дуэль в печати. Я считал, что это наносило вред. Поэтому мы посоветовались между собой и сообщили Энверу Ходже, что не хотели бы, чтобы во время пребывания нашей делегации в Албании продолжался этот спор в печати между Албанией и Югославией. Мы предупреждали, чтобы нас не втягивали в такую дискуссию и на митингах. Мы вообще не хотели, чтобы на митингах албанские товарищи поднимали этот вопрос и тем самым вынуждали нас как-то реагировать. Естественно, мы не могли поддерживать такую дуэль, да еще на высшем уровне представителей двух стран. Это никак бы не послужило шагом к улучшению наших отношений с Югославией и могло быть воспринято как объявление идеологической и политической войны между нашими народами, между нашими государствами. Мы же не хотели этого и попросили албанцев учесть наши пожелания. Во время нашего визита на митингах и других собраниях

---

¹¹³ Визит советской делегации проходил в период 25 мая – 6 июня 1959 г.

албанцы воздерживались от критики Югославии. Но заметно было, как это им трудно дается. В беседах же закрытого характера албанцы убеждали нас, что с югославами не может быть примирения, что югославы не коммунисты, а такие-сякие и прочие. Мы с ними не могли согласиться, хотя и не все поддерживали из того, что происходило в Югославии. Мы даже высказывали такое мнение публично, но у себя дома и не хотели делать это в Албании. Согласиться же, что они не коммунисты, что Югославия не социалистическая страна, мы вообще не могли. То был уже пройденный этап в нашем миропонимании. По конкретным вопросам мы еще перебарывались иногда перебранкой, но считали, что в своей основе они коммунисты, хотя и по-своему трактуют отдельные теоретические и практические положения.

Во время нашего пребывания в Албании албанцы вели себя как друзья, и между нами не возникало никаких шероховатостей. О Югославии они на митингах, как я уже отметил, ничего не говорили и, таким образом, не ставили нас в положение людей, которые должны либо отмалчиваться, либо вступать с ними в спор. А мы не хотели ни того, ни другого. Мы провели там несколько дней, побывали в их столице Тиране и в других городах, в селах, в портах. Везде встречали невероятно радужное отношение к Советскому Союзу, к нашему народу, к нашей партии как со стороны трудящихся Албании, так и со стороны Ходжи и Шеху. Я не видел никаких грозowych туч или, как говорят украинцы, никакой хма-

ры, которая заслоняла бы солнце дружбы, под которым мы хотели наслаждаться жизнью и строить дальше братские отношения между Советским Союзом и Албанией. Между нами не возникало противоречий.

Если говорить о нас, то нам особенно не на что было претендовать: Албания слишком бедна, и у них не имелось ничего, что могло бы интересовать нас в смысле ресурсов. Наши экономические отношения строились исключительно в интересах Албании. Даже то мизерное количество нефти, которое Албания стала добывать с нашей помощью, мы же у нее и покупали. Ее нефть настолько низкого качества, что ее невозможно сбывать на капиталистическом рынке, и мы вынуждены были получать эту нефть в счет оплаты наших поставок и придумывать, как ее использовать в нашем хозяйстве. Мы это делали, потому что если бы мы ее не взяли, то никто бы ее не купил. А это значило отказаться от добычи нефти в Албании. Затем мы дали албанцам тракторы. Территория у них небольшая, пахотных земель немного. Но мы хотели помочь перестроить албанское хозяйство на современном уровне, сделать из Албании как бы жемчужину, которая притягивала бы к ней мусульманский мир, особенно Ближний Восток и Африку, притягивала бы к коммунизму. Вот, собственно, каковы были наши намерения и какую политику мы там проводили.

Мы предложили Албании построить мощную радиостанцию, что преследовало пропагандистские цели. Эту радио-

станцию мы хотели использовать в целях пропаганды наших идей, нашей политики, политики всех коммунистических партий, наших общих целей в борьбе за социализм и коммунизм. Мы строили большой морской порт в Албании. Одним словом, давали все, в чем нуждалась Албания, и все делали для того, чтобы сделать ее достойным партнером в социалистическом содружестве, чтобы Албания стала наглядным примером для стран, освобождающихся от колониального гнета, и демонстрировала преимущества социалистической системы.

Беседы с албанскими лидерами проходили в дружеской атмосфере. Я уж не говорю о встречах с народом. Народ выражал большие чувства дружбы и благодарности к нашей делегации и через нас к Советскому Союзу, к нашей политике. Народ правильно оценивал нашу помощь, а она была заметна везде и всюду. Все новое, что там было сделано, осуществлялось с нашей помощью, по нашим кредитам, нашими специалистами и рабочими. Это всем было видно, и народ очень высоко ценил эту помощь и наше дружеское отношение к его нуждам. Албания – маленькая страна. Но ее маленький народ живет в интересном географическом месте, где переплетаются различные противоречия Европы, и противников у него много.

В беседах, которые мы вели, албанцы часто поднимали вопрос о греках. У них имелись какие-то территориальные споры, сейчас не помню, в чем они конкретно выражались. При

желании всегда можно найти способ поддерживать отношения с соседом в состоянии спора, потому что ни одна граница не проходит так, чтобы она всех удовлетворяла, и кто-то всегда имеет возможность претендовать на ее исправление. Руководствуясь разумом, надо контролировать эти желания, подавлять их, относиться серьезно и с пониманием к своим соседям, создавать условия жизни в дружбе и мире с ними. Это возможно только при взаимном стремлении. Если такого взаимного стремления нет и одна страна хочет, а другая этого не хочет и не признает существующих границ, то, как бы ни хотелось жить в дружбе и мире, этого, к сожалению, не получается.

На албанских границах было спокойно. Албано-югославская граница не вызывала у нас никакой тревоги. Мы верили, что югославы ничего не замышляют против албанцев. Не знаю, насколько искренни были албанцы. Но мне казалось, что они с пониманием относятся к пограничному вопросу, хотя граница с Югославией их и не устраивала. В беседах они говорили, что очень много албанцев живет на территории Югославского государства. Но это были как бы исторические рассказы, без всяких претензий и намеков, что они что-то замышляют и хотят, чтобы мы поддержали их. Такого разговора албанцы не поднимали, хотя и не были удовлетворены. Они считали, что албанцы в Югославии страдают, что их там угнетают. Эти внутренние вопросы касались только Албании и Югославии. Югославы полагают, что албанцы

в Югославии пользуются всеми правами ее народов. Думаю, что так оно и есть.

Другой эпизод, связанный с границей. Не помню, в каком году министр иностранных дел или другой общественный деятель Греции приезжал в Советский Союз. Я его тоже принимал. Албанцы – очень мнительные люди. У них сложилось впечатление, что мы ведем с греками переговоры об изменении греко-албанской границы в пользу Греции¹¹⁴. Конечно, такого вопроса не поднимал никакой грек, и вполне разумно, потому что мы стояли на позициях защиты интересов Албании. Надо же вообразить себе, будто мы могли вести какие-то переговоры с греками, которые нанесли бы территориальный ущерб Албании! Глупость, просто недомыслие, плод больного воображения! Но, к сожалению, такие мысли албанцы высказывали кому-то из наших людей. А когда потом между нами обострились отношения, то они уже официально и вполне прямо говорили, что мы сговаривались с греками отторгнуть от Албании какие-то территории в пользу Греции. Бред сумасшедшего! Как отторгнуть? Если бы даже греки высказывали такие претензии и какой-то сумасшедший на нашем месте согласился с ними, то подобные вопросы ведь не решаются без войны. А кто бы стал воевать? Что, мы воевали бы за греков с Албанией? Просто бред! Но этот

---

¹¹⁴ В Албании, поблизости от границы с Грецией, проживало какое-то количество греков, которых во времена Энвера Ходжи подвергали дискриминации, и они зывали к Греции о помощи.

бред, к сожалению, высказывался албанцами.

Конечно, во время нашего визита эти вопросы еще не возникали. Их просто как бы не было. Одним словом, пребывание нашей делегации в Албании проходило приятно. Беседы, которые мы вели, были исключительно дружескими, и мы вернулись домой в хорошем настроении и с хорошим мнением об их достижениях. Успехи у албанцев на самом деле были большие. Мы этому радовались: маленький народ энергично перестраивал свое хозяйство, хотя очень, очень бедно выглядели албанские крестьяне. Бедность, примитивность царили там везде. Но это не вина албанского народа и не вина Албанской партии труда. Так сложилось исторически, и надо было много потрудиться, чтобы изжить нищету и поднять жизненный уровень народа. Мы как раз стояли на этих позициях и оказывали всемерную помощь Албании.

На XX съезде КПСС мы доложили о тех извращениях, злоупотреблениях и несправедливых казнях, которые были совершены Сталиным. Мы, естественно, искренне стояли на позициях демократизации нашей жизни, хотя и не все стояли, как потом выяснилось. Некоторые хотели повернуть колесо истории вспять, притормозить разоблачение Сталина. Тут я говорю о многих товарищах, с которыми находился в одном коллективе. Но мы взяли путь на демократизацию общественной жизни Советского Союза. Многие другие коммунистические партии подражали нам. Кто-то искренне разделял нашу точку зрения, кое-кто соглашался под давлением

общественности, как партийной, так и беспартийной. Шел процесс демократизации общественной жизни.

Все эти проблемы бурно обсуждались на партийных собраниях в странах Восточной Европы. В Албании же дело приняло особый оборот. Мне рассказывали тогда наши сотрудники посольства в Тиране, что очень страстно проходило собрание партийного актива Тираны. Это собрание тянулось несколько дней, и Энвер Ходжа удержался буквально на волоске. Его резко критиковали и даже ставили вопрос о том, чтобы заменить Ходжу, Шеху, Бекира Балуку¹¹⁵, всю эту тройку. Не помню, кто еще подвергся критике из партийных руководящих кадров на партактиве в Тиране. А обращаю внимание на этот факт потому, что он имел, видимо, решающее значение для дальнейшего развития отношений между Коммунистической партией Советского Союза и Албанской партией труда, между нашими государствами.

Все-таки Ходжа выплыл. И он, и Шеху, и Балуку остались в руководстве. Но это происшествие смертельно напугало их. Кроме того, они были вообще потрясены. Они-то считали себя вождями, непререкаемыми авторитетами. И как это люди посмели возвысить голос на активе и потрясти их авторитет? И не то что потрясли, а буквально чуть ли не стряхнули их с руководящих постов. Когда Мао Цзэдун стал прово-

---

¹¹⁵ В описываемое время М. ШЕХУ являлся членом Политбюро ЦК АПТ и председателем Совета министров Народной Республики Албании, генерал-лейтенант Б. БАЛУКУ – членом Политбюро ЦК АПТ и министром народной обороны.

дить антисоветскую политику, линию, направленную на разрыв с Коммунистической партией Советского Союза, то не надо быть, как говорится, умным, чтобы понять, что его союзницей в этой политике могла стать Албания. Мао пригласил в Китай делегацию Албанской партии труда. Ее возглавил Мехмет Шеху. Я уже попутно говорил об этом и буду, видимо, повторяться, но ничего не поделаешь, потому что наша деятельность переплеталась.

В свое время мы сами критиковали югославов, наделяли их нехорошими эпитетами, что они, дескать, ревизионисты, отступники от марксистско-ленинской теории и прочее. Я сейчас не буду вдаваться в разбор этих вопросов, это для меня уже пройденный этап. Потом развивались между нами разные отношения, случались и обострения. В целом же в нашем отношении к Югославии победила дружба, и к концу моей деятельности у меня установились наилучшие отношения с товарищем Тито и другими деятелями Компартии Югославии. Я относился к ним с большим уважением. Но китайцы решили использовать нашу критику Югославии, а потом наше примирение, которое перерастало в дружбу между нашими партиями и между руководством Советского Союза и Югославии. Китайцы ловко поддержали албанскую критику Югославии как борьбу с ревизионистами, борьбу с Тито в качестве носителя всяких антисоциалистических и антикоммунистических бацилл, с которым не может быть никакой дружбы.

Эти семена упали на подготовленную почву. Тут и не потребовалось особых усилий со стороны китайцев, потому что албанцы сами искали, кто бы их поддержал. Китай – огромная страна с большим населением и с большим будущим. Им, как говорится, и карты в руки, рассуждали албанские руководители; тут-то они и возьмут реванш. Но они, полагаю, недалекие и ограниченные люди. Только поэтому они стали политику определять арифметикой. Не требовалось особых знаний математики, достаточно было иметь представление о четырех арифметических действиях, чтобы определить, какое население у Китая и какое – у других социалистических стран. Все социалистические страны не имели в совокупности столько народу, сколько один Китай. Следовательно, он пуп Земли. Так, видимо, определили свою линию Ходжа и Шеху. Они полностью объединились с Китаем в борьбе против Советского Союза, против Коммунистической партии Советского Союза.

Вот в связи с этим я и обращаю внимание на то, что партийный актив Тираны, где решалась судьба Ходжи, выступил тогда против него. Албанские лидеры восприняли охотно антисоветскую политику, которую провозгласил Мао. Им не надо было навязывать ее, они сами были подготовлены к ней не хуже, чем китайцы, исходя из опасной ситуации, которая сложилась для них после XX съезда КПСС. Они понимали, в чем заключалась суть осуждения культа личности, осуждения единовластия, осуждения антидемократических

норм жизни и в партии, и в стране. Это напугало албанских лидеров, да и не только их.

Некоторые другие тоже встревожились: демократия, конечно, хороша, но в демократических условиях удержаться у власти, не оглядываясь на народ и не прислушиваясь к тем, кем руководишь, – трудная задача. Тут требуется большой ум, требуется умение понимать задачи, которые стоят перед страной, умение слушать тех, кем ты руководишь. Надо всегда чувствовать свою зависимость от масс: ты находишься в руководстве, но не потому, что хочешь руководить. Надо, чтобы ты понимал, что можешь руководить лишь при условии, что этого хотят те, которыми ты руководишь. А это возможно только при одном условии: что руководитель будет плоть от плоти и кровь от крови своего народа, своей партии, станет исходить из интересов народа, а не личных, эгоистических, тщеславных устремлений, обладает нужными знаниями, скромностью и умением жить в коллективе, вести работу, которая соответствовала бы тому общественному и политическому положению, которое ты занимаешь волею партии. Ты не над партией! Нет, ты слуга партии и можешь оставаться на этом посту, только пока партия поддерживает тебя и довольна тобой, твоей деятельностью.

Все это не соответствовало практической деятельности Ходжи, Шеху и Балуку. Когда между нами обострились отношения и переросли потом во враждебные, к нам приходили некоторые албанские товарищи и буквально лили слезы,

рассказывали, какое положение возникло в их стране и куда сейчас они отброшены. Мне рассказывал Тито, что прежде первым секретарем компартии Албании был очень хороший товарищ. Югославы его знали и поддерживали. Сам он из рабочих. Собственно говоря, это он был организатором Коммунистической партии Албании¹¹⁶. Но Ходжа, Балуку и Шеху устроили против него заговор. Рассказывали, что Шеху лично задушил этого человека. Вскоре нам стали известны и другие жуткие случаи: кого там задушили, кого как-то иначе тайно убили. У них сложилась такая система: если кто-нибудь проштрафился, а это определяли Ходжа, Шеху и Балуку, то они втроем выносили приговор. Достаточно было им троим согласиться, что сей человек вреден, и они находили способ, как тайно его уничтожить. Этот человек быстро исчезал.

Все это было очень похоже на систему, которую ввел Сталин. Он тоже так делал через Берию и через других подобных лиц. Таким способом и было уничтожено Сталиным много достойных людей. Вот какое положение сложилось в Албании. Вызывалось оно боязнью демократизации страны, боязнью демократизации общественной и партийной жизни. А

---

¹¹⁶ Имеется в виду Кочи ДЗОДЗЕ, выходец из рабочих, основатель компартии Албании в 1941 г. и ее организационный секретарь. Затем он стал заместителем председателя Антифашистского веча народного освобождения, а с 1946 г. возглавлял Демократический фронт Албании. За сотрудничество с Югославией и в ходе борьбы за власть смещен Энвером Ходжей с руководящих должностей в 1948 г., в мае 1949 г. арестован и повешен.

этот путь я считаю неизбежным. Именно из-за этого у нас произошел разрыв. Как развивался этот разрыв по этапам? Прежде всего, мы узнали, что албанцы ведут с китайцами переговоры, направленные против КПСС и других братских партий. Иных фактов у нас раньше не было.

В то время из Китая ехала через Советский Союз албанская делегация. В наш ЦК пришла албанка, член Политбюро Лири Белишова, честнейший человек. Думаю, что сейчас они задушили ее, беднягу¹¹⁷. Гестапо ее не задушило, а свои «братья» справились и задушили за то, что она, как искренний коммунист, пришла к нам в ЦК и рассказала, о чем китайцы беседовали с албанцами и как албанцы соглашались с китайцами. Мы же по наивности своей, как только узнали об этом, побежали к Шеху, который лежал тогда у нас в больнице, все ему рассказали и спросили, как это могло случиться, что в Китае велась такая беседа? Шеху буквально вскочил с больничной постели и сейчас же улетел в Албанию.

Окончательный разрыв оформился, когда в Бухаресте проходил очередной съезд Румынской коммунистической партии¹¹⁸. Мы решили собраться там и обменяться мнениями по международным вопросам, включая вопросы отноше-

---

¹¹⁷ На самом деле Лири Белишовой (1923–?) «повезло», после 31-летней ссылки она в 1991 г. вернулась к нормальной жизни.

¹¹⁸ Румынская компартия в то время называлась Румынской рабочей партией. Речь идет о ее VIII съезде (20–25 июня 1960 г.). Одновременно 24 июня в Бухаресте состоялась встреча прибывших туда представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

ний между коммунистическими партиями и более конкретно складывающиеся между другими компартиями и компартией Китая. Я говорю здесь не только о КПСС и КПК. Нет, этот вопрос касался и других братских партий. Когда мы собрались, то совершенно неожиданно для меня албанцы открыто выступили против нас и в поддержку Китая. Не помню сейчас фамилии представителя Албанской партии труда на съезде в Бухаресте. Но я его спросил: «В чем дело?» Он ответил: «Товарищ Хрущев, я сам ничего не понимаю. Но я получил директиву поддерживать китайцев». Мы думали, что еще не все потеряно, и хотели сделать все, чтобы восстановить наши дружеские отношения с албанцами. Однако, несмотря на наши усилия, это ни к чему не привело.

А когда в 1960 г. в Кремле собрались на международное совещание все коммунистические и другие братские партии¹¹⁹, Ходжа выступил с антисоветской обвинительной речью. Он показывал клыки больше, чем сами китайцы. Тогда очень хорошо выступила Долорес Ибаррури, старейший революционер, человек, преданнейший коммунистическому движению. Она сказала: «Как это так? Выступление Ходжи подобно тому, как пес, которому подают хлеб, бросается и кусает руку подающего». Это было очень метко сказано.

Так что конфликт с Албанией произошел по сугубо принципиальным вопросам. Албанские лидеры с их методами

---

¹¹⁹ Совещание представителей коммунистических и рабочих партий (Москва, ноябрь 1960 г.).

тайных и явных убийств создали партию, которая держится лишь на страхе. Они не смогли принять решений XX съезда КПСС. Поэтому в борьбе против Коммунистической партии Советского Союза они, как и китайцы, подняли на щит имя Сталина. Сталин – вот идеал! Сталин – это марксист, это ленинец, а все остальные – ревизионисты. То есть ревизионист тот, кто высказывается против тайных и явных убийств, тот, кто выступает за демократизацию жизни партии и страны. Албанским лидерам оказалось не по пути с такими людьми. Это, конечно, истинная трагедия албанского народа. Никто, никакой здравомыслящий человек не мог предположить, что такое руководство сумеет пользоваться доверием и уважением своего народа, своей партии. Они же оказались вынужденными терпеть. Ведь никуда не денешься! Точно так же было у нас при Сталине: Сталин вел истребление руководящих кадров партии, это стоило нам тысяч голов честных людей, а все кричали: «Да здравствует Сталин! Сталин – лучший друг народа, Сталин – отец народа!»

Хожу, видимо, пока так не называют: он еще молод по возрасту, но он хочет этого. По его пониманию, этого можно добиться, только держа партию и народ в страхе, подчинив его себе путем угроз и насилий. Такую же политику проводит Мао. Сейчас иной раз включишь радио и слушаешь. Вот говорит Китай, а вот говорит Тирана. Языки разные, но суть одна. Их лидеры исходят из одной концепции, что народ – навоз, а вожди – гении. Поэтому у них не вожди для народа,

а наоборот, народ для вождей. Еще когда я встречался и беседовал с Мао во времена наших самых лучших отношений, то во многом никак не мог его понять. Тогда я относил его позицию к каким-то особенностям китайского мышления, к историческим особенностям китайской нации. Схемы одних его рассуждений были для меня слишком упрощенными, в другой же раз он пускался в очень сложные рассуждения. Я уже упоминал как-то о лозунге «Пусть расцветают сто цветов», то есть пусть развиваются все направления культуры. Теперь каждому ясно, что это была провокация. Этот лозунг был выброшен для того, чтобы вызвать людей на откровение, а потом расправиться с теми «цветами», которые неуютны по запаху или по цвету.

Или же другой лозунг, который был тоже высказан Мао и подхвачен Ходжей: «Не бояться империализма, империализм – это бумажный тигр», то есть тигр, который не опасен. Нам это было непонятно. Такой лозунг был выдвинут еще тогда, когда у нас сохранялись хорошие отношения. Мы не могли в ту пору пренебрегать этим лозунгом, должны были считаться с ним, потому что его выдвинул наш друг Мао, вождь китайского народа. С лозунгом «бумажный тигр» носились долгое время, но сейчас они что-то затихли и не повторяют его. Не знаю, отбросили его или же, используя, перешли к другим лозунгам. Это же невероятно: американский империализм – бумажный тигр? Ведь тигр – довольно опасный хищник, а США – это не бумажка.

Когда я уже находился в отставке, то слышал раз по радио об интервью, которое дал Чэнь И¹²⁰ какому-то американскому писателю. Тот поставил вопрос прямо: мол, основываясь на высказываниях Мао, США считают, что вы хотите развязать войну. Правда ли это? Чэнь И ответил: «Нет, мы не хотим войны и будем воевать только в случае, если состоится прямое нападение на территорию Китайской Народной Республики». Это меня тогда просто резануло. Ведь это был недвусмысленный призыв к американскому империализму о нападении на Северный Вьетнам. Так и получилось: американцы правильно поняли Мао и развязали войну с Северным Вьетнамом. Китай же не вмешался в эту войну, его солдаты не защищали Вьетнам. Хотя и «бумажный тигр», но они знали, что такой тигр может схватить за горло. Подобное провокационное заявление ободрило американских агрессоров и подтолкнуло их к прямому нападению на Северный Вьетнам.

Такой же позиции придерживался Ходжа. Собственно, что еще можно тут сказать об Албании? Когда сегодня говоришь – Албания, нельзя не говорить о Китае. Политика Албании – это отражение политики, которую ведет на Западе Китай. Или возьмем еще один лозунг Мао: «Ветер с Востока побеждает ветер с Запада». Казалось бы, сугубо климатическое или географическое понятие. Но он запугивал всех Ки-

---

¹²⁰ ЧЭНЬ И (1901–1972) с 1958 г. был министром иностранных дел Китайской Народной Республики.

таем: ведь восточные ветры могут дуть с большой силой.

Расскажу и еще об одном эпизоде нашего конфликта с Албанией. Как я уже говорил, мы дали ей 12 подводных лодок. Когда же отношения обострились, мы решили вернуть себе все подводные лодки и то сопутствующее оборудование, которое им давалось. Албанцы воспротивились этому. На трех, кажется, подводных лодках команды были уже полностью албанскими, на одной или двух – смешанными. Нам удалось вывести девять не то восемь подводных лодок, а три или четыре остались в Албании, мы не смогли их вывести. Но мы ожидали даже агрессивных акций со стороны албанцев и когда выводили подводные лодки, то наши военные корабли, не помню сколько, маячили у берегов Албании на случай чего-либо. Если бы албанские власти силой стали удерживать наши подводные лодки, то корабли должны были припугнуть их.

Тут, собственно, произошел уже полный разрыв с Албанией. Не знаю, выиграли ли от этого албанцы. Думаю, что проиграли: мы прекратили оказывать им помощь, все оборвали. Мне неизвестно, какие трудности создались тогда в Албании, но слухи у нас шли такие, что китайцы решили взять помощь им на себя. Они потом оказывали помощь, но я не знаю, в тех ли размерах, как мы. Думаю, что вряд ли, потому что в самом Китае сложились в то время очень тяжелые условия. Правда, удельный вес потребностей Албании по сравнению с китайскими очень небольшой, так что китай-

цы могли что-то сделать. Сейчас я не сумею даже приблизительно что-то сказать, потому что наше посольство в Албании было изолировано, и албанцы перестали к нам туда приходить. Таких людей уничтожали. Мы лишились возможности получать какую-либо информацию.

Ну и как быть дальше? Считаю, что надо приложить все усилия к тому, чтобы конфликт, в котором сейчас находятся КПСС и другие коммунистические партии с китайской, сужался и рассасывался. Следует добиться такого положения, чтобы коммунистическое движение стало монолитным и единым. Это должно быть поставлено главной целью. Надо все сделать для того, чтобы смягчить наши отношения и затем превратить их в дружеские. Это будет в интересах народов Советского Союза, в интересах всех миролюбивых народов, в интересах китайского народа, в интересах борьбы за мир, за мирное сосуществование. Китайские лидеры много раз поносили Советский Союз, КПСС за лозунг мирного сосуществования. Однако, когда буржуазные журналисты прижимали Мао вопросами, он сам повторял, что Китай тоже стоит на позициях мирного сосуществования. Бандунгская декларация была принята с участием Китая, а она свидетельствует о том, что автор этой декларации стоял на позициях мирного сосуществования¹²¹. Но китайцев не все-

---

¹²¹ «Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству», в которой охарактеризованы 5 принципов мирного сосуществования (взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосущество-

гда поймешь. Как говорится, не попадешь в него толкачом в ступе: то они высказываются за мирное сосуществование, то против. Албания же плетется в хвосте у Китая.

вание), была принята на Бандунгской конференции 29 стран Азии и Африки (18–24 апреля 1955 г.).

Югославские проблемы

Товарища Тито я до Второй мировой войны не знал лично. Он был известен мне лишь заочно как работник Коминтерна. Но я ведь был далек от Коминтерна. Как-то после войны в разговоре со мной Мануильский¹²² хорошо отзывался о Тито, он его близко знал. Я услышал по-настоящему о Броз Тито, когда загремела слава о партизанах Югославии, которые повели активную борьбу против гитлеровцев. Регулярно появлялись соответствующие сообщения в нашей печати. В них давалась высокая оценка партизанам и действиям Тито. Полагаю, что на меня не обидится ни одна коммунистическая партия в мире, если скажу, что самое сильное всенародное движение партизан возникло на раннем этапе войны именно в Югославии. Первенство и массовость югославского партизанского движения неоспоримы. Следует отдать должное югославскому народу и его компартии.

Я познакомился с Тито уже после войны, когда он посетил Москву¹²³. Сталин тоже много говорил о Тито, и только

---

¹²² МАНУИЛЬСКИЙ Дмитрий Захарович (1883–1959). Член партии с 1903 г. Участник революций 1905 и 1917 гг. В 1921–1922 гг. руководитель Советской миссии Красного Креста во Франции. С 1924 г. член Исполкома Коминтерна. С 1928 по 1943 г. (год роспуска Коминтерна) секретарь Исполкома Коминтерна. В 1944–1953 гг. заместитель председателя Совета Министров УССР, министр иностранных дел Украины. С 1953 г. на пенсии.

¹²³ Югославская делегация останавливалась в Киеве в мае 1945 г.

хорошее. Тито произвел на него сильное впечатление, и он отдавал должное Тито как крупному организатору партизанского движения. В Киев как-то позвонил Сталин и сказал, что в СССР гостит Тито с товарищами Карделем, Джиласом и другими: «Они возвращаются к себе на родину, поездом следуют через Киев, организуйте им хорошую встречу, поухаживайте за ними и расположите Тито к себе». – «Все будет сделано», – отвечаю. Мы проявили русское и украинское гостеприимство. Разместили гостей, правда, неважно, у нас тогда еще не было восстановлено порушенное войной хозяйство. Но сделали все, что могли, и они остались довольны.

Тито захотел поехать в колхоз. Хотя колхозы тоже были еще бедными и показать нам особенно было нечего, Тито и там остался доволен. Потом мы пригласили их в оперу. Тито чувствовал себя там размягченно, вел теплую беседу, восхищался хорошей игрой актеров и их голосами. Не скрою, что мы тогда все мерили на свой аршин и считали, что на каком-то этапе произойдет объединение всех стран в мировой Союз советских республик. Поэтому нам особенно хотелось показать Тито успехи Советской Украины. Продемонстрировать, что Югославия только выиграет от объединения усилий с нами. В ходе этих контактов Тито понравился мне: живой и простой человек. И Кардель тоже понравился. Сейчас мы даем другую оценку Джиласу, но тогда и он произвел очень хорошее впечатление не только на нас, но и на Сталина: умный, подвижный человек с чувством юмора. Помню, как в

театре, во время антракта, он рассказывал всякие анекдоты. Например: «В одном городе тяжело жили корова, собака и осел. Они решили перебраться в горы, поселились в пещере. Спустя какое-то время заскучали. Хоть они в городе и голодали, но их тянуло посмотреть, что же там делается? Погадали и решили послать собаку, у нее ноги хорошие, ей легко добежать. Собака быстро вернулась. Ее спрашивают: “Ну, что там делается?” – Она отвечает: “Плохо, но жить можно. Правда, я опять сбежала. Как же я, собака, могу жить в городе, если там запрещено гавкать?” Опять они втроем бродили в горах. Спустя какое-то время решили послать на разведку корову. Она не гавкает, может, ей понравится жить в городе? Через небольшое время корова вернулась. “Ну как?” – “Невозможно жить. Как только пришла в город, все бросились на меня, хватают за вымя, сосут, тянут и никто не кормит. Еле-еле я удрала, чуть все соски не оторвали”. Через еще какое-то время послали в город осла. Потом прибежал он назад. “Ну как?” – “Невозможно жить. Пришел я в город, а там выборы, хотели меня избрать в парламент. Еле удрал”».

Тут Тито посмотрел строго на Джиласа и говорит: «Ты что же рассказываешь такие анекдоты? Что же, мы в парламент ослов выбираем?» Он тоже сказал это в шутку, и все дружно смеялись. Нам анекдот понравился. Думаю, что Джилас сам его сочинил. Я рассказал эту историю, чтобы показать, какая сложилась у нас непринужденная обстановка. Когда я приехал в Москву, то рассказал обо всем Сталину. Сталин

остался очень доволен тем, что на Тито Украина произвела хорошее впечатление. Он был уверен, что у Югославии с Советским Союзом сложатся братские отношения. Однако спустя некоторое время была разослана членам Политбюро информация о Югославии. Наш посол, философ, академик Юдин¹²⁴ подробно расписывал какое-то заседание Политбю-

---

¹²⁴ Автор ошибается. П.Ф. ЮДИН не был послом в Югославии. В 1947–1953 гг. он работал шеф-редактором газеты «За прочный мир, за народную демократию!» и, естественно, находился в гуще событий, разворачивавшихся вокруг Югославии. Откуда поступала эта информация? Были ли это донесения посла или сообщения шеф-редактора, нам неизвестно. Упоминание автором в данном контексте фамилии Юдина не случайно, о его негативной роли в конфликте с Югославией Н.С. Хрущев говорил не раз. Его титул в данном случае не имеет принципиального значения, но послом он не был. П.Ф. ЮДИН отвечал за ряд направлений деятельности Коминформа (Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, 1947–1956), заседавшего в Белграде, и постоянно бывал там, как главный редактор его газеты «За прочный мир, за народную демократию!». В период хороших отношений с новой Югославией (1945–1946) советским послом в ней был И.В. САДЧИКОВ (род. 1906 г.), впоследствии посол в Иране, ответственный сотрудник центрального аппарата МИД СССР и директор Московского отделения Международного бюро труда. В 1946–1949 гг. послом был А.И. ЛАВРЕНТЬЕВ (1904–1984), перед этим – нарком иностранных дел РСФСР, а впоследствии заместитель министра иностранных дел СССР, посол в Чехословакии, Румынии, Иране и ответственный сотрудник центрального аппарата МИД СССР. За ним в Белграде временным поверенным в делах до 1953 г. был Г.П. ШНЮКОВ. В 1953–1955 гг. пост посла занимал В.А. ВАЛЬКОВ (1904–1972), перед этим посол в Нидерландах и ответственный сотрудник МИД СССР, а впоследствии – вновь в МИД и на научной работе. В 1955–1957 гг. Н.П. ФИРЮБИН (1908–1983), перед этим – посол в Чехословакии, а впоследствии заместитель министра иностранных дел СССР, в 1957–1960 гг. И.К. ЗАМЧЕВСКИЙ (1909–1979), раньше и позже посольской работы – ответственный сотрудник МИД СССР. В 1960–1962 гг. А.А. ЕПИШЕВ (1908–1990),

ро ЦК компартии Югославии, на котором отпускали всяческие остроты в адрес СССР, наших офицеров и наших инженеров, которые были посланы в Югославию для оказания ей помощи¹²⁵. Выражения приводились очень неуважительные, даже оскорбительные. Документ был довольно большим и весь состоял из таких реплик и замечаний. Потом стали поступать из Белграда новые донесения. В них давались характеристики разным людям и описывались различные точки зрения, но одной направленности – против СССР. Там поносили советских граждан, издевались над нами, считали недостаточно культурными, какими-то полудикарями, азиатами, а в это слово вкладывался определенный смысл: нам противопоставлялись югославы как европейцы, люди западной, более высокой культуры.

Все это пересказывалось в лицах: такой-то говорил то-то, такой-то говорил это. Одни говорили против Советского Союза, другие – за. Некоторые разговоры происходили даже при встречах в советском посольстве, куда ходило много разных людей, стоявших на различных позициях. Многие из таких людей были нашими друзьями. За дружбу с нами их исключали из КПЮ, некоторые даже заплатились жизнью. Конфликт с СССР постепенно набрал такую силу, что

перед этим посол в Румынии, впоследствии начальник Главного политического управления СА и ВМФ. В 1962–1967 гг. А.М. ПУЗАНОВ (1906–1982), до этого посол в КНДР, впоследствии посол в Болгарии и Афганистане.

¹²⁵ Информацию в советское посольство поставлял член Политбюро ЦК КПЮ Сретен ЖУЙОВИЧ.

там начали арестовывать людей уже не потому, что они наши друзья, а потому, что они выступают против линии руководства КПЮ. Это понятно. Если правительство Югославии стало на позицию конфронтации с СССР, а наши друзья боролись за сохранение дружеских отношений с нами, то к ним и применялись репрессивные меры.

С каждым донесением нашего посла Юдина отношения между Югославией и Советским Союзом все больше обострялись, обстановка все больше нагнеталась. Какими выражениями он пользовался в своих шифровках, я сейчас, через столько времени, просто не помню. Когда-то они станут достоянием историков, будут доступны.

Сейчас я думаю, что наш посол Юдин был необъективен, очень придирчив к югославам и проявил недостаточно понимания их взглядов. Надо было не командовать, не рассматривать себя как комиссара Сталина в Югославии, а по-доброму относиться к братской компартии и братскому народу, строить отношения с ними на взаимном доверии и взаимном уважении, а не на основе командования и диктата. Югославы – люди с достоинством, они диктата не терпят, тем более те, кто вел такую славную партизанскую борьбу и выдержал ее с честью. А наш посол общался с ними, используя окрик. Это вполне понятно, его хозяин Сталин хотел, чтобы руководители братских стран смотрели ему в рот и глотали все, независимо от того, в каком виде подавалась собеседнику пища. Но Тито оказался иным. Югославы были не таковы.

Так что Сталин сам дал им повод для недовольства. Если бы Сталин одернул сидевшего в Белграде указчиком Юдина, то, возможно, многое повернулось бы иначе.

Дело кончилось тем, что Советский Союз отозвал всех, кто был послан для оказания помощи Югославии, в том числе военных. Огромное количество людей! Мне говорили потом и Тито, и Ранкович, и Кардель, что когда они получили сообщение об отзыве советских людей, то в Белграде наступил траур. И простые люди, и руководители страны были страшно огорчены и не могли понять, чем это вызвано, зачем совершается шаг, который ведет к разрыву. Такое решение оказалось для них полной неожиданностью. Когда они мне рассказывали об этом, то всю вину валили именно на Юдина. Уверяли меня, что даже фамилия Юдин происходит от имени Иуда. Юдин сыграл в отношении Югославии, по их мнению, роль Иуды-предателя, все сделав, чтобы добиться разрыва отношений между СССР и Югославией. В таком заключении тоже было много субъективности. Зачем Юдину нужно было ставить перед собой такую цель? Он был послан в дружественную страну выполнять иные функции. Конечно, от него лично многое зависело, вот тут его субъективизм мог сыграть нехорошую роль. Тому или иному факту можно придать любую направленность, дать любое толкование.

Но ведь поручения давал Сталин, а Юдин выполнял их.

Сталин же в то время, грубо выражаясь, настолько задрал нос, что земли под собой не чуял. Самым главным для него

было то, что наша армия теперь самая мощная в мире. Он еще мог считаться с США и их союзниками. Но считаться с Югославией? С Польшей или другими подобными странами? Тут он требовал полного подчинения. В Польше неподчинения не могло случиться: там у власти оказались люди иного характера. Кроме того, там стояли наши войска. Такое же положение было в Румынии и Венгрии. Не такое буквально, но тоже подчиненное положение занимала Чехословакия. Иначе сложилась судьба Югославии. Мы помогли ей в освобождении Белграда, но югославы уже сами имели в то время сильную и хорошо организованную армию, которая успешно вела борьбу с гитлеровскими войсками. В этой стране следовало разговаривать с ее народом по-другому.

Думаю, что югославы искренне хотели дружеских отношений с нами. Сталин сам оттолкнул их, а себя он вел так, как будто среди людей, которые его окружали, вообще не находил себе равных. Считал, что все должны боготворить его и исполнять любые его капризы. Если кто-либо проявлял какую-то самостоятельность, то это могло привести к печальным последствиям. Этот деспот многократно показал, на какие гадости и зверства он способен, и во всех случаях без исключений считал, что если человек не согласен с ним, то его нужно устранить любыми способами. Когда однажды я приехал в Москву, Сталин рассказывал о документах, полученных им от Юдина, и об обстановке, которая якобы сложилась в Югославии: «Вот, – поднял он руку и отделил ми-

зинец от других пальцев, – шевельну мизинцем, и не будет Тито». Такое «шевеление» и стало его главной целью в отношениях с Югославией. Он не искал каких-либо путей к согласию, хотя и мог предотвратить разрыв, потому что Тито – это все же не Мао Цзэдун. Я верю Тито и другим югославам, которые рассказывали, как они буквально плакали, когда от них уезжали советские люди.

Потом на страницы нашей печати были вынесены заголовки, где Тито и Ранкович изображались в самых невероятных позах на карикатурах¹²⁶. Ранкович, как министр внутренних дел, выполняя волю Тито, тоже, видимо, допускал необоснованные расправы. Пошла перебранка между двумя социалистическими странами и двумя коммунистическими партиями. Сталин обвинил Тито в том, что он не коммунист, а Коммунистическая партия Югославии отреклась от социалистических идей. Югославию обвиняли во всяких грехах: что она идет по пути реставрации капитализма и прочих. Но когда Сталин увидел, что внутренние силы в Югославии, на которые он надеялся опереться, намереваясь любыми средствами расправиться с Тито, недостаточно сильны, и попытался убрать Тито с дороги другими средствами, то это тоже не вышло. Засылка туда наших агентов не имела успеха¹²⁷.

---

¹²⁶ Официальные публикации в СССР по югославскому вопросу как резолюции Коминформа были помещены за числами 29 июня 1948 г. и 29 ноября 1949 г.

¹²⁷ Более подробно о планах Сталина физически устранить Тито – в книге Павла СУДОПЛАТОВА «Спецоперация. Лубянка и Кремль. 1930–1950» (М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 526, 528–530).

Антиюгославских совещаний проводилось два. Одно, кажется, проходило в Праге, там докладчиком был, помнится, Маленков; второе – в Бухаресте, там докладчиком был Деж. Я знаю из разговоров в окружении Сталина, что Дежа просто использовали. Доклад был составлен у нас, а писали его Суслов и Маленков. Зачитан же доклад был Дежем для того, чтобы показать, что не только КПСС и СССР, но и страна, которая только что стала на путь социалистического строительства, тоже выступает против Югославии. После смерти Сталина Деж об этом мне сам рассказывал. Только в 1955 году в наших отношениях с Югославией наметился поворот. Мы составили делегацию для поездки в Югославию, чтобы попытаться восстановить прежние контакты и ликвидировать искусственно созданную напряженность между нашими странами.

Прежде чем решить вопрос, у нас проходили довольно острые обсуждения. Вопрос зрел долго, пока наконец не решились попытаться установить контакты и ликвидировать созданные Сталиным напряженность и враждебность между Советским Союзом и Югославией.

Главными оппонентами у меня оказались Молотов, Ворошилов и Суслов. Шепилов занимал позицию, которая не увеличивала возможность правильного понимания дел. Оно и понятно: он долгое время был редактором газеты «Правда» и немало пописывал на эту тему со сталинских позиций. Поэтому ему было трудно сразу правильно и объективно по-

дойти к решению вопроса.

Микоян выступал за восстановление добрых отношений. Маленков занимал свою обычную позицию, высматривая, где большинство, чтобы потом к нему присоединиться и не прогадать. В этом было его несчастье. В острых вопросах он всегда занимал позицию с оглядкой: как бы чего не вышло. У него имелось больше гадания, чем желания отыскать истину. Расхожим аргументом в СССР служила фраза: «Как же можно? Они ведь скатились на позиции капитализма. Их экономика поглощена американским монополистическим капиталом. Восстановлены частные банки. Существует частная собственность на промышленность» и т. д. Полагаю, что мы тогда настолько оторвались от реальности, что сами стали верить в эти глупости. Есть такой анекдот. Шел по деревне мулла. Его спрашивают: «Откуда вы идете?» – «С того конца деревни». – «А что там нового?» – «Там дают бесплатно плов». Люди побежали туда. Теперь их самих мулла спрашивает: «Куда бежите?» – «Там бесплатно дают плов». И мулла побежал вместе с толпой.

На этот анекдот было похоже наше отношение к Югославии. Сами выдумали и сами поверили. Я предложил созвать комиссию, привлечь в нее партийных работников и экономистов, собрать нужные данные и проанализировать по элементам, является ли Югославское государство социалистическим или уже стало капиталистическим. На такой вопрос нельзя отвечать с волевых позиций: мне так хочется. По-

нения о стране складываются из наличия в ней определенных экономических и социальных элементов. В комиссию входил и Шепилов. Нам доложили, что нет никаких оснований считать Югославию капиталистической: средства производства находятся в руках государства, крупная торговля – тоже, крестьянство пользуется частной собственностью, но есть в деревне и коллективные хозяйства. Банки находятся в руках государства. Государственная власть опирается на диктатуру рабочего класса, а само государство – социалистического типа. Все обвинения, служившие основой для конфликта, отпали. Все обрушилось, как карточный домик. И тогда мы решили восстановить контакт с Югославией.

Так как в конфликт были ранее втянуты другие коммунистические партии и социалистические государства, то нам надо было согласовать с ними свои действия. Мы обратились с письмом к братским партиям и социалистических государств, и в западном мире. Точно помню, что мы обращались к коммунистам и Англии, и Франции, и Финляндии. Отовсюду получили ответы с согласием. Меня поставили во главе делегации, как первого секретаря ЦК КПСС. Мы обратились к Югославии с просьбой принять нас. Югославские товарищи ответили согласием. Прилетели мы туда. Нас встретили, как положено встречать иностранную делегацию такого ранга, хотя особых братских чувств хозяева не проявляли. Были заметны настороженность и сдержанность и в народе, и в руководстве. Первым перед собравшимися на аэродроме

выступил Тито. Потом предложили микрофон мне. Мое выступление было заранее отработано в коллективе как мнение руководства ЦК КПСС. Тито сказал: «Переводить не надо. У нас все знают русский язык». Думаю, что и это было проявлением настороженности. Югославы ведь не все знают русский язык. Тито не хотел, чтобы сразу была переведена вся моя речь. Вот я хотя и знаю украинский язык, но, когда оратор говорит быстро, не успеваю переводить сам для себя с украинского на русский. А украинский ближе мне, чем русский югославам.

Я, признаться, был несколько разочарован таким приемом. Ведь в нашей стране группировки, выступавшие против восстановления добрых отношений, были довольно сильными, и холодный прием в Белграде мог быть расценен как враждебное недружелюбие и отбросить нас назад. Но что делать?.. Нас разместили, показали нам Белград. На следующий день начался подробный обмен мнениями. Мы изложили югославским товарищам свое понимание ситуации. Встреча состоялась по нашей инициативе, и мы должны были выступать первыми. Еще когда я поднял в Президиуме ЦК вопрос о восстановлении отношений с Югославией, раздавались голоса с предложением пригласить оттуда товарищей на переговоры в Москву. Но я возразил, считая, что югославы не поедут. Ведь именно по нашей инициативе произошел разрыв отношений. И мы первыми стали публично нападать на югославов, а уж потом югославы начали отвечать

тем же. Если Югославия, размышляя я, рискнет прислать к нам делегацию и не добьется согласования позиций, то тогда это будет выглядеть так, что Югославия пришла к нам с поклоном, а мы его не приняли. Югославы, остерегаясь такого, не поедут первыми. Нужно именно нам, большой стране и большой партии, проявить инициативу. Если даже мы не договоримся, то это окажется полезным для дальнейшего примирения. Я был абсолютно убежден, что мы добьемся взаимопонимания.

Итак, мы изложили свою позицию. Каков был ее недостаток? Мы тогда еще не раскрыли злоупотреблений Сталина. XX съезд КПСС был впереди. А в 1955 г. мы просто не созрели для того, чтобы выговорить слова, правильно характеризующие положение дел, создавшееся в партии при Сталине. Наоборот, старались обелить Сталина, насколько это было возможно. Его авторитет был еще высок. А все наши невзгоды валили на Ежова, а главным образом на Берию. Это в малой степени соответствовало действительности. Не Ежов, не Берия выдумали Сталина и вложили ему топор в руки, чтобы рубить головы. Сталин выдумал Ежова и Берию и превратил их в орудие произвола.

Кто из них лучше? Я думаю, можно сказать – оба подлецы. Более оборотистый, я бы сказал, человек, который мог показать даже человеческое великодушие, даже сочувствие к жертве, а потом задушить ее – Берия. Ежов более прямой человек.

Тогда мы все валили на них. Доказывали. Внутри нашей партии, в печати мы занимали такую же позицию, ее же теперь излагали югославам. Я впервые услышал откровенную характеристику Сталина именно от югославов. Она меня тогда покорила. Я вступил в спор. Главными нападающими были Попович¹²⁸ и Кардель. Попович особенно резко расшатывал нашу позицию, которая основывалась на утверждении, что Сталин не знал о творимых преступлениях. Попович утверждал, что Сталин был главным убийцей и сам все организовал. Не кто-либо подвел Сталина, после чего он стал жертвой обмана. Нет, именно он был главным организатором бойни.

Подспудно я сам это понимал, но настолько еще был подавлен авторитетом Сталина, что был не в состоянии назвать вещи своими именами. У меня существовала раздвоенность

---

¹²⁸ ПОПОВИЧ Коча (1908–1992) – югославский общественный деятель, публицист, генерал. В 1929–1932 гг. обучался в Сорбонне. Выступал как поэт-сюрреалист. В 1933 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии. В 1937–1938 гг., во время гражданской войны в Испании, сражался в интернациональных бригадах, командир батальона. В 1938 г. интернирован французскими властями, в 1939 г. освобожден. В 1941–1945 гг. один из организаторов партизанских отрядов, командовал отрядом, группой, 1-й пролетарской ударной бригадой (декабрь 1941 г.), I корпусом (1943–1944) Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), в 1944 г. возглавил 2-ю армейскую группу НОАЮ, а 1 января 1945 г. – 2-ю армию НОАЮ. В 1945 г. возглавил Генштаб югославской армии, настоял на сокращении советских военных советников. В 1953–1966 гг. министр иностранных дел, в 1966–1967 гг. вице-президент Югославии. В 1971 г. вошел в состав группы из 22 человек, образовавшей новое югославское коллективное руководство, в ноябре 1972 г. уволен в отставку и отошел от политической жизни.

сознания. Мы тогда имя Сталина яростно защищали и вступили в словесную драку с югославами. Затем они выразили согласие поговорить о восстановлении наших отношений. Потом организовали нам поездки по стране, а кое-где и митинги. Народ проявлял сдержанность. При поездках по улицам было видно, что люди не стихийно вышли встречать диковинку, приехавшую из Советского Союза, а что все организовано. Порою слышны были выкрики недружественного характера, раздавались упреки. Главным же образом мы слышали: «Да здравствует Тито!» В целом югославы решились на нормализацию отношений. То было не полное восстановление нормальных отношений. Но другого мы сразу и не могли ожидать после столь большого напряжения, которое чуть ли не привело к войне между социалистическими странами. Моментально достичь полного доверия, как только мы сели за стол выпить по рюмке вина, оказалось невозможно. Югославы согласились начать заново строить дружеские отношения. Свою позицию проявили и в конкретных делах: показали нам различные предприятия, показали могилы наших солдат, которые отдали жизнь в борьбе против Гитлера за освобождение Югославии. Они с достоинством относились к памяти наших воинов. Памятники были в хорошем состоянии, имелись плиты с именами погибших.

Договорились о возобновлении работы наших посольств в Белграде и в Москве. Восстановились и экономические

отношения. При Сталине они были прерваны¹²⁹, никаких экономических отношений не существовало, но оставалась большая задолженность Югославии Советскому Союзу, которая складывалась из поставок оборудования и в связи с поставками Югославии нашего вооружения. Теперь все в полной стоимости было предъявлено Югославии к оплате. Югославия же не имела возможности заплатить такой долг и попросила нас списать долги. Мы не настаивали на уплате, а они не делали твердого заявления, что не уплатят, просто ссылались на свои трудности. Кроме того, югославы аргументировали тем, что часть долгов образовалась в результате войны против общего врага. У меня появилось сочувствие к их проблемам, но сами мы вопрос решить не могли, он требовал коллективного обсуждения. И мы сказали: «Мы изучим, из чего сумма долгов сложилась и при каких обстоятельствах, тогда и выскажем свое мнение по этому вопросу». Нам ежедневно привозили почту из Советского Союза. У нас тогда летал тихоход Ил-12. Из Москвы до Белграда лететь нужно было много часов, с дозаправкой в Будапеште. Мы попросили разрешения у Югославии выделить нам аэродром, который мог бы принимать самолет-бомбардировщик Ту-169, чтобы оперативнее получать почту. Этот бомбардировщик по тем временам оценивался как лучший в мире.

---

¹²⁹ Дипломатические отношения прервались в 1949 г. Их восстановили в 1953-м, а в период визита советской делегации в Югославию договорились установить дружеские контакты в различных сферах.

Правда, дальность полета у него была только европейского радиуса действия. Позднее на базе Ту-16¹³⁰ был создан пассажирский самолет Ту-104.

Югославы согласились. Прилетел наш самолет. Он произвел на них очень сильное впечатление. Не стану отрицать, что мы воспользовались этим самолетом, чтобы возбудить заинтересованность Югославии. Хотели продемонстрировать, что СССР располагает мощной армией и современным вооружением, в том числе авиационным. Югославы нас поняли. До моих ушей доходило (информировали наши агенты), что они восприняли это как демонстрацию военной мощи. Мы дали возможность увидеть, что наш новый самолет соответствует самому передовому уровню развития науки и техники. Постепенно встречи и беседы, продолжавшиеся ежедневно, становились теплее. Лед, который замораживал наши отношения, таял. Колкостей в разговорах стало меньше, беседы приобретали товарищеский характер. Однако сохранялась некоторая настороженность и у них, и у нас. Больше других понимание дела проявил товарищ Тито. И не только как глава делегации. Конечно, он имел больше возможностей выбирать время для ответных реплик. Видимо, у них было намечено распределение ролей при переговорах: кто и какими аргументами должен пользоваться с тем, чтобы свалить на нас вину за создавшиеся отношения. Не на нас

---

¹³⁰ Ту-16 – бомбардировщик, максимальная скорость 1050 км/час, дальность полета 5800 км при бомбовой нагрузке в 3 тонны.

персонально, а на Сталина. Тут они были правы. Мы тоже исходили из этих позиций, когда ставили задачу нормализации отношений. Но, повторяю, внутренне еще не были подготовлены к тому целиком, духовно не освободились еще от рабской зависимости, в которой находились у Сталина.

Югославия же на меня произвела хорошее впечатление. Очень понравился ее народ. Я не придавал при этом особого значения критическим репликам в наш адрес и славословию в адрес Тито. Мы-то знали технику такого дела: специально выделяли людей в определенных местах и отработывали, кто будет выкрикивать: «Отец родной! Ура Сталину!» и прочее. Все разрабатывалось по сценарию партийного руководства. Если нужно было проявить негодование по ходу доклада против мирового империализма, то тоже все распределялось: кто сделает и в какой форме. Особенно часто разыгрывались такие спектакли, когда в 20-е годы велась борьба против оппозиции. Хотя многие тогда были искренни, но постепенно театральщина стала преобладать. Я сам был участником таких дел и выполнял эту роль. Тогда мы верили, что Сталин отражает интересы народа, и совершали все из честных побуждений. Свой опыт я переносил и на Югославию, считая, что и там все разыграно по сценарию, разработанному руководством.

Народ мне понравился, но его бедность бросалась в глаза. Мы сами были небогаты, однако югославы были еще беднее. Это тоже нас не удивляло, мы с сочувствием относились к

ним, понимали, что страна оставалась пока крестьянской, а многолетняя война оказалась разорительной. Орудия производства в сельском хозяйстве были примитивными, тракторов почти не имелось. Тито говорил: «Нам помогали капиталисты на разорительных условиях, а деньги одалживали под высокие проценты». Сильное впечатление на меня произвел своей непосредственностью и человеческой натуральностью Вукманович-Темпо. Он очень резко выступал против нас, но думаю, что его не надо было настраивать, резкость была в его характере. Когда все немного поостыли, он рассказал, как ездил в США вести переговоры о получении кредитов. Тогда в Югославии сложились тяжелейшие условия, возник голод из-за неурожая в месяцы самых острых отношений с СССР. США предложили в ответ кабальные условия, там думали, что нет другого выхода, как только принять их предложения. Выдвигались и условия политического характера, такие, которые отбрасывали Югославию на капиталистические позиции. «Мы умрем, но этих условий не примем, – рассказывал Вукманович. – Я хлопнул дверью и ушел. Тогда американцы опять вступили со мной в переговоры и все-таки дали нам кое-что, видимо, боясь, что их отказ лишит возможности оторвать Югославию от социалистического лагеря».

Но Темпо ругал и меня, а на одном заседании допустил такие резкости, что я тут же вынужден был парировать: «Если ставить задачу обострения отношений с какой-либо страной, то лучшего кандидата, чем товарищ Вукманович, для выпол-

нения этой роли нельзя подобрать». Тито взглянул на меня и засмеялся. Это уже потом мы с Вукмановичем сошлись поближе. Я очень уважал этого человека и считал его настоящим коммунистом. А грубоватость его оправдывалась суровыми условиями, в которых находилась Югославия. Впоследствии он стал терять свое положение. Какую сейчас играет он роль в государстве и в партии, не знаю, но независимо от этого я сохранил к нему хорошее отношение. Темпо выступал как защитник чести и достоинства своей страны и своей партии.

В конце встречи составили совместное заявление. В нем еще не были сняты вопросы, с которых нужно было бы начинать, чтобы обеспечить восстановление братских отношений. Но мы уже сняли шероховатости и препятствия для создания нормальных отношений. Декларация, которую мы тогда приняли, явилась исходной для восстановления дружбы¹³¹. Что было положено в основу? Невмешательство во внутренние дела и признание за каждой партией, за каждым народом самостоятельности, возможности проявлять свою волю без вмешательства и без давления извне. На этом они настаивали, и мы согласились, искренне считая, что строить отношения надо на доверии, а не на базе зависимости. А может ли у нас быть разное понимание каких-то вопросов? Это даже внутри одной партии бывает. Ленин такое допус-

---

¹³¹ Декларация по итогам переговоров с 27 мая по 2 июня между правительственными делегациями СССР и СФРЮ была принята 2 июня 1955 г.

кал. Проводились дискуссии с целью прихода к общему мнению. Не всегда в результате дискуссии вырабатывалось общее мнение, тогда признавали то, что поддерживалось большинством. И это становилось партийной линией, которой все должны были придерживаться. Тем более возможны разные точки зрения во взаимоотношениях между народами и между странами. Без взаимного понимания, без взаимного уважения и без взаимного невмешательства во внутренние дела партий и государств нельзя поддерживать нормальные отношения. Но мы тогда же договорились и об общих взглядах на принципиальные политические вопросы, проблемы теории и практики. Ведь не может быть уступок в сугубо принципиальных вопросах марксистско-ленинского учения. Тут для нас основа основ.

По возвращении в Москву мы доложили, как проходила встреча, какие вопросы кого волновали, какое у нас сложилось впечатление о Югославии. Все пришли к мнению, что Югославия является страной, которая стала на путь строительства социализма. Она переживает большие экономические трудности, но упорно добивается своего и твердо стоит на марксистско-ленинских позициях. Народ там сплоченный, партия тоже сплоченная. В интересах международного коммунистического движения нужно срочно ликвидировать негодное достояние, оставшееся нам в наследство после смерти Сталина. С нашим заключением согласились все члены Президиума ЦК. Потом мы поставили вопрос на пле-

нуме ЦК и проинформировали братские партии. В письме, которое разослали братским компартиям, оставили кое-какую страховочную лазейку: вдруг у нас далее не выйдет? Эта формулировка потом стала известна Тито, что опять ухудшило наши отношения. Но главное заключалось не в той формулировке, ибо наши отношения разрушились из-за венгерских событий 1956 года.

Вернусь к формулировке страховочного порядка, которую мы записали в информационном письме, разосланном братским компартиям. Американцы достали письмо у венгров и подбросили его югославам. Вот так получилось.

Югославам было интересно получить от кого бы то ни было информацию, а американцам было выгодно такую информацию дать. Она отвечала политике Соединенных Штатов, направленной на разъединение социалистических стран и, таким образом, достижение сформулированной Даллесом цели – отбросить социализм в Европе к границам Советского Союза, ликвидировать социалистические начала, на которых строилось общество в восточноевропейских странах.

Мы обсудили в Москве экономические вопросы, которые поставили югославы, и решили списать им часть долгов, что создавало хорошую основу для развития дальнейших связей. Югославы попросили у нас и кредит на довольно большую сумму. На кредитные средства они хотели построить металлургический завод с поставкой нашего оборудования. Мы кредит дали при условии поставки оборудования в счет

кредита. Мы были довольны, довольны были и югославы. Я еще расскажу, как потом развернулись события в Польше и в Венгрии и как реагировал Тито.

Он нас даже несколько удивил своей поддержкой. Мы считали, что он занимает хорошую позицию, партийную позицию. Она еще раз укрепляла и подтверждала наше мнение о том, что Тито коммунист и принципиальный человек. Однако, когда развернулись события в Будапеште, югославы приложили свою руку к обострению наших отношений с Венгрией, поддержали силы, которые вели работу против Советского Союза, против нашей партии. Здесь сложилось довольно сложное положение. Как сами венгры, так и югославы вели борьбу против Ракоши, а Ракоши по указанию Сталина очень много плохого наделал в Венгрии. Расправы, казни, аресты, репрессии проводились по указанию Сталина, по указанию его советников, присланных к Ракоши. Я уже об этом говорил, Ракоши был дубинкой Сталина против Югославии. Естественно, что югославы «горели» ненавистью, нетерпимостью и враждебностью к Ракоши. Когда авторитет Ракоши пошатнулся и против него повели работу коммунисты Венгрии, то здесь уже югославы приложили свои усилия в поддержку этих сил. Так слились усилия анти-ракошинских сил внутри Венгерской компартии с югославами. Так как мы раньше поддерживали Ракоши, то эти силы выступали и против нас. Так мы опять столкнулись с Тито. Здесь столкновение уже было публичным. Я два раза высту-

пал против Югославии, против Тито, против его политики. Они соответственно нам платили той же монетой.

Товарищ Тито имел претензии на особую роль Югославии. Он, видимо, обольщался надеждой ослабить влияние КПСС на братские коммунистические партии и усилить влияние КПЮ. Кое-чего он добился. Тогда в лице Тольятти выступили итальянские коммунисты. Они нечетко поддерживали политику СССР, Тольятти говорил об особой роли Югославии в коммунистическом движении, сформулировав тезис насчет возможности разных путей к достижению единой цели. Эта формулировка была в принципе правильной, она не противоречила марксистско-ленинскому учению, но в той перепалке, которая велась, казалась направленной против КПСС. Не думаю, что Тольятти хотел того. Но она давала повод выступить силам, которые стремились ослабить роль КПСС. А югославы попытались на этой основе усилить свою роль. Естественно, когда бьются две силы, то одна ослабевает, а другая усиливается. Правда, чаще всего бывает, что ослабевают обе стороны: они стараются вскрыть недостатки других и взаимно снижают свой авторитет в массах.

Спустя некоторое время уже Тито обратился к нам с предложением встретиться и опять восстановить добрые отношения. Он предложил встречу на нейтральной территории: на корабле, плывущем по Дунаю, на границе между Румынией и Югославией. Мы согласились. Решили встретиться инкогнито, без опубликования материалов в печати. Но по-

том Тито предложил: «Давайте встретимся открыто и объявим об этом в печати». Местом встречи он избрал Бухарест. Мы вновь согласились. Состоялась беседа. Мы объяснились, хорошие отношения восстановились. Что значит – восстановились? Легко сделать заявление... Настоящие хорошие отношения восстанавливаются медленнее, чем это заявляется после встречи. В результате обострения отношений мы отказались от соглашения насчет кредита. Другие мероприятия тоже были приостановлены. Нарушилось многое, что служило укреплению отношений между нашими странами.

У нас не было никаких причин конфликтовать с Югославией. После смерти Сталина мы не претендовали на гегемонию и придерживались принципов невмешательства во внутренние дела Югославии.

С другой стороны, в борьбе антагонистических сил на международной арене, капиталистических стран против стран социализма Югославия заняла особую позицию, как она назвала, неприсоединения к блокам. Это не всегда импонировало нашей политике, раздражало нас. Бывают случаи, когда такая позиция и возмущает. Эта искра у нас осталась незагашенной еще и потому, что Югославия отказалась войти в Варшавский договор, хотя мы ей предлагали. Все европейские социалистические страны объединились в этом Договоре, а Югославия не вошла в него. Югославия занимала особую позицию и в торговле с Западом. Она заключалась в том, что Запад давал ей кредиты и разрешал фирмам Соеди-

ненных Штатов, Великобритании и других стран торговать, тогда как с Советским Союзом и другими социалистическими странами вести торговлю запрещалось.

Это не то чтобы раздражало, но давало повод брюзжать, — мол, империалисты из-за прекрасных глаз подарков никогда не делают. Если с нами запрещают торговать, а с Югославией эта торговля поддерживается, то, следовательно, Америка и Югославия имеют какие-то особые отношения. Много было недоброжелателей у нас в отношении Югославии. Их обвинения высасывались из пальца. А здесь политика была для нас совершенно иной. Империалистическим силам было и сейчас выгодно разъединять усилия стран социализма, направленные против капитализма. Они хотят нашу монолитность расщепить и в интересах этой политики делают все им доступное.

Естественно, когда капиталисты при контактах с социалистическими странами выделяли Югославию, а с другими не поддерживали нужной торговли, это вызывало раздражение. Нам некоторые изделия, особенно станочное оборудование и приборы, выгодно было бы купить напрямую в США. Но они нам не продавали, а Югославии продавали. Если бы с нами США торговали так же, как с Югославией, мы остались бы очень довольны. Зачем же нам переносить свой гнев на Югославию, которая пользуется теми же возможностями, которые и мы бы хотели иметь? Я лично здесь не видел причин для недовольства. У Болгарии с Югославией были испорче-

ны отношения из-за территориальных споров. Они имеют границу, которая разделяет македонскую народность. Часть ее живет в Болгарии, часть – в Югославии. Болгары претендуют на всех македонцев, считая их болгарами. Значит, их земля должна входить в Болгарское государство. Когда мы встречались с болгарскими товарищами, то критиковали их взгляды, разъясняли, что это неэтично. Нельзя сейчас поднимать вопрос о пересмотре границ между социалистическими странами. Тогда возникнут непреодолимые проблемы, которые будут не спланировать, а разъединять нас. Обострится спор между Болгарией и Румынией из-за Добруджи, между Югославией и Венгрией из-за Воеводины, между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании. Тут такие дебри, в которые не следует забираться. Ничего реального все равно не получится, а только рассоримся и потеряем хорошие отношения между социалистическими странами.

Югославы имели основание думать, что болгары выступали при поддержке со стороны СССР. Ведь наилучшие отношения у СССР именно с Болгарией. Считаю, что их надо оберегать и укреплять, но в данном случае болгары заняли неправильную позицию. Когда румыны и югославы решили строить гидроэлектростанцию у Железных Ворот на Дунае, болгары захотели вклиниться в это строительство. Я высказал болгарским товарищам свое мнение: их претензии ни на чем не основываются. Там болгарской территории нет. Если бы в результате строительства как-то затрагивалась Болгария, за-

топлялась или еще как-либо... Но тут никакого ущерба! Болгары приводили доводы, что они придунайская страна и поэтому претендуют на часть электроэнергии от этого гидроузла. Я тогда сказал болгарам: «Если бы, например, мы нечто подобное строили в Советском Союзе, то никогда не признали бы ничьих претензий».

Болгары же официально поставили этот вопрос. Такие претензии очень обидели румынских и югославских товарищей.

Когда румынам мы разъяснили свою точку зрения, то румынские товарищи удивились.

Деж посмотрел на меня:

– Как вы сказали?

Я повторил.

Они были приятно удивлены, потому что считали, что болгары поступают так с нашего согласия, а может быть, и по нашему совету. Так вопросы, которые исходили не от нас, тоже создавали условия недоверия к политике Советского Союза в отношении к Югославии.

Но, как бы ни складывались наши отношения, они продвигались в сторону улучшения. Просто эти отношения в разные периоды были разной степени теплоты. И все же жизнь брала свое. Мы приглашали югославов во главе с Тито посещать Советский Союз, и он неоднократно приезжал. Однажды мы пригласили его в Крым, а там несколько дней вместе отдыхали и охотились. Охота – древний способ обще-

ния. Но не она главное: ведется обсуждение вопросов, возникающих между двумя странами. Так же мы использовали встречу в Крыму. Она прошла по-дружески.

Югославы также приглашали нас. Я несколько раз возглавлял советские делегации при поездках в Югославию. Там встречи тоже были очень теплыми. Мы посещали заводы, в том числе судостроительный, на котором в свое время строили корабли для СССР. Да и сейчас, как я вижу, у югославских судостроителей большинство заказов из СССР. В один из приездов, в 1963 году, югославские товарищи предложили нам посетить тракторный завод на окраине Белграда. Я охотно согласился. Всему миру известно, что Югославия претендовала на новый шаг в создании форм перехода от капитализма к социализму. Их формы руководства экономикой были более демократичны, чем наши, за счет привлечения общественности к управлению народным хозяйством: рабочих, служащих и ученых. Мы ранее выступали против. Теперь я захотел сам разобраться в деле, понять, в чем новые формы выражаются, насколько они правильны, могут ли быть использованы в наших условиях. На том заводе я добивался ответа на вопрос, как устанавливается план – годовой или пятилетний? Мне разъясняли. Выступили директор, представители профсоюзов, партийной организации. Но я так и не уловил их особенностей. У меня создалось впечатление, что тут бутафорное прикрытие участием общественности, план же в основном устанавливает правительство и

оно же контролирует его выполнение.

Тогда я прямо поставил этот вопрос. Югославские товарищи наполовину согласились со мной. Тем не менее продолжали доказывать, что югославские формы хозяйствования более привлекательные для народа, ибо руководит хозяйством не бюрократическая верхушка, как в СССР, а народ. В какой-то степени эти рассуждения заслуживают внимания. У нас ведь, кроме производственных совещаний, на предприятиях ничего такого не было, а производственные совещания носят сугубо совещательный характер и не могут обязать дирекцию отчитываться или отвечать за ведение дел перед производственным коллективом. Но я считаю, что централизованное руководство хозяйством в годы, когда я работал, было правильным. Только в последнее время я почувствовал необходимость перемен: поставить дирекцию в зависимость от работающих на предприятии, более активно привлекать к разработке плана трудящихся. Полагаю, что в будущем это обязательно состоится. И к контролю за выполнением плана трудящиеся тоже должны привлекаться более активно. Значит, полезное зерно в югославских формах хозяйствования существовало, что отрицать не следовало. Правда, мы публично тогда это не заявляли и критиковали югославов за отказ от органа, выполняющего функции Госплана как центрального планирующего учреждения. Раз все планируется через государство и уничтожены рыночные отношения, существующие в капиталистическом мире, то дол-

жен иметься и какой-то орган, который заменяет стихию плановостью.

Югославы разрешили своим предприятиям выход на рынок непосредственно. Те даже имеют право выходить на Запад с предложением о продаже своей продукции. Мы этого не понимали. Более чем не понимали! А раз не понимали, то были не согласны и критиковали их позицию. Югославы утверждали, что раскрепощают предприятия от бюрократических условий и создают лучшую базу для всестороннего развития экономики и удовлетворения спроса потребителя. Но это не всегда так. Однажды я беседовал с Тито в одной из наших совместных поездок, и он мне сказал: «Мы сейчас видим и отрицательные явления. Думаю, что у нас есть люди, занимающие руководящие посты на предприятиях и имеющие личные текущие счета в банках капиталистических стран. Они воруют». Там развернули кампанию борьбы против явлений, о которых Тито говорил мне. Создалась ситуация, когда югославы не получали почтой присылаемые с Запада товары. Не знаю, какие там существуют способы анонимного посылания товаров и по предъявлении какого документа можно получить такую посылку. Но дело запуталось. Тито говорил, что такие товары остались на таможне, особенно автомашины и другие ценные средства индивидуального потребления.

Тут, конечно, поиски нового. Но не все в жизни из югославского опыта оправдалось. Однако нельзя и отрицать все,

над чем работали югославы. Кое-чего положительного они добились. Надо было нам спокойно относиться к этому и использовать то, что оправдалось жизнью. У нас же все проходило при взаимных обвинениях и упреках. Каждый претендовал на знание истины. Только то, что он делает, есть марксизм-ленинизм, а остальное – оппортунизм, капитализм и прочее. Считаю, что тут и та и другая сторона занимали не всегда правильные позиции. Побуждения-то были хорошие, хотели найти истину. Между тем в вопросах практического строительства социализма организационных форм может быть очень много. Претендовать на единственно верный патент неправильно, а упорствовать при этом глупо. Касается это и политики.

В свое время Сталин имел в виду создать Балканскую социалистическую федерацию. Я работал тогда на Украине и деталей не знаю. Предполагалось, что возглавлять ее будет Димитров. В нее войдут Югославия, Болгария, Албания. Это были не только разговоры: наступила и следующая стадия развития идеи. Димитров выступил с докладом о создании такой федерации, под нее подводилась и материальная база. На окраине Белграда, на берегу Дуная, было заложено здание для правительства федерации. Рассчитывали, что Югославия и Болгария сыграют руководящую роль при создании федерации. Когда же Сталин повернул линию против Югославии, то все развалилось. Стройка заросла бурьяном, остался один железобетонный остов. Вот судьба еще одной

нестандартной идеи.

Когда я посещал Югославию, то много ездил по стране, видел жизнь народа, посещал предприятия. Я узнавал много интересного. Однажды посетил строительство завода по производству химических волокон. Оборудование, очень интересное, было куплено в США. Завершение этого строительства обещало многое. Тито рассказывал, что в 1963 году они получили 70 млн долларов дохода от туризма. Для таких стран, как Италия, Швейцария, Швеция, эта сумма мизерна. Они получают от туризма больше. Но для нас то была весомая сумма. Тито рассказывал: «Мы строим гостиницы для туристов, соорудили ряд новых дорог. Происходит мобилизация средств ради привлечения валюты, которая нам необходима для торговли с капиталистическим миром». Это вызвало хорошую зависть у меня, и я стал расспрашивать: «Как вы этого достигаете?» Ответ: «В первую очередь строим дороги, потом гостиницы и рестораны. Чтобы обеспечить хорошее обслуживание туристов с Запада, посылаем своих людей в капиталистические страны учиться приему посетителей, приготовлению пищи и гостиничному обслуживанию».

Я посещал их туристские гостиницы. Они блистали чистотой, новизной, хорошим обслуживанием посетителей. Югославия – одно из красивейших мест в Европе. Пока я сам не побывал там, мне казалось, что наши Крым и Кавказское побережье являются мировым шедевром. Когда же посмотрел на Дубровник и другие замечательные места в Югославии,

то понял, что нам следует проявлять некоторую скромность. Я спросил Тито: «А как вы решаете вопросы, возникающие при пересечении границы таким количеством западных туристов, приезжающих на автомобилях? У нас поставлены к тому бюрократические рогатки. Не всякий турист захочет преодолевать их». Он рассмеялся: «Мы решили так. Шпионы не всегда ездят через границу на машинах. Они попадают к нам разными путями, а чаще всего прилетают с комфортом на самолетах. Борьба со шпионажем должна вестись разными средствами, а здесь мы установили свободный проезд. Охрана на границе проводит минимум проверок, практически к нам приезжают и уезжают совершенно свободно. Оформление занимает буквально минуты».

Когда я вернулся домой, то докладывал об их практике и предложил, чтобы наши товарищи воспользовались опытом Югославии. Мы приняли большую программу строительства гостиниц для туристов, стремились привлечь к делу новых людей. Наша страна имеет много прелестей для туристов: Сибирь с ее красотами и охотой на разнообразного зверя, Крым, белые ночи на Севере, разнообразные климатические условия, экзотика Средней Азии... Да сколько у нас своих достопримечательностей, которые при хорошей организации должны привлечь огромное количество туристов! Но прежде всего нужны гостиницы и кадры, которые могли бы принимать и обслуживать туристов. Я попросил Тито: «Хотел бы, чтобы вы разрешили прислать к вам наших людей позаим-

ствовать такой опыт». Тито ответил: «Пожалуйста, все, что вас интересует, для вас открыто. Мы охотно вам все покажем и обо всем расскажем. Каких мы у себя туристов принимаем? Это не богач, это не крупный капиталист, который прожигает деньги, к нам ездит трудовой народ, особенно рабочие. Очень много туристов приезжают на своих машинах из Западной Германии и из других стран тоже. У нас – турист средней обеспеченности, он не привозит больших капиталов, которые может тут оставить. Но он приезжает, пользуется нашими услугами, оплачивает их, и уже это нам выгодно. Он оставляет здесь валюту, которая нужна для торговли».

Впоследствии я не имел возможности контролировать, как пошли дела, ибо находился в отставке. Но по печати я вижу, что кое-что и у нас построено. Еще за много лет до отставки я поставил вопрос о том, как использовать золотой уголок – Пицунду. Там исключительные условия для привлечения отдыхающих. И я предложил построить там многие учреждения для отдыха. Там имеются к тому замечательные условия. Когда мы отдыхали в Пицунде вместе с Микояном, то пешком обошли весь мыс: видели хороший лес, подходящий берег, близкие горы. Можно поехать оттуда на голубое озеро Рица. Близок такой центр, как столица Абхазии Сухуми. Рядом же Новый Афон и Гагра. Все учреждения мы создавали там для советских отдыхающих. Сейчас не знаю, какое направление делу дано. А тогда мы имели в виду, что человек будет приезжать для кратковременного пре-

бывания, один или с семьей, получать там номер, отдыхать и ехать дальше.

Эти места отдыха проектировал архитектор Посохин¹³². Он мне импонировал своим конструктивно-художественным вкусом. Сначала он спроектировал невысокие здания, потом мы решили поднять этажность, поскольку это экономически более обоснованно. Хотелось, чтобы построек было поменьше, но более емких. Спланировали первую очередь комплекса на пять тысяч человек с последующим развитием одновременного приема до десяти тысяч отдыхающих. Проект предусматривал водяное и паровое отопление. Потом решили построить дома на электрическом обогреве, что будет более экономично и более культурно. Как там все сделано, сейчас не могу сказать. Строили же чересчур долго. Но если построили хорошо, то возникнет прямо-таки жемчужина Кавказского побережья.

С каждым годом Югославия набирала все больше сил, что было видно и по тому, как развивалась ее экономика. Это же стало заметно и внешне: появились красивые здания, улицы теперь были в хорошем состоянии, народ стал одеваться приличнее. У нас модницы часто гоняются за туристами, ко-

---

¹³² ПОСОХИН Михаил Васильевич (1910–1989) – главный архитектор Москвы в 1960–1982 гг., народный архитектор СССР с 1970 г., председатель Комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и зам. председателя Госстроя в 1963–1967 гг. Построенные частично по его проектам здания в Пицунде, о чем здесь говорится: пансионат на три тысячи мест с семью высотными корпусами вдоль морского берега и пр.

торые прибывают из-за границы, и около гостиниц, где они размещаются, кланчат, вымогают и упрашивают продать им что-либо. В Югославии таких безделушек и товаров достаточно. И я спросил Тито: «Как вы разрешаете этот вопрос? К вам ведь приезжает много туристов. Мы у себя наблюдаем позорную картину, когда наши люди перекупают или выпрашивают вещи у иностранцев». — «А мы делаем так. Когда появляется мода на какие-то предметы туалета, то покупаем соответствующую фабрику и стараемся производить эти товары у себя, удовлетворяя внутренний спрос за счет собственного производства». Нам это не так легко сделать. Пока фабрику построишь, у потребителя могут измениться вкусы, он станет гоняться уже за другими вещами. А покупать фабрики мы тоже не всегда в состоянии. Когда я делился впечатлениями о Югославии с товарищами, то предлагал покончить с нашим позором. Мы должны предугадывать, как меняется мода, и заранее производить нужные потребительские товары. Люди были бы довольны. Нельзя рассматривать модниц и модников как чуждых лиц, с которыми не следует считаться или навязывать им: «На тебе, Боже, что мне не гоже!» Мы живем в другое, не сталинское время. Во времена моей молодости вкусы были не ахти как развиты. Но за модой всегда гонялась молодежь. Модники имелись и тогда и будут всегда. Можно ли в условиях СССР справиться с такой задачей? Безусловно. У нас огромные возможности. Со временем некоторые заводы будем покупать за границей. Но

и самим надо шевелить мозгами, предвидя изменения моды и запросов потребителя, приспособливаться к их удовлетворению.

Интересная у меня состоялась беседа с Тито и относительно сельского хозяйства. Он высказывался так: «Когда у нас произошел разрыв с СССР, то, чтобы нас не упрекали в отступничестве от социализма, мы приняли даже административные меры, чтобы завершить коллективизацию. Осуществили это с нажимом, но добились успеха по линии количества. Однако оказались в тяжелом положении по линии производства продуктов сельского хозяйства и удовлетворения запросов городского населения. Тогда мы отказались от коллективизации и сейчас считаем главным создание не колхозов, а госхозов». Образовался довольно высокий процент земель, на которых созданы государственные сельскохозяйственные предприятия зернового, огородного, молочного и мясного направлений. Тито продолжал: «У нас малоземелье, и мы покупаем землю для государства у крестьян. Большинство крестьян у нас одновременно и рабочие. Поэтому мы скупаем землю у этих рабочих, которые как бы раздваиваются: работают и на предприятии, и в сельском хозяйстве. Они охотно продают землю, а на ней мы создаем госхозы, по-советски – совхозы».

Полагаю, что это тоже социалистический путь развития деревни. Если говорить о кооперировании крестьян, то такую же примерно позицию занимал в Польше Гомулка. Мы

его обвиняли в «антиколхозной политике», но Польша так и не пошла нашим путем при кооперировании крестьянства. Я считаю ленинский путь кооперирования крестьянства в принципе правильным. Но если бы сейчас начинать вновь проводить кооперирование, то так, как это провел Сталин, делать нельзя ни в коем случае. Слишком большие были издержки, и долгое время шло топтание на месте. Еще и сейчас не выправилось должным образом производство сельскохозяйственных продуктов в СССР. Не хватает картошки, овощей. Страна переживает острый недостаток мяса, яиц, птицы. Только молока, кажется, в достатке. У нас налицо плохая организация производства. Но, видимо, есть и другие причины, сдерживающие его развитие.

По газетам сейчас мне трудно разобраться, в чем дело. Когда идут сев, уборка урожая и заготовка овощей, то газеты и радио переполнены сообщениями о выполнении и перевыполнении планов в два-три раза. Спрашивается, где же эти продукты? В магазинах их нет. Я уж не говорю о выборе разных продуктов, об ассортименте. Тут уж не до выбора, не до жиру, быть бы живу. Люди покупают то, что есть в магазине, а не то, что хотели бы купить. А в провинции совсем плохи дела. Мы тогда критиковали Югославию за то, что она не проводит кооперирование деревни по-нашему, и критиковали Польшу, но не публично, а во внутренних собеседованиях. Недавно поляки приезжали ко мне в гости. Они говорят: «У нас есть любые сельскохозяйственные продукты и сколь-

ко угодно». Поляки же импортируют в СССР картофель. Так кто же оказался прав? Возможно, югославы и поляки. После смерти Сталина мы сильно корректировали сельскохозяйственную политику. На целинных землях, например, сначала шли по шаблону, стараясь переселить туда колхозников. Это вызывало страшные трудности. Поднять семью с насиженного места, оторвать от могил предков и переселить за тысячи километров украинца, русского и белоруса нелегко. Это потребовало невероятных усилий и больших материальных затрат. Тогда мы призвали молодежь и стали там для молодых строить дома, кредитовать их, помогать им самим в строительстве. Это значительно облегчило наше положение, особенно когда все узнали, что на целинных землях не будут создавать колхозы как искусственную организацию из переселенцев. Получается нерентабельное хозяйство. Выгоднее создавать совхозы.

И мы пошли по линии создания совхозов. На целинных землях колхоз – редкое явление. Там главным образом функционируют совхозы, у них самый дешевый хлеб. Говорю о времени, когда я находился в руководстве. Как мы дошли до такого решения? Как-то я поехал на целину. Я и раньше частенько выезжал туда, разъезжал по областям, знакомился с работой колхозов и совхозов. В одной из областей встретился с агрономом МТС, человеком уже пожилым, опытным, знающим сельское хозяйство. Он обратился ко мне с вопросом: «Товарищ Хрущев, я работаю агрономом

в МТС, мы обслуживаем колхозы. Хотел бы вам рассказать, из чего складывается работа МТС и из чего – работа колхозов. Зона МТС, в которой я работаю агрономом, – зерновое хозяйство. У нас нет других видов растений, животноводства тоже почти нет. МТС все поля вспахивает и засеивает, потом все скашивает и обмолачивает. Тут я прихожу к председателю колхоза и спрашиваю, какое количество зерна ему причитается, хотя и сам знаю, сколько причитается зерна, а спрашиваю фактически, куда мне развозить это зерно? Я не понимаю, зачем мы раздаем зерно». Правительство тогда этот вопрос обсудило и резко изменило направление дела. Такие колхозы – одна видимость. И мы организовали совхозы. Та машинно-тракторная станция уже была совхозом. На землях, которые она обрабатывала, она и преобразовалась в совхоз. Колхозники же числились, но фактически не работали в колхозах, за исключением трактористов. Но и трактористы, и комбайнеры тоже работали в МТС. Я даже не знаю, что там делали пресловутые колхозники в колхозе, где все работы производились через МТС. И мы превратили колхозы в совхозы, что в условиях целинных земель оказалось более прогрессивной формой ведения хозяйства.

Чистое поле. Людей нет. Мы привлекаем их как работников МТС, строим им дома, другие обслуживающие учреждения, создаем предприятие по производству сельскохозяйственной продукции. Там, где уже имеется крестьянство, процесс более сложен. Есть и другой путь, который избрал

Гомулка для Польши. Там тоже держат курс на госхозы, но создают сельскохозяйственные кружки – товарищества в качестве первичной производственной ячейки. У них имеются машины, которые на договорных условиях обрабатывают землю. Получилось вроде того, что у нас называли товариществами по обработке земли (ТОЗ)¹³³. А поляки их называли сельскохозяйственными кружками. Главная их функция – закупка излишков сельскохозяйственных продуктов у крестьян и продажа по договорам государственным предприятиям. Дела там идут неплохо. Да и экономически это выгодно, потому что сельское хозяйство Польши находится на хорошем уровне. Поляки сейчас обеспечивают свои потребности полностью, даже в зерне, уж и не говорю о сахаре или картофеле.

У меня не раз бывали дружеские беседы закрытого характера с Гомулкой, когда он обращался к нам с просьбой продать им зерно. И мы продавали его Польше. Но они его скармливали свиньям и получали бекон для экспорта. А на хлеб пускали собственное зерно. Правда, югославы у нас зерно при мне не покупали и не просили. В последний раз я беседовал с Тито летом 1964 года, когда он возвращался из Финляндии. Я выезжал ему навстречу в Ленинград. У нас состоялись дружеские беседы, чему я очень радовался. Думаю, что югославские товарищи постепенно сами приходят к вы-

---

¹³³ ТОЗ – форма кооперирования крестьян, практиковавшаяся в СССР в 1920-е гг.

воду о необходимости централизованного планирования народного хозяйства. Иначе невозможно его сбалансировать. Тогда надо будет обращаться к рынку, и возникнут не социалистические отношения, а элементы капитализма.

Впрочем, считаю, что есть много возможностей и разнообразных путей строительства социализма. Создавать какой-то единый шаблон, единую модель для всех стран невозможно и глупо. Не менее глупо называть все, что к этой модели не подходит, антисоциализмом. Надо проявлять терпимость и предоставить возможность каждой стране и партии выбирать свой путь, исходя из местных условий: исторических, экономических, этнических и прочих. Лишь бы основные средства производства принадлежали государству и оно опиралось на диктатуру пролетариата. Вот основные условия! На меня хорошее впечатление производил и народ Югославии. Но в рядах ее коммунистов имели место некоторые искания, которые ослабляли устои партийной дисциплины. В беседах со мной Тито об этом говорил. Теперь, на положении пенсионера, я читаю, как он, выступая, предупреждает, что иной раз движение там идет такое, которое может расшатать партию. Каждая партия должна оберегать единство своих рядов. Какую роль во всем этом играют сам Тито, Вукманович, Попович, Ранкович, не знаю.

Товарищ Тито показал себя коммунистом во время войны, когда организовал партизанские отряды и боролся против гитлеровского нашествия. Он также показал себя ком-

мунистом в мирном строительстве социализма в Югославии.

Могут мне возразить:

– А как же вы неоднократно выступали с его критикой?

Да, я выступал с критикой товарища Тито. Я и сейчас бы не отказался от принятой тогда критики позиции Югославии.

Тем не менее, я тогда считал и сейчас считаю, что в своей основе Тито как руководитель заслуживает признания и уважения.

О других руководителях Югославской компартии.

Ранкович. Я не знаю, что с ним случилось, в чем его обвинили и в каком положении он сейчас находится¹³⁴. Я могу судить о Ранковиче, с которым я встречался, когда приезжал в Югославию, о Ранковиче, который приезжал в нашу стра-

---

¹³⁴ РАНКОВИЧ Александр (1909–1983) – политический деятель. В 1928 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии (КПЮ) и стал секретарём окружного комитета Союза коммунистической молодёжи Югославии (Сербии). В 1929 г. арестован, подвергся пыткам, вышел на свободу в 1935 г. В 1936 г. стал членом Окружного комитета КПЮ по Сербии, а в 1937-м – членом Политбюро ЦК КПЮ, в январе 1939 г. перешёл на нелегальное положение, был известен под псевдонимом Марко. В 1941 г., после начала войны, в июле 1941 г. организовал взрыв белградской радиостанции, попал в руки полиции, передан гестапо, бежал, перебрался на занятую партизанами территорию и вошёл в состав Верховного штаба партизанского движения, стал первым заместителем Тито. В 1946–1966 гг. министр внутренних дел Югославии. С 1956 г. заместитель председателя Союзного исполнительного веча (вице-премьер), член Секретариата Верховного комитета ЦК СКЮ, член ЦК Союза коммунистов Сербии. В 1966 г. Тито обнаружил устройства для прослушивания в своём рабочем кабинете, Ранкович подал в отставку, исключен из партии и до конца жизни проживал на своей вилле в Дубровнике, писал мемуары.

ну на совещания коммунистических партий. Он тогда представлял Коммунистическую партию Югославии, и мне с ним всегда было приятно встречаться. Он всегда давал понять, что он ближе других к пониманию нашей политики. Он с уважением относился к нашей партии, к нашему народу, к нашей действительности. Повторяю, не знаю, в чем его сейчас обвиняют, но этот человек был выдвинут жизнью и прошел все испытания. Могу только повторить: я относился к нему с уважением.

Попович. Он на меня производил тоже хорошее впечатление. Очень откровенный человек, очень горячий, прошел проверку войной. Он командовал, кажется, дивизией. В беседах иной раз мы вступали с ним в перепалку, это неизбежно между людьми, занимающими принципиальные позиции. Это не означает столкновения врагов. Нет, тут желание разобраться, найти позицию, которая послужила бы основой для соглашения.

Вукманович. Я о нем уже говорил. Я не знаю, какой он сейчас занимает пост. Не слышно о нем в печати. Я не сомневался, что он предан делу коммунизма и, несмотря на горячность, достоин уважения. Я с уважением к нему относился, особенно за его прямоту и откровенность. Иной раз он мог высказаться так резко, что неприятно было слушать, но надо считаться с другими мнениями. Человек высказывает свои взгляды, и если эти точки зрения приходят в столкновение с другими мнениями, то надо отыскивать общую точку зре-

ния, общие позиции.

Добавлю кое-что о позиции югославских коммунистов на международных совещаниях братских партий в Москве в 1957 и 1960 годах. Там они присутствовали в качестве наблюдателей, участвуя в обсуждении разных вопросов, но итоговый документ не подписали. Это нас раздражало. Я такую позицию не понимал, но мы ничего не могли поделать. Югославские товарищи не хотели брать на себя никаких обязательств. Думаю, что здесь проявлялось то положение, в котором оказалась их страна. Когда мы беседовали об этом с Ранковичем, он заявил: «Мы сейчас не можем изменить свою позицию. В современном международном положении мы хотим оставаться неприсоединившимися, вне любых блоков». То есть они хотели представлять страны, как бы промежуточные между капиталистическим и социалистическим мирами или освобождающиеся от колониального гнета. Тут они хотели стать лидерами.

Потом я узнал о встречах югославских делегатов с Мао Цзэдуном. Мао им сказал: «Не подписали? Ничего страшного. Правда, хозяева немножко нервничают, но все перемелется и нормализуется, вы не огорчайтесь». Китайская же компартия подписала итоговый документ, и в беседах с нами ее представители агрессивно высказывались в адрес представителей Югославии. Получилось, что на деле Китай как бы заигрывал с компартией Югославии: мол, КПСС слишком придиричиво относится к вам, а китайцы более либеральны.

Вот вам пример, как споры аргументируются принципиальностью! Какая тут принципиальность? Ведь за единый документ мы боролись вместе с Китаем, и он же одобряет партию, которая его не подписала. Правда, прошли те времена, когда Коминтерн выступал в роли дирекции международного коммунистического движения и издавал положения, обязательные для всех компартий. Сейчас такого нет и быть не может. Надо с большей терпимостью относиться к позициям разных партий. Но это не значит, что допустимо выходить за пределы принципиальности. Тогда не останется и коммунистического движения.

С Югославией у нас было больше общего, чем различий, особенно по принципиальным вопросам. Расходились мы порой в вопросах практического строительства, это допустимо и с этим надо считаться.

Две Германии плюс Западный Берлин

Общими усилиями союзных держав гитлеровская Германия была разбита. В результате образовались новые границы, затем появилась Германская Демократическая Республика, правда уже после того, как западные страны, бывшие наши союзники, образовали Германскую Федеральную Республику (потом ее у нас называли Федеративная Республика Германии). Судя по разговорам, которые я слышал в окружении Сталина, после разгрома Германии он не задавался целью создания в Германии демократической республики. На первых порах Сталин, да и другие руководители ВКП(б) предполагали, что в Германии возродится сильная коммунистическая партия, весь рабочий класс объединится вокруг нее, и она займет достойное место при строительстве новой Германии. Эти надежды не оправдались. Реакционными силами Германии удалось воспрепятствовать такой ее судьбе, и коммунистическая партия ни в одной оккупационной зоне не сумела восстановить то влияние, которым она обладала до прихода Гитлера к власти. Видимо, она много потеряла своих членов и в руководстве тоже лишилась сильных кадров. Конечно, США, Англия и Франция стали прилагать усилия к тому, чтобы Германия осталась капиталистической и не превратилась в союзника СССР. К нашему сожалению, им этого удалось добиться, прежде всего в западных зонах страны. К

чему я это говорю?

Когда я был с визитом во Франции и мы беседовали с де Голлем, я настаивал на кардинальном решении германского вопроса. Де Голль мне тогда сказал: «Сейчас не надо объединять Германию. Я некогда предлагал даже разделить Германию на несколько государств, но господин Сталин меня не поддержал». У Сталина на то имелись свои соображения. Что касается текущей политики, то де Голль торжественно пообещал: «Господин Хрущев, заявляю вам, что Франция никогда не будет воевать с Россией. Но и вы со своей стороны не добивайтесь изменения существующего положения. Давайте будем трезво смотреть на сложившуюся ситуацию. Пусть ГДР живет в составе Варшавского объединения, а Западная Германия – в составе НАТО». Таким образом он стремился не нарушать баланс сил, сложившийся после войны.

Непосредственно после разгрома Германии и Потсдамских соглашений практической линии Сталина в германском вопросе я не чувствовал. Мне не ясно, имел ли он какие-то серьезные намерения создать социалистическое государство в зоне, оккупированной нашими войсками. Не случайно из нее все, что заслуживало внимания, вывозилось в СССР по репарациям. Потом ГДР тоже еще долго выплачивала репарации – ту долю, которая причиталась ей на основе Потсдамских соглашений, это довольно значительные величины ¹³⁵. Я

---

¹³⁵ Подписанное 1 августа 1945 г. Потсдамское соглашение предусматривало

знаю положение нашей страны после войны и те потери, которые мы понесли в результате вражеского нашествия, нашу бедность, нищету, голод. У нас продукты и товары выдавались по карточкам, и далеко не все можно было приобрести. Были кошмарные условия жизни, трудно сейчас себе даже представить, в каких условиях оказался наш народ. А ведь требовалось прилагать усилия и для возрождения Родины, и для продолжения строительства социализма.

Однако раз мы начали вести борьбу за душу немецкого народа, прежде всего за душу рабочего класса, то вопросы его материального обеспечения и роста благосостояния имели большое значение и для нас. Мы же, беря репарации, демонстрировали оборудование в Восточной зоне оккупации и вывозили его в Советский Союз. Иной раз вывозили совсем разломанное: некоторые машины еще могли быть использованы на месте, но, когда мы их демонтировали и перевезли к себе, где-то поставили, пользы не было. Много у нас имелось такого оборудования, особенно металлических каркасов для предприятий в Сибири. При сибирских морозах многие такие сооружения просто рухнули.

Быстро сложились неравные условия для немцев ГДР и ФРГ. В последней почти ничего не демонтировалось, и западные немцы с благословения союзников нам репараций почти не выплачивали.

выплату репарации СССР Восточной Германией в «разумных размерах» плюс 25 % репараций, выплачиваемых Западной зоной оккупации нашим союзникам.

Более того, США усиленно помогали возрождению хозяйства в западных зонах оккупации. Западные страны предоставили ФРГ крупные кредиты, оказали ей содействие поставкой оборудования, предметов потребления. В этих условиях нам очень трудно было создать более привлекательные условия для восточных немцев.

В результате Западная Германия добилась лучших результатов. Коммунистическая партия в ФРГ слабо набирала силу, влияние ее было ограниченным. Успешно восстановились зато другие партии, не только социал-демократическая и буржуазные, но и более правые. Весь их аппарат пропаганды был направлен против Советского Союза, ГДР, коммунистических партий в ГДР и ФРГ. Затем Западный Берлин превратился в камень преткновения. Нарушились былые взаимоотношения союзников по борьбе против гитлеризма. Запад через Западный Берлин начал проводить подрывную работу в ГДР. Это удавалось довольно легко, потому что и там, и там немцы, вопрос о языке, культуре и внешних национальных признаках при засылке агентов не существовал. К тому же имелись свободный проезд и свободное общение между Западным и Восточным Берлином – границы не было. ГДР тоже обладала возможностью посылать своих агентов в ФРГ, но в большей степени этим пользовались с западной стороны.

Встал вопрос: как вести борьбу против западного влияния? Самый нормальный и правильный метод борьбы – сра-

жение за умы людей уровнем развития культуры, политической линией и созданием более благоприятных условий жизни, чтобы люди имели возможность сделать свободный выбор. Но в тех условиях реально свободного выбора не было. Западная Германия – богатая, с большим промышленным потенциалом, сырьевыми ресурсами и производственными мощностями довлела. К тому же она опиралась на промышленность и финансы других стран Запада, включая не разоренные войною США. Запад задался целью превратить Западный Берлин в зеркало хорошей жизни, в витрину капиталистического мира, с тем чтобы привлекать к себе людей из Восточной Германии и вовлекать их в борьбу против социалистических мероприятий, проводимых в ГДР. Кажется бы, тут дозволенное средство. Каждый человек имеет возможность выбора по своим убеждениям, идет борьба за умы. Однако фактического равенства не существовало. СССР сам нуждался тогда в самом необходимом. Требовалось восстановить разрушенные города и села, машиностроительные и металлургические заводы, шахты, уничтоженное жилье. Ураган войны подорвал нашу экономику. Поэтому мы не могли вступить в соревнование на равных, противопоставить свои материальные ресурсы ресурсам Запада.

Западная Германия стала более привлекательной, чем ГДР, особенно для инженеров, врачей, преподавателей, высококвалифицированных рабочих. Они частично потянулись в ФРГ. Другие просто ехали к своим прежним хозяевам,

бежавшим на Запад, а за собой потянули более мелких сошек. Условия жизни в ГДР ухудшались. Сталин решил оборвать этот поток, установив блокаду Западного Берлина на сухопутных средствах сообщения. Он хотел «нажать» на Запад, создать единый Берлин и закрыть границы Восточной Германии. Когда был прекращен доступ в Западный Берлин с запада, это привело к большому обострению обстановки. Запад мобилизовал все свои силы. США создали «воздушный мост», авиацией завозя все для поддержания прежнего уровня жизни в Западном Берлине. Там ограничений не возникло.

Отношения между бывшими союзниками накалились. Сталин не исключал того, что противостояние может вылиться в военный конфликт. Советская Армия была приведена в боевое состояние. В любую секунду, получив приказ «Огонь!», зенитная артиллерия вокруг Москвы была готова к отпору воздушного противника. Тогда же Сталин убоился вдруг того, что на Болгарию готовится нападение со стороны Турции. Были срочно вызваны болгарские руководители для форсирования контрподготовки. Военные планировали, какие мероприятия следует срочно предпринять. Сталин тогда чувствовал себя не совсем уверенно и не считал, что если развяжется конфликт, то мы сможем справиться со всеми трудностями. Вопрос стоял не о наступательных операциях против Запада, а об оборонительных на границе Советского Союза с Турцией. Холодная война в эфире и в печати велась

полным ходом. Все не щадили для нее ни сил, ни средств.

Потом Сталин, убедившись в действенности «воздушно-го моста», решил прозондировать возможность ведения переговоров для ликвидации конфликта из-за Западного Берлина. Запад согласился. По дипломатическим каналам были выделены особоуполномоченные. Они подписали соглашение, и блокада была снята. После смерти Сталина, когда мы стали заниматься проблемой Западного Берлина, выяснилось, что условия, которые были записаны в новом соглашении, оказались для нас тяжелее, чем Потсдамские. Запад сумел, используя напряжение, навязать условия, которые были более благоприятны ФРГ, чем ГДР. К тому времени ГДР уже вступила на путь строительства социализма. Раскол Германии усилился.

Несомненно, историческое значение марксистско-ленинского учения и возможности, которые это учение предоставляло и предоставляет для всех стран мира, для трудового народа, понимает передовая часть общества, передовая часть рабочего класса и интеллигенции, но, к сожалению, на каком-то этапе вопрос идеологии решается «брюхом», глядя на витрины магазинов, цены и заработную плату. Тут мы не имели возможности тягаться с Западом, тем более с Западным Берлином, куда капитализм просто бросал подачки, чтобы резко противопоставить материальную обеспеченность западных берлинцев восточным.

Впервые мы резко столкнулись с этими трудностями в

июне 1953 г., когда в Берлине и других городах ГДР возникли волнения¹³⁶. Мы были вынуждены использовать танковые войска. Оружие в ход не пускалось, но боевая техника стояла на улицах. После этого на Западе в открытую заговорили о том, что политика правительства Восточной Германии проводится в опоре на Вооруженные Силы СССР. В какой-то степени это, безусловно, отражало сложившееся положение. Но не полностью. Были, например, лидеры партий в ГДР, оказавшиеся во время тех событий на Западе¹³⁷. Однако они не захотели воспользоваться моментом и вернулись в ГДР. Коалиция Социалистической единой партии Германии с другими партиями продолжала действовать¹³⁸. Было отрадно, что и другие партии в ГДР пользуются доверием народа. Какая-то часть немцев вела, опираясь на западную пропаганду, борьбу против социализма в ГДР, но усилия этих людей не имели успеха, и их акции провалились.

Мне приходилось несколько раз бывать в Восточной Гер-

---

¹³⁶ 17 июня 1953 г.

¹³⁷ На Западе, точнее в Западном Берлине, оказался лидер Христианско-демократического союза Восточной Германии Отто НУШКЕ. Позднее он заявил, что его похитили, и возвратился в Германскую Демократическую Республику.

¹³⁸ Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) возникла в 1946 г. в результате слияния Коммунистической партии Германии во главе с Вальтером УЛЬБРИХТОМ и Социалистической партией Германии во главе с Отто ГРОТЕВОЛЕМ. Германская Демократическая Республика на территории Советской зоны оккупации Германии ведет свое начало с октября 1949 г. в ответ на провозглашение в сентябре 1949 г. Федеративной Республики Германии в зонах оккупации западными союзниками (США, Великобританией и Францией).

мании. Я ездил по ее городам, бывал на предприятиях, в сельских местностях и госхозах. Признаться, меня приятно поразило теплое отношение немцев к нашей стране. В первый приезд, в 1955 году, мы ехали на автомашинах с Вальтером Ульбрихтом¹³⁹ и другими товарищами с аэродрома. На улицах Берлина было очень много народа. Я, признаться, такого и не ожидал. После кровопролитной войны, которая прошла между нашими народами, я считал, немцы долго не смогут ее забыть. Хотя виновником был Гитлер, но Гитлера уже нет, а страдания достались народу, он понес жертвы. Думаю, что в каждом доме там имелись потери. Я исключал какую-то антисоветскую демонстрацию, открытую враждебность, но встречу молчанием и холодными взглядами считал неизбежной. Однако увидел другую картину. Немцы встречали нас радушно и, я бы сказал, искренне. На меня смотрели люди с приятными открытыми улыбками. Встречались и колкие взгляды из-под бровей, но таких было мало. Это меня обрадовало. Значит, у нас могут наладиться добрые отношения, и они могут перерасти в дружеские.

---

¹³⁹ УЛЬБРИХТ Вальтер (1893–1973) – столяр. В 1912 г. вступил в Социалистическую партию Германии. Один из основателей Германской компартии и с 1923 г. член ее ЦК. В 1933 г. эмигрировал, сначала во Францию, а после ее оккупации Германией – в СССР. После возвращения в Германию с 1945 г. работал на различных государственных и партийных должностях. С 1950 г. генеральный (первый) секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), с 1971 г. почетный председатель. С 1960 г. председатель Государственного Совета Германской Демократической Республики (ГДР).

В другой раз мы ездили по стране вместе с Гротеволем¹⁴⁰. Это было летом, в августе 1957 года. Мы встречались с крестьянами на полях, побывали и на химическом предприятии. В клубе собралось человек 100. Докладывал о продукции завода инженер. Мне Ульбрихт говорил, что это талантливый человек, хорошо настроенный и честно работающий в социалистической Германии. Когда официальные переговоры кончились, а мы сидели за столиками, начались разговоры на вольные темы. Пользуясь такой возможностью, немцы задавали всяческие вопросы нашей стороне, в то время оккупантам. Подняли и такой вопрос: какова перспектива развития ГДР и создания единого немецкого государства? У интеллигенции ГДР были сильны устремления на национальное объединение. Люди, которые ставили эти вопросы, не считались с социально-политическими условиями разных систем: Западная Германия развивалась в капиталистических условиях, Восточная Германия приняла решение о строительстве основ социализма. Социальную проблему эти люди затушевывали, а на первый план выдвигали национальную, ставя целью создать единое германское государство.

Мы, и я в том числе, разъясняли, что воссоединение двух Германий – наша главная цель. Только на какой основе? Ес-

---

¹⁴⁰ ГРОТЕВОЛЬ Отто (1894–1964) – социал-демократ с 1912 г., председатель Центрального правления Социал-демократической партии Германии с 1945 г., с 1946 г. член его Секретариата, с 1949 г. член Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии, в 1946–1954 гг. один из двух председателей СЕПГ, премьер-министр ГДР с 1949 г.

ли бы можно было добиться объединения на социалистической основе, то не только не возникло бы возражений, а наоборот, нами все силы были бы приложены к тому, чтобы сделать это как можно быстрее. Однако руководители Западной Германии стояли на противоположных позициях и добивались объединения на капиталистической основе. Поэтому надо взвесить, кто и что потеряет при таком объединении. Помню в этой связи другое собрание, на котором присутствовали и женщины, не работавшие на данном предприятии, но жители того же города. Мои слова их огорчили. Видимо, они не особенно были привязаны к строительству социализма и боялись, что граница на длительный период или навечно разделит Германию. Все они имели своих родственников и знакомых в Западной Германии и понимали, что наступит время, когда возникнут условия, которые не позволят им общаться. И все же значительная часть присутствовавших нас поддержала. Конечно, я понимал, что на собрании были главным образом активисты СЕПГ, так что эта реакция не вызвала во мне особого удивления.

Товарищ Ульбрихт предложил: «Давай пригласим и людей из Западного Берлина на беседу». Тогда четких границ между двумя Берлинами еще не было, собратиться не составляло труда. Существовали связи с общественностью Западного Берлина, вечером собралось человек 100. Мы организовали кофе, было и пиво. Как обычно на немецких собраниях, желающие курили. Пришли люди интеллигентного труда

и рабочие, очень много социал-демократов. Завязалась беседа. Там я почувствовал признание ими прогрессивного начала, идущего от наличия ГДР. Социал-демократы говорили, что она прокладывает новый путь всему немецкому народу. Одна старая женщина высказалась так: «Я социал-демократка с такого-то года, столько-то лет в партии, и я рада, что дожила до времени, когда осуществляются наши идеи на немецкой земле, на территории Германии строится социализм. Поэтому, хотя мы живем в Западном Берлине, мы приложим все усилия для успешного развития социализма в ГДР».

Помню и еще один мой визит в ГДР. Тогда я возглавлял советскую делегацию, посетившую в марте 1959 года Лейпцигскую ярмарку, кстати, отлично организованную. Присутствовали не только фирмы социалистического мира, но и из западных стран. Ярмарка производила сильное впечатление, была богатой. Потом в городе состоялся митинг. Да, митинги мы научились проводить хорошо, но было приятно, что на том митинге произносились слова о признании прогрессивного начала, идущего от ГДР и СССР. Вскоре товарищ Ульбрихт вновь предложил встретиться с социал-демократами и беспартийными рабочими Западного Берлина. Нас пригласили в большое помещение клуба. Собрание было хорошо организовано. Фраза каждого оратора сейчас же переводилась и поступала к слушателям через наушники. Выступали рабочие, включая, социал-демократов. Все они горячо под-

держивали Германскую Демократическую Республику. Мне это очень понравилось. Думаю, что среди них были и противники социалистического строительства в Германии, но эти не выступали. Условия ведения собрания были вполне демократичны, так что они тоже могли бы выступить, но я контр-речей тогда не слышал.

Я и сейчас понимаю, и тогда понимал, что большинство населения в Западной Германии стоит на капиталистических позициях. Это отражается и в малочисленности Коммунистической партии Германии¹⁴¹. Даже в легальных условиях существования она на выборах собирает ничтожное количество голосов. Все свидетельствует там о том, что капитализм цепко держит умы людей и хорошо может вести их за собой. Тем не менее, наши встречи показали, что в Германии прогрессивные силы постепенно возрастают. По-моему, товарищи в ГДР коллективизацию хорошо провели. Ее проведение в немецких условиях — очень сложная политическая операция. Немецкое сельское хозяйство всегда было на высоком уровне, и крестьянину-немцу трудно переварить линию на кооперирование хозяйств. А властям трудно доказать ему необходимость отказа от личного хозяйства и перехода на социалистические рельсы. Несмотря на социальные трудности и национальные особенности, немецкие товарищи, я

---

¹⁴¹ КПГ возникла 1 января 1919 г. Ее члены в Восточной Германии вошли в 1946 г. в СЕПГ. В Западной Германии КПГ вновь оформилась организационно в 1948 г., а в 1956 г. была запрещена. Германская коммунистическая партия вместо нее была основана там в 1968 г.

бы сказал, блестяще справились с этим делом. Сравним его с проведением коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе. У нас она сопровождалась арестами кулаков и другим административным нажимом. У немцев ссылать кулаков было некуда, да они и не высылали никого и никуда. Немецкие крестьяне сами постепенно пошли в кооперативы, которые стали хорошо работать¹⁴².

Политическое положение в Европе оставалось нестабильным. Это передавалось и ГДР. Любое колебание температуры мировой политической атмосферы прежде всего сказывалось там, где сосредоточены противоречия сторон. А это в первую очередь – Западная Германия и Восточная Германия. Они служили своего рода термометром. Мы искренне хотели добиться заключения мирного договора с Германией и считали, что можно достигнуть этой цели. Решили разработать и предложить такие условия подписания договора, которые закрепили бы создавшееся фактическое положение. Если Потсдамские соглашения по Германии принимались как временные, то теперь предстояло выработать постоянные. Они должны были закрепить статус-кво, чтобы капиталистическая часть Германии и социалистическая были обе признаны самостоятельными. Западный же Берлин пусть существует отдельно, на особом статусе вольного города.

---

¹⁴² Рекомендации приступить к широкому созданию кооперативов в ГДР дала III конференция СЕПГ в марте 1956 г. Возникали кооперативы разного типа. Производственное кооперирование крестьян в ГДР завершилось в 1966 г., хотя об этом завершении объявили ранее.

Я форсировал разработку этого вопроса, переговорил лично с товарищем Ульбрихтом. Но, когда я ему изложил свои предложения и условия заключения мирного договора с западными державами, он отнесся к ним скептически, особенно к предложению о вольном городе. Я ответил, что и сам считаю, что это очень сложное условие и что, возможно, при мирных переговорах оно не будет принято, однако другого предложения у нас нет. Мы же не можем уступить и отказаться от своих завоеваний, создавая на капиталистической основе единую Германию. А другая сторона социализм не примет. Надо рассуждать реально и принимать создавшиеся условия, разумно подойти к решению вопроса и вместе с Западом принять окончательное решение. Ульбрихт ответил: «Имелся прецедент. Данциг был когда-то вольным городом, и что из этого вышло?» Я ему: «Теперь должно выйти! Многого пока не получится. Может быть, мы не добьемся полного согласия от наших бывших западных союзников на своих условиях. Но надо искать взаимоприемлемую разумную основу. Мы должны гарантировать независимость Западного Берлина, записать это в договоре и заручиться согласием ООН. Пусть Западный Берлин станет нейтральным городом с социально-политическими условиями, зависящими от желания его жителей. Должно гарантироваться полное невмешательство во внутренние дела вольного города и с той, и с другой стороны». Западный Берлин живет подачками Западной Германии и США, его жители не имеют возможно-

сти сами существовать и поддерживать должный экономический уровень. Мы предложили взять на себя обязательства давать заказы, которые бы выполнялись промышленностью Западного Берлина. Эти средства обеспечили бы высокий жизненный уровень живущих в Западном Берлине. Кроме того, мы предлагали перенести штаб Объединенных Наций из США в Западный Берлин. В результате Западный Берлин получил бы большой источник дохода, кроме того, он получил бы политическую страховку. Нас обвиняли, что мы стремимся ликвидировать самостоятельность Западного Берлина. Этим предложением мы хотели доказать, что этой цели не преследуем. Таким образом, мы предлагали связать Западный Берлин с Объединенными Нациями, и мы, как члены ООН, должны были бы уважать и придерживаться принятых на себя обязательств. Подискутировав, мы пришли к согласию.

После этого мы предложили совместно министерствам иностранных дел СССР и ГДР разработать конкретные предложения. Главное мы взяли на себя, но считали, что будет лучше, если разработкой именно конкретных предложений займутся немецкие товарищи. Они чувствуют местную специфику. Мы были заинтересованы в том, чтобы немцы не только одобряли наши предложения, но и сами участвовали в их разработке. Затем мы разослали наши предложения США, Франции, Англии, послали и в Западную Германию,

предложили их обсудить¹⁴³. Запад не согласился с нашими предложениями, отверг их. Ничего у нас конкретного так и не получилось, не удалось создать более стабильное положение в центре Европы. Западный Берлин остался источником трений и обострений между странами социализма и странами капитализма. Таким образом, мина замедленного действия, заложенная в Западном Берлине, способна принести неприятности не только нашим странам, но и привести к мировому пожару. Тут сказалась неразумная политика наших партнеров. К сожалению, никакие наши доводы не повлияли на них, и они все-таки сохранили Западный Берлин в таком положении, в каком он сейчас находится¹⁴⁴. Когда сработает эта мина, никто сказать не может, но последствия могут быть довольно тяжелыми.

Мы тогда стали думать, как же быть дальше? Вероятно, надо проявлять больше активности. Назначив срок встречи по германской проблеме, мы заявили, что если некоторые страны не захотят начать переговоры о Германии, то мы будем вести переговоры с теми, кто заинтересован в решении

---

¹⁴³ 10 марта 1952 г. СССР обратился к правительствам западных держав с нотой об основах мирного договора с Германией. 15 августа 1953 г. СССР направил западным державам ноту о созыве мирной конференции для заключения германского мирного договора, создания Временного всегерманского правительства и проведения свободных выборов в Германии.

¹⁴⁴ 25 января – 18 февраля 1954 г. в Берлине на совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции западные державы отклонили советские предложения.

проблемы и хочет решить спор, доставшийся в наследство от второй мировой войны. Нами была проявлена очень большая активность через печать и телевидение. Однако по всему заранее было видно, что западные страны на решение проблемы не пойдут. Тогда мы, стремясь нажать на них, пригрозили, что если Западом не будет подписан мирный договор с Восточной Германией, то его подпишут только социалистические страны и все другие, заинтересованные в решении проблемы. Тогда изменится и статус Восточной Германии, а вопросы доступа в Западный Берлин будут решаться впредь Германской Демократической Республикой. Это, конечно, создавало бы трудности для западных держав. Получалась опять блокада. Правда, мы говорили, что более блокаду мы не будем организовывать и гарантируем доступ в Западный Берлин и из Западного Берлина. Но хотели, чтобы условия доступа в Западный Берлин были бы обсуждены и выработаны всеми заинтересованными сторонами, включая условия перемещения по территории ГДР. Следовательно, страна, которая захочет иметь связь с Западным Берлином, должна войти в дипломатические отношения с ГДР и договориться об условиях доступа в Западный Берлин.

Сразу же Англия, Франция и США выступили с заявлением о неприемлемости наших предложений и предупредили, что будут отстаивать свои права, вытекающие из Потсдамских соглашений¹⁴⁵. К тому времени Западная Герма-

---

¹⁴⁵ Речь идет о той части соглашений, в которой предусматривались основ-

ния уже набрала большую экономическую мощь, входила в состав НАТО, создала многочисленные вооруженные силы. Конечно, они ни в коей мере не могли равняться с нашими, тем не менее свершившиеся перемены надо было учитывать, ибо ФРГ стала самым сильным в Европе государством, обогнав и Францию, и Англию и играя заметную роль в экономике и политике Западной Европы. Экономический подъем в ФРГ тогда называли «немецким чудом». В печати приписывали это чудо Людвигу Эрхарду¹⁴⁶, который одно время возглавлял правительство ФРГ и много занимался ее экономикой. Заработная плата рабочих там существенно возросла по сравнению с зарплатой в ГДР и других социалистических странах. В Западную Германию потянулись рабочие из Италии, Югославии, Турции, прочих стран. Конечно, потянулись туда люди и из ГДР, особенно наиболее квалифицированные. Стала бежать интеллигенция. Ушло много врачей, студентов и просто абитуриентов, окончивших средние школы. В ГДР они получили образование, а в ФРГ – работу.

ные направления общей политики держав-победительниц в отношении Германии, рассматривавшейся как «единое экономическое и политическое целое».

¹⁴⁶ ЭРХАРД Людвиг (1897–1977) – экономист и государственный деятель. Участник Первой мировой войны, ранен. Окончил Франкфуртский университет. Наукой Эрхард начал заниматься накануне Великой депрессии конца 1920-х – начала 1930-х гг. С 1945 г. государственный министр экономики Баварии, с 1948 г. реализовывал свой план реформ, основанный на либерализации экономики. После образования ФРГ он, христианский демократ, – министр экономики в правительстве Конрада Аденауэра (1949–1963) и творец немецкого «экономического чуда». Его преемник на посту федерального канцлера в 1963–1966 гг.

Перебежало немало инженеров.

Экономика ГДР тоже находилась на подъеме, но она не могла соревноваться с экономикой ФРГ. Образовавшееся в связи с этим тяжелое положение все более обострялось. В этих условиях продолжалась борьба за мирный договор с двумя Германиями. Когда пришел назначенный нами срок заключения договора, мы поняли, что ничего из этого не получится. Мы стремились создать крепкие основы мирного сосуществования, а дело шло, возможно, даже к военному конфликту. Я лично не ожидал вооруженного столкновения, хотя бы и в случае одностороннего подписания мирного договора с ГДР. Но у нас никаких спорных вопросов с ГДР не существовало в силу единого понимания путей развития. К тому же обе стороны находились в рамках Организации Варшавского договора. Поэтому не было смысла односторонне подписывать мирный договор, если мы не хотели обострить отношения с Западом до крайности. Посоветовавшись, мы отложили подписание договора на неопределенное время.

Немецкие товарищи поставили вопрос о большой нехватке рабочей силы. Ворота в Западный Берлин были открыты. Стали уходить и крестьяне, в госхозах дисциплина ослабла, они начали хуже работать. Это раскачивало позиции Ульбрихта. Когда мы повстречались с ним, я почувствовал, что у него появилась неуверенность в будущем. Чтобы как-то разрешить проблему, он поставил вопрос о выделении ему рабочей силы из СССР. Тогда я спросил его: «Хорошо, Валь-

тер, каких ты хочешь получить рабочих? Квалифицированной рабочей силы у нас не так много. Сами нуждаемся в ней. Да и вряд ли ГДР она нужна». — «Нет, — говорит, — нам необходимы подсобные рабочие». — «Вальтер, пойми наше положение, — возразил я. — Мы провели тяжелую войну с фашистами, которые разгромили наши промышленные центры, города и села, дошли до Сталинграда и Северного Кавказа, мы понесли огромные потери, а теперь победители будут чистить нужники в Германии? Это заденет самолюбие наших людей. На это мы пойти не сможем». — «Да, — согласился Ульбрихт, — я понимаю, что для СССР это будет трудно». — «Нет, не просто трудно, а невозможно. Надо искать другой вариант».

Мы посидели и разошлись, ничего не решив. Договорились хорошенько еще подумать, как быть. Я долго искал выход. Самый простой выход и для нас самый приятный — экономическое опережение Западной Германии: добиться более высокой производительности труда, высокой доходности, высоких заработков в ГДР. Это сделает жизнь в ней более привлекательной и окажется здоровой основой соревнования двух систем. К сожалению, такие условия соревнования тогда не получились. Нужно время. Тот же вопрос стоит и сейчас. Еще и сейчас мы не можем, к сожалению, сказать, что опережаем на всех участках капиталистический мир. Мы развиваемся, но прогрессирует и капитализм.

Требовалось быстрое и конкретное решение. Раз мы не

можем решить вопрос о соревновании в экономике, то остается путь политической инициативы. Появилась необходимость создать государственное регулирование перемещения людей из ГДР и в ГДР. Даже мирный договор в этом плане немного бы нам дал. Ведь в проекте мирного договора, подготовленном нами, оговаривался статус Берлина как вольного города. А это означало открытие его ворот. Получалось, что Западная Германия сама будет регулировать миграцию, разрешать или не разрешать въезд гражданам ГДР в Западный Берлин, а из Западного Берлина – в ФРГ. Едиными правами станут пользоваться все немцы. На плечи Ульбрихта легла тяжелая ноша. Если бы все продолжалось, как прежде, то я и не знаю, чем бы это могло закончиться!

Другие страны имели свои границы, свои законы и вольны были решать как внутренние, так и внешние дела в интересах своей страны. Германская Демократическая Республика не имела таких прав, не имела возможности решать свои внутренние вопросы, а имела под боком более экономически сильного противника. Тем более что это те же немцы, только живущие в Западной Германии, тот же язык, та же культура.

У некоторых товарищей бывает короткая память. Такие могут сказать, что я сгущаю краски. Нет, не сгущаю! Постепенно у меня созрела мысль, как закрыть лазейку в Западный Берлин. Действует соглашение о том, что можно свободно въезжать и выезжать в любую зону Берлина. А он был разделен на четыре сектора с четырьмя комендантами: фран-

цузским, английским, американским и советским. Я и сам однажды воспользовался правом проезда, когда в 1946 году побывал в Западном Берлине, нигде не останавливаясь и не выходя из машины: заглянул лично через ее окно в лицо капиталистического мира. Что же делать? Звоню нашему послу Первухину, прошу его взять карту Берлина, изучить ее и отметить, как конкретно проходит граница между ГДР и Западным Берлином, после чего прислать мне, соблюдая строгую секретность. И вот получил я карту (в то время я отдыхал на Кавказе), но малопонятную. Пришлось просить другую, у наших военных, подготовленную в штабе советских войск в Берлине, с приложением мнения Ульбрихта. Ульбрихт полностью согласился с идеей прочного размежевания двух Берлинов и обрадовался ей. Я уже рассказывал об этом раньше, когда говорил о встрече с президентом Кеннеди в Вене.

Затем я уточнил места, где можно будет установить контрольные ворота, и вызвал к себе на юг специалистов из Министерства иностранных дел. Я нередко приглашал к себе во время отдыха различных специалистов, когда нужно было обменяться мнениями по каким-то вопросам или подготовить документы. Пригласил, в частности, Громыко и его заместителя, который вел дела по Германии. Им был тогда Семенов¹⁴⁷. Он хорошо разбирался в тамошней ситуации.

---

¹⁴⁷ СЕМЕНОВ Владимир Семенович (1911–1992) – ответственный сотрудник Центрального аппарата МИД СССР, много лет имевший отношение к герман-

Разработали мы необходимые предложения, и я вернулся в Москву. Потом мы их обсудили на закрытом заседании Президиума ЦК КПСС. Иных мнений не возникло, поскольку к тому времени из ГДР ушла в ФРГ масса народу, около миллиона, если не больше. Очень чувствительны были потери. Ушли, как говорится, самые сливки. Старики и неквалифицированные рабочие не уходили никуда. Я не говорю о коммунистах. У них главной была идейная сторона. Я говорю о людях, которые принимали решение не на основе своего политического умозрения, а основываясь на экономических выгодах сегодняшнего дня. А таких людей было немало. К сожалению, немало их и сейчас. Даже в Советском Союзе такие люди сейчас бы тоже нашлись.

В августе 1961 года на совещании секретарей ЦК братских коммунистических партий и председателей Советов Министров стран – участниц Варшавского договора в Москве мы изложили проблему, как понимали ее. Все согласились с нами и высказали восторженную уверенность в том, что мы успешно проведем мероприятие, а западные страны проглотят этого ежа, хотя мы явно шли на нарушение порядков, установленных Потсдамскими соглашениями.

ским делам: в 1940–1941 гг. советник полпредства в Берлине; в 1945–1946 гг. заместитель политического советника и до 1949 г. политический советник советской военной администрации в Восточной Германии; до 1953 г. политический советник Советской контрольной комиссии в Германии; до 1954 г. Верховный комиссар СССР в Германии и посол в ГДР; до 1978 г. заместитель министра иностранных дел СССР; далее – посол в ФРГ до 1986 г.

ями. Но имелась и аргументация, которая давала нам право рассчитывать на понимание наших действий широкими кругами западной общественности: наши действия производились в интересах укрепления мира, они не нарушали созданных границ, военные лица западных держав сохраняли право проезда через контрольные ворота на территорию ГДР и в восточный сектор Берлина. Только перемещения гражданского населения отныне контролировались по нашему и ГДР усмотрению. Однако в соответствующих параграфах Потсдамских соглашений не упоминалось о гражданском населении и говорилось лишь о правах держав-победительниц, а этих прав мы не нарушали. Разрешение перехода границы населению ГДР и Западного Берлина есть составная часть государственного суверенитета и требует рассмотрения обычным путем, как принято в мировой дипломатической практике. Мы и тут ничего нового не внесли, а только распространили это на ГДР. Западные страны ее еще официально не признали, хотя и вели с ней торговлю уже много лет. Поэтому мы полагали, что все у нас пройдет гладко. Возможно обострение, но до военного конфликта не дойдет.

Мы разработали тактику. Я ее предложил. На меня и тогда вешали собак за эту акцию. Но я и сейчас считаю свои действия правильными и горжусь этим. Я горжусь, так как эта акция была направлена на обеспечение и укрепление отношений мирного сосуществования, на укрепление позиций социалистической Германской Демократической Республи-

ки. Согласно плану, восточные немцы должны были подготовить воинские части у границы, отобрав туда лучших солдат. Это граница особенная, граница в городе. В конфликт на границе входили немцы против немцев. Мы не хотели, чтобы на границе стояли советские войска. Это функции самих немцев. К тому времени большинство функций, которые ранее осуществлял Советский Союз как оккупационная держава, мы передали Германской Демократической Республике, в том числе охрану границ. Западные немцы тоже сами охраняли свои границы.

Наши войска стояли и стоят сейчас в тылу. И здесь мы предложили, чтобы границу заняли немцы. За немцами должна была стоять цепочка советских войск в полном вооружении. Пусть Запад видит, что хотя немцы стоят довольно жиденькой цепочкой и разорвать ее не представляет больших усилий, но тогда вступят войска Советского Союза.

На местах контрольно-пропускных пунктов мы заранее подготовились к быстрому перекрытию, сделав временные преграды для проезда с пропусками для представителей западных держав. У шлагбаума становился наш офицер, и они проезжали без задержки. Как только мы все сделали, наш комендант известил союзников о новых порядках, установленных на границе ГДР.

Мы ожидали с некоторой тревогой, как все пройдет. 13 августа 1961 года – для меня памятная дата. Дело прокрутилось очень гладко. Представители западных держав пере-

секали границу беспрепятственно, однако мы условились, что ГДР будет контролировать их поездки и госбезопасность ГДР станет наблюдать, по каким делам и зачем они приехали. Это, конечно, было неприятно для наших бывших союзников, но они ведь тоже нам делали неприятности: не пошли на подписание мирного договора, упорствуют, хотя Западный Берлин по большому счету им не нужен.

Более того, проводят в Западном Берлине незаконные собрания и заседания бундестага ФРГ. Это политическая демонстрация, демонстрация претензий де-факто на Западный Берлин и включение его в состав ФРГ, демонстрация против стран – участниц Варшавского договора. Так что долг платежом красен.

Мы ожидали, что пройдет день, другой, третий и положение стабилизируется. Запад вынужден будет признать новое положение на границе. Естественно, был большой шум. Западные газеты и радио запугивали нас, требовали отбросить наши войска и прочее. Но мы были уверены, что это лишь словесная война, что у Запада нет оснований доводить дело до настоящей войны. К тому же мы в то время располагали уже такими вооруженными силами, которые приводили к раздумьям наших противников, пожелай они решать спорные вопросы путем войны. У нас имелись атомные и водородные бомбы, ракеты разного действия, в том числе и межконтинентальные. Мы выросли из школьных штанишек, и если воспользоваться аргументацией угроз, то обладали воз-

возможностью противопоставить Западу свои угрозы. Запад это понимал и держался в рамках именно словесной войны. И мы равным образом отвечали через печать.

Установление контроля на границе ГДР благоприятно сказалось на ее экономике и на политической стороне дела. ГДР обрела огромную выгоду от того, что ранее Западный Берлин пользовался коммунальными услугами фирм в Восточном Берлине, а теперь за это понадобилось платить. Кроме того, жители Западного Берлина покупали ранее целый ряд продуктов в Восточном Берлине, где они были дешевле, в первую очередь мясо, масло, овощи. Потери ГДР исчислялись прежде десятками миллионов марок. Теперь же сразу уменьшился спрос, потому что со снабжения как бы было снято население Западного Берлина. Там народу жило больше, чем в Восточном, а продукты ГДР шли только для населения Восточного Берлина. ГДР испытала экономическое облегчение. Установление границы по-хорошему подействовало и на сознание людей, укрепило в них уверенность, что социалистическое строительство в ГДР есть не временное явление, как вещала пропаганда Запада. Немцы вообще любят порядок, и вот они увидели, что правительство ГДР заботится о контроле над границей, укреплении трудовой дисциплины, упрочении своего государства.

Случались инциденты. Возникали попытки перехода из ГДР на Запад. Некоторые инциденты имели неприятный исход. Но граница есть граница, и пограничники, когда она

нарушалась, применяли соответствующие средства. Другая трудность заключалась в том, что рабочие, которые трудились в Западном Берлине, а проживали в Восточном, оказались без работы. Но так как в них Восточная Германия нуждалась, то с этим легко справились, предоставив им возможность работать в Восточном Берлине. Не помню точно, как решился вопрос с общим метрополитеном. Прежде он действовал на всех подземных трассах Берлина. Знаю лишь, что и с этой проблемой правительство ГДР справилось. Так был установлен новый порядок, которому все должны были подчиняться.

Отдельно скажу о воздушных сообщениях. Вначале самолеты западных стран свободно пользовались аэродромом на территории ГДР. Когда был установлен контроль над использованием аэродромом, западные державы избежали его, перейдя на использование аэродромов Западного Берлина. В воздухе тоже случались неприятные инциденты. Еще при жизни Сталина западные самолеты не раз нарушали воздушные границы СССР. Наши истребители облетом требовали приземления этих самолетов, а те, которые отказались подчиниться, сбивались. Возникла перепалка в печати и даже в дипломатических нотах. Я считаю, что мы правильно проявили твердость, заставив западные державы считаться с нами и уважать суверенитет СССР. После смерти Сталина тоже имели место несколько случаев нарушения наших воздушных границ, и опять самолеты-нарушители сбивались.

Американцы сделали правильный вывод и запретили своим летчикам перелетать границу ГДР. Этот приказ был опубликован в открытой печати.

Границы СССР они вновь стали нарушать, когда у них появился самолет У-2, летавший на высоте, недоступной ни для нашей зенитной артиллерии, ни для наших истребителей. Тут они летали и до Киева, и дальше. То были разведывательные полеты. Мы заявляли несколько раз протесты, но потом прекратили протестовать, ибо это не давало никаких результатов, а, наоборот, поощряло их: они в протестах видели наше бессилие и, пользуясь своей безнаказанностью, издевательски отвечали нам, что никаких таких полетов вообще не было. И мы не могли предъявить доказательства, потому что раз не сбили, то нечем и доказывать. И над Чехословакией тоже летали самолеты из Западной Германии, но не разведывательные высотные У-2, а те, которые оставались в пределах досягаемости зенитной артиллерии. И мы приказали открывать огонь. Потом и там полеты прекратились. Был также случай, когда какой-то самолет английской авиакомпании, нарушив границу, оказался над территорией Болгарии. Он был пассажирским. Болгары сбили его, возник крупный инцидент. Но болгары были правы, говоря, что им неизвестно, пассажирский ли самолет или нет. Летит без предупреждения, попал в чужую зону, ему предложили посадку, он не соглашается. Тут страна, которая оберегает свое воздушное пространство, имеет право открыть огонь. К сожа-

лению, там погибло много людей. Самолет, видимо, залетел случайно, направляясь в Турцию. Однако это не болгарская вина, а вина летчика, который утратил ориентировку и не подчинился международным правилам.

Я говорю это к тому, что западные державы вообще вели себя нагло. Там, где они чувствовали, что наглость ненаказуема и нам ее не пресечь, они не считались с нашим суверенитетом и не щадили нашего самолюбия. А мы были вынуждены проглатывать горькие пилюли, которые нам преподносили, главным образом США. Но даже когда усилился контроль на границах ГДР, мы не снимали своих предложений о заключении мирного договора с Германией. При этом давались все гарантии сохранения внутреннего устройства и свободной жизни в Западном Берлине как вольном городе. Мы продолжали настаивать на своих предложениях. Запад их отвергал и требовал снятия заграждений на границах.

Какие контрмеры они могли предпринять? Мы не исключали и насильственных. Пустят бульдозеры, снесут рогатки... Сразу же после установления контроля некоторые грузовые автомашины прорывались оттуда на полном ходу, проскакивая кордоны и снося заграждения. Чтобы такого не повторялось, были возведены солидные укрепления. Акция по их разрушению имела бы серьезные последствия. И в американской печати стали появляться материалы, содержавшие зерно здравого понимания сложившихся условий: предупреждали, что путем угроз ничего не добьешься, а применение

силы может привести к серьезным последствиям, вряд ли целесообразно идти на риск военного столкновения. Некоторые западные авторы, поскольку они все это связывали с моим именем, писали так: Хрущев добивался заключения мирного договора. Запад отказался, и в результате установления контроля на границе ГДР Восток получил все, чего хотел, и даже больше, чем мог бы получить, если бы был подписан мирный договор. И это абсолютно правильно. Поэтому мы были морально удовлетворены, создав те условия, которыми должно пользоваться государство, обладающее суверенными правами.

Критики из рядов буржуазного общества могут сказать, что тут поддерживается суверенитет установлением закрытых границ, а не в результате свободного выбора людей. То есть способ принуждения жить в том раю, из которого человек уйти хочет, но не может, потому что границы охраняются войсками. Да, я понимаю, что здесь наш недостаток. Но считаю, что временный недостаток. Мы очень хотим создать свободный переход через границу в любом направлении, но при каких обстоятельствах? При диктатуре рабочего класса абсолютной свободы не может существовать. Да и в других странах, которые кичатся полной свободой, если разобраться, такой свободы тоже нет. Но мы бы как раз хотели создать такие условия, если бы у нас к тому имелись материальные возможности, потому что любой человек не должен чувствовать моральную скованность, угнетенность и несво-

боду. Требуется развитое понимание идеи человеческой свободы. Большинство же народа пока оценивает свободу или несвободу по тому, сколько, чего и почему он может купить. К сожалению, пока на этой основе мы соревноваться с Западом не можем.

Некоторые наши умники-коммунисты скажут, что тут принижаются наши достижения. Давайте трезво смотреть на вещи! Если бы мы располагали большими материальными возможностями и обеспечили бы удовлетворение материальных потребностей людей, то, безусловно, они от добра не искали бы добра. Моя мечта – выработать условия, при которых ГДР стала бы для западного мира окном социализма, привлекающим к себе в моральном, политическом и материальном отношении. Я говорю, конечно, о трудовом люде, а не о капиталистах. К сожалению, мы еще не накопили таких возможностей и приходится кормить людей обещаниями. Но это будет, я в этом уверен, хотя, видимо, нескоро. А пока СССР шел к XXII съезду КПСС. У нас был установлен срок подписания мирного договора с Германией. Мы предупредили Запад, что если он откажется, то мы сами заключим мирный договор с ГДР и будем исходить из его условий и в вопросах суверенитета ГДР, и в процедуре доступа в Западный Берлин.

Граница хорошо прикрывалась, охранялась и контролировалась, но мы не прекращали борьбы, старались убедить своих бывших союзников по войне против гитлеровской

Германии подписать мирный договор. Убеждали их в выгоде этого шага для обеих сторон в деле создания нормальных отношений между государствами. Мы поддерживали межгерманскую торговлю, культурный обмен, туристские поездки и прочее. Все то, что характеризует нормальные отношения между суверенными странами, тем более между соседями. Одновременно не отказывались от нажима. Правда, нажим выражался только в наших публичных заявлениях через прессу, радио и прочие средства массовой информации.

Так, 29 июня 1961 года Госсовет ГДР обратился с соответствующим предложением к ФРГ, 6 июля то же самое сделала Народная палата ГДР. 13 августа на границе с Западным Берлином поднялись заграждения. Осенью Гротеволь послал канцлеру Аденауэру¹⁴⁸ новые предложения о нормальных отношениях между двумя немецкими государствами.

В то время в Белом доме США уже сидел президент Кеннеди. Он решил продемонстрировать силу и послал подкрепление своим войскам в Западный Берлин. Мы правильно по-

---

¹⁴⁸ АДЕНАУЭР Конрад (1878–1967) – немецкий политический деятель. В 1906–1933 гг. в партии Центра. В 1917–1933 гг. обер-бургомистр Кёльна, в 1920–1932 гг. председатель прусского Государственного совета. После прихода нацистов к власти в 1933 г. ушёл со своих постов. После окончания Второй мировой войны был в числе основателей партии Христианско-демократический союз, а в 1950–1966 гг. её председатель. В 1948–1949 гг. – президент Парламентского совета. С сентября 1949 г. по октябрь 1963 г. федеральный канцлер Федеративной Республики Германии. Умер 19 апреля 1967 г. на своей вилле в Рёндорфе в возрасте 91 года.

няли, что тут демонстрация, из которой совершенно не вытекает, что Запад хочет начать войну. Пока что западная печать поднимала акцию Кеннеди на щит. Заработала против нас вся пропагандистская машина Запада. Мы не испугались и разработали ответные меры. Я о них рассказывал раньше. Тем временем шел наш партсъезд. Как раз во время его заседания маршал Конев¹⁴⁹ доложил мне, что американцы прекратили угрожать нам на границе с Западным Берлином. Так закончилась ничем пугательная акция со стороны Запада, в которой хотели прощупать нас под дулами орудий. Когда там увидели, что мы готовы принять вызов, они отвели свои войска.

Тогда мы через журналистов и через негласных агентов сами решили прощупать Запад. Многие из агентов живут под видом журналистов или людей с иными мандатами, а фактически выполняют тайные поручения. Эти люди есть и у Запада, и у нас. По таким каналам мы и получили мнение Запада: давайте считать спор законченным, пусть все останется как есть. Затем данное мнение стало высказываться и западной печатью. Взаимные обвинения смягчились. Это то-

---

¹⁴⁹ КОНЕВ Иван Степанович, маршал, в 1961–1962 гг., в период кризиса, возникшего вокруг возведения стены в Берлине, на короткое время был назначен командующим Группой советских войск в Германии. В октябре 1961 г. в Москве проходил XXII съезд КПСС, на котором присутствовали и Хрущев, и Конев. Речь идет о танковом противостоянии в Берлине на Фридрих-штрассе, в месте разграничительного пропускного пункта между советским и американским секторами оккупации. Подробнее об этом эпизоде рассказывается в разделе о взаимоотношениях с США.

же была большая наша победа, выигранная без выстрелов, путем дуэли лишь через средства пропаганды¹⁵⁰.

Какое-то время спустя в Москву приехал Ульбрихт вместе с министром иностранных дел Винцером¹⁵¹. Он начал беседу со мной с предложения отказаться от заказов СССР на сооружение рыболовных кораблей в ГДР, мотивируя тем, что это невыгодно: предприятия работают себе в убыток. Мысль была правильная, имевшая под собой экономические основания. Ульбрихт предложил перейти на изготовление для нас другой продукции. В его тоне я чувствовал раздражение: обвинение нас в том, что мы платим меньше, чем реально эти заказы стоят для ГДР. Я ответил, что мы платим ту цену, которая дает возможность не только рентабельно работать, но и иметь прибыль. Доказательство: такие же корабли изготавливают для нас ФРГ, другие государства. Они принимают наши заказы с удовольствием. Но ведь капиталисты не станут работать, если заказ нерентабелен. Мы бы тоже такой заказ не приняли, потому что нельзя вести работу, которая несет убытки предприятию и государству. Почему ФРГ с удовольствием приняла наш заказ и готова принять дополнительный? А вам он убыточен. Этого не может быть. Ищите иные причины. Если же вы ликвидируете налаженное по-

---

¹⁵⁰ В 1963 г.

¹⁵¹ ВИНЦЕР Отто (1902–1975). В 1949–1956 гг. начальник канцелярии президента ГДР, далее – заместитель министра иностранных дел и с 1959 г. первый его заместитель, в этом качестве он и сопровождал В. Ульбрихта во время его поездки в Советский Союз в 1963 г., в 1965–1975 гг. министр иностранных дел.

точное производство, то на другое производство, которое вы станете осваивать, потребуется много затрат, а будет ли оно прибыльным, еще неизвестно. Впрочем, дело ваше, можете поступать, как хотите, но думаю, что это ошибка.

Одно из обстоятельств данного дела заключалось в том, что после установления контроля на границе Западного Берлина многие рабочие, ранее трудившиеся там, перешли работать на предприятия ГДР и показывали высокую производительность труда. Когда рабочие ГДР увидели это, то стали угрожать им, поносить их за хорошую работу, так как тем самым заставляли и их выполнять такие же нормы, обеспечивать более высокую производительность труда. А я спросил Ульбрихта: так ли это? Он растерялся: «Да, это так». – «Вот в чем и заключается вопрос, а не в том, что один заказ вы перемените на другой. И новый заказ при той же производительности труда окажется для вас убыточным. Надо прямо сказать рабочим: если у вас будет производительность труда значительно ниже, чем у рабочих Западной Германии, то это приведет к краху, и вы не сможете конкурировать с Западом и даже с иными социалистическими странами.

Тут результаты низкой организации труда и низкой производительности труда, и мы вам помочь не можем, устанавливая высокие цены и платя премии только потому, что вы являетесь социалистическим государством. Как же мы будем соревноваться с капиталистическим миром, если сами признаем, что производительность труда в социалистиче-

ских странах ниже, чем в капиталистических? Если мы хотим, чтобы наши народы имели жизненный уровень более высокий, чем в капиталистическом мире, то другого пути у нас нет. Чтобы хорошо жить, надо хорошо работать. Без этого мы обрекаем себя на катастрофу». Ульбрихт понял меня и уехал. Правда, на какое-то количество головных кораблей мы все же повысили цену, но условились, что на последующие корабли она останется такой, как договаривались.

Социалистический строй может победить в мире при условии, что им будет достигнута более высокая производительность труда, чем при капиталистическом строе. Если же этого мы не добьемся, то не сможем обеспечить жизненный уровень, который обеспечивается старым капиталистическим способом производства. Этот вопрос стоит перед всеми социалистическими странами, а не только перед Германской Демократической Республикой.

Наша производительность труда сейчас ниже, чем в ФРГ, Франции, Англии, США, Японии. Мы бьемся над этим столько лет, имеем такие просторы, такие ресурсы и никак не можем создать нужных запасов. Наши государственные запасы находятся все время на грани истощения в результате различных причин. Вот факт, который нельзя отрицать. Конечно, влияют и люди на ход производства. Тем не менее при людях с разным развитием на обширных пространствах Советского Союза можно создать устойчивое производство сельскохозяйственных продуктов, даже при недоста-

точно умных директивах свыше. Если бы у нас имелась на соответствующем уровне организация производства в колхозах и совхозах, то и глупые указания сверху не привели бы к бедственным последствиям. Они бы просто не выполнялись руководителями производства.

К сожалению, когда я сейчас читаю газеты, то постоянно вижу, что уменьшается поголовье скота, снижается производительность труда. Вот только что я прочел, как идут дела в одном из районов Кировоградской области: в магазинах покупатель с трудом получает продукты питания, большие затруднения возникают с мясом. Москва сейчас является привилегированным городом, а в других городах трудно или вообще нельзя получить нужные продукты. Вопрос о производительности труда для социалистических стран остается проблемой из проблем. Нельзя увлечь за собой народ только рассуждениями о марксистско-ленинском учении. Если государство и общественная система не дают людям материальных и культурных благ больше, чем их обеспечивает капиталистический мир, бесполезно звать людей к коммунизму.

Яркий пример Соединенные Штаты Америки. Сколько лет ведется гнусная война против вьетнамского народа. И ее ведет Америка, где абсолютное большинство избирателей рабочие, трудовой народ. Абсолютное большинство. Самое высокое развитие капитализма и концентрация капитала в Соединенных Штатах Америки. Я не располагаю сей-

час данными, но, казалось бы, при этих условиях разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых должно происходить в самой резкой форме. Но мы этого не наблюдаем. И такое положение не только в Соединенных Штатах. Такое же положение в Англии, во Франции и других высокоразвитых капиталистических европейских странах. Я не говорю о слаборазвитых странах, где коммунисты получают недостаточное признание. При голосовании в такой стране, как Англия, а это высокоразвитая капиталистическая страна, коммунистическая партия не может обеспечить себе в парламенте даже одного своего представителя. Это говорит о том, что нам есть над чем подумать, приложить усилия для того, чтобы самое прогрессивное марксистско-ленинское учение и социалистическая система обеспечили лучшие условия жизни для трудового народа. Однако прошло уже более пятидесяти лет. Тем не менее на основе нашего прогрессивного марксистско-ленинского учения рабочий класс на выборах, парламентским путем, ни в одной стране не победил.

Это вопрос, над которым нужно задуматься. Конечно, если сказать нашим философам, нашим экономистам, нашим теоретикам, то они найдут тысячу аргументов, тысячу доводов.

В восточных странах рабочий класс пришел к власти в результате разгрома гитлеровской Германии, при содействии Советского Союза. Это Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, в какой-то степени Югославия. Та же революция свер-

шилась и в Албании. Там победил социализм, и там и сейчас строят экономику и жизнь народа на социалистической основе.

В других странах, куда Советская Армия не дошла после разгрома немцев, опять укрепился капитализм. Какой же путь правильный? Путь войны, победы войск социалистических стран и установления нового социалистического строя? На этих позициях стоят одни китайцы. Или же путь мирного существования? А это значит и соревнования. Социализм должен показать свою привлекательность во всех сферах деятельности и жизни трудового народа. Это удовлетворение всех материальных и культурных благ, в которых нуждается человек.

Сейчас же статистики начнут оперировать выкладками и доказывать, что Советский Союз и советский народ добились огромных преимуществ в сравнении с условиями, в которых мы жили до первой мировой войны. Об этом нечего и говорить, с каждым годом мы прогрессируем, наращиваем мощности производства и решаем вопросы культурного обслуживания и удовлетворения материальными благами, но тем не менее сейчас не являемся «витриной», в которую бы поглядел житель капиталистических стран и увидел бы для себя привлекательный пример, захотел бы объединить усилия и добиться тех же результатов, то есть установления социалистического строя в странах капитализма.

Поэтому борьба за повышение производительности тру-

да, более эффективное ведение производства в социалистических странах с целью накопления необходимых материальных средств для удовлетворения сполна потребностей народа, создания наглядных преимуществ социалистического производства и социалистического общества перед капиталистическим обществом, создания условий для победы нашего марксистско-ленинского учения на всем земном шаре – это вопрос вопросов. Он решается прежде всего организацией производства, ростом производительности труда.

«С поляками у нас особые отношения»

С поляками у нас особые отношения. Мы лучше знаем друг друга, больше общались. В свое время польское государство было разьединено Россией, Пруссией и Австрией. Большая часть польского населения вошла в состав Российской империи¹⁵². Представители польского народа работали на предприятиях по всей России, и русским рабочим часто приходилось контактировать с ними. Я до революции тоже нередко встречался с поляками, когда работал на машиностроительном заводе Боссе возле Юзовки и на руднике шахты Успенская там же. Можно сказать, соприкасался с ними с детства. Поляки, как и всякий другой народ: есть среди них хорошие люди, есть и плохие. Многие из моих приятелей были поляками, и я дружил с ними.

На заводе во время однодневной забастовки (в связи с расстрелом рабочих на Ленских приисках весной 1912 г.)¹⁵³ одним из ее руководителей был поляк, слесарь Чернявский.

---

¹⁵² Разделы Польши между Россией, Австрией и Пруссией происходили трижды: в 1772, 1793 и 1795 гг.

¹⁵³ Весной 1912 г. рабочие Ленских золотых приисков в Восточной Сибири забастовали, требуя снижения продолжительности рабочего дня с одиннадцати с половиной до 8 часов, 30 % надбавки к жалованью, улучшения снабжения и санитарных условий. На подавление забастовки правительство послало войска, которые 17 (4) апреля открыли огонь, убили 270 человек и ранили 240.

Его очень уважали товарищи, но не только за общественную активность: он работал очень квалифицированно. Сразу же после забастовки его стали преследовать власти, он быстро рассчитался и уехал, так что больше я с ним не встречался. Помню и еще одного поляка, тоже слесаря, Леонида Боровского, замечательного молодого человека, веселого и приятного.

В принципе отношения между русскими рабочими и польскими всегда оставались товарищескими, да иначе и быть не могло. Трудились мы на одного хозяина, условия работы были для всех одинаковыми, почвы для раздоров не возникало. А национальный вопрос? Нет, такого вопроса я в нашей среде по отношению к полякам просто не слышал и не чувствовал, ничего подобного не замечал в годы детства и юности. После Октябрьской революции я попал на работу в Киев. Там тоже соприкасался с поляками. На Украине вообще всегда было много польского населения, и в Киевской губернии, и в Житомирской, и в других. Но и там никаких польско-русских коллизий национального порядка, порождаемых на бытовой почве какими-либо разногласиями, или даже недоразумений среди рабочих не возникало.

После революции я знал в Киеве редактора газеты поляка Скарбека¹⁵⁴. В свое время он заведовал польским отделом

---

¹⁵⁴ СКАРБЕК Болеслав (1888–1934). Член партии с 1917 г. В 1918 г. начальник отдела культуры и образования в Комиссариате по польским делам в Харькове. Участник Гражданской войны 1918–1921 гг. С 1921 г. заведующий Польским Бюро в ЦК КП(б) Украины и редактор украинскоязычной газеты «Пролет-

ЦК КП(б)У в Харькове, а потом, кажется, работал в Москве, в отделе пропаганды. Это был очень уважаемый товарищ, честный коммунист. Я тогда заведовал отделом Киевского окружкома партии, меня касались кадровые вопросы. Если мы подбирали кадры, не смотрели на национальность: поляк, еврей, русский, украинец либо еще кто-то. Такого вопроса не было, люди подбирались только по деловым качествам. Конечно, направляя товарища на ту или другую должность, мы учитывали национальность и владение языком. На Украине ведь живет большинство украинцев, так что украинцам отдавалось предпочтение при назначении на такие должности, где владение родным языком и знание местного быта имели определенное значение. Но это в порядке вещей, так как раз и должно быть. Скарбек редактировал не польскоязычную газету. Был он подготовленным человеком, и дело у него шло нормально.

Однажды в Киеве на мою долю выпало поближе соприкоснуться с поляками. В конце 20-х годов Пилсудский¹⁵⁵ ре-

---

тарская правда». В 1926 г. председатель украинского правительства в Москве, а затем редактор газеты «Серп» в Харькове. В 1927–1929 гг. в аппарате ЦК ВКП(б) в Москве и заместитель редактора газеты «Советская трибуна». В 1929 г. в Киеве редактор газеты «Киевский пролетарий», а затем директор института Польской пролетарской культуры АН Украины. С 16 октября 1932 г. глава отдела культуры и пропаганды в Черниговском обкоме компартии Украины. В 1933 г. арестован, обвинен в участии в мифической польской военной организации и в марте 1934 г. расстрелян.

¹⁵⁵ ПИЛСУДСКИЙ Юзеф (1867–1935) – участник студенческих волнений 1885 г. в Харьковском университете, с 1887 г. народоволец, в 1888–1892 гг.

шил созвать всемирный съезд поляков¹⁵⁶. В то время у нас отношения с Польшей были крайне плохими. Мы помнили, что в 1920 г. Пилсудский воевал против Советской России¹⁵⁷ и потом проводил враждебную политику в отношении СССР. Поэтому нам был закрыт доступ к настоящему общению с Польшей и вообще с поляками за пределами наших границ. Но мы хотели, чтобы представители польского населения в СССР тоже получили мандаты на этот съезд в Варшаве, где смогли бы подать голос от имени советских поляков.

Была создана комиссия, в нее включили и меня, русского, но заведующего отделом окружкома партии. Комиссия подбирала кадры, изучала людей, кого из них можно было бы послать в Варшаву. Следовало учитывать также, чтобы они получили мандаты и не были бы задержаны на границе польским государством. В комиссию входил и Скарбек, а возглав-

---

в ссылке, основатель газеты «Рабочий» (1894 г.), руководитель с 1905 г. боевых террористических групп и с 1907 г. революционной фракции Польской социалистической партии, в 1914–1917 гг. командовал польским легионом в составе австро-венгерской армии, с июля 1917 г. находился в германском заключении, в 1918–1922 гг. глава польского государства, маршал, в 1919–1920 гг. организатор польской антисоветской интервенции; с 1926 г. глава «санационного» режима, в 1926–1928 гг. и в 1930 г. премьер-министр.

¹⁵⁶ Первый съезд поляков, живших за границей, собрался в Варшаве в 1929 г., второй – в 1934 г. В то время около 1 млн поляков жило за пределами Польши.

¹⁵⁷ Польско-советскую войну поляки начали в апреле 1920 г. с целью восстановления Польши в «старых» границах. Они захватили Киев, затем их отбросили назад, но в конце концов поляки победили: захватили земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Мирный договор заключили в 1921 г.

лял ее Криницкий¹⁵⁸, известный поляк-большевик, который тогда заведовал отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Впоследствии я неоднократно встречался с Криницким и с огромным уважением относился к нему. К сожалению, он трагически погиб, как и многие другие. Кажется, его направили в Саратов секретарем крайкома партии, и во время сталинской мясорубки он был арестован и расстрелян. В ходе работы комиссии мы внимательно обсуждали разные кандидатуры, но наша работа не принесла успеха, потому что Пилсудский никого из советских поляков не впустил в Варшаву.

Когда началось истребление Сталиным кадров партийных и советских работников, погибли¹⁵⁹ в числе других не только Скарбек и Криницкий, а и множество прочих поляков вообще. Узнав, что арестован и уничтожен Скарбек, я очень переживал. Он казался мне очень порядочным человеком. Меня также огорчало, что я вместе с ним ряд лет проработал в окружном партийном комитете Киева, а в названной комиссии общался буквально каждый день и высоко ценил его. Теперь же оказалось, что Скарбек – враг народа! Когда я узнал,

---

¹⁵⁸ КРИНИЦКИЙ Александр Иванович (1894–1937). Член партии с 1915 г., участник революции и Гражданской войны 1918–1921 гг. В 1919–1925 гг. секретарь обкома Владимирского, Саратовского, Московского и Омского комитетов. В 1925–1926 гг. секретарь ЦК Компартии Белоруссии. Затем на различных партийных и административных постах в Москве и провинции. В 1934 г. избран членом ЦК ВКП(б) и в 1935 г. избран первым секретарем Саратовского обкома партии. В 1937 г. арестован и расстрелян.

¹⁵⁹ В 1938 г.

что Криницкий арестован, то растерялся: что же это такое и как могло случиться? Товарищ Криницкий вдруг оказался предателем!

Это теперь всем известно, какими они были «врагами народа». А мне тогда, в ответ на мои вопросы, объяснили, что Скарбек – агент Пилсудского. Я знал, что Скарбек в свое время перешел нелегально советско-польскую границу; бывший пэпээсовец, он стал у нас активным деятелем ВКП(б). Говорили же так: он перешел границу по заданию Пилсудского, чтобы втереться в доверие и шпионить в пользу панской Польши. Конечно, в жизни и такие случаи бывали. Разведки подобным приемом не раз пользовались, если создавалась возможность. Теоретически и Скарбек мог быть агентом, невероятного тут ничего не было, и я отнесся к объяснению с доверием. Зато проявлял недовольство собственным поведением: каким я оказался недальновидным, если столь высоко ценил вражеского агента.

Когда я потом работал в Москве, то познакомился здесь с еще одним поляком, бывшим соратником Дзержинского Реденсом. Он был уполномоченным ОГПУ по Московской области. Рабочий-электрик, до революции работавший на заводе в Каменском (позднее – Днепродзержинск), он трудился на фабрикантов, которые тоже были поляками. У меня сложились хорошие отношения с Реденсом, и я к нему относился с почтением, хотя, с моей точки зрения, он вовсе не был свободен от недостатков. Но ведь таких людей мало,

которые вообще были бы лишены недостатков. В политическом же аспекте я имел к Реденсу полное доверие. Он был женат на сестре жены Сталина, Анне Аллилуевой. Не раз за семейным обедом у Сталина я сидел рядом с Реденсом. Вся семья Сталина в ту пору собиралась на таких обедах. Реденс кончил так же, как многие другие люди: был арестован и выслан, позднее же – казнен. Его жена Анна сильно переживала гибель мужа и от горя лишилась рассудка. То была большая трагедия в семье Аллилуевых. Надежды Сергеевны уже в живых тогда не было, она погибла раньше.

Так перебираю я в своей памяти различные встречи с поляками, с которыми мне приходилось общаться, работать и дружить, и вспоминаю о них с теплым чувством, а одновременно с содроганием думаю о периоде, когда Сталин поднял «бдительность», которая тысячам людей стоила жизней. Были ли вообще польские агенты засланы к нам Пилсудским? Наверное, да. А другими разведками? Безусловно, потому что разведки всегда засылают к другим своих агентов. Но в том-то и состоит мудрость государственного деятеля, чтобы он не смешивал честных людей с агентами. Иначе получится так, как, увы, получилось у нас. В результате мы оголили свой общественный фронт, и лучшие люди, которые заслуженно выдвинулись во время революции и после нее, заняли командное положение в партии, армии, государстве и хозяйстве, были истреблены, в первую голову – поляки.

Они расплачивались за неумную политику главы польско-

го государства Пилсудского, врага Советской власти. Когда в 1936, 1937, 1938 годах развернулась настоящая «погоня за ведьмами», поляку трудно было где-то удержаться, а о выдвижении на руководящие посты не могло быть и речи. Все поляки были взяты в СССР под подозрение. Эти настроения подогревались еще и тем, что по мере ухудшения международной обстановки руководители Польши углубляли свою антисоветскую линию.

Та же политика продолжалась после смерти Пилсудского. Как-то позвонил мне в Киев Сталин и предупредил: «Вы обратите большее внимание на границу с Польшей, я бы вам посоветовал почаще туда выезжать самому». Вторично он позвонил, чтобы обратить мое внимание на Каменец-Подольский: «По сведениям, которыми располагает наша разведка, поляки готовятся захватить Каменец-Подольский и через него развернуть наступление по направлению к Черному морю». Насколько это было реально? Следовало ли тому верить? Трудно сказать. Сейчас очевидна сомнительность, если не невероятность таких планов. Никаких реальных возможностей у Польши к тому не было. Сталин вообще сохранял самое острое недоверие к Польше. Отчасти оно было обоснованным и подтвердилось фактами, когда началась Вторая мировая война.

Однако свое недоверие к руководителям буржуазно-помещичьей Польши Сталин направлял против любого поляка. Ему представлялось, что эти люди только и думают, какой

бы и где нанести вред нашему государству. Когда началась расправа с «врагами народа», атмосфера накалилась до того, что представители компартии Польши в Коминтерне все были арестованы и уничтожены, а решением Исполкома Коминтерна ее вообще распустили¹⁶⁰. Тогда я работал первым секретарем Московского комитета партии и помню, как после ареста очередной группы всем известных политических деятелей у нас прокатывалась волна митингов в их осуждение. Поляки классифицировались как агенты Пилсудского, чьи усилия постоянно направлены на подрывную деятельность против СССР.

Каждый поляк – «враг наш», он заслан Пилсудским, появился клич. Как когда-то черносотенцы кричали: «Бей жи-дов, спасай Россию!» – так теперь призывали: «Бей поляков, спасай Советский Союз!»

Когда не стало поляков, взялись за тех, кто представлял какой-то интерес, занимал видное положение. Однажды я приехал на заседание Политбюро. Мы сидели и подпирали плечами стенку с Ежовым. Сталин вошел в зал и сразу же направился к нам. Подошел, ткнул меня пальцем в плечо и спросил:

– Ваша фамилия?

– Товарищ Сталин, я всегда Хрущевым был.

– Нет, вы не Хрущев... – Он всегда резко так говорил. –

---

¹⁶⁰ Польскую компартию по решению Коминтерна распустили в 1938 г. Всех ее лидеров, в то время находившихся в СССР, расстреляли.

Вы не Хрущев. – И назвал какую-то польскую фамилию.

– Что вы, товарищ Сталин, мать моя еще жива... Завод стоит, где я провел детство и работал... Моя родина Калиновка в Курской области... Проверить можно, кто я такой...

– Это говорит Ежов, – ответил Сталин.

Ежов стал отрицать. Сталин сейчас же в свидетели позвал Маленкова. Он сослался, что Маленков ему рассказал о подозрениях Ежова, что Хрущев не Хрущев, а поляк. Тот тоже стал отрицать. Вот такой оборот приняло дело, начали повсюду искать поляков. А если поляков не находили, то из русских делали поляков.

1 сентября. В Москве решили, что Красная Армия тоже должна начать военные действия по захвату территорий, которые, согласно договору от 23 августа, вошли в сферу влияния Советского Союза. Области Западной Украины, «входившие в состав польского государства, отходили к УССР, Западной Белоруссии – к БССР. Шла тогда речь и о судьбах Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии, но я сейчас говорю именно о поляках.

1 сентября с немецкого удара по Польше началась вторая мировая война. Мы подготовили свои военные силы на границе с Польшей, но они еще не были введены в дело. Я узнал от Сталина, что Гитлер через посла в Москве напоминал ему: «Что же вы ничего не предпринимаете, как мы условились?» Сталин отвечал, что мы еще не подготовились. Начали мы действовать 17 сентября. Командовал войсками в За-

падном походе Тимошенко. Я находился там же, в войсках. Наступавшей кавалерийской дивизией на Тарнополь командовал хороший генерал, я его фамилию не припомню, он потом отличился во время войны. Боевой был человек, сам из шахтеров. Ночью, перед началом боевых действий, он доложил мне, через сколько часов он окажется в Тарнополе. Так и получилось. Что касается военных действий, то я бы сказал, что так их можно называть лишь условно. Красная Армия двигалась, не встречая никакого сопротивления, даже от польских пограничников. Когда мы с Тимошенко вечером приехали в Тарнополь, наша кавалерия находилась уже там.

Впервые в жизни я оказался за границей. Народа на улицах не было видно, хотя в Тарнополе преобладали украинцы. Только у самой границы жили так называемые осадники – поляки, занимавшие места, откуда искусственно выселяли украинцев, чтобы освободить земли для осадников, то есть тех поляков, которые должны были являться как бы стражей на границе с УССР. К нашим войскам они не проявляли никакой враждебности: у тамошних поляков не встречалось фанатизма, и они не кидались в бой против советских людей.

На львовском направлении армией командовал генерал Голиков. Я поехал к нему. Свой полевой командный пункт Голиков разместил под скирдой соломы. Я подъехал к нему, он доложил мне, что послали командующего артиллерией Киевского военного округа генерала Яковлева для переговоров с немецким командованием по вопросу занятия наши-

ми войсками Львова. Пал выбор на него, потому что он знал немецкий язык, не в совершенстве, но мог объясниться.

Хороший был генерал. Во время войны он занимался артиллерийским вооружением и хорошо работал. Правда, это его не спасло. Уже после войны Сталин его все-таки посадил в тюрьму.

Немцы и мы одновременно вплотную подошли к Львову. По договору Львов входил в нашу зону, отходил к Советскому Союзу. Однако немцы рвались туда, видимо, хотели пограбить.

Яковлев возвратился и доложил, что командование немецкой армии согласилось с нами, и мы можем занять Львов, а немцы же не будут вводить свои войска в город.

Мы заняли Львов и непосредственно соприкоснулись с польским населением. Население вокруг Львова было украинским, но во Львове в абсолютном большинстве жили поляки.

Бурное было время. Военные действия закончились. Правда, если говорить о советской стороне, то части нашей армии, собственно, военных действий там не вели. Мы вышли на границу, которая была определена по договоренности с немцами.

Если говорить об удовлетворении национальных чаяний украинской интеллигенции, то они видели границу еще западнее. Украинцы связывали понятие своей границы на западе Украины с «линией Керзона», а новая граница прохо-

дила восточнее ее.

Таким образом, обвинения Советского Союза, что он оккупировал территорию Польши, не совсем верны. Наши войска заняли территорию, которая исторически и по своему составу населения этнически относилась к Украине. Все сельское население за небольшим исключением было украинским.

Это было для меня самое лучшее и самое счастливое время. Мы праздновали воссоединение украинских и белорусских земель в едином Советском государстве. У людей было праздничное настроение, мы проводили совещания, конференции, съезды – развернулась бурная политическая деятельность. Большой был подъем на Украине и особенно торжественно восприняла воссоединение западных областей украинская интеллигенция.

В то время я, как секретарь Центрального Комитета КП(б)У, практически переселился во Львов и занимался работой в западных областях. В Киеве появлялся редко.

Мы пригласили представителей украинской интеллигенции, главным образом писателей, приехать во Львов, с тем чтобы наладить работу с интеллигенцией во Львове. Львов стал центром западных областей Украины, и все совещания по вновь присоединившимся областям Украины проводились во Львове. Во Львове осталось много польского населения и польской интеллигенции. В том числе та часть интеллигенции, которая под ударами немцев, отступая на восток,

пришла во Львов. С отступавшими поляками пришла и Ванда Львовна Василевская¹⁶¹.

Разные поляки были тогда во Львове. И разное было их отношение к нашей стране. Нам было нелегко. Факт оставался фактом – нами был подписан договор с Риббентропом. Завертелась машина пропаганды против Советского Союза, главным обвинением было, что мы, коммунистическая партия, пошли на сговор с фашистами.

Трудно было, очень трудно было отвечать на, казалось бы, очень легкий вопрос. Трудности заключались не в сути дела, а в форме. Потому что, по сути дела, ничего не могло быть общего у коммунистической партии с фашистами и, следовательно, по существу, никакого договора не могло быть, но формально этот договор был, и им определялась новая граница. Все это стало достоянием общественности, когда была разгромлена Германия и немецкие архивы попали в руки американцев.

Основная трудность заключалась в том, что мы не могли

---

¹⁶¹ ВАСИЛЕВСКАЯ Ванда Львовна (1905–1964) – польская и советская писательница, общественный деятель, дочь Леона ВАСИЛЕВСКОГО. С 1939 г. жила в СССР. Трилогия «Песнь над водами» (1940–1951) о жизни довоенной и послевоенной Польши. Повесть «Радуга» (1942) о мужестве советских людей в годы Отечественной войны. Трижды лауреат Государственных премий (1943, 1946, 1952). В годы Великой Отечественной войны была полковым комиссаром, а потом полковником Красной Армии, работала агитатором Главного политического управления, редактором газеты «За Радяньску Украину», в 1943–1945 гг. главным редактором газеты «Свободная Польша», была председателем Союза польских патриотов в СССР.

сказать о том, что это был маневр, что другого выхода у нас не было. Мы вынуждены были пойти на это, по вине той же Польши, по вине той же французской буржуазии, по вине буржуазной Великобритании, которые не хотели объединить усилия с Советским Союзом против фашистской Германии. Этого мы сказать не могли полякам, это мы даже у себя на Украине не могли сказать.

Однако не только эти трудности возникли во Львове. Поляки особенно остро переживали, что они лишились государственности, Польша оккупирована, Варшава разгромлена. Но мы опять не могли говорить полным голосом, не могли занять позицию, вытекающую из нашего миропонимания, из нашей идеологии. Открытую пропаганду против Гитлера, против гитлеровской политики, против немецких и итальянских фашистов мы вели до заключения договора. А теперь не могли ничего сказать, потому что они стали нашими союзниками. Я бы сказал, сложилось буквально трагическое положение для наших пропагандистов.

В то время в украинской партийной среде поляков почти не было. А если и были, то они не занимали какого-нибудь видного положения в партии. Всех таких людей уничтожил Сталин.

Когда я приехал во Львов, мне сказали, что есть такая писательница Ванда Львовна Василевская – человек решительный, реально оценивает обстановку и на нее можно положиться. Меня заверили, что она нас поймет и пойдет вместе

с нами.

Она должна была вот-вот прибыть во Львов. Я ждал Ванду Львовну, чтобы вместе с ней начать работу по организации польской интеллигенции во Львове. Мы хотели удержать их от антисоветской деятельности, сделать нашими союзниками в борьбе за нормализацию условий жизни. В других районах Западной Украины, заселенных украинцами, мы опирались на украинцев и в поляках не нуждались. Положение осложнялось еще и тем, что западные украинцы были очень настроены против поляков, которые были господствующей нацией и вели неразумную политику притеснения украинского населения. Настроение, особенно среди украинской интеллигенции, было антипольским.

Мы не хотели усиления раздоров. Так уж сложилось исторически: много веков Польша и украинцы воевали между собой. Всем известны времена Богдана Хмельницкого, который вел активно войну против поляков. Потом под его руководством Украина вошла в состав Российского государства.

Наконец появилась Ванда Львовна. С ней мы легко договорились по всем вопросам. Она поняла наши объяснения, в каких условиях был заключен договор с немцами и почему мы двинули свои войска в восточные районы Польши.

Относительно договора говорил с ней не я, а приехавшие со мной украинские писатели, главным образом Корнейчук и Микола Платонович Бажан. Эти люди были наиболее активны и близки мне. Через них я делал установки по нашей

пропаганде и нашей политике среди польского творческого актива, который стал группироваться вокруг нас.

Ванда Львовна и сама, как писательница, с большой симпатией относилась и к белорусской, и украинской бедноте. Это отражено в ее литературных произведениях. Она сидела в польской тюрьме за защиту прав западных украинцев и белоруссов. Ее книги я и сейчас вспоминаю с удовольствием.

Я сейчас фамилии других польских товарищей в памяти не удержал, в то время к нам пришла одна Ванда Львовна, позднее появились и другие, бежавшие из Варшавы польские интеллигенты. К нам они относились по-разному, некоторые довольно недружелюбно, а некоторые откровенно пьянствовали. Ванда Львовна же сразу включилась в работу и быстро стала вожаком польской интеллигенции во Львове.

Хотя Коммунистическая партия Польши и была распущена Коминтерном, но низовые партийные организации работали. Может быть, они не были извещены, а может быть, просто игнорировали этот роспуск. Гомулка много позже мне рассказывал, что он работал в то время в Драгобыче и считал себя членом партии. Я не знаю, в каком составе там была партийная организация и была ли вообще. Наверное, отдельные лица считали себя коммунистами, и такие, как Гомулка, были. Завадский, который стал председателем Государственного совета в Польше, рассказывал, что он сидел в Драгобычской тюрьме как коммунист. Среди коммунистов, членов бывшей Польской компартии, было много и рабочих, и

интеллигенции. Они хотели вступить в партию, но об этом не было и речи.

Там была еще Коммунистическая партия Захидной Украины, то есть Западной Украины, которой руководил Центральный Комитет КП(б)У из Киева. Бывших ее членов нам разрешили принимать в партию в индивидуальном порядке. Мы кое-кого принимали и не могли их не принимать, потому что мы видели, что это честные люди, которые представили нам доказательства своей работы в подполье. Они нам были нужны. Они лучше знали местные условия. Таким образом, мы приступили к созданию партийной организации.

Как удар обухом по голове прозвучала для меня весть, что нашими чекистами убит муж Василевской. То было случайное убийство, как мне честно признались. Но я очень огорчился. Он был пэпэсовец, сам из рабочих, хотя и менее активный, чем его супруга. Тут же возник вопрос: как это отразится на отношении Василевской к нам? Не подумает ли она, что мы устранили его по каким-то политическим соображениям? Мало ли что может прийти в голову человеку при такой трагедии. И я сказал своим украинцам Бажану и Корнейчуку: разъясните Ванде Львовне по-честному, как все произошло, ничего не скрывая.

А произошло вот что. Чекисты хотели арестовать какого-то жильца в доме, где жила Василевская во Львове, но этажом выше, и спутали квартиру. Постучались случайно в другую. Муж Василевской открыл дверь и тут же был застрелен.

Я потом спрашивал: «Зачем же был произведен выстрел? Ну, произошла ошибка, постучали не в ту дверь, но человек ведь ее открыл, с ним можно было объясниться?» Отвечали, что чекистам показалось, что открывавший дверь был вооружен и сам намеревался стрелять. Конечно, это трусливый акт. Никакого оружия у него не имелось, стрелять он, следовательно, не мог. Убили человека, и все...

Мы правдиво рассказали об этом Ванде Львовне и просили правильно нас понять. Василевская поверила, что здесь не было злого умысла, и, не снижая активности, продолжала работать в дружественном к нам направлении. У меня сохранялись с нею наилучшие отношения на протяжении всей ее жизни.

Не скрою, не все встречи с поляками во Львове носили радостный характер. Очень трудно им было понять нашу политику, в результате которой они лишились государственности и потеряли родной для себя Львов, где польская интеллигенция занимала все ведущие позиции. Поляки господствовали везде: в коммунальном хозяйстве, в университете, техникумах, школах. Одним словом, все главные командные позиции во Львове были исключительно в руках поляков. Поэтому когда мы соприкоснулись с организацией служб городского хозяйства, то мы имели дело с польской администрацией. Во Львове и рабочими главным образом были поляки. Поляки даже на черные работы не допускали украинцев. Украинцы нам говорили:

– Нас даже не принимали на работу по мощению улиц во Львове.

Если поляки и не высказывались против нас, таили свое недовольство сложившимся положением, то по глазам можно было прочесть, о чем они думают, печать траура лежала на их лицах.

Печальные эпизоды остались у меня в памяти.

Запомнился случай с польской оперной певицей Вандой Бандровской¹⁶². Ванда Бандровская, довольно известная среди оперных артистов, оказалась во Львове. Наши за ней стали ухаживать, предложили ей на выбор работу в Оперном театре, Киевском или Одесском. Пока мы вели с ней переговоры, она поддалась влиянию немецких агентов, которых было полно во Львове. Тогда было достигнуто соглашение об обмене людьми, которые оказались на территории, оккупированной нашими и немецкими войсками. Украинцы могли вернуться в зону, занятую советскими войсками, и, наоборот, поляки из Львова и других восточных районов бывшей Польши могли бы возвратиться в Польшу.

Немцы прислали своих людей, они вели агитацию за возвращение беженцев. Генерал Серов тогда работал во Львове. Он пришел ко мне огорченный и говорит:

– Знаете, Никита Сергеевич, Ванда Бандровская уже

---

¹⁶² БАНДРОВСКА-ТУРСКА Эва (1899–1979) – польская певица, выступавшая в 1918–1960 гг. на сцене оперы и в концертах, профессор Краковской и Варшавской консерваторий.

в Кракове, она перешла границу по фальшивым документам. Немцы передали по радио, что Ванда Бандровская прибыла в Краков и выступила перед офицерами немецкой армии.

Списки возвращавшихся согласовывались с нашими людьми, с чекистами, и Ванды Бандровской в них не было, но она ушла. Тогда это было нетрудно – тысячи людей уходили и приходили, проверка велась поверхностно.

Такое отношение польского интеллигента к немцам, врагам польского народа, вызвало у меня и сожаление, и возмущение, но ничего не сделаешь.

Я тогда выслушивал и более горькие сообщения того же Серова. Он меня информировал, что идет регистрация, стоят огромные очереди желающих выехать на территорию Польши, занятую немецкими войсками, очередь в большинстве из беженцев с западных территорий, евреев. Они стоят и умоляют, чтобы их включили в списки, чтобы они могли вернуться в оккупированные немцами районы. Дают взятки гестаповцам.

Несчастный еврей, который имел в Варшаве или еще где-то на западе домик или портняжную мастерскую, ремесленник, отдает гестаповцам последние остатки, которые он взял при отступлении. Те делают ему одолжение – вносят его в списки, и он еще благодарит за то, что его внесли в списки. Эти люди шли на верную гибель. Немцы их уничтожили, как уничтожили евреев на территории Германии. Но мы ничего не могли сделать. Мы не могли вести правдивую пропаган-

ду, связанную договором Риббентропа – Молотова, но самое ужасное, что эти люди нас бы и не слушали, они были одержимы одним желанием вернуться, вернуться к своему очагу, вернуться домой. Они не задумывались, что этот дом станет для них могилой, что возвращение домой обрекало их на верную смерть. Видимо, все эти несчастные погибли.

Никаких жертв во Львове среди советских людей в результате какого-либо сопротивления поляков не было, если не считать случая, когда погиб корреспондент какой-то газеты в результате паники. Он проснулся ночью, услышал шум на улице, открыл окно, свесил голову, чтобы разобраться, в чем там дело, и был убит нашими же людьми по недоразумению. Советские охранники посчитали, что он, возможно, снайпер, выбирающий цель. Вооруженная борьба развернулась позже, но и ту начали не поляки, а украинские националисты-бандеровцы.

Степан Бандера¹⁶³, сын священника из западноукраин-

---

¹⁶³ БАНДЕРА Степан Андреевич (род. в 1908 г., убит советским агентом в Мюнхене в 1959 г.) происходил из села Старый Угрынов Станиславского воеводства. Обучался в Стрыйской гимназии, с 1920-х гг. стал членом войсковой группы бывшего петлюровского полковника КОНОВАЛЬЦА Е.; с 1929 г. член Организации украинских националистов. Далее учился в львовском Политехническом институте. С 1933 г. председатель ОУН на западноукраинских землях, участвовал в террористических покушениях на польских государственных деятелей, сидел в польской тюрьме, был освобожден в 1939 г. во время германо-польской войны, после 1941 г. руководил антисоветской деятельностью Украинской повстанческой армии на временно оккупированной фашистами территории Украины, зимой 1945 г. перебрался в Германию и руководил оттуда той же деятельностью, находясь до конца жизни в ФРГ и выступая под псевдонимом

ского города Станислава, в то время был студентом Политехнического института и входил в террористическую украинскую организацию, которая осуществляла террор против польских властей. Он стоял на позициях независимой, самостоятельной Украины. То была одновременно и антипольская, и антисоветская организация. Бандеру судили за покушение на польского министра и приговорили к тюремному заключению. Наши и немецкие войска выпустили многих заключенных на свободу, и Бандера вернулся к прежней деятельности, теперь уже антисоветской, впоследствии при содействии немцев. Его люди причинили нам много вреда и горя, мы понесли много жертв в борьбе с бандеровцами.

После смерти мужа Василевская спустя некоторое время подружилась с Корнейчуком¹⁶⁴, и они стали вести совместную жизнь. Корнейчук порвал со своей прежней женой, сестрой известного украинского писателя Натана Рыбака¹⁶⁵, его ближайшего друга. Получилась семейная трагедия в квадрате. Василевская же крепко приковалась к Корнейчуку це-

---

Стефан Поппель.

¹⁶⁴ КОРНЕЙЧУК Александр Евдокимович (1905–1972) – украинский драматург и государственный деятель. Пьесы «Гибель эскадры» (1933), «Платон Кречет» (1934), «В степях Украины» (1939), «Фронт» (1942), «Макар Дубрава» (1948), «Память сердца» (1969). Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1960) и Государственных премий (1941, 1942, 1943, 1949, 1951). Герой Социалистического Труда (1967).

¹⁶⁵ РЫБАК Натан Самуилович (1913–1978). Украинский писатель. Романы: «Ошибка Оноре де Бальзака» (1940), «Переяславская Рада» (1948–1953), «Пора надежд и свершений» (1960–1965). Лауреат Государственной премии (1950).

пью любви, и эта связь оказалась более прочной и неизменной. Еще одним пришельцем к нам с «той стороны» был Гомулка¹⁶⁶, он не переходил демаркационную линию, а работал в Дрогобыче. Оттуда его мобилизовали в Киев, где он трудился на строительстве железнодорожного тоннеля под Днепром. Там же работали и другие вольнонаемные поляки, если понимать тут это слово в том смысле, что не их вольно наняли, а их волю наняли. Впрочем, там же работали и украинцы, все на общих основаниях и с единой оплатой, без ка-

---

¹⁶⁶ ГОМУЛКА Владислав (Веслав) (1905–1982) – член компартии Польши с 1926 г., в 1932–1934 гг. и 1936–1939 гг. политзаключенный в Польше, с 1942 г. член ЦК Польской рабочей партии, в 1943–1948 гг. генеральный секретарь ЦК. В 1948 г. компартия Польши объединилась с соцпартией, образовав Польскую Объединенную рабочую партию (ПОРП), ее возглавил Болеслав БЕРУТ. Гомулка сохранил за собой пост вице-премьера, который он занимал, по совместительству, с 1945 г. В 1949 г. его арестовали. В ряде источников утверждается, что Гомулка находился не в тюрьме, а под «домашним арестом», но не у себя дома, а в резиденции, принадлежавшей органам госбезопасности и в комнате вместе с другими арестованными, т. е., по сути, в тюрьме. В конце 1949 г. Гомулку и его политических единомышленников Марианна СПЫХАЛЬСКОГО, Зенона КЛИШКО и Игнацы ЛОГА-СОВИНСКОГО исключили из ЦК Польской Объединенной рабочей партии (ПОРП), а затем арестовали, но не всех сразу. Гомулку задержали в 1951 г. после «Открытого процесса», на котором Марианн Спыхальский дал против него некие показания. Гомулка три года содержался в помещении, принадлежащем органам госбезопасности. Его освободили после смерти СТАЛИНА, предположительно в конце сентября 1954 г. или начале 1955 г. Об освобождении Гомулки официально сообщили только в апреле 1956 г., когда после смерти Болеслава Берута первым секретарем ЦК ПОРП избрали Эдварда ОХАБА. В своей речи Охаб заявил, что Гомулка ошибался, но арестовали его незаконно. После этого Гомулку и его сторонников восстановили в партии. В 1956–1970 гг. он первый секретарь ЦК ПОРП.

кой-либо дискриминации в отношении денег.

Перед войной Сталин выдвинул задачу: построить более надежную, устойчивую к бомбежке железнодорожную переправу через Днепр. Для этого было решено построить два тоннеля: один – южнее Киева, а другой – севернее. Он считал, что эта железная дорога не будет разрушена в случае войны с немцами.

Гомулка, когда много позже рассказывал мне об этом периоде своей жизни, шутил, не жаловался.

22 июня 1941 года грянула война.

Что такое эвакуация в то время? Вообразить невозможно. Нужно было видеть своими глазами условия эвакуации: из Западной Украины спасался кто как может, это было бегство. Наступление немцев развивалось активно, и Львов с первых дней войны находился под непрерывными ударами немецкой авиации. В особенно тяжелом положении оказались семьи военнослужащих, наших генералов и офицеров. Оттуда бежали кто как мог.

Местные жители в массе своей не эвакуировались ни из Львова, ни из других городов Западной Украины. Они поддались националистической пропаганде и, несмотря на всю нашу агитацию, митинги и разъяснения, занимали враждебные позиции. С нами отступало какое-то количество людей, но это были единицы, а не массовая эвакуация.

В 1941 и 1942 годах у нас не возникало особых вопросов, связанных с Польшей. Не до того нам было. Только в пере-

ломном для хода войны в начале 1943 года у нас стали думать по-настоящему об использовании польских воинских частей на советско-германском фронте.

Правда, первая, неудачная попытка формирования польских частей под командованием польского генерала Андерса¹⁶⁷ была сделана раньше, в 1942 году. Он, кажется, командовал кавалерией в Польше и оказался у нас в плену. Когда из поляков, находившихся в Советском Союзе, была сформирована польская армия, генерал Андерс отказался сражаться против Гитлера на территории Советского Союза, и его войска перебросили через Иран в Африку, где они воевали на стороне англичан.

В 1943 году, по крайней мере, я слышал об этом на завершающем этапе Сталинградской битвы.

Во второй раз началось формирование польских войск под руководством генерала польской армии Берлинга¹⁶⁸, на-

---

¹⁶⁷ АНДЕРС Владислав (1892–1970) – польский генерал. Во время Первой мировой войны служил в русской армии, затем в польской. Участник польско-советской войны 1920 г. В момент нападения Германии на Польшу в 1939 г. командовал кавалерийской бригадой. Сдался в плен Красной Армии и был заключен в лагерь. После нападения немцев на СССР в 1941 г. его освободили, и он сформировал польскую армию, но отказался воевать на советско-германском фронте. В 1942 г. со своими войсками через Иран перешел в Египет, где воевал в составе британских экспедиционных сил в Африке. Затем жил в Англии.

¹⁶⁸ БЕРЛИНГ Зигмунт (1896–1980) – генерал-лейтенант. Служил в Польской армии, в 1939 г., после поражения Польши в войне с Германией, в советском плену, будучи подполковником, начальник базы в Польской армии генерала АНДЕРСА Владислава (1892–1970). После ее ухода в Иран летом 1942 г. остался в СССР. В 1943–1944 гг. полковник Берлинг командовал дивизией им. Костюш-

ходившегося в Советском Союзе. Ради этого его привезли из Сибири, где он сидел в лагере.

Когда началось формирование польских частей, мы задумались о политической и патриотической работе среди польских солдат, то снова всплыла фамилия Ванды Львовны Василевской. Думаю, что это был результат моих неоднократных бесед со Сталиным, в которых я с восхищением рассказывал о Ванде Львовне, о ее политических достоинствах, о ее патриотизме, о ее верности коммунистическим идеям.

Новая воинская часть формировалась под лозунгами Союза польских патриотов, который возглавлялся Вандой Львовной Василевской.

В то время роль Василевской как пропагандиста и политического организатора была очень велика. Василевская выезжала в польские части, и она уже воспринималась руководителем зародившейся польской правительственной ячейки на территории Советского Союза. Мне было приятно, что эта роль поручена Ванде Львовне. Я ее очень уважал, верил в ее искренность и политический разум.

С польскими товарищами, которые входили в состав Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и занимались формированием польской армии, я несколько

ко, будучи генерал-майором – 1-м Польским корпусом, затем Польской армией в СССР и с июля 1944 г. 1-й армией Войска Польского. С осени 1944 г. учился в Военной академии Генерального штаба в СССР, в 1948–1953 гг. являлся начальником Генерального штаба Войска Польского, затем находился на гражданской службе.

раз встречался в Москве у Сталина, а потом в Киеве. Никаких серьезных вопросов они передо мной не ставили. В то время все, что нужно было полякам, в первую очередь вооружение и снаряжение, шло в централизованном порядке, не через меня, а через командование тыла Красной Армии, генерала Хрулева¹⁶⁹. Формирование польских частей в то время происходило в городе Сумы на Украине.

Было решено: польская армия будет действовать на участке 1-го Белорусского фронта генерала Рокоссовского¹⁷⁰, замечательного коммуниста и прекрасного военачальника. Левый фланг 1-го Белорусского фронта находился на территории Украины в районе Луцка. Там сосредоточилась 1-я польская армия генерала Берлинга. Тогда я с ним познакомился и установил хорошие отношения. Сталин мне советовал установить личные контакты. Я с Берлингом неоднократно встречался в Киеве, часто звонил ему по телефону, интере-

---

¹⁶⁹ ХРУЛЕВ Андрей Васильевич (1892–1962). С 1943 г. генерал армии С 1918 г. в Красной Армии. В ходе войны 1941–1945 гг. и после нее, в 1946–1951 гг., заместитель наркома (министра) обороны, начальник тыла в 1945 г. В 1951–1958 гг. заместитель министра автомобильного транспорта и шоссейных дорог, затем заместитель министра строительства.

¹⁷⁰ РОКОССОВСКИЙ Константин Константинович (1896–1968). С 1944 г. Маршал Советского Союза. С 1949 г. Маршал Польши. В Красной Армии с 1918 г. С августа 1937 г. по март 1940 г. арестован, затем освобожден, произведен в генерал-майоры. Во время войны 1941–1945 гг. командовал корпусом, армией, а с июля 1942 г. рядом фронтов. После войны командовал Северной группой войск, а с 1949 по 1956 г. министр обороны Польши. По возвращении в Советский Союз в 1956 г. заместитель министра обороны СССР.

совался, как у них идут дела. В расположении его войск я никогда не был.

Одна встреча мне особенно запомнилась. Произошла она в середине 1944 года. Сталин очень ухаживал за Берлингом и за командованием польской армии.

Берлинг пожаловался Сталину, что украинцы плохо относятся к польской армии. В это время польскую армию передвинули к границе Польши. Сталин приказал разобраться.

Сначала в Киев приехал Маленков, а через день должен был прибыть Булганин (в то время представителем Советского Союза при польском правительстве был Булганин Николай Александрович). Сталин его освободил от обязанностей члена Военного совета Западного фронта и назначил особым уполномоченным.

Я предложил Маленкову:

– Надо поехать встретить Булганина.

– Не стоит, – ответил Маленков, – приедет сам. Пошли кого-нибудь и его привезут.

Я попал в неловкое положение. Мне хотелось выразить уважение Булганину. У меня были дружеские отношения с ним. С другой стороны, мне не хотелось ставить в неловкое положение Маленкова: он отказался ехать. Почему же Маленков, который тоже дружил с Булганиным, в то время когда я был секретарем Московского областного и городского партийных комитетов Москвы, проявил такое недружелюбие? Потом мне стало ясно, в чем дело.

В 1943 году было предпринято несколько наступлений Западного фронта, где Булганин был членом Военного совета, против немцев, и эти наступления не имели успеха. Сталин возмутился и назначил комиссию для проверки причины провала наступлений Западного фронта. Комиссию эту возглавил Маленков. Она провела следствие.

Обвинили штаб Западного фронта в неумении управлять войсками и плохом использовании материальных средств. Командовал тогда этим фронтом Соколовский¹⁷¹, милый человек и, безусловно, знающий военное дело, а Булганин был членом Военного совета. Я не могу сказать об административных, распорядительных свойствах Соколовского, но как штабного человека я его очень высоко ценил.

При освобождении Соколовского и Булганина от должностей я не помню, наложили ли на них какое-то взыскание. Маленков мне говорил, что им записали, кажется, выговор, но что-то нетвердо у меня сохранилось в памяти. Маленков зная, что он «наградил» Булганина, соответственно строил свои отношения. Я не верил в объективность расследования

---

¹⁷¹ СОКОЛОВСКИЙ Василий Данилович (1897–1968) – Маршал Советского Союза (1946), на военной службе с 1918 г. В 1921 г. окончил Военную академию РККА, затем на штабной работе. В 1938–1941 гг. начальник штаба московского военного округа. В 1941–1945 гг., попеременно, заместитель начальника Генерального штаба и начальник штабов ряда фронтов. В 1946–1949 гг. главнокомандующий Группой советских войск в Германии. В 1949–1952 гг. 1-й заместитель министра Вооруженных Сил (с февраля 1950 г. – военного министра) СССР. В 1952–1960 гг. начальник Генерального штаба. С 1960 г. в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, т. е. в почетной отставке.

и в компетентность Маленкова. Я знаю, что Маленков, как только приехал, то следствие вел так, как ему сказал Сталин. А Сталин, видимо, рвал и метал против Булганина. Следовательно, Маленкову надо было приехать на место и составить соответствующую записку.

Приехал Булганин, а с ним Берлинг. Тогда я узнал, в чем дело. Маленков мне сообщил, что он тоже приехал по этому же делу как главное лицо.

Я спросил Берлинга:

– В чем выражается плохое отношение украинцев к вашей армии?

– Ну, – говорит, – украинцы постоянно выражают недовольство.

Я спросил:

– В чем это проявляется? Видимо, ваши солдаты их грабили? Армия всегда берет у крестьян. Потом, может быть, коней выпасали на посевах крестьян? Естественно, они будут выражать недовольство. Кроме того, вам надо иметь в виду, что западные области Украины долго находились в составе польского государства. Польское правительство вело неразумную национальную политику, дискриминировало украинцев, притесняло их. Поэтому они поляков не жалуют. Тому история свидетель, сколько веков украинцы воевали против Польши? Еще со времен Богдана Хмельницкого.

Он почувствовал себя неловко и ответил:

– Знаете, я сам не ожидал такого поворота и этого не хо-

тел. Я, собственно, никаких претензий не имею. Видимо, я необдуманно сказал Сталину. Как солдат, я сам понимаю, что такие инциденты всегда бывают между войсками и гражданским населением.

Я очень хорошо относился к Берлингу. Я его знал и ценил как политическую фигуру и командующего польской армией, которая будет действовать вместе с советскими войсками. Я хотел укрепить наши отношения и расположить его к нам. Я ему часто посылал посылочки: какие-то украинские деликатесы, икру, которую получал из Москвы.

Заседание комиссии закончилось обедом, и солидным обедом, с напитками, как положено для высоких представителей комиссии. Маленков был тогда почти не пьющий. Но Украина должна была проявить хлебосольство, и оно было проявлено. На этом наша встреча и разбор дела закончились. Булганин улетел с Берлингом, а Маленков через какое-то время вернулся в Москву. Так произошло мое знакомство с командующим польской армией.

В 1944 году, как мне помнится, какие-то польские антифашисты перешли линию фронта, и я их принимал у себя, на Украине, устроил им обед. Сталин мне поручил оказать им помощь и содействие.

В том же 1944 году Красная Армия заняла часть польской территории, в том числе город Люблин. Люблин – это большой город, когда-то он был столицей Польши. Появился в нашем расположении и генерал (генеральское звание ему

было присвоено еще во времена Пилсудского) Роля Жимерский¹⁷². Хотя, как мне рассказывали, он в те годы сидел в тюрьме. Ему Пилсудский почему-то не доверял. Я не знаю, в чем было дело, я не уточнял, но мне говорили, что якобы его обвиняли в том, что он является агентом Советского Союза. Этот человек был нашим другом. Умный человек, с опытом. Я считаю, что доверие ему оказывали заслуженно. Я твердо сейчас не помню, кто продолжал возглавлять комитет (Берут или Василевская) – верховную власть Польши, которой было подчинено все, в том числе и армия, которой командовал генерал Берлинг.

Стали формировать правительственные органы Польши. Для расположения правительственных органов они избрали Люблин. Это правильно, так как территория – польская, бывшая столица Польши. Там же обосновался и Булганин.

В то же время, чтобы как-то смягчить осадок, отложившийся в польских душах после подписания договора Молотовым и Риббентропом, Сталин вновь пересмотрел границу между Украиной и Польшей, Белоруссией и Польшей. Это решение получило свое подтверждение на Ялтинской кон-

---

¹⁷² ЖИМЕРСКИЙ Роля (Лыжвинский Михаль) (1890–1989). В 1911–1914 гг. офицер австрийской армии. С 1918 г. в польской армии, генерал. В 1926 г. не поддержал военный переворот Ю. Пилсудского, арестован и после освобождения в 1938 г. эмигрировал во Францию. Во время Второй мировой войны действует в польском Сопротивлении. С 1944 по 1949 г. главнокомандующий Войска Польского. В 1945–1949 гг. министр обороны Польши. В 1949–1952 гг. член Государственного совета Польши. 14 мая 1953 г. арестован, в 1955 г. освобожден, занимал пост вице-президента Польского Народного банка.

ференции.

О новом решении этого вопроса я узнал во время сообщения об этом польским руководителем. Холм¹⁷³ с сельскими районами отходил к Польше. Эти районы полностью, за исключением небольшого меньшинства польского населения, были заселены украинцами. Опять значительное количество украинцев отходило в состав польского государства.

Новыми границами, которые определил Сталин, украинцы были недовольны. Это недовольство внешне не проявлялось, но между собой много говорили, что это украинские земли, и даже по Версальскому договору, определившему «линию Керзона»¹⁷⁴, они отходили к Украине. Поляки в 20-е годы нарушили эту «линию» и продвинулись значительно дальше на восток. Даже граница 1939 года больше соответствовала национальным интересам украинцев, чем та линия, которую установили после войны.

Украинцы роптали. Опроса украинцев, конечно, не было, но интеллигенция, на которую опирался и Центральный Комитет Украины, и правительство, отражала чаяния своей нации. Она болезненно переживала и высказывала мне свое

---

¹⁷³ Холм (Хелм) – город преимущественно с украинским населением в 65 км к востоку от Люблина. Первые поселения относятся к X в. После строительства замка в XII в., начиная с 1240 г. и захвата Киева монголами, Холм становится центром православия на западных землях.

¹⁷⁴ КЕРЗОН Джон Натаниэл (1859–1925) – британский маркиз, министр иностранных дел в 1919–1924 гг. Его «линия» была рекомендована Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

недовольство.

Своим решением Сталин поставил меня, как председателя Совета народных комиссаров Украины и секретаря Центрального Комитета, в пикантное положение. В 1939 году воссоединение было торжественно отпраздновано и в Киеве, и в Москве, потом утверждено на сессии Верховного Совета. Национальные интересы украинцев были удовлетворены. Впервые в истории украинского народа Украина была воссоединена, а теперь приходилось отступать. Но что я мог поделать, так решил Сталин.

Я думаю, что Сталин так поступил, чтобы как-то смягчить воспоминания о пилюле, которую он преподнес полякам договором, подписанным Молотовым и Риббентропом, договором о разделе Польши. Теперь Сталин проявил «понимание и добрую волю», уступил часть украинской территории Польше. Когда я встречался с поляками и обменивался с ними мнениями, то поляки тоже выражали недовольство границей, они считали, что граница должна была быть перенесена еще восточнее.

Я считаю, это непреодолимый спор. Если вдуматься, то и в интересах Польши, и в интересах Советского Союза установить добрые, братские отношения между нашими странами. Поэтому уступка, которую сделал Сталин, политически оправдывалась тем, что как-то сглаживала горький осадок у поляков, оставшийся от 1939 года. Она создавала хорошие предпосылки для взаимопонимания и дружбы между наши-

ми народами.

Вопрос с украинским населением, живущим на польской границе, Сталин решил просто: предложить им переехать на Украину. Поляки это приветствовали. Им это было выгодно. Польское население, жившее на Украине, если желало, могло переехать в Польшу, поляки соглашались их принять. Желающих было достаточно.

Такие же условия были обговорены Польшей и в отношении белорусской границы и белорусского населения.

Сталин сказал о таком решении мне и Пономаренко¹⁷⁵, который тогда был председателем Совета народных комиссаров Белоруссии и секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии. Мы должны были войти в контакт с польским временным правительством, провести переговоры и создать условия обмена населением. Этот вопрос был уже не дискуссионным, а решенным. Мы получили указания.

По телефону мы договорились с товарищем Пономаренко о дне поездки в Люблин. Нас встречал Булганин. Я прилетел из Киева, а Пономаренко – из Минска. Мы привезли

---

¹⁷⁵ ПОНОМАРЕНКО Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984) в 1944–1948 гг. председатель Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) Белорусской ССР. В 1952–1953 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС. В 1948–1956 гг. секретарь ЦК КПСС. В 1952–1953 гг. заместитель Председателя Совета Министров СССР. В последующие годы: министр культуры СССР, первый секретарь ЦК КП Казахстана, посол в Польше, Индии, Непале и Нидерландах, постоянный представитель СССР в Международном агентстве по атомной энергии. В 1962–1978 гг. преподаватель Института общественных наук при ЦК КПСС.

с собой консультантов, которые должны были присутствовать при переговорах. Поляки нас встретили очень хорошо. Практически все вопросы решались быстро, без проблем.

Уполномоченным правительства Советской Украины при правительстве новой Польши был назначен Подгорный. Он в то время работал в украинском министерстве пищевой промышленности. Реализация договоренностей шла через него.

Я помню обед, данный правительством Польши в честь представителей Украины и Белоруссии. На обеде роль тамады выполнял Роля Жимерский. Он показал все свое генеральское превосходство над остальными. Он был очень весел и хорошо вел стол. Произвело впечатление на всех присутствующих еще и то, что он знал манеры высшего общества.

Остальные присутствующие были простыми людьми, пользовались своей терминологией. Когда украинцы поднимали бокалы, то говорили: «Будь мо, будь мо!» – «Будем здоровы!» И примерно такая же застольная терминология была у белоруссов, а его тост оформлялся цветистой фразой. Он демонстрировал свои познания в этикете высшего польского общества. Потом был организован большой обед с привлечением широких кругов сложившегося нового польского руководства. Состоялось совещание представителей польского крестьянства.

Я присутствовал на совещании и беседовал с польскими крестьянами. Крестьяне как крестьяне, они были рады сво-

ему освобождению.

Там я познакомился с Витасом¹⁷⁶. Это известная в Польше фамилия. Старший брат, старый польский политический деятель, к тому времени уже умер. Младшего брата привлекли к работе Польского комитета. Он был вожаком польских крестьян, конечно, зажиточных, стоял на позициях кулацкого хозяйства. И сам Витас был довольно-таки зажиточным человеком, не помещиком, но кулаком.

Дело было в августе, и я решил угостить польских крестьян украинским деликатесом. Позвонил я в Киев и попросил доставить попутным самолетом в Люблин арбузов и дынь. Арбузы и дыни в Польше не росли, и этого продукта крестьяне не знали. Угощение произвело хорошее впечатление, но произошел смешной казус. Витас очень боялся колхозов, боялся, что мы будем навязывать их силой. Когда подали нам дыни, а привезли дыни сорта «колхозница» – это некрупные плоды, но очень ароматные и вкусные, я спросил:

---

¹⁷⁶ ВИТАС Винсент (1874–1945) – лидер Польской Крестьянской партии «Польске Стронництво людове» и премьер-министр Польши в 1920–1921 гг., 1923 и 1926 гг. В 1926 г. был свергнут во время переворота Ю. Пилсудского и в 1930 г. арестован, затем освобожден и в 1939 г. заключен немцами в концентрационный лагерь. Умер вскоре после освобождения Польши. Н.С. Хрущев встречался с его братом ВИТАСОМ Анжеем (1878–1973) – лидером левого крыла Польской Крестьянской партии «Воля люду», входившей в состав Крайовой Рады Народовой и Польского комитета национального освобождения. Он был тогда вице-председателем Союза польских патриотов (в Советском Союзе) и вице-председателем отдела сельского хозяйства и аграрной реформы в переходном правительстве Польши, возглавлявшемся Болеславом Берутом.

– Как вам, господин Витас, нравится наша «колхозница»?

Я не знаю, как он понял, но он переспросил:

– Это колхозница? Дыня?

Я говорю:

– Да, «колхозница».

– А почему она не красная?

Он, видимо, хотел меня как-то уколоть, смысл его остроты я не понял. Он как-то по-другому понял, решил, что я вкладываю особый смысл, называя дыню «колхозницей». Я всегда чувствовал, что этот человек стоял в оппозиции по вопросу перестройки сельского хозяйства на колхозных началах, хотя в то время этот вопрос не только не стоял, но мы даже и не заикались о колхозах. Вообще я не вел разговоров о политическом устройстве Польши после изгнания немцев, это считалось внутренним вопросом Польши, и он должен быть решен после освобождения всей территории.

Мне не поручали вести эти переговоры, и я не вмешивался в эти дела.

Тогда у меня сложились хорошие отношения со всеми поляками, хотя были люди там политически разные.

Особенно мне нравился, я не говорю о Ванде Львовне, Болеслав Берут¹⁷⁷ – чистый, искренний, обаятельный и одно-

---

¹⁷⁷ БЕРУТ Болеслав (1892–1956) – член компартии Польши с 1918 г. В 1944–1947 гг. Председатель Национального Народного Совета. В 1948–1956 гг. Председатель (первый секретарь) ЦК Польской Объединенной рабочей партии, образовавшейся после слияния в 1948 г. коммунистической и социалистической партий. Председатель Госсовета (1947–1952) и правительства (1952–1954) Польши.

временно разумный человек. С ним легко было не только вести переговоры, но и просто беседовать. Хорошее впечатление производил Роля Жимерский, в сравнении с другими был это человек высокой культуры, в какой-то степени с аристократическими манерами, дело иметь с ним было приятно.

Осубка-Моравский¹⁷⁸, безусловно, придерживался буржуазных взглядов на будущий строй польского государства, по своим настроениям он настоящий пэпээсовец, я не скажу, что пилсудчик, но пэпээсовец¹⁷⁹. У нас тогда бытовало понятие «пилсудчик» – польский фашист. Он был пэпээсовец, выступал против марксистско-ленинского учения. На меня Осубка-Моравский производил впечатление, не выгодное для него.

Я уже упоминал, что в то время Советское правительство в Люблине представлял Булганин. Это облегчило мою миссию. С Булганиным мне было легко общаться, мы хорошо понимали друг друга. Булганин мне рассказывал, как идут дела, давал характеристику людям.

Я помню тогда нам сообщили, что в немецком концлагере около Люблина (я не помню сейчас, как это место называлось)¹⁸⁰ открыли могилы людей, убитых немцами. Там были

---

¹⁷⁸ ОСУБКА-МОРАВСКИЙ Эдвард (1909–1997). Президент Варшавы в 1944–1945 гг., одновременно – с 1 января по 28 июня 1945 г. – Председатель Временного правительства Польши, потом заместитель министра народной обороны, генерал.

¹⁷⁹ Пэпээс – Польская социалистическая партия (1892–1948).

¹⁸⁰ Это Майданек – концентрационный лагерь в 4 км от центра Люблина.

сделаны печи, где сжигали трупы, но не всех сжигали, видимо, не справлялись печи. Открыли огромные рвы, заполненные трупами убитых.

Я предложил:

– Давай, Николай Александрович, поедем посмотрим.

Когда мы приехали, работы еще велись, откапывали ров. Ужасная картина. Вскрывали небольшой слой земли, а ниже лежали полуразложившиеся трупы. Зловоние было невозможное. Булганин не смог терпеть, сбежал. Я вытерпел, потому что мне хотелось хорошенько разузнать, познакомиться с этим нечеловеческим зверством, которое совершили немцы. Да и перед врачами и рабочими мне было несколько неудобно предстать изнеженным белоручкой, не выносящим трупного запаха.

Там стояло много печей с остатками не до конца сгоревших костей. Нам показали камеру, оборудованную под баню, в которой умерщвляли узников газом. Нам рассказали, что людей гнали сюда вроде как мыться, а когда они заполняли зал, то дверь закрывалась, помещение наполнялось газом, и все люди умирали. Тогда трупы извлекали и сжигали в печах.

Потом повели нас в длинный дощатый барак. В этом бараке открылась ужасная картина: он был заполнен огромным количеством женских волос. Видимо, перед казнью у женщин срезали косы, связывали в пучки и складывали сюда,

как все равно делали в деревне заготовители щетины.

Оттуда мы перешли в другое отделение, наполненное обувью. Обувь там была всяких размеров: мужские и женские ботинки и туфли. Тоже огромное количество, и все разложено с немецкой аккуратностью.

До нашего посещения там побывало много наших людей, и этот немецкий порядок был уже несколько нарушен. Впечатление очень тяжелое, ясно было, что обувь эта осталась от тех несчастных, которых во рвах откапывали наши саперы.

Эта картина была не для людей со слабыми нервами. Варварство немцев вызывало еще большее негодование против фашизма, против Гитлера, которые совершили эти зверства.

Недалеко от Люблина расположен древний город Холм (иначе Хелм). Мы с Николаем Александровичем Булганиным решили поехать в этот город, посмотреть его. Почему я хотел туда поехать? В этом городе в гимназии училась Нина Петровна, моя жена. Она мне рассказывала о нем. Город Холм до Первой мировой войны входил в состав Российского государства. Мне хотелось посмотреть, что это за город, что там за люди живут.

Мы посетили очень старый, я не помню, какого века, православный собор. Нас сопровождал священнослужитель, я не знаю, в каком он был звании, но человек старше среднего возраста. Он нам рассказывал о соборе, я сейчас не помню содержания его рассказа, но я запомнил его лицо и его глаза. С такой грустью, с такой болью он нам рассказывал исто-

рию храма. Его грусть была вызвана тем, что Холм отходит к Польской Республике.

Священник нам выплакивал:

– Смотрите, это же русский храм, он построен русскими. Теперь мы лишимся его, его снова переделают под костел.

Он начал рассказывать, что уже бывало в истории, когда этот храм переделали под костел. Потом возвращались русские, опять восстанавливали православный храм. Он буквально слезы лил. Мы слушали его, но не стали разговаривать на эту тему. Что мы могли поделать? Осмотрели собор и уехали.

Зимой 1945 года наши войска наконец заняли Варшаву. И тогда же я вплотную занялся польскими делами, организуя помощь восстановлению Варшавы. Сталин сказал мне: «Вот наши войска освободили Варшаву, и поляки потребовали к себе Микиту» (так он обращался ко мне, когда был в хорошем расположении духа).

Потом он перешел на деловой тон.

– У вас, – говорит, – накопился большой опыт восстановления разрушенных городов. Вы на Украине уже много сделали по восстановлению хозяйства. Сейчас освободили Варшаву. Мне докладывают, что там нет воды, нет электричества, не работает канализация. Улицы завалены щебнем. Одним словом, Варшава лежит в развалинах. А новые польские руководители – люди неопытные, никогда они ничем не управляли и нуждаются в помощи. Поэтому вы поезжай-

те туда и помогите нашим товарищам полякам восстановить разрушенное городское хозяйство Варшавы.

Мне признаться было очень приятно слушать эти слова. Я был очень доволен таким поручением и был уверен, что смогу помочь полякам. Я знал по опыту: при любых разрушениях можно восстановить хозяйство, получить минимально нужное количество электрической энергии, восстановить водопровод и канализацию, хлебопечение и другие отрасли коммунального хозяйства, без которых жизнь в городе невозможна.

– Хорошо, – ответил я, – выеду немедленно, но разрешите мне взять специалистов из Москвы, а может быть, затребовать кое-каких инженеров из Киева, надо сразу иметь под рукой специалистов, которые занялись бы электричеством, канализацией и транспортом.

– Берите кого хотите. Вы знаете московских инженеров-коммунальщиков и киевских. Это ваше дело.

Я сформировал бригаду специалистов и выехал в Варшаву. Мне было очень приятно помочь польским друзьям, но мне, не скрою, хотелось взглянуть на разрушенную немцами Варшаву, встретиться с людьми, пережившими восстание, поговорить с ними.

Прибыли мы в Варшаву. Мне сказали, что новое польское правительство располагается на правом берегу Вислы, в предместье Варшавы, оно называлось Прагой, там остались неразрушенные строения. На левом же берегу основной го-

род находился в руинах, все там было разрушено.

Первым делом я встретился с Берутом, президентом, Осубкой-Моравским, премьер-министром, и Спыхальским¹⁸¹, мэром Варшавы.

Познакомили меня с польским архитектором, я забыл его фамилию, он разработал первые соображения по восстановлению Варшавы, показывал мне кое-какие наброски.

В этот мой приезд Берут познакомил меня с Берманом¹⁸².

Главным помощником я взял с собой Андрея Евгеньевича Страментова¹⁸³. Я Страментова уважал и хорошо знал. Это подготовленный человек, прекрасно знавший городское хозяйство, особенно дорожное строительство. А здесь мне еще

---

¹⁸¹ СПЫХАЛЬСКИЙ Марианн (1906–1980) – архитектор, член компартии Польши с 1931 г. С 1939 г., после нападения Германии на Польшу, воюет в Сопротивлении. С 1942 г. один из создателей Гвардии Людовой и начальник ее главного штаба, в 1944–1945 гг. президент (мэр) Варшавы, в 1945–1948 гг. первый заместитель министра народной обороны, в 1956–1968 гг. министр народной обороны, в 1968–1970 гг. председатель Госсовета ПНР, с 1963 г. маршал Польши. В 1944–1948 гг. и 1959–1970 гг. член Политбюро ЦК ППР и ПОРП.

¹⁸² БЕРМАН Якоб (1901–1984). С 1928 г. член компартии Польши. После освобождения Польши министр безопасности и ближайший советник Б. Берута. С 1954 г. заместитель премьер-министра. После смерти Берута в марте 1956 г. в апреле 1956 г. снят со всех постов и исключен из партии за «сталинские ошибки». В дальнейшем работал в одном из издательств Польши.

¹⁸³ СТРАМЕНТОВ Андрей Евгеньевич (1902–?) – инженер-строитель. В 1924 г. окончил МВТУ им. Н.Э. Баумана, с 1924 по 1941 г. строил набережные и мосты в Москве. В 1941–1943 гг. в армии, подрывник. С 1943 г. в Киеве руководил восстановлением Крещатика, строил дороги. С 1948 г. и до конца жизни профессор Московского инженерно-строительного института. Автор ряда монографий по городскому строительству и развитию городского транспорта.

очень требовались его пробивная энергия и его организаторские способности. Страментову я поручил возглавить бригаду специалистов, которую мы составили из московских инженеров коммунального хозяйства. Первым делом они должны были обследовать остатки коммунального хозяйства Варшавы и определить, что можно восстановить и в какие сроки.

Работа была очень тяжелая. Коммуникации Варшавы скрывались под горами щебня и битого кирпича. Я поднялся на самолете, осматривал Варшаву с воздуха: это была какая-то груда развалин, а не город. Я не знаю более образного слова, чем руины, но никакое слово не может дать представление о тех разрушениях, которые я увидел, о состоянии города Варшавы в те дни. Это был не город, а горы щебенки.

Я наблюдал такую картину: лежит куча щебня, а смотришь, из-под этой кучи выходят люди. Оказывается, дом разрушен, но осталось подвальное помещение. Люди как-то расчистили вход и превратили это подвальное помещение в жилье.

Наши специалисты докладывали мне каждый день о проделанной работе. Мои посланцы по энергетике, водопроводу и канализации – это нас интересовало прежде всего – пришли в радужном настроении.

– Знаете, – говорят, – на электростанции турбины не разрушены, их можно восстановить. Здание разбито, надо расчистить. Как только здание приведем в порядок, можно будет запустить турбины и получить ток. Электроэнергии по-

лучим столько, что потребителей не хватит.

Я обрадованно шутил с товарищем Берутом:

– Товарищ Берут, нельзя ли от вас за услуги, которые мы вам оказываем, получить немного электроэнергии, у нас на Украине ее не хватает.

Это шутки. У них ее тоже не хватит, как только начнет работать городское хозяйство. Первым делом следовало наладить освещение, потом пустить насосную станцию, чтобы создать хотя бы элементарные городские условия для живущих в Варшаве людей.

Берут мне отвечал:

– Пожалуйста, за работу будем платить по затраченному труду.

Когда мы запустили турбины, я доложил Сталину, и он мне сказал:

– Вы оттуда не выезжайте, пока не создадите хотя бы минимальных условий нормальной жизни, не восстановите необходимые агрегаты для обслуживания населения Варшавы. В Киеве пока обойдутся без вас, там есть ваши люди и дело налажено. Пусть они без вас поработают, а вы в Варшаве поработайте.

Мы радовались, что водопровод скоро будет пущен, насосы исправны; если были какие-то поломки, то они будут быстро восстановлены. Стали восстанавливать водопроводную сеть. Она где-то была разрушена снарядами, а где-то разорвало морозом водопроводные трубы разводящих сетей,

но главные подземные коммуникации были в исправном состоянии или требовали для восстановления небольших усилий. Канализация тоже оказалась исправной. Все стали вводить в строй. Половина Варшавы получила электричество, водопровод и канализацию. С пекарней было проще: дали воинские походные пекарни. Они удовлетворяли потребности небольшого населения Варшавы, потому что люди после разгрома Варшавы Гитлером расползлись по провинции. Варшавяне начали расчищать город.

В какой-то праздничный день, видимо в воскресенье, руководители Варшавы организовали воскресник по уборке и расчистке улиц.

Мне товарищ Берут предложил принять участие в воскреснике: «Давайте символически поработаем», – и с хитрой улыбкой посмотрел на меня, он всегда говорил с улыбочкой.

Я согласился с готовностью.

Мы взяли лопаты, главным орудием производства в тех условиях была лопата, и пошли на какую-то улицу. Народу вышло относительно много. Улицы заполнились народом: кто с лопатами, кто с носилками, одни грузили, другие относили. Одним словом, работали. Тут же, конечно, крутились и киношники. Они зафиксировали для истории, какой была Варшава. Сейчас Варшаву восстановили, и она превратилась в красивый современный город.

Мне захотелось побывать в Лодзи. Я много слышал о Лодзи, это был пролетарский центр, рабочие Лодзи имели бога-

тые революционные традиции.

Я спросил товарища Берута:

– Как вы смотрите, если бы я съездил в Лодзь?

– О, это хорошо, пожалуйста.

Тут вмешался Осубка-Моравский:

– Я бы с удовольствием тоже поехал с вами. Вы не возражаете?

– Буду рад.

Поехали. Дорога в Лодзь клинкерная, неразрушенная. Погода стояла солнечная. Приехали в Лодзь. Проехали по улицам, осмотрели город. Город находился в хорошем состоянии, больших разрушений не было. Опустился вечер, мы намеревались заночевать в Лодзи, а утром возвратиться в Варшаву.

Нас разместили в гостинице. Гостиница была обставлена богато, видимо, когда-то это была роскошная гостиница, но и в то время, когда нас в ней разместили, она выглядела тоже хорошо. Только страдали мы от холода. Отопление не действовало, и мы вынуждены были укрываться всем, что у нас было.

Сели мы за ужин. Ужинали мы в ресторане тем, что с собой привезли: селедочка у нас была и кое-какие другие продукты. Ресторан, по нашим понятиям, роскошный. К нам с Осубкой-Моравским пришли лодзинские руководители. Когда ужин был в разгаре, появился Роля Жимерский. Он с нами не ехал, не знаю, был ли по делам в Лодзи или где-ни-

будь в окрестностях. Своим появлением он сразу внес оживление в наш ужин. Человеком он был очень общительным, с веселым нравом, приятным, умным собеседником.

Пужинали. Лодзинские руководители рассказывали о своих делах. На меня они произвели очень хорошее впечатление, люди умные и болеющие за свое дело. Они делали все, что было в их силах, чтобы скорее восстановить свой город. По-моему, никакие предприятия в Лодзи не работали, и город был полупустынный. Оживления на городских улицах я не видел. Люди ходили, понунив голову, снабжение, видимо, было плохое. В общем, так выглядели все города, которые освобождались от гитлеровской оккупации.

На следующий день мы вернулись в Варшаву.

После возвращения из Лодзи товарищ Берут мне больше рассказал о товарище Гомулке, который в то время занимал пост секретаря Центрального Комитета.

– Сейчас он болен и лежит у себя на квартире, поэтому хорошо было бы, если бы вы смогли к нему заехать, – сказал Берут.

Я ответил, что с удовольствием навещу Гомулку, мне самому очень хотелось познакомиться с ним. Я поехал к нему на квартиру. Встретила меня женщина – жена товарища Гомулки, по-моему, она в тот момент занималась стиркой. Квартира Гомулки выглядела мрачной, плохо освещенной, стены и потолок закопчены. Видимо, отапливалась она печуркой, «буржуйкой», как мы ее называли в Гражданскую

войну.

Гомулка меня встретил приветливо, он был на ногах, не в постели. Лицо его было перевязано какой-то широкой черной лентой, выглядел он довольно экстравагантно.

Мы приступили к беседе. Он рассказал о положении дел в Польше и дал свои оценки. Не помню, сколько времени я у него провел, но я остался очень доволен и встречей, и беседой. Гомулка на меня произвел очень хорошее впечатление.

По возвращении из Варшавы я заехал в Москву и рассказал Сталину о проделанном. Кроме того, оставил записку, где подробно описал, в каком состоянии увидел Варшаву, что именно мы сделали, какое впечатление на меня произвели различные люди. Уделил много внимания встрече с Гомулкой, который был для нас фактически новой личностью. Сталина очень интересовало, что он за человек. О Гомулке я высказал только положительное. И не об одном Гомулке, но и о других польских политических деятелях. Однако с ними Сталин встречался и раньше, а вот Гомулка был для него человеком новым.

Товарищ Берут на меня произвел особо теплое впечатление. Но я почувствовал его главный недостаток – мягкость. Он показался мне не совсем организованным человеком, не чувствовалось у него организаторской жилки. Его же мягкость, его человечность и безусловная убежденность коммуниста и такой человеческий подход к людям располагали к нему. Эти качества я чувствовал. И на всем протяжении ко-

роткой общественной жизни товарища Берута как руководителя Польши они проявлялись при обсуждении вопросов, которые возникали между нашими государствами.

Сейчас, когда я в отставке, раз в год, по пути из Варшавы в Тбилиси, приезжает дочь Берута, Кристина, и останавливается у нас. Она вышла замуж за архитектора и живет в Грузии. Мы с Ниной Петровной принимаем ее, и эти встречи напоминают нам о хороших временах, когда был жив ее отец и наш друг.

После освобождения Варшавы участие Ванды Львовны в руководстве Польским комитетом стало не столь активным. Она жила в Киеве и только наезжала в Варшаву или Люблин. Я забегаю несколько вперед, но когда Польша была полностью освобождена (я часто встречался с Корнейчуком и Вандой Львовной, они бывали у меня на квартире, мы дружили, я любил беседовать с Вандой Львовной, ее было очень приятно слушать), я высказал ей сожаление:

– Скоро, Ванда Львовна, мы будем с вами реже встречаться.

– Почему? – удивилась она.

– В связи с вашими обязанностями. Вам, видимо, придется переехать в Варшаву. Естественно, реже вы будете приезжать в Киев.

– Нет! – Она была человек резкий. – Нет, не-е-т. Я туда не поеду.

Так растянуто, но твердо произнесла: «Нет!» Она сказала,

что поедет на постоянное жительство в Варшаву только тогда, когда Польша станет республикой Советского Союза. До этого ей делать там нечего. Я с ней не согласился, высказал свое мнение, но она оставалась непреклонной.

Я думаю, дело не в том, что Польша не становилась республикой Советского Союза, а причины были более житейские. Она не хотела оставить Корнейчука, не хотела уезжать от него на долгое время. Каким бы упрощенным ни казалось такое толкование, но думаю, что это обстоятельство имело большое значение в определении места жительства Ванды Василевской после освобождения польской территории от вражеских войск.

Так и случилось. После полного разгрома и капитуляции немецкой армии Ванда Львовна не уехала в Польшу. У нее сохранились очень хорошие отношения с Берутом и с другими руководителями народной Польши, хотя жить она продолжала в Киеве.

Отношения к Ванде Львовне Василевской в Польше были неровные. Берут к ней относился с очень большим уважением и симпатией, но со стороны товарища Гомулки я этого не почувствовал. Очень хорошо к ней относились товарищи Берман, Минц¹⁸⁴ и другие. Она же отзывалась о польском руководстве критически. Эта ее критическая струнка, по-мое-

---

¹⁸⁴ МИНЦ Хиларий (1905–1974). В 1948–1956 гг. член Политбюро Польской Объединенной рабочей партии (ПОРП), экономист. В 1945–1949 гг. министр промышленности, а в 1949–1956 гг. заместитель премьер-министра. В 1952–1954 гг. секретарь ЦК ПОРП. После смерти Б. Берута отставлен от всех постов.

му, отражала какие-то недомолвки с Гомулкой. Конкретно я сейчас не могу вспомнить, в чем это выражалось, да я, собственно, и не спрашивал; это ко мне не относилось. Я не хотел прокладывать борозды раскола, но в моем уме фиксировалось какое-то их взаимное недоверие.

Ванда Львовна частенько ездила в Варшаву, там осталась ее престарелая мать, которую она очень любила и с большой теплотой рассказывала о ней. Конечно, она встречалась и как политический деятель, и как писательница со своими друзьями, привозила свои впечатления о новой Польше.

Берут был для Ванды Василевской уважаемым человеком, она очень уважала Циранкевича¹⁸⁵. Она мне очень много рассказывала о Циранкевиче. Тогда Циранкевич только что вернулся в Польшу, он на Западе находился в концентрационном лагере. Она тепло о нем отзывалась, говорила, что он очень интересный и честный молодой человек, на которого можно положиться.

Она была знакома с Циранкевичем и до войны. Он был пэпээсовцем и работал среди пэпээсовской молодежи.

Молодой, энергичный, способный, умный человек, перспективный политический деятель Польши.

---

¹⁸⁵ ЦИРАНКЕВИЧ Юзеф (1911–1989). В 1941–1945 гг. в немецком концлагере, после освобождения генеральный секретарь Польской партии социалистической, в 1948 г., после объединения социалистической и коммунистической партий Польши в Объединенную рабочую партию, вошел в состав Политбюро ЦК ПОРП, в 1947–1970 гг. являлся премьером страны (в 1952–1954 гг. он уступил премьерство Болеславу Беруту и стал вице-премьером).

Впоследствии Осубка-Моравский был заменен на посту председателя Совета Министров Польской Республики товарищем Циранкевичем. Безусловно, это было согласовано со Сталиным. Я познакомился с товарищем Циранкевичем позже. Не помню, при жизни Сталина или после его смерти. Циранкевич на меня производил хорошее впечатление. Я к нему всегда относился с вниманием и уважением, и сейчас это отношение сохранилось. Правда, его положение было незавидным. Со стороны коммунистов, ставших вождями польского государства, к нему не было абсолютного политического доверия. Всегда вокруг него была настороженность. Некоторые высказывались прямо:

– Неизвестно, кто он такой? Эта личность несколько загадочная.

Он представитель пэпээсовской части в объединенном руководстве, его появление – результат политической комбинации, с тем чтобы привлечь людей. ППС была сильная и многочисленная партия.

О товарище Циранкевиче ходили всякие слухи, но, слава Богу, уже после смерти Сталина. Если бы это было при Сталине, то кончилось бы для него плохо. Циранкевич любил, как мне он сам говорил, водить машину, ездил без шофера. Он умело и быстро ездил. Это тоже вызывало всякие разговоры. Одни говорили, что он ездит, потому что у него очень плохие отношения с женой, поэтому... Это я слышал даже от товарища Гомулки. Но товарищ Гомулка его высоко це-

нил и считал необходимым его присутствие в руководстве.

Кроме того, судачили, что фамилия его не Циранкевич, что он не поляк, а еврей. Циранкевич – это исправленная еврейская фамилия. Его отец имел какое-то торговое дело или мелкое предприятие. Одним словом, эта кандидатура появилась в результате соглашения, в результате комбинаций, и, видимо, товарищ Циранкевич, как умный человек, все понимал. Это накладывало отпечаток на его личность, он больше молчал и высказывался, лишь когда чувствовал необходимость. Свое мнение он выражал четко: я никогда не слышал, чтобы сказанное им не соответствовало обсуждаемому вопросу.

Я считаю, что Ванда Львовна тогда правильно характеризовала товарища Циранкевича, я тоже всегда был и остаюсь высокого мнения об этом человеке. Ванда Львовна хорошо относилась к Берману, он тоже только что появился на польской политической арене. До этого я Бермана совсем не знал, слышал только, что он работал в Коминтерне. Он один из немногих, кто остался жив после чистки 1937–1938 годов.

Потом приехал в Варшаву Минц. Минц – польский коммунист, тоже живший в Советском Союзе. И о нем Ванда Львовна была высокого мнения.

Я со своей стороны тоже высоко ценил Бермана и Минца. У них были разные направления деятельности. Берман – партийный политический деятель и большой организатор, а Минц был экономистом. Минц стал душой в составлении

экономических планов развития Польской Республики, сыграл в этом большую роль.

Зимой 1945 года я по вызову Сталина приехал в Москву. Там я познакомился с лидером эмигрантского польского правительства в Лондоне Миколайчиком¹⁸⁶.

Миколайчик, ярый антисоветчик и антикоммунист, возглавлял польское эмигрантское правительство в Лондоне.

Черчилль его приглубил. Правительство Миколайчика имело свои вооруженные силы на польской территории. Им приказывалось не оказывать содействия советским войскам, а сохранить свои силы, свое вооружение на будущее, на предстоящую борьбу.

Тогда было два польских правительства, одно – в Лондоне и другое – в Люблине. Я не участвовал в переговорах с Миколайчиком.

Миколайчика западные страны продвигали в польские премьеры, добивались, чтобы его в этой ипостаси признал Советский Союз. Миколайчик рассматривался Западом как якорь, который удержал бы Польшу на буржуазных позициях в фарватере политики Запада. Это была политика даль-

---

¹⁸⁶ МИКОЛАЙЧИК Станислав (1901–1966). Член Польской Крестьянской партии, а с 1937 г. ее председатель. С 1929 г. член Польского сейма. После захвата Польши немцами в 1939 г. член Лондонского правительства Польши, а в 1943–1944 гг. его председатель. Инициатор Варшавского восстания 1944 г., в отставке после его подавления. В 1945 г. возвратился в Польшу, основал Польскую народную партию и занял пост заместителя премьер-министра Польши. После поражения на выборах в январе 1947 г. в отставке, а с апреля 1947 г. в эмиграции в Нью-Йорке, США.

него прицела. Мы же, вполне естественно, были против Миколайчика, хотели, чтобы Польша стала социалистической, чтобы Польша стала другом Советского Союза, чтобы на наших западных границах возникло дружеское государство. Мы столько усилий затратили, столько жертв принесли в этой войне и, естественно, хотели защитить свои интересы. Прежде всего нас интересовало, какое будет правительство в соседней Польше и какую политику оно будет проводить.

В своих воспоминаниях я хотел бы коснуться освобождения Варшавы. Когда наши войска вышли на Вислу и подошли вплотную к Варшаве, там вспыхнуло восстание под руководством генерала Бур-Комаровского. Восстание было подготовлено польским правительством, находившимся в Лондоне. Видимо, имелось в виду, что если советские войска вступят в Варшаву, то правительство, которое находилось в Лондоне, сразу же вернется, и, таким образом, будет создано буржуазное правительство во главе с Миколайчиком. Но независимо от этого у нас сложились неблагоприятные условия для наступления на город. Чтобы подготовиться к форсированию реки, надо иметь время, чтобы подтянуть войска, сделать соответствующую подготовительную работу. По тем временам Висла считалась крупной естественной преградой. Брать Варшаву в лоб, форсируя Вислу, было трудно. Такие атаки несут большие жертвы в войсках. Лучше всего организовать фланговый удар. Наши войска уже занимали плацдармы на юге от Варшавы. Нашим левым флангам

предполагалось нанести удар, принудить немецкие войска уйти из Варшавы и освободить Варшаву без особых жертв. На это требовалось время.

Немцы подавили варшавское восстание, взяли повстанцев в плен и сразу расстреляли. Захватили в плен и Бур-Комаровского¹⁸⁷. Сейчас трудно что-либо сказать, что это за фигура. Немцы, захватывая пленных, особенно генералов и людей, которые поднимали восстания на оккупированных территориях, не щадили их. Бур-Комаровский был взят в плен и остался в живых. После войны он проводил антипольскую, антисоциалистическую политику.

Война шла к концу. Я уже не помню, когда Миколайчик возвратился в Варшаву из Лондона, наверное, еще до окончания войны. Сталин был вынужден считаться с союзника-

---

¹⁸⁷ БУР-КОМОРОВСКИЙ Тадеуш (1895–1966). Польский граф и генерал. С 1928 г. на военной службе. С 1941 г. заместитель командующего Армией Крайовой, подчинявшегося Лондонскому правительству Польши, а с 1943 г. – ее командующий. В 1944 г. в руководстве Армии Крайовой и официально возглавлял Варшавское восстание с 1 августа по 2 октября 1944 г. Армия Крайова в 1944 г. вобрала в себя различные действовавшие в Польше подпольные группы, находившиеся под контролем Польского правительства в изгнании, располагавшегося в Лондоне и ориентировавшегося на англичан. Она насчитывала до 300 тысяч человек. Варшавское восстание началось в ожидании вступления советских войск в город с тем, чтобы согласно замыслу Уинстона ЧЕРЧИЛЛЯ, захватив его, де-факто объявить находящимся под контролем лондонской польской политической группировки и тем самым утвердить ее в качестве враждебного СССР нового Польского правительства. Однако Красная Армия не смогла (или не захотела) форсировать Вислу и остановилась на перегруппировку на ее правом берегу. В октябре, после поражения, сдался немцам и заключен в лагерь. В 1945 г. освобожден, жил в Лондоне.

ми. Черчилль нажимал на Сталина, настаивал, что Миколайчик является другом Советского Союза. В письмах Сталину он писал о неправильном отношении к Миколайчику, что он с уважением относится и к Сталину, и к нашему государству, и на него вполне можно положиться как на главу польского государства. Он выполнял эту роль в изгнании, и ему только оставалось переехать в Варшаву и занять место премьер-министра Польши.

Сталин тогда написал Черчиллю, что пройдут выборы и тогда вопрос будет решен. После разгрома немцев пришло время выборов. Миколайчик и другие буржуазные деятели Польши были выставлены кандидатами.

В деревне влияние Миколайчика было очень высоко, да и не только в деревнях. Польша тогда еще сохраняла следы руководства Пилсудского, пэпээсовского руководства. Многие люди были настроены против Советского Союза из-за подписания договора Риббентропа – Молотова. Это оставило нехороший след. Выборы проходили сложно. Поляки умеют остро и метко шутить по текущим политическим моментам. На выборах абсолютное большинство получили кандидаты от Объединенной рабочей партии и Крестьянской партии. Поляки говорили так: «Цой то есть за шкатулка (это урна избирательная)? Опускаешь Миколайчика, а вытаскиваешь Гомулку?»

Тут и рифма получилась, и острый политический смысл. Следовательно, польская интеллигенция, а я считаю, что это

она сочиняла, не верила в объективность выборов, считала, что результаты были подтасованы коммунистами.

Запад, конечно, тоже считал, что выборы не прошли объективно. Однако так или иначе, но Миколайчик получил меньшинство. Политика левых сил стала проводиться более направленно. Миколайчик занял какое-то место в правительстве, конечно, не ведущее. Когда он увидел, что Польша твердо встала на социалистическую основу, то сбежал и вернулся в Лондон.

Бегство Миколайчика было признанием провала его политической платформы. Он увидел, что польский народ в большинстве своем после колебаний, особенно рабочий класс, занял твердую позицию на переустройство страны.

После войны я часто встречался с польскими товарищами, когда Берут, Гомулка, Осубка-Моравский и другие приезжали в Москву. Если и я находился там, то Сталин всегда приглашал меня к их приезду, потому что среди многих вопросов, которые поднимали польские руководители, затрагивались интересы Украины. Сталин, не желая вступать в пререкания с польскими руководителями, подбрасывал мне все неприятные ответы на их претензии. Я-то с удовольствием встречался с поляками, но вовсе без удовольствия знакомился с их претензиями, потому что не всегда мог согласиться с их просьбами. Неприятно отказывать людям, которых ты уважаешь. Мне была отведена как бы роль блюстителя интересов советской Украины. Когда поляки ставили

очередной такой вопрос, Сталин сейчас же отвечал им: «Это касается Украины, вот пусть Хрущев и решает. От него все зависит, с ним и договаривайтесь». А сам смотрит на меня и ожидает (а я по интонации чувствую, чего он ожидает), чтобы я дал отказ. Я старался отказывать в вежливой форме, не желая отталкивать друзей от Советского Союза.

Несколько раз Берут при мне ставил вопрос перед Сталиным о Львове. Потом, когда понял, что Сталин все равно укажет на Хрущева, начал сразу обращаться ко мне: «Товарищ Хрущев, – говорил он своим милым, мягким, располагающим голосом, – уступите нам Львов. У вас есть такая огромная страна, как Украина, а для нас Львов – большой город, он много лет был в составе польского государства, и население там польское, и наша интеллигенция тесно связана со Львовом. Львовяне драматически переживают, что они теперь отошли к Украине. Кое-кто уже перебрался оттуда в Польшу». Я ему: «Товарищ Берут, поймите, что сделать это никак нельзя. Я знаю, много лет Львов находился в составе Австро-Венгерской империи. Населен он действительно поляками. Но и вы знаете, что вокруг него население сплошь украинское. Ведь Львов был заселен поляками искусственно; началось это после первой мировой войны, для вытеснения оттуда украинцев. Ваши претензии не имеют основания. Товарищ Берут, так нельзя. Вы знаете, Пилсудский считал, что Киев должен входить в состав польского государства и обосновывал это исторически: тем, что границы

Польша проходили по Днепру. Поляки не снимали до самой войны лозунг, что Польша должна подчинить себе земли от моря до моря. Мало ли какие желания были. А если украинцев спросить, то некоторые могли фантазировать: может быть, и Краков взять?»

Он удивился:

– Ну что вы?

Я улыбнулся:

– Вот так же и я вам могу ответить. Что вы? Вы же претендуете на Львов.

Разговор велся с улыбочками. Я уж и не знаю, насколько серьезно Берут надеялся, что можно будет договориться насчет возвращения Львова. Зато при беседах с поляками на другие темы Сталин умел их приласкать, занимая позицию ухаживания, чтобы они забыли о 1939 годе.

Гомулка обычно приезжал в составе польской делегации вместе с Берутом, а на Сталина он производил странное впечатление. Сталин часто после отъезда польских товарищей говорил мне: «Не понимаю я Гомулки. Вы посмотрите на него: когда ведешь с ним беседу, он буквально смотрит мне в рот и в блокнот карандашом записывает каждое слово». Но я чувствовал, что в принципе Гомулка нравится Сталину именно этим.

С другой стороны, запись Гомулкой беседы он мог расценивать как действия агента империализма, что он это делает по заданию иностранной разведки, чтобы информировать

своих хозяев.

Полной противоположностью Гомулке был Берут. Он держал себя более свободно, относился к Сталину с уважением, внимательно, но без таких подбροстрастных проявлений, как у Гомулки. Сталин к нему хорошо относился, но до конца не доверял. Не раз в нашем кругу он спрашивал о Беруте:

– Как Берут? Где он был во время оккупации? Как он скрывался? Кто у него жена и чем занимается? Как он сошелся с ней в подполье?

Особенно его интересовали жены руководителей. Он считал, что через жен разведки вербуют коммунистов. А раз задается вопрос, значит, недалеко до беды. Сразу последует поручение советникам при Беруте: разведать и доказать, что это враг народа или чей-то агент, – это одно и то же. К сожалению, очень много этой подлости было.

К моему большому удовлетворению, такого с Берутом не произошло.

Запомнился мне еще такой разговор с Берутом. Во Львове имелась художественная панорама, наподобие Севастопольской или Бородинской. На ней польские художники запечатлели сражение поляков с русскими в ходе восстания под руководством Костюшко. Это полотно было, по-моему, хорошо написано, но я не знаток живописи, и я не могу достаточно умело оценивать его с этой точки зрения. Знаю только, что оно производило сильное впечатление на зрителей.

Изображен там был такой эпизод: польские солдаты ведут пленного русского генерала, соответствующее веселое настроение было изображено на лицах солдат, и в их походке, и в манере держать себя. Картина эта была явно антирусской направленности и вызывала сильные эмоции у зрителей. Поэтому мы, освободив Львов, закрыли доступ посетителям к панораме. То восстание произошло против царского самодержавия. Дело прошлое, а сейчас картина вызывала недружелюбные чувства к русскому народу и Советской власти. Возникла ненужная аналогия, наносящая вред дружбе народов Советского Союза и Польши. Именно поэтому мы закрыли панораму.

Вдруг Берут поднял этот вопрос: «Та панорама в Круглой башне цела?» Я ему: «Безусловно цела. Она была снята со стен еще до войны и хранится на складе. Мне сообщали после освобождения Львова, что она сохранилась, правда, в очень плохом состоянии, потому что, видимо, находилась в сырости и пострадала. Однако ее можно отреставрировать». — «Мы просим вас отдать ее нам». — «С удовольствием, нам она не нужна, вряд ли мы когда-нибудь откроем для посетителей эту панораму. Ее экспозиция служила бы не на пользу нашим отношениям, не способствовала бы укреплению дружбы между нашими народами. Но как вы станете ее использовать? Если выставите панораму в Польше, она будет возбуждать националистические и антирусские чувства, что не в наших и не в ваших интересах. Мы-то должны сейчас

делать все, чтобы сгладить исторически сложившиеся враждебные отношения между нашими странами. Нам обоим не следует напоминать, что поляки занимали Москву и что русские цари делили с австрийскими и прусскими владыками Польшу. Много было горечи в отношениях между нашими народами, надо ее сглаживать».

Но Сталин поддержал Берута: «Ничего страшного, есть же у нас опера “Иван Сусанин”. При вашей постановке вопроса и ее надо запретить как антипольскую». Пришлось мне согласиться. Мы передали панораму польским товарищам. Недавно к нам приезжала Вероника Гостыньская¹⁸⁸, наш старый товарищ. Она спросила меня: «Правду ли рассказывал Осубка-Моравский, что когда Берут поставил вопрос об этой панораме, то вы возражали против передачи ее полякам?» Пришлось мне признаться, что правда, и объяснить, почему я возражал.

Я и сейчас считаю, что поступал правильно. И события последнего времени только подтверждают мою правоту. В 1968 году в Варшаве поставили спектакль на историческую тему по поэме Мицкевича¹⁸⁹ «Пан Тадеуш», воспевавший

---

¹⁸⁸ ГОСТИНСКАЯ Вероника – подруга Нины Петровны, жены Н.С. ХРУЩЕВА. В 1928 г. преподавала в Киевской партийной школе и жила на Ольгинской улице, в одной коммунальной квартире с семьей Хрущевых. В 1937 г. арестована, после смерти Сталина освобождена и вернулась в Польшу. Периодически навещала Хрущевых, вплоть до смерти Нины Петровны в 1984 г.

¹⁸⁹ МИЦКЕВИЧ Адам Бернард (1798–1885) – польский поэт и общественный деятель, родился в Российской империи, умер в изгнании, в Константинополе.

освободительную борьбу польских повстанцев против царского самодержавия. Спектакль шел под аккомпанемент антирусских выкриков и возгласов. Со сцены звучал призыв к борьбе против оккупантов. В спектакле тоже была историческая правда, но в настоящих условиях произошло совершенно неожиданное для руководства Коммунистической партии Польши толкование истории.

Гнев зрителей переносился из того времени в наше, так что всему произведению придавалась направленность не против царей, а против Советского Союза. Такие настроения имели свои последствия. Ведь все происходило в те времена, когда вновь наметились сложные события в руководстве Польши. Оно запретило данный спектакль. То есть спустя столько лет сомнения, которые я высказал ранее Беруту, подтвердились. Спектакль «Пан Тадеуш» охлаждал у польской общественности чувства братской дружбы между народами Польши и СССР, а у части населения вызывал даже возму-

---

С 17-летнего возраста включился в польское патриотическое освободительное движение. В 1815 г. поступил в Виленский университет, в 1818 г. опубликовал свое первое стихотворение «Городская зима», в 1822 г. выходит его поэтический сборник, в одном из стихотворений которого героя убивает своего возлюбленного за то, что он впустил в город русских. В 1823 г. арестован, в 1825 г. выпущен на поруки и изгнан из Литвы. До 1829 г. жил в разных городах России и продолжал поэтическую деятельность. В 1829 г. уехал за границу, занимался публицистикой, писал патриотические стихи, в том числе в 1832–1834 гг. эпическую поэму «Пан Тадеуш». В 1831 г. безуспешно пытался въехать в Россию, чтобы принять участие в польском восстании 1831 г. В 1840–1852 гг. преподавал в Коллеж де Франс, откуда уволен за пропаганду масонства, и в 1855 г. уехал в Константинополь, где умер от холеры.

щение, призывавшее к активным действиям. Во время спектакля происходили демонстрации в зрительном зале, поляки солидаризировались с идеями спектакля, направленными против царизма, но переносимыми в сегодняшнюю действительность.

Добавлю еще несколько слов о Василевской, очень интересной личности. Тот факт, что она пошла с трудовым народом и в своих произведениях описывала жизнь крестьян Западной Белоруссии и Западной Украины, то есть восточных областей Польши, еще в довоенное время, характеризует ее с положительной стороны и вопреки ее происхождению. Ее отец – близкий соратник Пилсудского. Ходили слухи, что Ванда Львовна – крестная дочь Пилсудского. Василевский¹⁹⁰ был министром в правительстве Пилсудского. Мать Ванды Львовны, кажется, была воспитанницей института благородных девиц в Петербурге. И вот Ванда Львовна, тоже благородная девица, избрала путь борьбы вместе с трудовым народом. Раньше она состояла в одной партии с Пилсудским – ППС. Потом стала коммунисткой, вступив в ряды ВКП(б). И стала хорошим и честным коммунистом. К нам ее привели идейность и миропонимание, а не какие-то меркантильные, материальные интересы.

Василевская была человеком острым и прямым. Она иной раз говорила Сталину такие вещи, которые ему вовсе не нра-

---

¹⁹⁰ ВАСИЛЕВСКИЙ Леон (1870–1936) – историк, публицист, этнограф и переводчик. В 1918–1919 гг. был министром иностранных дел Польши.

вились, но она говорила. Мне она импонировала своей прямотой, неподкупностью. Даже ее угловатость, резкость в обращении подкупали искренностью чувства. Это была принципиальная женщина, не терпевшая сделок с совестью. У нее осталась в СССР дочь. К сожалению, не имею сейчас возможности узнать о ней что-либо, тем более установить с ней какие-то контакты.

Сталин благоволил к полякам. Чем могли, тем и помогали. Порой Сталин это делал в ущерб Советскому Союзу. Я имею в виду страшный голод на Украине в 1946–1947 годах в результате бедственного неурожая 1946 года: Украина сдала добросовестно хлеб, все, что могла, но план все-таки не выполнила. У колхозов и колхозников остались пустые закрома. Начался голод, отмечались проявления людоедства, не один и не два случая.

А в это время хлеб, который был взят с Украины, посылался в Польшу. На Украине не было отрицательного настроения к Польше, потому что население не знало этого. Это знал узкий круг людей. Ванда Львовна Василевская, вернувшись из Варшавы, посмотрев, как живут варшавяне, рассказывала мне:

– Я посмотрела: они едят белый хлеб, ругают советское правительство, что мало дает белого хлеба, вместо белого хлеба присылает черный, а поляки черный хлеб никогда не ели.

Украинский хлеб посылается в Польшу, а тут люди пухнут

с голоду и мрут.

Ну в этом обвинить польское руководство и население нельзя. Они обращались с просьбой, им давали – они брали. О том, что происходило на Украине, они, безусловно, не знали. Да этого не знали и в нашей стране, этого не знают и сейчас. Кто мог знать? Знал это я, как первый секретарь Центрального Комитета и председатель Совета Министров, знал это Сталин, знал кое-кто еще. В результате того, что я ставил эти вопросы и настаивал, я сам попал в опалу. В ответ на мое прямое обращение к Москве ввести карточную систему и общественное питание для крестьян, иначе они не смогут работать, получил резкое осуждение за то, что позволил себе написать «клеветническую» бумагу. Весной 1947 года, когда надо было выходить в поле, в Москве вынуждены были признать мою правоту. Мы организовали общественное питание, потому что крестьяне буквально валялись от ветра. А сколько их умерло!

Наши взаимоотношения с Польшей после разгрома гитлеровской Германии развивались на хорошей основе. Но время шло, и начали возникать трудности. Я узнал, что там появились политические силы, которые проявляют недовольство Гомулкой. Произошло это после того, как у нас испортились отношения с Югославией. Из-за чего конкретно возникли разногласия внутри польского руководства, не могу сказать. Могу лишь судить о том по обрывкам разговоров со Сталиным на эту тему, которые отложились в моей памяти.

Если, когда я приезжал в Москву, возникал разговор о Польше, то Сталин высказывал свои соображения на данный счет. Я не был свидетелем того, как решалась судьба Гомулки, когда встал вопрос о его аресте. Но мне это было непонятно, и я сожалел о случившемся, потому что с уважением относился к Гомулке. Прежнее мнение о нем, которое сложилось у меня при первой встрече с ним в Варшаве, не изменилось. Я всегда рассматривал Гомулку как одного из самых достойных руководителей Польши, влиятельного и полезного человека. Однако внутри Польши настроения против Гомулки продолжали расширяться.

Одно из обвинений звучало так: он поддерживает югославов, нигде не выступая с резкой критикой Тито. Более того, как раз перед разрывом с югославами Гомулка ездил в Белград, возглавив польскую делегацию. Гомулке приписывали, что он сочувствует политике, которую проводит Тито. Имею в виду проведение Югославией независимой линии в сфере экономических реформ. Организация экономики в Югославии строилась не согласно методам и формам, принятым в Советском Союзе. Несмотря на заявления югославских руководителей везде и всюду, что они стоят на позициях марксизма-ленинизма и прилагают все усилия к строительству социализма в своей стране, Сталин толковал происшедшее по-другому, и были мобилизованы все научные силы СССР, были открыты все журнальные и газетные страницы для того, чтобы доказать обратное. Югославов называли ренегата-

ми, союзниками капиталистических стран. Все это оказалось ложью. Но рикошетом ударило по Гомулке.

Сначала об этом пока только шептались. Заговорили также, что Гомулка выступает против коллективизации. Это в какой-то степени было верным. Еще и сейчас Польша выделяется из всех социалистических стран своей особой политикой в деревне. Там преобладают кооперативы типа сельскохозяйственных кружков. У нас подобные коллективы в 20-е годы называли ТОЗы, то есть товарищества по обработке земли. В них крестьяне остаются владельцами земли и индивидуальных средств производства. Подобные взгляды Гомулки Сталин считал преступлением. Ведь он ликвидировал ТОЗы и ввел колхозы. Наконец, еще одно обвинение: Гомулка проявлял антисемитизм. Тут я как раз полагаю, что такое обвинение вовсе не порочило Гомулку в глазах Сталина. Сталин сам был сильно подвержен антисемитизму. Не случайно честные евреи, которые работали вместе с Лениным, были потом уничтожены. Конечно, их уничтожали вместе с русскими и другими, тут у Сталина был полный интернационализм.

Однако публично Сталин ревниво оберегал чистоту своих риз и внимательно следил, чтобы не дать повод к обвинению его в антисемитизме. Любой человек, сказавший такое о Сталине, если бы он находился на достигаемом расстоянии, был бы немедленно уничтожен. В чем же состояли поступки Гомулки, которые расценивались как антисемитские? Сам я

никогда ничего похожего от Гомулки не слышал. Уже позже, когда я стал чаще встречаться с ним и у нас сложились дружеские отношения, мы обменивались мнениями по данному вопросу. Оказалось, что он проявлял желание изменить состав Политбюро Польской объединенной рабочей партии, как стала она называться после слияния компартии с социалистами. В составе Политбюро имелась довольно солидная группа лиц еврейской национальности, что вызывало какую-то реакцию со стороны рядовых поляков. Я с пониманием отношусь к тревоге, которую проявил в этой связи Гомулка. Ведь данный факт в конце концов вызвал недовольство шовинистски настроенных людей, что и проявилось потом в резких общественных выступлениях. Так случилось и в Польше, и в Венгрии, где тоже в составе руководства имелся значительный процент лиц еврейской национальности.

Однако люди, против которых выступил Гомулка, были заслуженные, проверенные коммунисты и очень способные руководители. Взять хотя бы Бермана или Минца. Они как бы подавляли других членов Политбюро своим превосходством организаторов и образованных людей, прошедших хорошую марксистско-ленинскую школу.

Берман был влиятельным человеком, умным и опытным политиком. Он имел очень большое влияние на Берута. Сам он не выпирал своей фигуры, а действовал через Берута. Я даже думаю, что без его совета Берут не предпринимал ни одного политического шага. Минц занимался вопросами

экономики, был человек заслуженный, уважаемый. Он был главным лицом, который определял экономические планы.

Может быть, слово «зависть» не совсем уместное. Но сложившееся там положение вызвало отрицательную реакцию иных членов руководящего состава ПОРП. Кадрами в ЦК ПОРП занимался Замбровский, способный человек, но проводивший неразумную политику их расстановки, без учета национального фактора.

Замбровский¹⁹¹ – старый политический деятель коммунистической партии. Во время гитлеровской оккупации был в подполье. Его обвиняли, что он имел сионистские наклонности, не прямо выраженные. Он, как коммунист, не мог быть сионистом, но особое отношение к товарищам еврейской национальности проявлял. Иной раз и у нас на человека бросали незаслуженное обвинение в сионизме. Сионизм и антисемитизм – это родные братья.

Замбровского обвиняли в том, что он, как еврей, покровительствовал еврейским товарищам. Он заведовал кадрами в Центральном Комитете. Поэтому, как говорится, ему и карты в руки. Он продвигал при равных условиях на решающие участки – политические и экономические – в большей

---

¹⁹¹ ЗАМБРОВСКИЙ Роман (1909–1977). В 1928 г. вступил в компартию Польши, в 1945–1963 гг. член Политбюро ПОРП. В 1943–1945 гг. в польской армии, сражавшейся на советском фронте, затем на различных партийных и государственных постах в Польше, в том числе в 1947–1955 гг. министр Госконтроля, в 1956–1963 гг. секретарь ЦК ПОРП и в 1963–1968 гг. заместитель председателя Центральной контрольной палаты.

степени евреев, чем поляков.

Его мотивировка часто была обоснованной: он выдвигал более развитых, лучше подготовленных. Но такие действия получали политическую окраску в глазах сугубо польской части коммунистов, которые тоже хотели активно участвовать в работе и занимать ключевые позиции в руководстве своей страной. Здесь же они вроде бы оттирались, что сгущало атмосферу и порождало глухое недовольство. Именно эти настроения улавливал и отражал Гомулка.

Над его головой нависал арест. Считалось, что домогаются устранения Гомулки главным образом Берман и Минц, хотя это было не так. Сталин при мне рассуждал вслух, что вот поляки хотят арестовать Гомулку, но «не понимаю, – говорил он, – почему они хотят его арестовать, какие к тому имеются данные». Личных бесед, которые с ним вел Берут, я не знаю. Сталин имя Берута конкретно не называл. В конце концов Гомулка был арестован. Уже потом Сталин сказал, что ему позвонил Берут и внес такое предложение. Сталин ему ответил: «Решайте сами, как находите нужным». Гомулка был изолирован и находился в особых условиях, не в обычной тюрьме, а в каком-то замке. Затем широко распространились аресты его сторонников. Оказались арестованными Спыхальский, Совиньский, Клишко, многие другие. Я называю здесь лишь крупные персоны, но и в нижестоящем руководстве сторонники Гомулки тоже были арестованы.

Получилось, что в польском руководстве были разгромлены в основном кадры польской национальности. Это создало совершенно ненормальное положение в ПОРП. Когда Сталин умер, я неоднократно спрашивал Берута: «Согласно каким обвинениям вы держите в тюрьме Гомулку?» Берут был добродушным человеком с мягким характером, он обычно улыбался и отвечал так: «Я и сам не могу толком объяснить это». — «Но если вы считаете, что сами того не знаете, то и освободите!» Однако сохранялись какие-то силы, которые давили на него, или у него имелись скрытые соображения. У меня в результате сложилось впечатление, что давили на него те же Берман, Минц и Замбровский. Я тогда окончательно утвердился во мнении, что последний не совсем правильно понимает национальный вопрос и злоупотребляет доверием, которое ему оказывали.

В то время в Польше преобладали руководящие кадры еврейской национальности. Замбровский не понимал, что, выдвигая преимущественно еврейские кадры, злоупотребляя их количеством по сравнению с поляками, он порождает злостный и самый опасный антисемитизм. Никакой антисемит не сможет сделать большего зла, чем еврей, который, занимаясь кадрами, выдвигает еврейские кадры в ущерб кадрам ведущей национальности государства, в котором они живут. Так это дело и тянулось. Берут не освободил упомянутых заключенных, хотя и не приводил убедительных доводов в пользу того, что эти люди посажены «по заслугам».

Берут был мягким человеком, поддавался влиянию, и Гомулка продолжал находиться в тюрьме.

Отдыхая в Крыму с товарищем Берутом, я в спокойной обстановке говорил ему:

– Гомулка сидит в тюрьме, а до нас доходят слухи, что в Польше есть силы, которые недовольны национальным составом высшего руководящего органа в партии и в правительстве. Определяют политику в значительной степени товарищи не польской, а еврейской национальности, хотя это люди достойные и не вызывают сомнения. Что касалось Бермана и Минца, то эти две фамилии у меня никакого сомнения не вызывали. Сейчас я не знаю, какое положение они занимают, но я и сейчас считаю, что это честнейшие и преданные деятели коммунистического движения, много сделавшие после разгрома немцев для создания польского государства социалистического уклада.

На это Берут со свойственной его характеру улыбкой посмотрел на меня и ответил:

– Товарищ Хрущев, вы знаете, как мне тяжело. Я сам понимаю, что это вызывает недовольство, но ведь Берман – умный человек. Все наши документы по политическим вопросам редактирует Берман, а по экономическим вопросам – Минц. Речи, которые я произношу, тоже подвергаются их редакции. Я нуждаюсь в таких помощниках. Вы сами говорите, что это честные люди.

– Это верно, но это может породить семена антисемитиз-

ма. Потом вы встретитесь с трудностями, — парировал я.

Настаивать я не мог и не хотел. Все осталось по-старому.

Потом Берут умер. Произошло это сразу после XX съезда КПСС. Он заболел, находясь у нас, и умер в Москве. В Польшу был доставлен гроб с его телом. Меня выделили поехать с делегацией от КПСС для участия в похоронах. Я уважал Берута, несмотря на то, что он занял в этом деле такую скверную линию. Похороны были грандиозные. Люди были опечалены, удручены, ходили в слезах. Это проявление чувств я считаю искренним, потому что Берут, чистопородный поляк, импонировал полякам как разумный, внимательный и доступный человек. После его похорон встал вопрос, кого выдвинуть на пост первого секретаря ЦК ПОРП. Меня поляки попросили, чтобы я пока не уезжал в Москву. Честно говоря, я тоже хотел на месте дожидаться решения вопроса. Для СССР было далеко не безразлично, кто окажется в польском руководстве.

На заседаниях польского Политбюро я не присутствовал, ибо не хотел давать повод для обвинения, что Хрущев оказывает какое-то давление. И все равно потом широко гуляло мнение, будто я влиял на польских товарищей. Повторяю, я вовсе не был на заседаниях, где решался вопрос о новом руководстве: ни на пленарных, ни на иных.

Поляки решили разделить посты главы партии и главы государства, раньше их совмещал Берут. На место первого сек-

ретаря ЦК ПОРП претендовали два человека – Охаб¹⁹² и Завадский¹⁹³. Мы не вмешивались, хотя, не скрою, мне больше импонировал Завадский. После бурного обсуждения члены ЦК остановились на Охабе.

Меня проинформировали, что выдвигают на пост первого секретаря товарища Охаба. Гомулка тогда еще находился в заключении. У нас не имелось никаких возражений против Охаба. То был товарищ, проверенный в борьбе, прошедший польскую тюрьму и настоящий коммунист. Жена у него тоже активная коммунистка, но я меньше был знаком с ней. Разгорелась большая борьба вокруг поста секретаря ЦК ПОРП по кадрам, но так как у прежнего, товарища Замбровского, имелись хорошие связи с секретарями воеводских комитетов ПОРП, то они встали за него горой, и ему вновь были поручены кадровые вопросы, как и при Беруте. Однако для

---

¹⁹² ОХАБ Эдвард (1906–1969) – член компартии Польши (КПП) с 1929 г., участник обороны Варшавы 1939 г., с 1943 г. военнослужащий в составе польской дивизии им. Костюшко, в 1944–1968 гг. член ЦК Польской рабочей партии (ППР), а затем Польской Объединенной рабочей партии (ПОРП) в 1944–1968 гг. С 1944 г. член ЦК ППР, с 1948 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, в 1950–1956 гг. секретарь ЦК ПОРП. В 1954–1968 гг. член Политбюро. С марта 1956 г. первый секретарь ЦК ПОРП, с января 1957 г. министр сельского хозяйства, в 1959–1964 гг. секретарь ЦК ПОРП, в 1964–1968 гг. председатель Государственного совета Польской Народной Республики (ПНР).

¹⁹³ ЗАВАДСКИЙ Александр (1899–1964) – член КПП с 1923 г., заместитель главнокомандующего Войском Польским в 1944–1945 гг., член Политбюро ЦК ППР с 1944 г. и Политбюро ЦК ПОРП с 1948 г., заместитель председателя Совета министров с 1949 г., председатель Государственного совета ПНР в 1952–1964 гг.

него не осталось секретом, что Москва не поддерживает его кандидатуры, в результате чего его сторонники развили бешеную работу против нас, особенно против меня.

Я не скрывал своего мнения, открыто говорил, что надо на этот пост выдвинуть такого же достойного коммуниста польской национальности, с тем чтобы снять обвинения, которые бытовали среди польских коммунистов: что, мол, кругом расставлены евреи, а пробиться польским кадрам на руководящие посты в партии почти невозможно.

Председателем Государственного совета, то есть президентом, стал Александр Завадский.

В кандидатуре Охаба нас ничто не беспокоило, он был нашим другом и правильно понимал смысл этой дружбы. Но когда я возвратился в Москву, то узнал, что борьба в польском руководстве не затихает.

Видимо, товарищи были неудовлетворены и считали, что после смерти Берута ничего не изменилось в национальном составе руководства. Коммунисты польской и еврейской национальностей продолжали скрытую борьбу, открыто они нигде не выступали, но каждый проводил, насколько мог, работу внутри партии. Это самое плохое, когда такое раздрает партию. Потом дело осложнилось тем, что в Польше, как в других братских странах, да и во всем мире, начал интенсивно обсуждаться вопрос о культе личности Сталина и связанных с ним злоупотреблениях. Главный вопрос, который тогда волновал партию, – на каком основании была распущена

Коммунистическая партия Польши перед войной. Об этом говорилось на XX съезде КПСС. Берут получил копию доклада, который я там зачитал. Затем эта секретная копия попала в руки людей, которые хотели нанести нам вред, может быть, это были и прямые агенты капиталистических стран, сейчас трудно сказать. Одним словом, мой доклад был размножен и получил широкое распространение за пределами Польши, его широко использовала буржуазная пресса.

В Польше сложилась трудная обстановка: мой доклад на съезде, смерть Берута, последовавшая за ней борьба внутри ПОРП сильно взбудоражили польскую общественность, особенно интеллигенцию и молодежь. События нарастали. Охаб оказался недостаточно авторитетным руководителем, не пользовавшимся уважением у партийной и непартийной общественности. С его мнением мало считались. Между тем, еще будучи на похоронах Берута, я опять поднял вопрос о Гомулке и Спыхальском и спросил всех членов Политбюро, как они относятся к нашему мнению, что следует освободить Гомулку? Все в один голос доказывали мне, что это делать нельзя, больше всех горячились Охаб и Замбровский.

На таких же позициях стоял Завадский и Циранкевич, я уже не говорю о Бермане и Минце. Одним словом, все руководство считало, что освобождать Гомулку они не имеют оснований и не имеют желания. Я был искренне огорчен. Но я ничего не мог поделать, ведь требовать мы не имели права.

Дальше – больше: у Охаба возникло желание вывести Ци-

ранкевича из состава руководства. Я доказывал, насколько мог, что нельзя этого делать, надо помнить, что их Объединенная партия сложилась главным образом из двух партий: коммунистической и пэпээсовской. Товарищ Циранкевич представлял ППС, и, если его устранить, это приведет к развалу коалиции. Организационно, может, все останется по-старому, но большую часть Объединенной рабочей партии Польши вы восстановите против себя. Мне доказывали, что он слаб как руководитель.

Я убеждал их:

– Товарищи, вы же должны понять, что он себя ведет так, потому что не чувствует поддержки, вот и получается, вроде он проявляет нерешительность. Если бы товарищ Циранкевич имел возможность возглавить и реально занять первое место в правительстве при условии поддержки в партии и в народе, вы бы увидели, какие способности он проявил бы. Если вы его удалите, будет нанесен большой ущерб коммунистическим партиям всех социалистических стран. Социал-демократические лидеры Запада тогда говорили, что коммунисты пошли на конъюнктурное объединение с социал-демократами, а когда они укрепятся, то выбросят из власти лидеров социал-демократических партий.

Если бы Польша «выбросила» Циранкевича, то это пагубно отразилось бы и на Германской Демократической Республике. Там Отто Гротеволь, лидер социал-демократов, тоже возглавлял правительство. Аналогичная ситуация была

и в других социалистических странах. Мы заглядывали вперед и видели, что в рабочем движении должно создаваться что-то типа левого фронта, объединения левых сил. И сейчас в некоторых странах при выборах в парламент объединяют усилия коммунисты и социал-демократы и получают довольно положительные политические результаты. Это был вопрос принципиальный, и он относился не только к Польше.

Однако вернусь к проблеме Гомулки. Спустя некоторое время польские товарищи приехали к нам на отдых в Крым. Там я опять затронул в разговоре с Охабом вопрос о Гомулке. Он продолжал стоять на прежней позиции, но никаких доводов за то, чтобы Гомулку продолжать содержать в заключении, не привел и лишь доказывал, что его освобождение создаст трудности в их руководстве.

Между тем в самой ПОРП нарастало мнение, что Гомулка находится в изоляции без вины. Разъяснения польского руководства по этому вопросу, которые оно давало партии, уже не производили никакого впечатления. Но волнение было подспудным и еще не выплеснулось на поверхность, потому что все главные газеты находились под руководством тех людей, которые выступали против Гомулки.

Волна протестов набирала мощь, особенно среди студенчества и интеллигенции. Ширилось движение за освобождение Гомулки.

Я пытался время от времени от имени советского ру-

ководства протолкнуть освобождение Гомулки. В то время в Польше уже складывалась неприятная ситуация: враждебные нам силы объединились под лозунгами освобождения Гомулки. Новое руководство, если хотело сохранить свой авторитет, должно было освободить Гомулку. Но они не осознавали происходившего, проводили старую, порочную линию, продолжали держать Гомулку в тюрьме. Наконец, не по своей воле, а под давлением извне они выпустили Гомулку из тюрьмы.

Первые недели после своего освобождения Гомулка болел и нигде не показывался. В то время Охаб с польской делегацией ездил в Китай¹⁹⁴, а по дороге остановился в Москве, где я с ним побеседовал. Предложил ему сказать Гомулке: пусть приедет к нам отдохнуть в Крыму, мы создадим ему условия. Охаб возразил, что не следует этого делать, и уклонялся от разговора. Я не настаивал.

То, что освободили Гомулку, нас радовало. Но форма, которую приняло это освобождение, нас беспокоила. Оно произошло не просто под давлением его сторонников, но и под антисоветским флагом: распространилось мнение, что Гомулку арестовали по нашему требованию, хотя никаких оснований к такому предположению не имелось.

Тем временем напряженность в Польше нарастала. Прошли демонстрации, все бурлило. Бурлило на антисоветской

---

¹⁹⁴ Э. ОХАБ возглавлял делегацию на съезде Китайской компартии, состоявшемся 15–27 сентября 1956 г.

ноте. Демонстранты требовали вывода советских войск из Польши, предъявляли и иные требования.

Неожиданно мы получили известие, что в Варшаве собрался пленум ЦК ПОРП, идет бурное заседание. Гомулка участвовал в работе пленума, там развернулась борьба за власть.

Мы узнали, что на пленуме ЦК ПОРП обсуждается вопрос об освобождении от должности Охаба и выдвижении Гомулки. Шел горячий спор и по другим вопросам. Это нас беспокоило, особенно освобождение от должности Охаба, хотя мы вовсе не возражали против Гомулки. Подобное решение ЦК ПОРП мы рассматривали как акцию, направленную против нас: люди, которые доказывали нам необходимость держать его в заключении, сейчас создают впечатление, будто они только теперь получили возможность освободить его и выдвинуть на руководящий пост.

Я позвонил в Варшаву, разговаривал с Охабом, спросил, верна ли информация, полученная нами через советское посольство. Он подтвердил. Тогда я спросил: правда ли, что в Польше стал бурно проявляться антисоветизм и что приход Гомулки к власти осуществляется при опоре на антисоветские силы? Тут же добавил, что мы хотели бы приехать в Варшаву и поговорить с вами на месте. Охаб: «Нам нужно посоветоваться, дайте нам время». Потом уже он позвонил и сказал: «Просим вас не приезжать, пока не закончится у нас заседание ЦК». Казалось бы, ответ правильный, ес-

ли относиться к собеседнику с доверием. Но в то время у нас уже доверие к Охабу исчезло. Лучше всего, конечно, нам было бы не появляться там. Но теперь мы именно за этим и хотели приехать, чтобы оказать соответствующее давление. Отказ же Охаба еще больше возбудил наши подозрения, что там нарастают антисоветские настроения, которые могут вылиться в такие действия, когда исправить положение будет уже трудно.

Пришлось сказать Охабу, что мы все-таки хотим приехать. Открыто заявили ему, что Польша имеет для нас большое стратегическое значение. С Германией нет мирного договора. В Польше располагаются наши войска на основании Потсдамских соглашений 1945 года. Они охраняют коммуникации через польскую территорию. Твердо сказали Охабу, что приедем в Варшаву. Составили делегацию. В нее вошли я, Микоян, Булганин¹⁹⁵. Полетели. Когда мы приземлились, на аэродроме нас встречали Охаб, Гомулка, Циранкевич и другие товарищи. Встреча была необычно холодной. Мы прилетели очень возбужденные, и я, едва поздоровался, сразу же на аэродроме высказал недовольство происходящим: «Почему все идет под антисоветским знаменем? Чем это вызвано?» Мы-то всегда стояли за освобождение Гомулки и не сопротивлялись тому, чтобы Гомулка вернулся к руководству. Когда я беседовал в Москве с Охабом, то предла-

---

¹⁹⁵ В советскую делегацию входили: Л.М. КАГАНОВИЧ, А.И. МИКОЯН, В.М. МОЛОТОВ и Н.С. ХРУЩЕВ.

гал, чтобы Гомулка отдохнул в Крыму, мы с ним поговорим, он подлечится, а тем временем мы разъясним нашу позицию.

Лично я думаю, что мои слова тогда насторожили Охаба в том смысле, что он мог подумать, будто мы хотим его снять с поста и посадить на его место Гомулку. Мы в целом не были противниками Охаба, но он показал себя слабым руководителем, Гомулка был лучшей заменой. Мы больше ценили Гомулку. Наверное, Охаб это чувствовал.

В ответ на мою тираду Охаб только махнул рукой, указал на Гомулку: «С ним теперь разговаривайте, его избрали первым секретарем ЦК».

Нам отвели дворец Бельведер¹⁹⁶, приезжая в Польшу, мы в нем обычно останавливались. Дворец расположен в живописной местности и весьма вместительный. Дворец в свое время занимал наместник русского царя в Польше, брат Николая I, Константин. Мы только, как говорится, зашли, поставили чемоданы и уехали в ЦК ПОРП. Начиналось заседание.

Заседание Президиума Объединенной рабочей партии Польши проходило очень бурно и в нашем присутствии. Мы тоже подавали реплики, которые не смягчили напряжения, а еще больше подливали масла в огонь. Правда, все, кто высказывался, говорили о сохранении дружеских отношений

---

¹⁹⁶ Дворец Бельведер построен в 1764 г. для короля Станислава Августа ПОНЯТОВСКОГО. После обретения независимости он стал резиденцией президента Польши. В 1945–1989 гг. правительственная гостевая резиденция, а затем снова резиденция президента.

с СССР. Особенно на меня сильное впечатление произвел товарищ Завадский. При всех сложностях он оставался нашим самым ближайшим другом. Так он и умер, оставив глубокий след в памяти как верный друг Советского Союза.

Товарищ Гомулка к нему относился без уважения, это мне было понятно. Завадский занимал не последнее место в руководстве, поэтому Гомулка понимал, что в его аресте был виноват не только Берут.

Особую позицию на том заседании занял Циранкевич. Он тоже высказывался за сохранение дружеских отношений, но выражал это как-то по-особому. Он полностью ориентировался на Гомулку и осуждал прежнее руководство, в котором сам состоял, но руководящей роли не играл, не имел влияния.

В общем, беседа проходила очень бурно. Прямо стоял вопрос: за Советы поляки или против? Разговор шел грубый, без дипломатии. Мы предъявили свои претензии и требовали объяснения действий, которые были направлены против СССР.

Войском Польским командовал Маршал Советского Союза Рокоссовский¹⁹⁷. Он считался у них просоветским человеком. Да так оно и было. Сам поляк, он больше был советским человеком, чем польским. Выдвинули его министром обороны Польши по просьбе Берута. Сталин при мне предложил Рокоссовскому занять пост министра обороны Поль-

---

¹⁹⁷ РОКОССОВСКИЙ К.К. был министром обороны Польши в 1949–1956 гг.

ши. Тот категорически отказывался: «Я воин Советской Армии, в Польшу ехать я не хочу». Сталин стал его уговаривать. Наконец, договорились, что Рокоссовский получит польское подданство, но сохранит и советское гражданство, и звание Маршала Советского Союза. Только на этих условиях он согласился уехать и принял там пост министра. Поляки присвоили ему звание Маршала Польши.

В перерыве заседания, во время обеда, мы получили информацию от Рокоссовского, что войска, подчиненные Министерству внутренних дел Польши, приведены в боевую готовность и стянуты к Варшаве. «За мной, – говорил он, – установлена слежка, я и шагу не могу сделать, чтобы это не стало известно министру внутренних дел».

Нужно было иметь в виду, что министр сидел вместе с Гомулкой в тюрьме и, естественно, был целиком на его стороне. Слова Рокоссовского еще больше возбудили наши подозрения. Уже звучали открытые требования выслать Рокоссовского назад, в СССР, так как ему нельзя доверять, он проводит антипольскую политику.

Министр внутренних дел направлял все акции против Советского Союза. Это конкретно выражалось и в приведении польских воинских частей в боевую готовность, и в слежке за Рокоссовским, и в бешеной травле советских специалистов в Польше. Вот на такой волне приходил Гомулка к руководству. А антисоветская волна и у нас создала соответствующее настроение, хотя мы и считали, что это все-таки накипь,

которая образовалась в результате прежней, неправильной политики Сталина. Тут и разгром Польской коммунистической партии до войны, и другие наши шаги после войны, которые задевали национальное самолюбие польского народа. При Сталине были приняты некоторые решения в ущерб экономике польского государства. Все это сейчас всплыло, и ко всему этому добавлялся антисемитизм. Мы считали, что расцветший антисемитизм – явление временное.

Сложнее была проблема пребывания наших войск в Польше. Мы решили защищать это пребывание. Оно вытекало из Потсдамского соглашения и, следовательно, было освящено авторитетом международного права. Необходимость присутствия наших войск в Польше определялась железнодорожными и шоссейными коммуникациями, которые связали страну с нашими войсками в Германии.

Я спросил Рокоссовского: «Как поведут себя войска?» – «Сейчас польские войска не все послушают моего приказа, хотя есть части (он назвал их), которые выполняют мой приказ». А приказ он отдаст только тогда, когда мы ему скажем, какой именно нужен. «Я, гражданин Советского Союза, считаю, что надо принять резкие меры против антисоветских сил, которые пробиваются к руководству. Кроме того, жизненно важно сохранить коммуникации с Германией через Польшу». Реально советские воинские силы в Польше были невелики. С нами в Варшаву приехал маршал Конев, который в то время был Главнокомандующим войсками стран

Варшавского пакта и казался нам необходимым в Варшаве. Через Конева мы приказали привести наши войска в Польше в боевую готовность. Потом дополнительно приказали подтянуть танковую дивизию к Варшаве. Конев доложил, что войска снялись и танковая дивизия уже движется в направлении Варшавы.

Продолжалось между тем бурное, нервное заседание. Мы резко спорим с поляками. Вижу, Гомулка нервно встал. Направился ко мне. Сел на место. Потом опять встал. Его глаза выражали не враждебность, а сильную взволнованность. Я его в таком виде никогда больше не видел. Наконец, он подошел ко мне и нервно произнес: «Товарищ Хрущев, на Варшаву движется русская танковая дивизия. Я очень прошу вас дать приказ не вводить ее в город. Вообще было бы лучше, если она не приблизится к Варшаве, потому что я боюсь, что произойдет нечто непоправимое». Гомулка экспансивный человек, у него даже пена на губах появилась. Выражения он употреблял крайне резкие. Мы стали отнекиваться, дескать, нет ничего подобного. Я решил не говорить ему, что одновременно с приказом Коневу двинуть на Варшаву советские войска соответствующие указания получил и Рокоссовский, который предпринимал какие-то шаги в тех польских войсках, на которые он мог положиться. Спустя некоторое время Гомулка вновь поставил тот же вопрос. Он успел перепроверить свою информацию: ему докладывал министр внутренних дел, который следил за передвижениями наших

войск.

Оставались среди поляков люди, которые и в столь сложной обстановке не теряли здравого рассудка, сохраняли холодную голову. Председателем Госсовета был хороший наш друг, много лет просидевший в польских тюрьмах, Завадский. У него жена тоже старая коммунистка, тоже прошедшая через тюрьмы и тоже наш друг. Как и ее муж, она резко выступала против тех, кто стоял на антисоветских позициях. Завадский нас проинформировал, что ведется антисоветская агитация среди рабочих Варшавы, что некоторые заводы вооружаются, министр внутренних дел раздает оружие. Варшава готовится сопротивляться нашим войскам. Ситуация складывается тяжелая. А мы в ней оказались пленниками, потому что Варшава находится под руководством сил, занявших антисоветскую позицию. Продолжалось заседание. Взял слово Гомулка. Он говорил горячо и произнес слова, которыми подкупил меня: «Товарищ Хрущев, прошу вас остановить движение советских войск. Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я как поляк и коммунист клянусь, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство? Все будет у нас в порядке, и вы не допустите, чтобы советские войска вошли в Варшаву, потому что тогда будет сверхтрудно контролировать события». Был объявлен перерыв в заседании. Мы собрались отдель-

но своей делегацией и обсудили ситуацию вместе с Рокоссовским. Я теперь проникся особым доверием к Гомулке, хотя я и раньше доверял ему. Несмотря на его вспыльчивость, в его словах звучала искренность. И я сказал: «Я Гомулке верю как коммунисту. Ему трудно, сразу он всего не сделает, но постепенно, если мы выразим ему доверие, отведем наши войска и дадим ему время, он сумеет справиться с силами, которые стоят сейчас на неверных позициях. Конечно, есть и классовые враги среди этих людей. Они хотят рассорить наши народы. Заметив щель, начали в нее забивать клинья. Но я считаю, что надо поддержать Гомулку». Все согласились. Мы отдали Коневу приказ остановить продвижение советских войск к Варшаве. Потом объясняли полякам, что наши войска вообще не двигались к Варшаве, а проводили военный маневр, по выполнении которого остановились в пункте, назначенном им согласно плану маневров. Конечно, никто не поверил нашим объяснениям, но все были довольны, что войска остановились.

Тут и Гомулка успокоился: ему сразу же доложили, что наши войска никуда не движутся. Обстановка разрядилась. Поляки поняли, что можно договориться. Думаю, что ввод наших войск в Варшаву действительно мог стать непоправимым явлением и породил бы такие сложности, что трудно даже представить себе, куда мы могли зайти. Считаю, что положение спас Гомулка, когда столь убедительно высказал свои соображения. Остальное оказалось второстепенным делом.

Выдвижение Гомулки на пост первого секретаря у нас не вызвало возражений, и наше дальнейшее пребывание в Польше тоже не казалось необходимостью. Мы распрощались и улетели домой. Абсолютной уверенности в исходе дела у нас тогда не было, но я верил словам Гомулки и сейчас не раскаиваюсь. Это доверие потом оправдалось. В той истории очень активную роль сыграл вышеупомянутый секретарь ЦК ПОРП по кадрам Замбровский. Особенно активно вел себя его сын, не то литератор, не то сотрудник их Академии наук. Мне говорили, что он выпустил даже специальную брошюру, в которой поносил Советский Союз и КПСС. Моей персоне там досталось на орехи. Я к чему это вспомнил? Замбровский всегда считался человеком Берута, который посадил Гомулку в тюрьму. Гомулка оказался жертвой Берута. А тут он стал активным сторонником Гомулки в борьбе за власть. Проявилась полная его беспринципность.

Шло время. Антисоветчина в Польше продолжалась. Мы понимали, что одним взмахом руки все это остановить нельзя. Необходимо время, чтобы у людей создалось доверие к нам, и те, кто заблуждался, убедились бы на деле, что мы являемся друзьями польского народа, что наша дружба обеспечивает Польше безопасность и неприкосновенность западных земель. Если бы немцы остались один на один с поляками, то не было бы и речи об удержании поляками этих территорий. Гомулка сам говорил: «Наша интеллигенция больше всего боится немцев. Они составляют угрозу для Поль-

ши, особенно если будет что-то нарушено в наших дружеских отношениях с СССР».

Поэтому там у политически мыслящих людей сложилось двойственное психологическое состояние: с одной стороны, они не были довольны нашими действиями, с другой – понимали, что, опираясь на дружбу с нами, могут удержать границы, полученные в результате разгрома Гитлера. Параллельно возник вопрос, для меня совершенно неожиданный. Оказалось, что в свое время был заключен договор о поставке Польшей угля в СССР по заниженным ценам. Накопилась огромная сумма, которую недополучила Польша, если исходить из мировых цен. Мы стали разбираться. Действительно, все подтвердилось. С польской стороны договор был подписан Циранкевичем, как председателем Совета Министров, с нашей стороны – Микояном. И мы пригласили поляков, чтобы выправить дело.

Я спросил Микояна: «Как же так получилось?» – «Сталин дал такое указание». – «А польская сторона?» – «А что польская сторона? – отвечает ее представитель. – Мы подписали текст на тех условиях, которые нам назвала русская сторона». – «Так что же вы нас обвиняете? – говорю ему. – Я, например, хоть и член Президиума ЦК, первый раз слышу об этом договоре». Однако факт остался фактом. Пришлось согласиться доплатить разницу и исправить договор так, чтобы торговля шла далее на основе сложившихся мировых цен. Доплата вылилась для нас в огромную сумму. После новой

беседы с Микояном я понял, в чем дело. Поляки получили благодаря нам от Германии Силезию, богатую углем. Сталин считал, что уголь оттуда – в какой-то степени плата за кровь, которая была пролита при освобождении Польши. Но такие рассуждения носят эмоциональный характер и юридической силы не имеют. Когда же там накопилась антисоветская пена, этот факт был преподнесен как грабеж, как эксплуатация Польши Советским Союзом. Проводилась параллель с действиями империалистов в колониях. Шел зловонный запах. Мы не стали упорствовать, признали претензии польской стороны правильными и выразили готовность компенсировать их материальные потери.

Постепенно нормализовались наши отношения с Польшей, антисоветчина там стала утихать. Нужно отдать должное Гомулке, он положил ей конец. У него положение оказалось выгодным: пострадавшее лицо, сидел несколько лет, как гласила молва, по требованию Сталина. Теперь он начал доказывать необходимость укрепления польско-советской дружбы, объясняя, сколь она выгодна полякам.

Прошло немного времени. К нам приехали польские товарищи. Мы их пригласили, чтобы продемонстрировать внешнему миру, что наши отношения нормализуются и надежды врагов провалились. Но было у них и важное дело. В Польше сложилось тяжелое экономическое положение, и они вновь нуждались в нашей помощи. В период смутного времени они хватали кредиты и не думали, что по этим кредитам нужно

в срок платить. А откуда эти платежи изыскать? Одним словом, они пришли к нам.

Мы не стали полякам в глаза колоть вчерашним днем. Тот вчерашний день и нам был неприятен.

У нас имелись свои трудности, но мы не хотели своего брата и товарища оставить в беде. Изыскали какие-то возможности и пришли к ним на помощь. Это еще больше расположило к нам новое польское руководство и Гомулку. Несмотря на подпорченные отношения, мы все-таки подходили с классовых позиций. Классовые и государственные интересы требовали оказания помощи. Так закладывались основы наших дальнейших братских связей.

И антисоветчина стихала. Но не была ликвидирована, как показали потом дальнейшие события, когда антисоветские настроения вновь проявились, а именно при постановке в 1968 году спектакля по поэме Мицкевича «Пан Тадеуш». Инсценировку сделал современный автор. В спектакле подчеркивалась антирусская направленность событий. Во времена Мицкевича часть русской прогрессивной интеллигенции стояла на стороне восставших поляков. В наше же время антирусские слова, прозвучавшие в театре, возбудили очередную волну антисоветских настроений. Сначала они расшатывали государственные устои новой Польши, потом эти же веяния перекинулись и в Чехословакию. Я уже упоминал об этом.

Если говорить в целом об экономических отношениях

СССР со странами социализма, то по идее они построены на равноправии, так что никто не должен страдать. Если же скрупулезно разбираться в затратах, которые несет та или другая страна, то, безусловно, СССР больше всех других стран, входящих в Варшавский блок, делает вклад в оборону. Надо только посчитать, сколько стоит нам содержание наших ракет? А сколько стоят нам атомные заводы? Содержание огромной армии? Эта армия является сдерживающим фактором, на который опираются все социалистические страны. Затраты на нее далеко не пропорциональны, если с точки зрения идеальной справедливости разложить их на души населения во всех социалистических странах.

Даже не знаю, во сколько раз мы, советские люди, больше платим за содержание таких вооруженных сил! Но если СССР все еще держит войска в Венгрии и в Польше, то я полагаю, что с точки зрения обороны теперь в этом отпала необходимость. Зачем нам давать врагам повод колоть глаза? Следует вывести наши войска, чтобы все братские страны чувствовали, что идут социалистическим путем по своему убеждению, а не по принуждению со стороны СССР. Хотя умные люди подобным измышлениям и не верят, но всегда найдутся те, кто еще склонен доверять пропаганде, которая ведется со стороны империалистических держав.

К моему изумлению, Гомулка резко возражал против предложения о выводе наших войск, сделанного в 1957 году, и стал доказывать необходимость и полезность их пребы-

вания на территории Польши. Я был удивлен. Ведь помнил, как поляки поносили нас в 1956 году, когда всех собак вешали на Советский Союз, называли нас оккупантами, кричали: «Русские убирайтесь домой!» – и потребовали, чтобы Рокоссовский был отозван. Рокоссовский отбыл в СССР, его проводили с почестями, вручили ему орден, а Гомулка мне сказал: «Поймите, при современном положении вещей у нас нет доверия к Рокоссовскому. Лучше ему вернуться в Советский Союз». А теперь тот же Гомулка не хочет и слышать о выводе советских войск из Польши. Даже с точки зрения совместной военной стратегии социалистических стран пребывание наших войск на территории Польши не вызывалось военной необходимостью, а содержание их обходилось нам очень дорого.

Довольствие каждой дивизии в Польше или в Венгрии стоило вдвое дороже, чем затраты на советской земле. С этим тоже надо было считаться. Тем более что мы тогда искали любую возможность для экономии на вооружениях. Я выяснил, что мы очень много платим в бюджет тех государств, в которых находятся наши войска. Вот почему Гомулка возражал: в интересах польского бюджета. А мне он заявил: «Тут политика, а политические выгоды не измеряются количеством материальных затрат». Добавлю, что за содержание войск стран Запада на территории ФРГ платит в основном сама ФРГ. То есть там дело обстоит наоборот.

Как пенсионер, я сейчас никакого влияния на ход событий

не оказываю. Но, с точки зрения гражданина СССР и бывшего государственного и политического деятеля, могу думать, что надо по-равному разложить бремя содержания Объединенных вооруженных сил, которое несут страны социализма. Будет справедливо, если при равных общественных условиях у этих стран существовали бы и равные нагрузки. СССР – самая богатая из социалистических стран по сырьевым ресурсам, количеству населения и валовой мощности промышленности. Все наши цифры по сравнению с уровнем 1913 года танцуют и радуют душу. Но если разложить показатели на душу населения, то наши богатства окажутся меньше, чем в других странах. По потреблению на душу населения растительных жиров, мяса и сливочного масла мы занимаем далеко не первое место. Когда я еще работал, то знал, что мы не выдерживали никакого сравнения с ГДР, где жители потребляют, например, мяса в полтора раза больше. Чехословакия живет чуть хуже, чем ГДР, но значительно лучше, чем СССР. И в Венгрии потребление на сколько-то выше, чем у нас, и в Польше тоже. Меньше советского человека, который вынес главную тяжесть борьбы за социалистический строй, не получил в награду в виде потребительских товаров никто!

Это я говорю к тому, что польские товарищи не имели никаких резонов обвинять наших людей, что мы проводим дискриминационную политику и пользуемся благами, созданными за счет труда польского народа, в ущерб полякам и к выгоде себе. Наоборот! Мне часто приходилось разговари-

вать с товарищем Гомулкой по таким вопросам, и почти каждый год поляки предлагали запланировать поставку определенного количества нашего зерна в Польшу. А у нас самих зерновых продуктов не доставало. И не только поляки: к нам обращались с такими же просьбами и Болгария, и Венгрия. Единственный раз в мою бытность в руководстве обратились румыны, как правило, они экспортировали зернопродукты.

Я-то знал, для чего конкретно полякам нужно зерно, и сказал Гомулке: «Почему вы хотите, чтобы мы поставляли зерно, если в Польше землеобеспеченность на душу населения лучше, чем в других социалистических странах? Вы имеете возможность полностью обеспечивать себя зерном. По сведениям, которыми я располагаю, наше зерно идет для откорма свиней». Польша готовила хорошие свинопродукты, ее ветчина и другие деликатесы пользуются славой даже на рынке США. Я это мастерство сам оценивал. Верно, польские продукты вкусны. «Тут дело в валюте, – заявил я начистоту. – Вы отбираете у нас хлеб, который нам самим нужен. Когда у нас случился неурожай 1963 года, мы даже были вынуждены покупать хлеб за границей, платили за него золотом. А вы настаиваете, чтобы СССР поставлял в Польшу зерно на откорм свиней, которых затем Польша экспортирует в США и получает за это доллары и золото. Мы золото добываем из земли, а вы – с помощью нашего зерна». Гомулка признался в моей правоте, но настаивал на сохранении этой практики.

Вставляли и другие вопросы. Чаще всего Гомулка просил увеличить поставки высококачественной железной руды. Хотя нам самим руды не хватало, приходилось идти навстречу. То же самое происходило с поставками нефти. Естественно, нефть выгоднее угля. Но добывали мы ее мало, приходилось отрывать от себя, делиться.

Особенно неприятно было то, что просьбы повторялись почти каждый год. Мы их предупреждали, что рассматриваем дополнительные заявки последний раз и на следующий год просим самостоятельно выходить из положения, за счет собственных ресурсов. Но ничего не действовало.

Вот вам иллюстрация к тому, что мы от дружбы с Польшей материальных благ не имели, однако ничего не делали, что нарушило бы гармонию ее хозяйственной деятельности. Ведь наша дружба была искренней, основанной на лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И мы ему следовали в ущерб нашей экономике. В порядке защиты поляков скажу, что, конечно, они не могут забыть ни разделов своей страны с участием России, ни антипольского сговора 1939 года. Ну а потом? Мы понесли в войну страшные потери, мы оказались главной силой, которая освободила Польшу от фашизма, и мы же теперь несем основную тяжесть экономического бремени. Конечно, с Польшей у нас пока что не такие отношения, как между республиками СССР. Тут у нас общие ресурсы, они создаются трудом всего советского народа, и распределение благ происходит на общих основани-

ях. С поляками другой счет: налицо два независимых государства. Но мы же все-таки братские народы, плечом к плечу идущие по пути, указанному Марксом и Лениным! Думаю, что все перемелется.

Между социалистическими странами всегда существовали контакты, позволяющие взаимовыгодно кооперировать труд и капиталы на коммерческой основе. Гомулка как раз смело шел на такую кооперацию. И Чехословакия при Новотном приветствовала соглашения, распределявшие прибыль между участниками вложения капиталов соответственно вкладу каждой страны. Болгары стояли на такой же позиции. С венгерским руководством у меня на этот счет никогда не возникало никаких разногласий, все спокойно решалось экономистами и финансистами. Полагаю, что это правильно.

Только Румыния очень ревностно относилась к своей экономической независимости, боялась любой кооперации, даже той, которая ей коммерчески выгодна.

Я думаю, если каждая страна – участница СЭВ не будет рассматривать своего партнера как равноправного, а условия – взаимовыгодными, то рано или поздно это обязательно обернется обратной стороной. Вместо того чтобы укреплять взаимные отношения, они могут рассыпаться. Тому пример – Польша. Когда Советский Союз вынудил Польшу поставлять уголь, за который мы платили ниже мировых цен, то в Польше ситуация начала накаляться, и там зазвучали враждебные голоса.

Надо с открытой душой подходить к кооперированию наших материальных, технических и научных средств, и так, чтобы было выгодно всем.

Вспоминаю в данной связи и такой эпизод. В Польше при нашей материальной помощи, с нашим оборудованием и под нашим техническим руководством был возведен крупнейший металлургический завод в Новой Гуте. Антисоветские элементы критиковали нас: русские навязали строительство, а нам он не нужен. Гомулка же справедливо доказывал, что металлургический завод действует в польских интересах. Польша не потребляет сама всю производимую сталь и продает ее за границей, выручая валюту. Там мы по-братски поступились материальными ресурсами в пользу Польши. Когда же наши отношения нормализовались и люди пришли там в здравое сознание, то сами признавались, что прежняя критика была глупостью, которую использовали враги, хотевшие поссорить СССР с народом Польши.

Границы. Этот вопрос всегда болезнен.

Я помню, как определялись западные границы Польши с Германией, они прошли по Одере – Нейсе. Тогда все радовались, считали, что Польша получает выгодные границы на Западе. Поляки обосновывали исторически, что когда-то эти земли принадлежали Польше. Я полякам верил, хотя сам я этих источников не видел, но у меня было одно желание, чтобы границы Польши были бы подальше отодвинуты на Запад. Мое внимание как-то привлекло расположение горо-

да Щецина. Он находится в дельте Одера, на левом берегу Одера. Я спросил Сталина:

– Устанавливаются границы по Одеру, а вот Щецин... Он куда отходит?

Сталин проявил интерес. Я ему рассказал, как географически расположен этот город.

Потом я узнал, что Щецин включен в состав польского государства. Почему тогда Сталин прямо не высказался? Видимо, он не был уверен, сможет ли это сделать. Много позже, когда я был в Польше, товарищ Гомулка предложил поехать в Щецин. Западные земли неохотно заселялись поляками. Они не хотели оставлять своих земель, на которых жили до войны, несмотря на то что на Западе были хорошие условия и земли были хорошие. Поляки не были уверены, что эти территории останутся за Польшей. Щецин стоял полупустым, туда люди шли неохотно. Принимали меня торжественно: встречи, митинги, выступали польские товарищи, я выступал. Потом объявили о присвоении мне звания Почетного гражданина города Щецина. Со мной это заранее не согласовали. Я ломал голову, почему они так поступили, предварительно меня не уведомили. Потом я пришел к заключению, по-моему, правильному, и спросил Гомулку:

– Присвоив мне звание Почетного гражданина Щецина, вы сделали меня заложником? Этим вы хотели подтвердить, что город остается за Польшей и польская нога твердо стоит на этих землях? Моя должность председателя Совета Мини-

стров должна сыграть роль гаранта?

Гомулка посмотрел на меня и улыбнулся: он сказал, что они сделали это просто из уважения... Явно он не подтвердил, но и не отрицал, что такое подсознательное желание у них было. На восточных границах Польши дело обстояло иначе.

После того как западные украинские земли отошли польскому государству со всем населением, украинцы не спешили переселяться в Советский Союз. Там веками жили их предки. Они начали борьбу. Эта была борьба и против советской Украины, и против Польши. Поляки были вынуждены принять вооруженные меры против них. Началась кровавая война, она унесла много жизней. Потом польские товарищи решили всех украинцев, которые жили в этих районах и вели себя агрессивно в отношении польского государства, переселить на западные земли. Это тоже говорит о том, что поляки сами не хотели переселяться туда.

Земли на востоке охотно заселялись польским населением. Они были уверены, что Советский Союз не изменит своего решения, и поэтому земли, которые определялись границей на востоке Польши, граничащей с Советским Союзом, считали навечно польскими.

Поляки считали, что границу следует подвинуть еще дальше на восток, они были недовольны. Недовольны были и украинцы. Я уже говорил об этом.

Ну, так уж сложилось, и сейчас это не тема для обсужде-

ния, плюс на минус, как говорится, среди друзей. Изменения в границе не ослабляют нашу государственность, ни общесоюзную, ни республиканскую. И Белоруссия, и Украина давно уже кончили говорить о своих границах.

Возьмем, к примеру, границу Российской Федерации и Белоруссии или Украины. Проезжая по дорогам, не все знают, даже если нет столба с надписью, где граница России с Украиной. При братских отношениях граница не имеет никакого ни политического, ни экономического значения, потому что все пользуются общими благами.

Добавлю еще пару слов о последних печальных событиях, происшедших в Польше.

Соревнуясь с капитализмом, мы не можем отставать в производстве продуктов питания. Наше отставание в какой-то степени является подтверждением преимуществ капиталистического способа производства над социалистическим. Это дает противникам социализма возможность бросать камешки в наш огород. Да, они имеют к тому основания, мы действительно отстаем.

Далеко ходить не надо. Из-за этого, собственно, и произошло восстание в Данциге¹⁹⁸ и других прибалтийских городах Польши. В результате недостатка продуктов и других предметов потребления произошел конфликт, вернее восстание. Толчком к нему послужило повышение цен. Там руководители оторвались от масс, потеряли связи с народом, потеря-

---

¹⁹⁸ Данциг – немецкое название польского города Гданьск.

ли чувство меры. Повышая так резко цены, следовало ожидать тех событий, которые произошли. Хотя о людях, которые тогда стояли у руководства, я ничего плохого сказать не могу, а тех, которые пришли сейчас, я вообще знаю мало. Я очень уважал и уважаю Герека¹⁹⁹, считаю его хорошим коммунистом и честнейшим человеком. Также и товарища Лукашевича²⁰⁰. Но и Гомулка тоже был не менее предан идеям коммунизма, как и другие: Лога-Совиньский, Спыхальский. Да и вся их группа, потерпевшая крах. Они – не случайные люди. Эти люди прошли закалку, прошли отбор в борьбе с гитлеровским нашествием на Польшу. И они такое допустили. Но это другой вопрос.

---

¹⁹⁹ ГЕРЕК Эдвард (1913–2001). В 1957–1970 гг. первый секретарь городского комитета партии в Катовицах. В 1970–1980 гг. первый секретарь ЦК ПОРП.

²⁰⁰ ЛУКАШЕВИЧ Гжегож (1931–1983). В 1971–1983 гг. член Политбюро и заведующий отделом пропаганды ЦК ПОРП. В 1980 г., после забастовки на Гданьских верфях, освобожден от всех постов.

«Злоупотребления Сталина особенно болезненно отзывались в Венгрии»

Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС о культе личности и злоупотреблениях Сталина особенно болезненно отзывался в Польше и Венгрии. Это и неудивительно. Партия венгерских коммунистов тоже была сильно потрепана. Расстреляли Бела Куна, организатора компартии Венгрии²⁰¹. Многих других товарищей, которые работали в Коминтерне, подвергли репрессиям. После разгрома гитлеровской Германии к руководству венгерскими коммунистами пришел Ракоши²⁰². Ракоши – честный человек, заслуживающий дове-

---

²⁰¹ С ноября 1918 г. – Коммунистическая партия Венгрии, с сентября 1944 г. Венгерская коммунистическая партия, с июня 1948 г. (после объединения с Социал-демократической партией) Венгерская партия трудящихся, с ноября 1956 г. Венгерская социалистическая рабочая партия, с октября 1989 г. Венгерская социалистическая партия. КУН Бела (1886–1938). Член Социал-демократической партии Венгрии с 1902 г. В Первую мировую войну был призван в армию Австро-Венгрии и воевал на русском фронте. В 1916 г. попал в плен и вступил в партию большевиков. В 1918 г. нелегально вернулся в Венгрию и основал там компартию. В марте – августе 1919 г., во время краткого существования Венгерской Советской Республики, народный комиссар по военным и иностранным делам. После разгрома Республики в результате военной интервенции Румынии и Чехословакии бежал в Вену и в августе 1920 г. переехал в Россию. В 1920–1921 гг. участвовал в Гражданской войне, затем работал в Коминтерне. Появился в Вене в 1928 г., арестован и выслан в СССР. В 1937 г. арестован по приказу Сталина и в 1939 г. казнен.

²⁰² РАКОШИ Матиас (1892–1971) – социал-демократ с 1910 г., участник Пер-

рия и даже уважения, несмотря на ряд своих недостатков. Недостатки имеются у каждого человека. Он был верен коммунистическим идеалам, много лет просидел в венгерской тюрьме, потом его обменяли, и он выехал в СССР.

Я встречался с Ракоши, работая в Киеве, он побывал там. Я его принимал и беседу с ним имел. Когда он в 1945 г. опять уехал в Венгрию²⁰³, то начал вести ту же работу, что и другие коммунисты в странах народной демократии.

Нас международная реакция упрекает, что мы в странах, которые оккупировали после разгрома Германии, насаждали коммунизм. Это верно, но такое же обвинение можно бросить и западным капиталистическим странам. Наиболее наглядный пример: они буквально развязали гражданскую войну в Греции. Кто ее организатор? Запад²⁰⁴. Персонально

вой мировой войны, военнопленный в России с 1914 г., член КПВ с 1918 г., зам. наркома торговли в Советской Венгрии, в 1925–1940 гг. сидел в венгерской тюрьме, генеральный секретарь ЦК КПВ с 1945 г. и ЦК ВПТ с 1948 г., в 1952–1953 гг. председатель Совета министров, в июле 1956 г. освобожден от партийных должностей, в августе 1962 г. исключен из ВСРП. Эмигрировал в Советский Союз, где и провел остаток жизни.

²⁰³ С ноября 1918 г. Венгерская Республика, с марта 1919 г. Венгерская Советская Республика, с августа 1919 г. Венгерская Регентская Республика, с февраля 1946 г. – Венгерская Республика, с августа 1949 г. – Венгерская Народная Республика, с октября 1989 г. – Венгерская Республика.

²⁰⁴ Британские и позже американские войска под командованием генерала Кларка сыграли решающую роль в победе монархистов в гражданской войне в Греции 1944–1949 гг. В мемуарах Черчилль описывает свою поездку на танке, но только не по Салоникам, а Афинам, которые оккупировали британцы, чтобы не допустить туда греческих партизан.

Черчилль. Черчилль в своих воспоминаниях описывает, как он в танке ездил в Салониках и наблюдал английские войска, чинившие расправу над греческими патриотами-демократами. В разной форме реакция Италии и Франции в укреплении капиталистического строя тоже, безусловно, опиралась на войска Соединенных Штатов Америки.

Так что, это не обвинение? Мы не отрицаем, что, как коммунисты, содействовали прогрессивным силам. Во главе прогрессивных сил стояли коммунистические партии этих стран. Мы все делали, чтобы поддержать прогрессивные начала в странах, которые оккупировали. Потом они создали свои правительства и оформились как независимые страны с независимыми национальными правительствами.

Как глава компартии, Ракоши провел объединение с другими прогрессивными политическими силами Венгрии. К сожалению, он оказался причастен к истреблению честных кадров. Правда, в первые послевоенные годы он сопротивлялся Сталину. Когда Сталин называл имена очередных врагов народа, среди которых были члены ВКП, Ракоши не соглашался с ним, доказывал, что они честные люди и что он им верит. Но Сталин сразу же направил во все братские партии своих советников, в основном чекистов. Многие из них уже «отличились» в СССР кровавыми методами расправы с кем попало. Попали такие советники и в Венгрию. Любой агент должен оправдать свое существование, показав свою работу. А в чем заключается работа агента такого рода? В

том, чтобы найти врагов народа и показать Сталину свою проницательность, умение раскрывать врагов, оправдывать свое назначение и материальное положение, которое обеспечивалось очень хорошо по сравнению с доходами других трудовых и общественных прослоек.

Когда Ракоши приезжал в Москву, то уже не он докладывал Сталину о врагах народа в Венгрии, а Сталин указывал ему: вот такой-то делает то-то, а вы не видите, вы слепец, слепой погубит дело и себя погубит. Ракоши защищался. Раз это было при мне. Присутствовали все члены Политбюро ЦК ВКП(б), но мы ничего не могли промолвить. Ведь все разведывательные данные о странах народной демократии докладывались Сталину, а уж он определял, что нужно и чего не нужно знать членам Политбюро.

Сталин верил Ракоши? Верил и не верил, сеял и семена сомнения. Это было свойственно Сталину.

Я слышал от Сталина:

– Ракоши всегда приезжает в Советский Союз, когда я в отпуске. Он узнает, что я на Кавказе, и приезжает туда отдыхать. Следовательно, он имеет каких-то секретных информаторов.

Глупое предположение. И Ракоши, и все другие знали, когда Сталин уезжает в отпуск. Ему ничего не стоило позвонить тому же Поскребышеву в секретариат Сталина и узнать, где отдыхает Сталин.

Надь²⁰⁵ Имре тогда тоже пользовался доверием у Сталина. Он коммунист с 1919 года, выдвинулся еще во время революции 1919 года, совершенной под руководством Бела Куна. Он занимал руководящее положение и в правительстве, и в Венгерской компартии.

Герэ²⁰⁶ – человек другого склада характера. Ему больше импонировала теоретическая работа, политвоспитание масс, политпросвещение. Он был наиболее подготовлен теоретически, и по складу характера он тяготел к кабинетной работе. Герэ, я считаю, заслуживал уважения и доверия. Я не знаю, где он сейчас и жив ли он. По-моему, он жив и живет где-то в Советском Союзе. Я ничего о Герэ плохого не могу сказать. Только хорошее.

Кадар²⁰⁷ казался молодым человеком по сравнению с кад-

---

²⁰⁵ НАДЬ Имре (1896–1958) – член КПВ с 1919 г., видный работник Коминтерна, был председателем Совета министров Венгрии в 1953–1955 и октябре – ноябре 1956 г. Осужден за участие в борьбе против народно-демократического строя и казнен. В 1989 г. посмертно реабилитирован.

²⁰⁶ ГЕРА Эрна (1898–1980) – венгерский политик. До войны работал председателем Коминтерна во Франции, затем в период гражданской войны 1935–1939 гг. воевал в Испании. В 1945–1954 гг. последовательно: министр транспорта, финансов и внутренних дел. В 1952–1956 гг. заместитель премьер-министра. С 1 июля по октябрь 1956 г. – первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПТ). В 1957–1960 гг. в эмиграции в СССР, затем вернулся в Венгрию.

²⁰⁷ КАДАР Янош (1912–1989) – член компартии Венгрии (ВКП) с 1931 г., член ее ЦК с 1942 г., секретарь ее ЦК с 1943 г. и член Политбюро с 1945 г., в 1946–1951 гг. заместитель генерального секретаря ЦК ВКП, а после ее объединения с соцпартией, на той же должности в Венгерской партии трудящихся (ВКП). С 1946 г. министр внутренних дел Венгрии. В 1950 г., когда Сталин начал

рами сталинского периода. Он выдвинулся уже после Венгерской революции 1919 года. Он продукт подпольной работы Венгерской коммунистической партии. После разгрома революции Кадар какое-то время возглавлял Коммунистическую партию Венгрии. Потом компартия была распущена. Он был секретарем Центрального Комитета, и решение о роспуске принималось с его участием. Сам Кадар попал в тюрьму. Его арестовала венгерская реакция. После разгрома немцев Кадара выдвинули в правительство, где он занимал пост министра внутренних дел. Когда начался погром, среди других попал в мясорубку и Кадар. Его тоже арестовали. То было дело рук Фаркаша²⁰⁸. Этот давний член компартии оказался человеком типа Берии: карьерист и с заскоками ненормального, садист какой-то. Мне потом рассказывали, с какими издевательствами он вел допросы честных людей. Мало того, он и своего сына вовлек в эту кровавую круговорот, сделал и из него палача. Фаркаш стал просто пугалом

антиюгославскую кампанию, арестован по подозрению в симпатии к Тито. Освобожден после смерти Сталина в 1953 г. и избран секретарем организации компартии столицы Венгрии Будапешта. С 1956 г. первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), пришедшей на смену Коммунистической партии и с 1985 г. генеральный секретарь ЦК ВСРП, с 1988 г. председатель ВСРП. Был главой правительства в 1956–1958 гг. и 1961–1965 гг.

²⁰⁸ ФАРКАШ Михай (1904–1965). В 1945–1953 гг. член Политбюро и секретарь ЦК Коммунистической партии Венгрии, а после ее преобразования в Партию трудящихся – один из организаторов репрессий. Одновременно в 1948–1953 гг. министр обороны. В 1956 г. исключен из партии и арестован. В 1957 г. осужден к 10 годам заключения, но в 1960 г. амнистирован.

в Венгрии. Все эти издевательства испытал на себе и Кадар.

Кадар никогда к этому не возвращался, а я его не спрашивал. Мне тоже не хотелось беречь его еще не зарубцевавшиеся раны. Просто чудо, что тогда секира Фаркаша миновала Ференца Мюнниха²⁰⁹.

Мюнниха я знал с 1930 года. Когда я учился в Промышленной академии и меня призвали на военную переподготовку в московскую Пролетарскую дивизию, я встретился там с ним. Он работал во внешнеторговой организации, неся функции партийного характера. В дивизии мы с ним жили в одной палатке, служили в одном взводе, ели из одного котелка. Этот веселый человек, бывший офицер австро-венгерской армии знал много солдатских анекдотов и был отличным рассказчиком перед сном. Он казался мне хорошим товарищем. Ракоши же испытывал к нему какое-то недоверие. Чтобы избавиться от него в Венгрии, он с конца 40-х годов постоянно отправлял его куда-нибудь послом. Так он попал вновь и в Советский Союз. Это была своеобразная почетная ссылка. Когда я встречался с ним во время офици-

---

²⁰⁹ МЮННИХ Ференц (1886–1967) – участник Первой мировой войны, с 1915 г. военнопленный в России, с 1917 г. член РСДРП(б), с 1918 г. член КПВ, участник национально-революционной войны в Испании (комбриг О. ФЛАТТЕР) и Великой Отечественной войны, с 1946 г. начальник управления полиции Будапешта, с 1949 г. посланник и посол Венгрии в Финляндии, Болгарии, СССР (1954–1956) и Югославии, зам. председателя СМ в 1956–1957 гг., первый зам. председателя СМ в 1957–1958 гг. и председатель Совета министров в 1958–1961 гг., государственный министр до 1965 г. Член ЦК ВСРП с 1956 г. и член Политбюро в 1957–1965 гг.

альных приемов, то чувствовал, что он сильно переживает оторванность от родины.

Вернусь к 1956 г. Если в Польше тогда развернулась борьба в партийной верхушке, то в Венгрии в нее была вовлечена еще и столичная парторганизация. Здесь столкновения были острее, чем в Польше. Стали освобождать политических заключенных. Освободили Кадара и тут же избрали его секретарем Будапештской городской парторганизации. Тем временем обострились отношения между Ракоши и Имре Надем. Они давно враждовали, а мы из Москвы всячески пытались их примирить. Ракоши обвинял Надя в принадлежности к правым и считал его перерожденцем, а не коммунистом. Однажды они вместе приехали в Советский Союз. Ракоши выступал с обвинениями Надя по вопросу коллективизации в Венгрии, а Надь возражал ему не просто резко, а даже зло, и у него сверкали слезы на глазах. Ракоши же вновь бросал ему обвинения политического характера. Но Сталин Надя не арестовывал. Говорили, потому, что в СССР Надь помогал ему громить коминтерновские кадры. Я не исключаю, что он тогда был агентом НКВД и слыл у Сталина своим человеком. А пока что в их стране события нарастали сверхбыстро. ЦК ВПТ и Ракоши потеряли влияние. Ракоши уже не только не мог давать какие-нибудь указания или как-то влиять на деятельность коммунистов, но его имя вообще приобрело там оттенок чего-то скверного. В Будапеште нарушилась нормальная жизнь. Начали постреливать, главным

образом по венгерским чекистам. Те несли серьезные потери. Потом развернулись демонстрации. Это движение возглавил Надь. Люди требовали: «Надя Имре к руководству! Долой Ракоши!»

Ракоши струсил и обратился к нам по телефону с просьбой прислать срочно самолет, чтобы вывезти его из Будапешта; он опасался, что над ним будет учинена расправа. И мы помогли ему. ЦК ВПТ возглавил Эрне Герэ. В Будапеште разразилась такая заваруха, что и Герэ не смог с нею справиться. Его не признали как народного руководителя и рассматривали как соратника Ракоши. Их обвиняли в зверствах, несправедливых арестах и казнях, в других грехах. Конечно, главную ответственность за них несут советские чекисты, псевдосоветники, и Фаркаш со своими людьми. Вскоре Герэ тоже был вынужден подать в отставку. К руководству пришел Надь. У нас еще теплилась надежда, что он сохранит коммунистическое лидерство в стране, раз он сам коммунист.

Однако теперь этот человек шел за толпой, опираясь главным образом на незрелую молодежь. Большую активность проявляли гимназисты, как докладывали мне из Будапешта наши люди. Туда ездили Микоян, Суслов, другие наши видные работники. Анастас Иванович говорил: «Пришел я к Надю. Начали беседу. Вдруг влетает группа молодых мальчиков, гимназистов, все вооруженные, докладывают Надю, что они делают то-то и будут делать то-то. Потом приходи-

ли и другие такого же рода молодцы». Вскоре мы увидели, что под руководством Надя там свирепствует антисоветчина. Звучали лозунги: «Долой Советы!», «Долой Советскую Армию!», «Русские, вон из Венгрии!» Усилилась стрельба на улицах. Наши войска не участвовали пока ни на чьей стороне, мы хотели держать нейтралитет. Внутренние вопросы, касающиеся венгерского народа, пусть решаются собственными силами. Но затем стали постреливать и в наших людей. Обстановка накалялась. Советским послом в Венгрии был тогда Андропов²¹⁰. С посольскими делами он справлялся хорошо и отлично разбирался в событиях. Он докладывал нам обо всем со знанием местной обстановки и давал полезные советы, вытекавшие из сложившейся ситуации.

В те дни, после нашей поездки в Варшаву, ситуация в Польше стабилизировалась, главным образом благодаря позиции, занятой товарищем Гомулкой. Но разразилась настоящая война на Среднем Востоке, вокруг Суэцкого канала.

Москва должна была реагировать на англо-франко-израильскую агрессию против Египта. А в Будапеште разверну-

---

²¹⁰ АНДРОПОВ Юрий Владимирович (1914–1984) – член Политбюро в 1973–1984 гг., секретарь ЦК КПСС в 1962–1967 гг. и в 1982–1984 гг. С 1936 г. на комсомольской, а затем партийной работе. В 1940–1941 гг. первый секретарь ЦК комсомола Карело-Финской ССР. В 1944–1947 гг. второй секретарь Петрозаводского горкома и в 1947–1951 гг. второй секретарь ЦК Компартии Карело-Финской ССР. В 1951–1953 гг. работал в ЦК КПСС. В 1954–1957 гг. посол в Венгрии. В 1957–1967 гг. зав. отделом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами. В 1967–1982 гг. председатель КГБ. В 1983–1984 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

лась кровавая бойня. К мальчикам присоединились и другие, включая рабочих. Возникли вооруженные отряды, пошли бои с применением артиллерии, особенно зенитной. Видимо, восставшие разграбили воинские склады. Совершенно в стороне от событий стояло крестьянство. Оно продолжало повседневную работу, несмотря на антиколхозные призывы Имре Надя.

Надь потребовал от нас вывести советские войска из Венгрии. Но ведь существовал Варшавский договор. Мы считали, что такой шаг может предпринять лишь законное правительство, а приход к власти Надя произошел в результате путча. Парламент этого вопроса не обсуждал, и мы считали, что это требование не имеет законной силы. В Будапеште развернулась охота за партийным активом, и особенно за чекистами. Громили партийные комитеты и чекистские органы. Людей убивали, вешали за ноги, совершали прочие дикие казни. Чтобы не осложнять обстановки, мы вывели наши войска из столицы. Частично они разместили их на военном аэродроме. Но другие наши люди и посол находились в Будапеште, и от них мы знали, что там происходит.

Президиум ЦК КПСС пришел к заключению, что нам непростительно соблюдать нейтралитет и не оказать помощи в борьбе с контрреволюцией, которая стала проявлять себя по многим линиям. Вернулась в страну белая эмиграция, самолетами прямо из Вены прибывала в Будапешт. Страны НАТО тоже вклинились, способствуя гражданской войне,

чтобы ликвидировать революционные завоевания и вернуть Венгрию на капиталистические рельсы. Чтобы решить на месте, что предпринять конкретно, Микоян и Суслов снова улетели в Будапешт. День они проводили в городе, а ночевали в расположении наших войск на военном аэродроме.

Мы хотели быть правильно понятыми, мы не преследовали эгоистических целей, стремились действовать в духе пролетарского интернационализма. В связи с такой позицией мы считали необходимым проконсультироваться с братскими странами и партиями, в первую очередь с Китайской компартией.

Мы обратились к Мао Цзэдуну с просьбой, чтобы кто-либо, кого они найдут возможным прислать, приехал бы к нам для разговоров по вопросу о событиях в Венгрии. Без нашей поддержки там будет пролито много пролетарской крови. Китайцы быстро откликнулись. Прилетел Лю Шаоци, с ним Дэн Сяопин и Кан Шень. С нашей стороны на переговоры выдвинули меня и Пономарева. Не помню, кто еще входил в делегацию Коммунистической партии Советского Союза.

Мы заседали на бывшей сталинской даче, в так называемых Липках. Сейчас там дом отдыха. Просидели всю ночь. Взвешивали всесторонне все «за» и «против» применения вооруженных сил. Попеременно мы занимали противоположные позиции: то Лю Шаоци предлагал: давайте выждем, рабочий класс Венгрии окрепнет, поймет, что восста-

ние контрреволюционно, и справится сам. Мы соглашались с ним. Затем снова начинали обсуждать, и возникали сомнения: есть опасность, что сейчас уже будет трудно рабочему классу справиться с ситуацией в Будапеште. Частично он сам вовлечен в контрреволюцию, особенно молодежь. Поэтому следует оказать помощь, тем более наши войска стоят в районе Будапешта. Опять и опять мы обсуждали и приходили к выводу, что надо оказать помощь.

Я не помню, сколько раз менялись наши позиции. Каждый раз, когда мы приходили к общему решению, независимо от того, надо или не надо применять вооруженные силы, Лю Шаоци консультировался с Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун одобрял и ту, и другую позицию. Кончили мы ночное заседание на том, что вооруженную силу не применять. Я уехал домой. Лю Шаоци с делегацией остались на месте. Бывшая сталинская дача была отведена под резиденцию китайской делегации.

Я приехал домой к утру. По-настоящему спать не мог: Будапешт гвоздем сидел в голове и не давал уснуть. То был исторический момент: какое нам принять решение? Двинуть советские войска и раздавить контрреволюцию или ожидать, когда внутренние силы справятся с нею сами? Могло случиться, что контрреволюция временно одержит верх, тогда прольется много пролетарской крови. А если через Венгрию НАТО внедрится в расположение социалистических стран, то тяжело будет и всем нам. Было над чем призаду-

маться. Мы, конечно, понимали, что произошло восстание и что правительство, созданное в результате этого восстания, не получило мандата от народа. Ну а дальше? Утром еще раз собрались обсудить вопрос на заседании Президиума ЦК КПСС.

Я доложил, как шло обсуждение с китайской делегацией, как менялись наши позиции и что в конце концов мы пришли к мнению не применять воинской силы. Тут же я напомнил, какие могут быть последствия, если мы вовремя не подадим руку помощи венгерскому рабочему классу, и укрепятся контрреволюционные элементы. Они сейчас уже начинают контролировать правительство, возглавляемое Имре Надем. Надь Имре, хоть и коммунист, но уже не говорит от имени коммунистов, а вещает от собственного имени. Вокруг него вертятся эмигранты, которые бежали из страны после установления в Венгрии социалистических порядков, а теперь вернулись. Это говорит о направлении развития событий, если победит контрреволюция. Мы обсуждали долго. В конце концов решили, что будет непростительно, если мы не окажем помощь венгерскому рабочему классу, решили использовать наши войска, подать руку помощи рабочему классу Венгрии.

Вызвали маршала Конева как Главнокомандующего силами Варшавского пакта. Спросили: сколько потребуется ему времени, чтобы навести порядок в Венгрии? Он попросил трое суток. И получил задание: «Готовьтесь. А когда начи-

нать, узнаете дополнительно». После этого полным составом Президиума мы выехали на аэродром и сообщили китайским товарищам о новом мнении. Споров не возникло. Лю Шаоци сказал, что, если в Пекине подумают по-другому, он нас известит. Китайцы улетели. А мы надумали еще проконсультироваться и с другими социалистическими странами, прежде всего с Польшей. Там ситуация была ненамного лучше, но до вооруженной борьбы дело не дошло, положение стабилизировалось. Договорились встретиться с польскими товарищами у границы на советской территории на следующий день. От нас Президиум назначил для встречи меня, Молотова и Маленкова. На приграничном аэродроме в районе Бреста с советской стороны нам отвели какое-то помещение. Вскоре сюда же прибыли Гомулка и Циранкевич. А также мы сговорились с чехословацкими, румынскими и болгарскими товарищами, что в тот же день, только позднее, мы прибудем в Бухарест, и просили, чтобы делегации из Чехословакии и Болгарии прибыли туда же для обмена мнениями по венгерскому вопросу.

Изложили мы свою точку зрения товарищам Гомулке и Циранкевичу. Они выслушали молча. Я задал вопрос: «Как быть?» Гомулка высказался в том смысле, что, хотя ситуация очень сложная, все-таки применять вооруженную силу не следует. «А что же тогда нам делать? Надь требует вывода советских войск из Венгрии». – «Нет, войска не выводить». – «Ну а дальше? Идет истребление актива коммуни-

стов Венгрии. Убивают, вешают. Наши войска должны наблюдать?». – «И все-таки, – говорит Гомулка, – полагаем, что и войска выводить не следует, и пускать их в дело тоже не следует. Надо дать возможность правительству, занявшему контрреволюционные позиции, разоблачить себя. Тогда венгерский рабочий класс сам свергнет его». – «А какое на это потребуется время?» Так и не пришли к общему мнению.

Распрощались. Они сейчас же уехали в Варшаву. А мы условились еще раньше, что Молотов возвращается в Москву и извещает Президиум ЦК о позиции польских товарищей, а мы с Маленковым летим в Бухарест, где будет совещание представителей четырех коммунистических партий. Из Бухареста мы собирались лететь в Югославию, чтобы проконсультироваться и с руководством югославских коммунистов. Это было тем более важно, что вначале югославы активно поддерживали Надя, были как бы его советчиками в борьбе против Ракоши... В Бухаресте уже находились представители Чехословакии во главе с Новотным²¹¹ и Болгарии во главе с Живковым²¹². От румынских товарищей участво-

---

²¹¹ **НОВОТНЫЙ** Антонин (1904–1975) – один из основателей компартии Чехословакии в 1921 г. Арестован немцами после оккупации Чехословакии в 1938 г. и в 1941–1945 гг. содержался в концлагере Маутхаузен. В 1945–1953 гг. первый секретарь Пражского горкома партии. В 1953–1968 гг. первый секретарь ЦК компартии Чехословакии, а в 1958–1968 гг. еще и президент страны.

²¹² **ЖИВКОВ** Тодор (1911–1998) – политический деятель, из крестьян. Во время Второй мировой войны участвовал в антифашистском Сопротивлении. В 1948 г. стал членом ЦК Болгарской компартии. В 1949 г. был кметом (мэром) Софии. Первый (с 1954 по 1981), затем генеральный секретарь ЦК Болгарской

вал в собеседовании товарищ Деж²¹³ с коллегами.

Изложили мы положение дел, которое сложилось в Будапеште, и как мы понимаем перспективы. Много нам доказывать не пришлось, потому что все товарищи были осведомлены не хуже нас. Их послы в Будапеште тоже информировали свои правительства. Кроме того, жители некоторых приграничных районов Венгрии стали искать контакты с жителями приграничных районов Чехословакии и Румынии, чтобы опереться на них²¹⁴. А кое-кто просил оружия. В Бухаресте все единодушно и без колебаний поддержали нас: надо немедленно действовать. Перед нами поставили вопрос румыны и болгары: они хотят своими воинскими частями участвовать в оказании помощи революционным венграм.

коммунистической партии (по 1989 г.). С 1971 г. также Председатель Государственного совета. В 1989 г. отстранен от власти и в 1990 г. предстал перед судом, отбывал заключение под домашним арестом, освобождён по решению Верховного суда в 1996 г.

²¹³ ГЕОРГИУ-ДЕЖ Георге Георгиу (1901–1965) – политический деятель, из рабочих, железнодорожный электрик. С 1930 г. член компартии Румынии (РКП). Неоднократно подвергался заключению. Во время диктатуры Антонеску находился в концлагере, откуда бежал в августе 1944 г. С 1945 г. генеральный секретарь ЦК РКП, но получил полную власть в партии лишь в 1952 г., когда ему удалось снять с должностей Анну Паукер (неофициального лидера партии в послевоенный период) и представителей «московской фракции». Генеральный (первый) секретарь ЦК РКП в 1944–1954 гг. и 1955–1965 гг. (в 1954–1955 гг. эту должность занимал Георге Апостол). Премьер-министр Румынии в 1952–1955 гг. Председатель Госсовета Румынии в 1961–1965 гг. Умер 19 марта 1965 г. от рака лёгких.

²¹⁴ Полмиллиона венгров – этническое меньшинство – жили в Воеводине, на границе с Венгрией.

Но мы возразили, что никто не должен в этом участвовать, кроме советских войск в Венгрии. Их достаточно. Они находятся там в соответствии с международными соглашениями, подведшими итоги второй мировой войны, и обязаны поддерживать порядок.

Участия других не требуется. Я пошутил: «Румыны рвутся в бой. Этот путь румынам знаком: они в 1919 г. участвовали в разгроме Венгерской революции, а теперь хотят разгромить контрреволюцию». Нам пожелали успеха и призвали не медлить.

В тот же день вечером мы вылетели в Югославию. Летели на Ил-14. Погода была отвратительной. Внизу горы, кругом ночь. Начался ураган, сверкают молнии. Я не спал, сидя у окна самолета. Раньше я много летал, всю войну пользовался самолетом, но в такой переплет никогда еще не попадал. Самолетом управлял опытный летчик, генерал Цыбин²¹⁵, однако и ему было трудно. Впереди летел наш разведывательный самолет, тоже пассажирский, в какой-то степени освещавший нам дорогу и сообщавший, какая там небесная обстановка. Но с ним мы вскоре связь потеряли и должны были сами как-то ориентироваться по местности. На аэродроме, где мы должны были приземлиться, оборудования не имелось: то был примитивный аэродром военного времени, и наш

---

²¹⁵ ЦЫБИН Николай Иванович (1909–1984). Генерал-лейтенант. Личный пилот Н.С. Хрущева с 1941 г. В Военно-Воздушных силах с 1927 г. В 1953–1959 гг. командир авиационной дивизии Особого назначения (ДОН). В 1959–1965 гг. заместитель начальника «Аэрофлота». С 1965 г. в отставке.

самолет не имел радиолокационного оборудования. Только мастерство Цыбина позволило благополучно приземлиться. Узнали, что предыдущего нашего самолета тут нет. Где же он? Мы очень обеспокоились за судьбу экипажа.

Нас ожидал автомобиль. Мы поехали к пристани, чтобы попасть на остров Бриони²¹⁶, где жил Тито, туда надо было добираться на катере. Из-за болтанки в самолете Маленков превратился в живой труп. Его вообще очень укачивало, даже при езде в автомобиле по ровной дороге. А тут на море – сильная волна. Сели мы в маленький катер, Маленков лег и глаза закрыл. Я уже стал беспокоиться за него. Но выбора у нас не было. Тут некогда сидеть у моря и ждать хорошей погоды. Наконец добрались до острова. На пристани ожидал Тито. Он принял нас радушно, обнялись мы, расцеловались, хотя прежде у нас были натянутые отношения, да и теперь все больше натягивались по мере хода событий в Венгрии. Ведь мы имели несовпадающие позиции по венгерскому вопросу. Приехали мы в резиденцию Тито, рассказали ему, зачем приехали, и поставили перед ним тот же вопрос.

Я, признаться, ожидал, что нам придется выдержать еще более сложную атаку со стороны Тито, нежели от Гомулки. Но мы были неожиданно и приятно поражены. Тито сказал: «Абсолютно правильно, надо немедленно пустить в дело

---

²¹⁶ Бриони – архипелаг из 14 небольших островов, расположен в Адриатическом море неподалеку от Истринского полуострова в Хорватии. Резиденция Тито располагалась на острове Ванга (теперь остров Красница).

войска и разгромить контрреволюцию». После чего стал горячо доказывать необходимость такого мероприятия. И весь наш заряд, который мы готовили для него, остался неиспользованным. При нашей беседе присутствовал и Ранкович²¹⁷. Заговорили мы о венгерском руководстве. Сами не знали, кто же сможет возглавить правительство. Поинтересовались мнением Тито. Тот взглянул на Ранковича: «А ну-ка, говори!» Ранкович достал записную книжку и назвал фамилию некоего венгра: «Вот бы хорошо ввести его в состав Временного революционного правительства, это очень активный человек». Отвечаю: «Согласно докладам наших людей в Будапеште, эту фамилию носит самый заядлый наш враг, который целиком и полностью стоит на позициях Нады. Он-то и является одним из организаторов кровопролития». Ранкович называет другую фамилию. Я ему: «И этот таков же, судя по нашей информации».

Тут Ранкович спрятал свою книжечку. Его слова еще больше подтвердили наше прежнее мнение, что когда Надь вел борьбу против Ракоши, то югославы были не только его опорой, но и добрыми помощниками, тем самым одними из организаторов контрреволюционных событий. Но в чем же теперь дело? Почему они заняли совершенно противоположную позицию?

---

²¹⁷ РАНКОВИЧ Александр. В 1946–1966 гг. министр внутренних дел Югославии. С 1956 г. заместитель председателя Союзного исполнительного веча (вице-премьер), член Секретариата Верховного комитета ЦК СКЮ, член ЦК Союза коммунистов Сербии.

Дело заключалось в том, что югославские товарищи были очень недовольны Ракоши, хотели его отстранения и делали ставку на Надя. А когда увидели, что стрелка в Венгрии склоняется к реставрации капитализма и, следовательно, они получают в соседи контрреволюционную, буржуазную Венгрию, то испугались. Тем более что в самой Югославии жило полмиллиона венгров. Все это создало бы большие трудности югославскому социалистическому государству. Его лидеры увидели, что их намерения будут перехлестнуты контрреволюционными событиями, когда верх в Будапеште стали брать не югославские друзья, а приезжие эмигранты с Запада, которые, вернувшись, развернули свою работу. Они уже потирали руки, считая, что вопрос решен в их пользу. Вот почему югославские товарищи теперь стали не только нас поддерживать, но даже одобрять и подталкивать.

Тито задал вопрос: «А кто-нибудь еще из социалистических стран будет участвовать в этом?» Отвечаю: «Мы договорились, что более никто». – «Вот это хорошо, это правильно, ни в коем случае другие социалистические государства не должны принимать участия в деле. СССР – великая держава, его войска уже находятся в Венгрии на законном основании, они и окажут помощь венгерскому рабочему классу». И тут я рассказал товарищу Тито, как мы недавно шутили в адрес Дежа. Потом сказал: «Сейчас нам хорошо бы отдохнуть, потому что рано утром нам надо возвращаться

в Москву». — «Нет, — возразил Тито, — отдохните день-два, потом улетите». И спросил: «А когда вы начнете действовать?». Отвечаю: «Мы окончательного решения не приняли, но где-то в ближайшее время». Я не хотел называть конкретный день, хотя перед отлетом мы дали задание Коневу закончить подготовку за три дня. К тому времени два дня уже были израсходованы, так что на следующий день советские войска должны были начать действовать. Мы поблагодарили Тито и сказали, что срочно возвращаемся в Москву. Тито, конечно, понял, что день выступления назначен, но просто мы не хотим ему сказать. Так оно и было, ведь мы считали, что раз югославы не участвуют напрямую, то и знать им не надо. Чем меньше людей будут знать, хотя бы и наших, тем лучше. Неожиданная утечка информации дорого обойдется.

Я спросил Тито: «Как вы посмотрите, если правительство возглавит Мюнних?» Он в Первую мировую войну был в российском плену вместе с Тито. Они повстречались в 1917 году. По мгновенной реакции я понял, что Тито плохо относится к Мюнниху. Не знаю, по каким причинам. Тогда я продолжил: «Нам советуют также насчет Кадара». — «Вот это, — обрадовался Тито, — правильно. Я его знаю как очень хорошего коммуниста, честного и серьезного человека». Я заметил: «И наши люди так же говорят. Он был секретарем Будапештского горкома партии и в таком качестве посещал Советский Союз. Сам я с ним не встречался, но другие наши люди очень высокого о нем мнения как о принципиальном

человеке, заслуживающем доверия». Называли мы тогда и другие фамилии, но сейчас они уже ни к чему.

В это время Надь уже сформировал свое правительство, и Кадар вошел в руководство как пострадавший от Ракоши. Занял в нем видный пост и Мюнних. Между тем, еще когда мы вылетали из Москвы, то сообщили Андропову, чтобы он передал, что мы приглашаем в Москву Мюнниха и Кадара. Иногда они приезжали на военный аэродром под Будапештом, где стояли наши войска, и ночевали там, считая, что так безопаснее. О том, что они отправились в Москву, мы узнали в Бухаресте. А пока я сказал Тито: «Поспать бы нам немножко...». – «Нет, – ответил он, – давайте не будем ложиться спать, потерпите, поговорим всю ночь. Не так уж много осталось до утра, я хотел бы провести с вами эти часы». – «Ладно», – согласился я. Решил, что слегка вздремнем в самолете, а сейчас будем крепиться и обойдемся без сна. Поинтересовался у Тито: «Чего вы сидите на острове? Случайно какой-нибудь бомбардировщик обронит сюда бомбу, и вашей дачи не останется, и вас вместе с нею. Все может быть, в Египте война, англичане и французы знают о ваших добрых отношениях с Насером, это вам ничего хорошего не сулит». Ранкович добавляет: «Да я ему уже столько лет твержу, что надо жить в Белграде, а он не хочет». Тито возразил: «Но я болен, мне нужны морские ванны». У него был не то радикулит, не то ишиас, поэтому он и был привязан к морю.

Стали мы обмениваться мнениями о событиях на Ближ-

нем Востоке, и я увидел, что Тито очень встревожен сложившимся там положением. Его беспокоила обстановка, создавшаяся близ Югославии, и он тревожился также за судьбу Насера. Мы дружески беседовали, досидели до рассвета, и Тито говорил: «Провожу вас, сам отвезу». Посадил нас в машину, сел за руль, и мы поехали на пристань. По-дружески распрощались, расцеловались, он пожелал нам доброго пути, и на катере мы вернулись к аэродрому. Прилетели в Москву. Тогда еще самолеты были тихоходными. Добрались до советской столицы только во второй половине дня, ближе к вечеру.

Сейчас же собрались члены Президиума ЦК КПСС, и прямо с аэродрома мы поехали в Кремль. Вместе с Маленковым доложили о результатах братских переговоров. Молотов еще раньше сообщил о разговоре на границе. Подтвердилось, что большинство за то, что надо срочно и решительно действовать. Тут же приступили к формированию состава Временного революционного правительства в Венгрии, советуясь с Кадаром и Мюннихом.

Резко выступил против Кадара Молотов. Он считал, что его нельзя выдвигать на пост руководителя Венгерской партии трудящихся. Если Молотов в чем-то был убежден, то говорил резко и даже несколько злобно, отбивая несогласных. Допустил оскорбительное выражение в адрес Кадара (правда, самого Кадара при этом не было). А основывалось у Молотова все на том, что Кадар продолжал себя рассматривать

членом руководства во главе с Надем, теперь же, после того как он пробыл в Москве двое суток, пока мы с Маленковым отсутствовали, начал проявлять беспокойство и порывался вернуться в Будапешт. Да, я понимал Молотова: как можно выдвигать такого человека, если он сам себя рассматривает членом того руководства, против которого готовится удар? Он ведь должен возглавить борьбу против действующего правительства. «Я голосую за Мюнниха», – настаивал Молотов.

«Я тоже выступаю за Мюнниха, – ответил я, – тем более что хорошо его знаю, это старый коммунист, но он не годится на пост первого секретаря ЦК, он может быть председателем Совета министров, но не способен играть главную роль в партии, ибо не обладает нужными качествами. Кадар справится лучше!» И предложил поставить Кадара первым секретарем, а Мюнниха – председателем Совета министров. Эта комбинация мне представлялась наилучшей. «Давайте пригласим их обоих», – говорю. Пригласили их в Кремль.

Мы им тут же напрямую сказали, что в Венгрии началась контрреволюция, что против нее необходимо выступить войсками. Это – единственная возможность восстановить нормальное положение и ликвидировать восстание, которое бушует в Будапеште. Я внимательно смотрел на Кадара. Он слушал молча. Пришла его очередь говорить: «Да, – согласился он, – вы правы, чтобы стабилизировать положение, сейчас требуется ваша помощь». Ну а Надь? Всем было яс-

но, что это – переходное лицо, тот порог, за которым стоят открытые и оголтелые контрреволюционные силы. Они пока держали на своем знамени имя Надя, прикрывались им как коммунистом, а сами вели антикоммунистическую работу. Только в Будапеште проявлялась активность, другие районы страны оставались в пассивном состоянии.

Мюнних тоже выразил свою поддержку действиям с помощью советских войск. И Кадар, и Мюнних высказали уверенность, что народ Венгрии в целом поддержит подавление контрреволюции. Начали мы формировать правительство. Этим занимались главным образом Кадар и Мюнних, они знали людей. Когда сформировали, проинформировали нас. При этом они исходили из идеи широкого привлечения как членов партии, так и беспартийных, включая даже людей, занимавших не совсем четкую позицию во время восстания. Полагаю, что они поступали правильно, проявив глубокое понимание настроений народа и причин, вызвавших взрыв. Они видели, что восстание не было направлено против перестройки Венгерского государства и против социалистических позиций. Люди поднялись против Ракоши и тех злоупотреблений, которые были допущены при нем. Я-то лично считаю, что Ракоши не был главным виновником, хотя и злоупотреблял властью.

Активное участие в формировании правительства принимал Антал Апро²¹⁸, хороший товарищ и честный комму-

---

²¹⁸ АПРО Антал (1913–1994). С 1956 по 1958 г. занимал различные министер-

нист, занимавшийся проблемами планирования. Он прилетел вместе с Кадаром и Мюннихом. Были там и другие люди, сейчас улетучились из памяти их фамилии. Кадар, Мюнних, Апро с товарищами подготовили обращение к рабочему классу, крестьянству, интеллигенции, всему венгерскому народу с призывом правильно понять необходимость свержения правительства Надя и восстановления социалистических начал. Составили также обращение к Советскому правительству с просьбой оказать военную помощь в подавлении контрреволюции...

Могут сказать: приехал в Москву Кадар, там слепили промосковское правительство, и все! Но такой же мяч можно бросить назад, в сторону тех, кто помогал участникам восстания и Надю.

Его поддерживали империалистические круги всего мира, прежде всего Соединенные Штаты Америки. Под чьим покровительством они орудовали и расправлялись с людьми? На чьих самолетах из Вены прилетали агенты буржуазных стран, возвращалась реакционная венгерская иммиграция?

Кто им помогал? Я прямо заявляю: конечно, существуют и покровительство, и симпатии, и оказание помощи. И та и другая стороны всегда поддерживают те силы, которые ей импонируют.

ские посты. С 1958 г. – первый вице-премьер, министр. В 1980 г. спикер парламента.

Да, Советский Союз поддерживает все революционные силы. Мы делаем это, исходя из своих интернациональных обязанностей, ведем борьбу под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и называем своим долгом оказывать помощь, когда к нам за ней обращаются и если мы считаем возможным оказать такую помощь. Так же поступают враги коммунизма, и тайно, и открыто, в зависимости от ситуации. Нормально это или ненормально? Думаю, что нормально. Существует классовая борьба. Стоит вопрос: кто – кого? Если мы выступаем против экспорта революции, то и против экспорта контрреволюции. На одном из митингов я говорил так: «Мы заплатили свой долг венгерскому народу. В 1849 г., когда была совершена революция в Венгрии, по просьбе австрийского правительства царь Николай I бросил свои полки на ее подавление. Была восстановлена власть Австрийской монархии, эти действия стали позором для России. Теперь, когда контрреволюция начала расправляться с венгерским рабочим классом и с его авангардом – коммунистической партией, трудящиеся Советского Союза подали руку помощи трудовому народу Венгрии. Мы считаем свою миссию прогрессивной в отличие от акции, совершенной Николаем I».

Предъявлять какие-то претензии к враждебным коммунизму силам неразумно. Общество делится на две стороны, на два класса: один из них эксплуатирует рабочий класс и трудовое крестьянство. Эти классы антагонистичны. Тут

используется всякая возможность. Мы в буржуазных странах тоже стремимся приобрести большее влияние на массы, внедрить нашу идеологию, направить развитие общества по пути строительства социализма, по пути установления рабоче-крестьянской власти. Так же и противник действует против нас. Пользуются всяким нашим упущением, выискивают, где только имеется возможность отбросить нас и закрепить капиталистическое влияние в большем количестве стран. Идет борьба: кто кого! Буржуазия считает, что она себя еще не изжила и что она должна господствовать вечно.

Мы – коммунисты, марксисты-ленинцы, верим в свою теорию, верим в свою идеологию, убеждены в том, что «владыкой мира будет труд», что победа за рабочим классом. Но эта победа сама по себе не придет. Этой победы надо добиваться в борьбе. Возможно мирное сосуществование различных государственных систем, но мирного сосуществования в идеологии быть не может. Это было бы предательством народов со стороны марксистско-ленинских партий. Я убежден, мы победим!

Когда-то я допустил неосторожное выражение в отношении Америки, сказав, что мы закопаем врагов революции. Вражеская пропаганда подняла мои слова на щит: мол, Хрущев, советские люди хотят закопать народы Соединенных Штатов Америки. Так они использовали в своих целях брошенную мной фразу. На пресс-конференции, когда мне ставили этот вопрос, я разъяснял: мы никого не будем закапы-

вать, а враждебный буржуазный класс закопает сам рабочий класс Соединенных Штатов. Это внутренний вопрос каждой страны, люди сами решают, по какому пути им идти и какими методами добиваться победы.

Революционное рабоче-крестьянское правительство Венгрии не сразу разместилось в Будапеште. Сначала они поехали в Ужгород. Оттуда новое правительство обратилось по радио к населению, зачитало свою платформу и призвало народ поддержать ее. Развернулся новый этап борьбы. Из Ужгорода они переехали в один из венгерских городов. Еще до выступления основных сил все аэродромы Венгрии без сопротивления были захвачены советскими войсками. Только Будапешт еще не контролировался новыми силами. Крестьяне в большинстве не были задеты волнениями. Промышленные центры колебались. В каждом из них часть коммунистов твердо поддерживала социалистический строй, хотя и не все. Нужно заранее отбить нападки тех, которые хотели бы втолковать, что это было восстание против социализма, против марксистско-ленинского учения. Нет! Так формулируют только враги социализма. Но это неправильно!

Дальнейший ход событий подтвердил наши надежды. Контрреволюция в Венгрии была ликвидирована.

Когда мы принимали решение о применении военной силы в Венгрии, среди нас не было Микояна и Суслова. Они находились в Венгрии и вернулись ночью, перед тем как мы с Маленковым и Молотовым собрались лететь на встречу с

польскими товарищами. Микоян, с которым я жил рядом, узнал, что мы готовимся ехать, позвонил мне и сказал, что хотел бы встретиться. Мы встретились в последнюю минуту, я уже оделся, чтобы ехать на аэродром²¹⁹.

Я ему рассказал о нашем решении. Он стал возражать, боясь, что тем самым мы подорвем репутацию нашего государства и нашей партии, высказывался против применения вооруженной силы. «Решение уже состоялось, – ответил я. – И я тоже проголосовал “за”!» – «Но нас там не было», – завопил Микоян. «Вас не было, потому что вы отсутствовали в Москве. Мы не имели возможности ожидать вас». – «Требую собраться заново», – не соглашался он. «Сроки намечены, ничего нельзя изменить, весь наш план нарушится, а мы с Молотовым и Маленковым должны вылететь немедленно. Я считаю, что решение принято правильное, а ты ошибаешься». Анастас Иванович разнервничался и даже пригрозил, что не ручается за последствия и в знак протеста может что-либо над собой учинить. «Это было бы большой глупостью, – сказал я ему, – но я верю в твое благоразумие. Ты поймешь правильность нашего решения». На том и расстались. С Суловым я тогда не беседовал.

Порядок в Венгрии был наведен быстро, за исключением Будапешта. Там к борьбе подключились офицеры венгерской армии, началось организованное военное сопротивление.

---

²¹⁹ ХРУЩЕВ и МИКОЯН были соседями, жили в правительственных резиденциях в домах № 40 и 44 по Воробьевскому шоссе.

ние. В дома втащили пушки, простреливали из них улицы, создали оборонительные очаги. Но и там бои продолжались не более трех суток. Можно было бы и раньше все завершить, грубо сломив сопротивление. Но тогда пришлось бы применять более разрушительные средства, а мы не хотели разрушать город, как в 1945 году. Новое правительство стало действовать, собирать сторонников. Мы командировали в Будапешт Маленкова. Требовалось установить связь нового руководства с нашей армией. Командовал войсками в Венгрии генерал Казаков²²⁰.

Он правильно понял задачу и умело поддерживал спокойствие в стране. Ведь прежняя венгерская армия, собственно говоря, уже не существовала; следовательно, функции обеспечения порядка должна была взять на себя наша армия. Казаков, между прочим, выставил заслон на границе с Австрией, чтобы прекратить использование этой границы враждебными социалистической Венгрии силами. Ситуация стала стабилизироваться. Партия трудящихся переименовалась и называлась теперь социалистической рабочей. К сожалению, не все люди, привлеченные в состав правительства и в руко-

---

²²⁰ КАЗАКОВ Михаил Ильич (1901–1975). Генерал армии. В Красной Армии с 1920 г. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. начальник штаба и заместитель командующего рядом фронтов. В 1946–1951 гг. заместитель командующего, затем командующий Сухопутными войсками. В 1956–1960 гг. командующий Южной группой войск, дислоцировавшейся в Венгрии. В 1960–1965 гг. командующий Ленинградским военным округом. В 1965–1968 гг. заместитель начальника Генерального штаба.

водство партии, действовали слаженно.

Сейчас историки, наверное, уже все разложили по полочкам. Ныне нет нужды выпячивать все разногласия тех дней. Но тогда не все правильно разобрались в происходившем. Контрреволюцию порою называли революцией. Ведь если восстание было революционным, то как именовать тогда правительство, которое подавило революционный взрыв? Многие запутались в трех соснах. Мы в Москве регулярно получали венгерские газеты. В ряде них продолжалось освещение событий с неправильных позиций. Говорилось, что русские выступили против прогрессивных сил. Я позвонил Маленкову: «Ты знаком с тем, как недавние события освещаются в венгерских газетах?» – спросил я его. «Да, слежу». – отвечает. «Чего же ты допускаешь такое и не разъясняешь, что под такими лозунгами нельзя добиться нормализации обстановки в Венгрии? – надавил я на него. – Если даётся лозунг, что это была революция против Ракоши, то как называть действия, направленные против Надя?» – «А что я могу поделать, – оправдывался Маленков. – Я им говорил, да они не соглашаются». – «Тут – основной вопрос, – наседаю я. – Они не согласны, так как не понимают дело до конца. С этим мириться нельзя. Считаю, что ты проявляешь недостаточно активности и настойчивости». – «Нет, я все делаю, что могу, но они не согласны, я же беседовал с новым руководством». Тогда Президиум ЦК КПСС высказался за то, чтобы

я вылетел в Будапешт²²¹.

Я очень надеялся на Мюнниха. Недоумевал, как же он, старый волк, который прошел революцию, может не понимать таких вещей? Сколько лет он прожил в Советском Союзе; казалось бы, должен быть подготовлен к правильному пониманию событий... Встретили меня на аэродроме²²². Я попросил проехать по улицам Будапешта, который плохо знал. Я был там в 1946 году – и мне город очень понравился: живописный, красивый, с хорошей застройкой и хорошей архитектурой. Дунай – настоящее украшение Будапешта, как и бассейны, наполненные горячей минеральной водой, бьющей из расположенных под городом источников.

Город не особенно пострадал. Только отдельные дома были побиты, несли на себе следы обстрела. Замусорен зато очень, давно не убирался. Думаю, город мог пострадать больше, потому что восставшие применяли зенитную артиллерию, что вызвало с нашей стороны ответный артиллерийский огонь по домам, где засели контрреволюционные силы.

Начались беседы. Мы собрались в каком-то слабо освещенном помещении. Не знаю почему. Видимо, сказывалось модернистское влияние. На Западе при таком освещении, даже при свечах, проводятся торжественные обеды. Я оста-

---

²²¹ Н.С. ХРУЩЕВ и Г.М. МАЛЕНКОВ были в Будапеште с 1 по 4 января 1957 г. Туда же приехали руководители Болгарии, Румынии и Чехословакии.

²²² Ференц МЮННИХ, так же как Бела КУН и Иосиф Броз ТИТО, служил в армии Австро-Венгрии. Во время революции 1917 г. находился в русском плену, принимал участие в Гражданской войне 1918–1921 гг.

навливаюсь на этом, потому что отчетливо помню недостаточно освещенный зал. Собралось там все новое венгерское руководство. Пообедали. Венгры угостили нас своим прекрасным гуляшом. Вино у них тоже замечательное. Одновременно мы вели деловые политические разговоры. Я товарища Кадара знал еще очень мало. Поэтому свою критику направлял по адресу товарища Мюнниха. Делал так потому, что мы с ним когда-то были буквально друзьями. И я был уверен: он правильно поймет, что, критикуя его, я тем самым обращаюсь к другим руководителям венгерского революционного правительства и партийного руководства. «Как же, товарищ Ференц, вы допустили такие события?» – спросил я. «Вы же знаете, что я был послом Венгрии в Москве и за Ракоши не отвечаю», – коротко ответил он. Это было правильно. Тогда я поднял вопрос насчет газет. «Я, товарищ Хрущев, газетами не занимаюсь», – снова не стал вдаваться в существо дела Мюнних.

Тут поднялся другой товарищ, высокий парень с хорошей шевелюрой, редактор газеты²²³, о которой шла речь, он и потом остался в руководстве. Считаю, что он честный коммунист. Он открыто и честно защищал свою позицию, но не понимал тогда глубинной сути проблемы. А я думал, сколько же им насолил Ракоши! Любой глас против Ракоши считался гласом революции. В этом и состояла трагедия, в этом заключалось несчастье Венгрии. Там многие действовали на

---

²²³ Речь идет о главном редакторе газеты «Непсабадшаг» Лайоше ФЕХЕРЕ.

основе такой упрощенной схемы. Ее взяли на вооружение и газеты, которые вновь твердили, что у них произошла революция против Ракоши. «Дорогие товарищи, – заговорил я, – поймите же, что выступаете против себя. Как же под таким лозунгом можно сплачивать вокруг себя людей? Если правильно толковать этот лозунг, то произошла революция, следовательно, Надь возглавлял революционное правительство. Тогда вы – чье правительство? Происходит дезориентация народа, рабочего класса, коммунистов. Надо правильно сориентировать людей, сказать, что имела место контрреволюция. Потому что если не контрреволюция, так разве можно было применять нам оружие? Под какими лозунгами проходило восстание? Под антисоциалистическими. Фактически Надь превратился в ширму, которой прикрывались злые контрреволюционеры, возвращавшаяся из эмиграции реакция. Надо самим правильно понимать события и верно разъяснять людям, организовывать их под вашим руководством».

Довольно долго я говорил. Но венгерские товарищи очень упорно сопротивлялись моему мнению. Достойные и очень уважаемые люди, они не разобрались в происшедшем, почему и не могли объяснить все верно тем, которые не только понимали неправильно, но пользовались таким неверным лозунгом. В конце концов и с большим трудом мы пришли к согласию. А одному из присутствовавших, редактору ведущей газеты, они сами пригрозили, что если он и его газета

будут настаивать на своем, то его придется заменить и назначить другого редактора. На него угрозы не подействовали, он человек принципиальный. Однако, видимо, он сам осознал свою ошибку. И его газета, и некоторые другие органы печати начали освещать события иначе, называя вещи своими именами: произошла контрреволюция; теперь к руководству пришло революционное правительство, которое ведет борьбу как против остатков контрреволюционного движения под руководством Надя, так и против ракошианских извращений коммунистической линии.

Много венгров, истинных коммунистов, твердо отстаивавших свои убеждения, погибло. Попадая в руки к врагам, они не отрекались от марксистско-ленинского учения. А Надь, когда он правил, пытался привлечь людей к себе или принудить их под тем либо другим видом выступить перед микрофоном, чтобы они сделали заявления и высказали свое отношение к событиям в его вкусе. Он стремился вырвать у них признание себя как руководителя и требовал заклеить время Ракоши и Герэ. Некоторые, к сожалению, выступали: одни – от страха, другие просто не разобрались в происходящем. Кадар рассказывал мне о таком случае. Иштван Доби²²⁴, который выполнял функции президента и умер года три тому назад, бывший крестьянин-батрак,

---

²²⁴ ДОБИ Иштван (1898–1968) – один из деятелей Венгерской Советской Республики 1919 г., участник антифашистского Сопротивления, председатель Партии мелких сельских хозяев в 1947–1959 гг., председатель Совета министров в 1948–1952 гг., президент Венгрии в 1952–1967 гг., член ЦК ВСРП с 1959 г.

был приглашен Надем к выступлению по радио. Доби был очень популярен среди беднейших крестьян. Он участвовал в движении батраков еще при буржуазном строе, известный человек, близкий к коммунистам, но без партийного билета. «Некоторым коммунистам, – рассказывал Кадар, – услышав, как реагировал этот беспартийный, отвергший предложение Надя, следовало бы покраснеть. Он себя держал лучше, чем некоторые коммунисты». Солдаты уже повели его на расстрел. И только советские войска отбили Доби в последний момент. Это просто везение судьбы, что он остался жив.

Надь скрылся. Потом выяснили, что он укрылся в посольстве Югославии. И не только он, а многие из его руководства. На этой почве опять произошло охлаждение в наших отношениях с югославским руководством. Венгерские товарищи потребовали, чтобы укрывшихся передали в руки властей. Югославы сильно сопротивлялись. А пока шло время, и шло оно на пользу революционному правительству. В конце концов югославы вынуждены были освободиться от тех, кто засел в их посольстве. Их там скопилось так много, что создалась большая скученность, и посол просто не имел возможности содержать их долее. Югославы настаивали, чтобы были даны заверения насчет безопасности Надя. Венгерские товарищи не пошли на это. Его арестовали, как только он был доставлен на свою квартиру. И правильно сделали! Кадар обратился к нам и к румынам с просьбой, чтобы временно, пока они в Венгрии не сумеют разобраться с делами и не

нормализуется положение в Будапеште, разместить Надя за пределами Венгрии. Его доставили на самолете в Бухарест, и он находился там какое-то время.

ЦК ВСРП под руководством Кадара обратился к ЦК КПСС с просьбой оказать помощь кадрами, прежде всего советниками в горной промышленности, так как была дезорганизована добыча угля. Чтобы восстанавливать промышленность и обеспечить ее развитие, срочно требовалось топливо. С угля начиналось возрождение экономики страны. Мы послали к ним опытных людей из Донбасса, партийных и профсоюзных работников, которые помогли быстро восстановить работу угольных шахт. Наших комсомольских руководителей Кадар просил помочь в организации молодежи, чьи кадры скомпрометировали себя: одни приняли участие в контрреволюционном мятеже, другие оказались дезориентированными и вели себя пассивно, утратив доверие со стороны рабочих. Нужно было оказать помощь в обучении свежих людей. Потом Кадар, когда разговаривал со мной, в шутку называл советников «полковники», профсоюзников – «майоры», комсомольцев – «лейтенанты». Вообще он человек с чувством юмора.

В венгерских высших кругах наблюдалось изрядное замешательство. Многих затронули аресты, и не только на самом верху, но и пониже. Поэтому люди осторожно прислушивались к новостям: очень свежей еще оставалась память о Ракоши. Всегда, когда страна переживает такое потрясение,

это сказывается болезненно. Венгерская армия тоже оказалась деморализованной. Она не участвовала в контрреволюции, но отдельные офицеры поддались на агитацию. Небольшое число, но зато выступали активно. Да и после разгрома контрреволюции некоторые лица еще долго колебались. Новое правительство потребовало, чтобы люди определили свое политическое отношение к событиям и дали бы заверения, что будут честно служить народу и выполнять решения правительства. Некоторые офицеры отказались от принятия присяги, тем самым автоматически произошло очищение армии от элементов, которые не полностью принимали социалистическое строительство. Армия стала по численности меньше, но по качеству более организованной и сильной.

Несмотря на вопли буржуазной прессы, на обвинения СССР в том, что мы подавили революцию, жизнь быстро входила в колею. Советская Армия вернулась в казармы. Мы дали строгое указание не вмешиваться во внутренние дела Венгрии, в функции ее правительства и партийного руководства. Когда я приехал в Венгрию, то собрал там наш командный состав и разъяснял правильную линию, рекомендуя, каким должно быть поведение наших воинских частей, прежде всего командиров. Солдаты ведь находятся в казармах, но офицеры пользуются большей свободой передвижения. Мы обратились к офицерам с просьбой не мозолить глаза венграм, особенно в первое время после ликвидации мятежа, не

появляться на улицах, чтобы не давать пищу для агитации врагам.

А СССР тем временем срочно занялся помощью Египту, ликвидацией военной акции Великобритании, Франции и Израиля. Предложили Эйзенхауэру, чтобы США вместе с СССР выступили против тройственной агрессии. Одновременно составили письма в адрес премьер-министра Великобритании Идена, премьер-министра Франции Молле и премьер-министра Израиля Бен-Гуриона, предупредив их, что есть страны, которые могут встать в поддержку Египта и оказать ему помощь, даже не посылая своих войск, поэтому мы предлагаем немедленно прекратить агрессию²²⁵. Говорят,

---

²²⁵ Н.С. ХРУЩЕВ имеет в виду свое устное напоминание лидерам Франции и Великобритании о наличии у СССР баллистических ракет средней дальности Р-5 с ядерными боеголовками. (Подробно об этом эпизоде и обстоятельствах, сопутствовавших Венгерскому и Суэцкому кризисам, см.: *Хрущев С.Н. Рождение сверхдержавы*. М.: Время., 2010. С. 144–169.) ИДЕН Антони (1897–1977) – британский государственный деятель и дипломат, консерватор. Член палаты общин (1923–1957). Министр иностранных дел (1935–1938, 1940–1945, 1951–1955). Премьер-министр Великобритании (1955–1957). МОЛЛЕ Ги (1905–1975) – французский политик, социалист, один из активных участников движения Сопротивления. В 1946–1947 гг. и 1950–1951 гг. государственный министр. В 1951–1969 гг. заместитель председателя Социалистического Интернационала. В 1954–1956 гг. председатель Консультативной ассамблеи Европейского союза. В 1956–1957 гг. премьер-министр. В 1969 г. возглавил Университетский центр социалистических исследований. БЕН-ГУРИОН Давид (1886–1973). Родился в России и эмигрировал в Палестину в 1906 г. Журналист. За свою активность выслан турецкими властями и вернулся после окончания Первой мировой войны. Один из организаторов Еврейской федерации рабочих и сил самообороны. В 1948–1953 гг. и 1955–1956 гг. премьер-министр Израиля. С 1970 г.

что Ги Молле в те дни не уезжал из своего кабинета домой ночевать, а когда получил наше послание, то в спальном белье побежал к телефону звонить Идену. В штанах ли он поднимал трубку или без, сути дела не меняет. Главное, что через 22 часа после получения нашего предупреждения агрессия была прервана.

Когда создалось критическое положение в Польше и Венгрии, породившее для нас трудности, дипломаты Англии и Франции не первого ранга, встречаясь с сотрудниками наших посольств в своих столицах за чашкой кофе, высказывали такую мысль: «Мы с пониманием относимся к сложностям, которые возникли у вас в Польше и Венгрии. А вот у нас трудности с Египтом. Давайте негласно договоримся: вы своими средствами ликвидируете свои трудности, но не мешайте и нам». Видите, как империалисты хотели воспользоваться событиями, чтобы лишить нас возможности подняться в защиту египетского народа против колонизаторов. Но мы быстро справились со сложностями, развязав себе руки. И наш голос в защиту Египта оказался настолько мощным, что вынудил прекратить агрессию. Мы были рады, что у Идена и Ги Молле хватило мужества оборвать войну, которая и для Советского Союза стала своеобразной исторической вехой. Раньше считалось, что тот регион принадлежит Англии. Недаром, когда король Египта Фарук²²⁶ обратился к Стали-

---

в отставке.

²²⁶ ФАРУК (1920–1965). Король Египта в период мандата Великобритании. Во

ну с просьбой дать оружие для борьбы против Англии, Сталин отказал, высказав мнение, что там сфера влияния Великобритании и нам нечего совать туда нос. Мы же публично выступили против агрессоров, сами пригрозив им и заявив, что не можем оставаться безучастными и нейтральными. Теперь с нами на Ближнем Востоке стали считаться.

Возвращаясь к Венгрии. Весной 1958 года я выехал туда по приглашению правительства и ЦК ВСРП²²⁷. Было уже тепло. Когда я приехал, Кадар сказал, что на площади организуется митинг. Неподалеку оттуда размещалось посольство США. В нем долго проживал кардинал Миндсенти²²⁸, глава католической церкви Венгрии, занимавший враждебную позицию в отношении социализма. Он представлял самое реакционное крыло контрреволюционных сил, которые действовали в 1956 году. Поэтому мы особое значение придавали этому митингу, не сомневаясь, что и Миндсенти, и американский посол будут наблюдать за ним и, может быть, слушать речи. Хотя им было достаточно агентов, которые присутствовали на митинге и записывали все, что там говорилось. С другой стороны, митинг привлекал всеобщее внимание еще и тем, что, когда стало известно, что я выезжаю в Венгрию, американские журналисты раструбили, что Хру-

---

время революции 1952 г. отрекся от престола и жил в Монако и Франции.

²²⁷ Н.С. Хрущев посетил Венгрию с официальным визитом 2–10 апреля 1958 г.

²²⁸ МИНДСЕНТИ Иосиф (1892–1975) – кардинал, католический прима в Венгрии, 4 ноября 1960 г. укрылся в посольстве США, там он прожил до 1971 г., после чего уехал в Ватикан, а оттуда в Вену, где и умер в 1975 г.

щев носа на улицу не высунет. Если же станет расхаживать по улицам, как он имеет привычку делать, приезжая в другие страны, то это может выйти ему боком: венгры ему не простят применения воинской силы.

Венгерские товарищи открыли митинг. Я там был и выступил. В своей речи упрекал рабочих Венгрии и интеллигенцию за то, что они допустили контрреволюционный мятеж. Особенно адресовался, конечно, к рабочему классу.

На общегородской митинг собралось очень много народу. Кадар показал мне на балкон американского посольства: там стоял посол, а рядом – Миндсенти. «Товарищ Кадар, давайте, когда закончится митинг, сойдем с трибуны и пойдем в толпу», – сказал я. «Народу слишком много», – заколебался он. «Вот и хорошо, что много, пусть американцы посмотрят: они говорили, что Хрущев носа не высунет на улицы Будапешта. Так пусть увидят, как Хрущев и Кадар прямо с трибуны сошли в толпу и смешались с ней. Это будет полезно для прояснения тумана в головах недоброжелателей, для промывки мозгов». Так мы и поступили. Кончился митинг – мы сошли с трибуны и пошли прямо через газон. Это произвело хорошее впечатление и отрезвляюще подействовало на тех журналистов, которые разжигали враждебность, стремясь поссорить СССР с Венгрией. Мы преподали славный урок врагам социализма.

Потом состоялось собрание на крупном заводе. И там я тоже держал речь перед собравшимися, доказывал правиль-

ность наших действий. Многие венгры, выступившие на митингах, выражали благодарность СССР и Советской Армии за то, что они выполнили интернациональный долг и помогли ликвидировать контрреволюционный мятеж, порожденный злоупотреблениями властью со стороны сталинистов. Сталин допустил злодеяния в Советском Союзе, а потом через своих советников ту же политику стал проводить и в Венгрии. Могут сказать: «Ну и что же? Подобрали нужных ораторов». Но если судить не по словам, а по выражениям лиц, то будет видно, что митинги проходили с большим подъемом собравшихся. Люди одобряли мероприятия, которые проводились новым руководством Венгрии.

Затем мы с Кадаром поехали в шахтерский район Венгрии, к угольщикам²²⁹. Кадар когда-то работал там партийным руководителем в подполье во время войны, там его и арестовали. Теперь там состоялся большой митинг, но уже особый. Рабочие-шахтеры всегда проявляли большую революционность, и я, выступая, ссылаясь на это и упрекал их. Говорил и о своем прошлом: «Мне, как бывшему шахтеру, стыдно за вас, за своих братьев-шахтеров Венгрии, которые не разобрались в деле и не возвысили своего голоса против контрреволюции». Шахтеры не принимали активного участия в мятеже, но и не выступили активно против, были деморализованы. В ответ выступали многие шахтеры и извинялись, каялись, что допустили такой политический промах.

---

²²⁹ Шахты Мечекского угольного района в Юго-Западной Венгрии.

Потом мы поехали на место строительства металлургического завода на Дунае²³⁰ на наши кредиты и с поставкой нашего оборудования. Тогда этот город называли Сталинварош, потом он стал именоваться уже без имени Сталина²³¹. Митинг в нем на открытой площади тоже прошел блестяще. А мы, где бы ни собирался митинг, разоблачали происки контрреволюции, мирового империализма, попытавшегося реставрировать капитализм в Венгрии; говорили о том, что действия, предпринятые под руководством нового правительства и ЦК ВСРП, возглавленного товарищем Кадаром, – в интересах социализма, в интересах рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции. Наши слова находили одобрение у слушателей.

Кадар попросил меня встретиться и с представителями интеллигенции. Беседа с ними подтвердила, что интеллигенция с разбором относится к необходимости проведенных мероприятий: в среде интеллигенции мы находили тогда меньше понимания. Однако тучи, собравшиеся над Венгрией, постепенно рассеивались. Когда положение стабилизировалось, венгерские товарищи договорились с румынскими и вернули Надя к себе в страну. Состоялся судебный процесс

---

²³⁰ Крупный металлургический комбинат в Чепеле, индустриальном пригороде Будапешта.

²³¹ Дунайварош – город с металлургическим комбинатом на базе мечекских коксующихся углей. В 1957 г. там действовали 2 доменные печи, 2 мартена, силовая энергетическая установка, заводы огнеупорного кирпича, коксования, обогатительный и агломерационный.

над ним. Надь был осужден и лично поплатился за жертвы, вызванные осенним путчем. В результате этого у нас вновь охладились отношения с Югославией. Я очень сожалел о том, но ничего не мог поделать. Я не обвиняю югославов в том, будто они пытались способствовать реставрации капитализма в Венгрии. Нет, это глупость. Югославы хотели сбросить руководство Ракоши, чтобы новое руководство установило бы с ними дружеские, добрососедские отношения. Кроме того, Тито с товарищами претендовали на вполне определенную ведущую роль в коммунистическом движении после разоблачения злодеяний Сталина. Я так считал, во всяком случае.

Конечно, когда реакционные силы, преследуя свои цели, хотели восстановить капитализм в Венгрии, здесь были затронуты и интересы Югославии как социалистического государства и как соседа Венгрии. Поэтому, когда мы сказали, что хотим предпринять вооруженную акцию против контрреволюции, Тито, не задумываясь, поддержал нас. Налицо противоречивость в позиции югославов, но это факт.

Вот как я оценивал тогда происшедшее. И сейчас, уже доживая свой век пенсионером, я считаю, что наши действия были предприняты правильно, в интересах революционного движения, в интересах коммунистического движения, в интересах борьбы против реакции, за социализм, за коммунизм!

В Венгрии советских войск оставалось теперь немного.

Когда мы стали заниматься сокращением нашей армии (а мы сократили ее почти вдвое по сравнению с тем, какой она была при Сталине), то уменьшили количество войск и в Венгрии. Потом мы пришли к заключению, что можно вообще вывести войска из Польши и Венгрии. И вывели оттуда «особое оружие». А в Чехословакии, Румынии и Болгарии у нас не имелось войск. Таким образом, в прежнем качестве у нас оставались войска только в ГДР. Каждому ясно почему.

А насчет Венгрии я специально говорил с Кадаром: «Товарищ Кадар, вы не задумывались насчет пребывания наших войск в Венгрии? Мы считали бы возможным вывести их. Как вы решите, так мы и сделаем». – «Товарищ Хрущев, решайте сами, – ответил он. – Одно вам могу сказать: никаких разговоров у нас сейчас в отношении пребывания ваших войск нет. Нет негативных настроений. Венгров беспокоит другое: как бы вы не вернули нам Ракоши». Ракоши в то время жил в СССР. Существовали ли у них какие-то люди, которые симпатизировали Ракоши и сожалели о его падении? Да, особенно в партии. Не знаю, насколько они многочисленны, но имелись. Вот и в Советском Союзе то же самое: мы осудили культ Сталина, а есть ли в КПСС люди, которые подают голос за него? К сожалению, есть. Живут еще на свете рабы, живут и его прислужники, и трусы, и иные: «Ну и что же, – говорят они, – что столько-то миллионов он расстрелял и посадил в лагеря, зато твердо руководил страной».

Да, есть люди, которые считают, что управлять – это зна-

чит хлестать и хлестать, а может быть, даже захлестывать. И в Венгрии тоже такие люди были. К счастью, абсолютное большинство венгерского народа стояло за то, чтобы не вернулось ни то, что происходило при Ракоши, ни сам Ракоши.

Наши войска располагались в Венгрии на границе с Австрией. «А где еще стоят ваши войска?» – спросил меня Кадар. «В Польше и Германии, – ответил я. – О выводе их из ГДР не может идти и речи. Вывести их оттуда можно только на основе соглашения с нашими бывшими партнерами по войне против гитлеровской Германии, иначе говоря – с нашими антиподами. Такую акцию можно будет предпринять только после создания в мире положения, исключающего возможность новой мировой войны». – «А как относятся поляки к идее вывода?» – «С поляками я еще не говорил, – отвечаю. – Мы хотели сначала с вами поговорить, а уж потом с поляками».

С польским руководством мы на эту тему тоже порассуждали. Я беседовал о том с Гомулкой, и мы довольно основательно сократили свои войска в Польше, почти наполовину. Могли бы и целиком вывести их оттуда. Тем более что развились средства транспорта, и в случае военной нужды мы могли с их помощью быстро перебросить войска, куда нужно. Содержание войск за границей СССР имеет и негативное политическое значение: мы ведь не хотим, чтобы о нас говорили, что мы не доверяем братским народам, считающимся нашими союзниками. Дело – в идее социализма. Поляки,

венгры и другие строят социализм в собственных интересах. В нем заключается главная привлекательная сила. Так что дело не в страхе перед войсками СССР. Под угрозой страха нельзя гнать в рай. Люди сами должны искать путь к лучшему будущему. И они пойдут по такому пути. Этот путь не простой, а сложный, но единственно правильный. Наконец, полезно было бы вернуть домой наши войска и по экономическим соображениям. Их содержание за границей обходилось очень дорого. Наконец, их вывод оздоровит положение и укрепит позиции коммунистов Польши и Венгрии. Перестанут кивать на то, что там стоят советские войска и в результате народы вынуждены терпеть существующую власть. Вот мы и хотели отнять такой козырь пропаганды у врагов.

Когда я высказал все это Гомулке, он стал возражать. Оказалось, что Польше экономически выгодно получать от нас валюту за пребывание там советских войск. Но с другими поляками я на эту тему не говорил. Раз Гомулка столь определенно выразил свое несогласие, вопрос отпал, и мы не стали его форсировать, не хотели оказывать давление ни в какую сторону, создавая шероховатости в наших отношениях с польским руководством. Попутно вспомнил об обстоятельствах вывода наших войск из Румынии. Однажды, вскоре после смерти Сталина, мы беседовали на данную тему с румынскими товарищами. Тогда военным министром Румынии, кажется, был Боднэраш²³². Он очень хорошо относил-

---

²³² БОДНЭРАШ Эмиль (1904—1976). В 1928—1932 гг. служил в румынской ар-

ся к Советскому Союзу, старый коммунист, прошедший румынские тюрьмы. Мы к нему испытывали абсолютное доверие. «Как вы отреагируете, если мы попросим вывести советские войска из Румынии?» – неожиданно поднял он вопрос. Я тогда отреагировал болезненно, даже погорячился. Мы еще находились под влиянием идей, навешанных сталинской политикой. Разговор происходил до 1956 года, то есть до того, как мы разобрались во всех злоупотреблениях властью, допущенных Сталиным, и пока еще преклонялись перед всем сталинским. Но спустя некоторое время вернулись к поставленному вопросу и вывели из Румынии свои войска.

мии. В 1930 г. задержан советской военной разведкой ГРУ и бежал в Советский Союз. Вернулся в Румынию в середине 1930-х гг. и был арестован, приговорен к 10 годам тюрьмы. Освобожден в 1944 г. и в том же году стал главой контрразведки ЦК Румынской рабочей партии. После войны занимал посты: главы контрразведки, министра обороны и заместителя премьер-министра. С 1965 г. заместитель Председателя Госсовета Румынии.

Чехословацкие друзья

С чехами я впервые столкнулся в 1915 году, когда трудился слесарем на электростанции Пастуховского рудника около Юзовки. На руднике работали главным образом военнопленные из австро-венгерской армии, по своему национальному составу очень пестрые: среди них были чехи, словенцы, венгры, итальянцы, немцы. Помню Вельмана, австрийского немца, унтер-офицера. Военнопленные жили довольно свободно, так же как русские рабочие. Их разместили в больших общежитиях, которые шахтеры называют балаганами. Мне, как слесарю, порой требовались подсобники. В зависимости от того, какая работа выполнялась, инженер Фролов выделял нужное их число, чаще всего военнопленных. Почти постоянно со мной работал пленный венгр Альберт Поп, крестьянин из Трансильвании, хороший и приятный человек. Поп говорил, что Вельман (объяснялись мы мимикой и отдельными словами) – плохой человек, что он все записывает, а когда они вернутся в Австро-Венгрию, он будет докладывать это начальству. Одним словом, выполнял шпионские функции.

Там была территория Войска Донского, поэтому полицейскую охрану несли казаки. Они находились возле балагана, вооруженные револьвером и шашкой, и вели какой-то учет, довольно примитивный и нестрогий, потому что пленные

уходили совершенно свободно за поселок погулять в поле. Приходили назад, тоже когда хотели. Время сна и отдыха не было нормировано. Имели место случаи, когда я уходил из поселка на Пастуховку к своим родным, а в квартире оставался военнопленный, который ночевал у меня и сторожил дом, чтобы не обворовали. Он мог не ночевать у себя по две-три ночи, в зависимости от того, сколько дней меня не было. Я уходил за 25 верст от дома, когда посещал родителей. Отец работал тогда на шахте Успенская. Идти в воскресенье – слишком далеко: ведь пешком придется проделать туда и обратно путь в 50 верст. Поэтому такое посещение я мог себе позволить, только если не работал подряд три дня: в Пасху и на Рождество, большие праздники, в которые не работали порой и по пять дней.

Чехов у нас среди военнопленных было мало, всего двое. Они со мной работали непостоянно. То были интеллигентные люди с каким-то техническим образованием, резко выделявшиеся своей внешностью, аккуратностью и собранностью. Я с большим уважением относился к ним. С ними мне было и легче беседовать, потому что чешский язык – тоже славянский. Если мы вели беседу не спеша и с расстановкой, то понимали друг друга. Говорили не только о работе. В ней то, что нужно сделать, помогая мне, они видели сами. В чем должна заключаться их работа, эти умные, культурные люди понимали. Беседы шли о войне, и говорили главным образом чехи. Они сдались в плен сами, не были захвачены в плен,

а использовали возможность перехода на сторону России. Я знаю подобное и по второй мировой войне, когда встречался с небольшим числом чехов, которые служили в армии Гитлера. Помню, например, случай, когда на Южном фронте чех сам перешел к нам. Наши военные доложили мне, что взяли пленного. Когда же его привели, он мне рассказал, что решил перейти к нам, воспользовавшись ночной темнотой, с пулеметом в руках, и еле-еле нашел наших, чтобы сдаться в плен. Потом мы шутили, как иной раз «берут в плен», а пленный сам ищет, кому бы сдаться. А в боевых условиях докладывают, что, дескать, рискуя жизнью, захватили пленного.

Те два чеха, пленные с 1915 г., рассказывали о народном движении в Чехии, о славянофильстве, сильно развитом там. Еще тогда называли мне имя Масарика²³³. Они очень нравились мне, и я любил приглашать их к себе домой, угощать чаем с вареньем. Потом, чтобы ответить на мою любезность, они предложили: «Господин Хрущев, если желаете, мы можем организовать занятия на дому и обучить вас техническому черчению». Я, как слесарь, нуждался в этом, то была моя мечта, и ответил, что с удовольствием воспользуюсь их любезностью. Они дали мне несколько уроков, но в течение короткого времени, ибо вскоре их куда-то послали, когда ста-

---

²³³ МАСАРИК Томаш (1850–1937) – философ и политик, в 1900–1920 гг. лидер либеральной Чешской народной, а затем Прогрессивистской реалистической партии, президент Чехословакии в 1918–1935 гг.

ли собирать пленных чехов в воинские части для организации особого корпуса²³⁴. Так я потерял связь с ними, но они оставили добрый след в моей памяти. Эти люди называли себя нашими братьями и говорили, что не хотят воевать с нами, а желают жить в дружбе. Правда, то был разговор общего характера, далекий от понимания интернационального классового братства и основывавшийся на идее всеславянской близости.

Должен сознаться, что прежде о славянофилах я ничего не слышал, хотя к этому времени уже был читателем пролетарских газет. Первое мое приобщение к чтению социал-демократических изданий произошло, когда я работал учеником на машиностроительном заводе Боссе. Сначала стал читать большевистскую «Звезду», потом большевистскую «Правду». Затем и лично общался с социал-демократами, но скорее на базе понимания необходимости объединения рабочих против фабрикантов. В теоретических основах марксистского учения я разбирался слабо. В 1922 году меня хотели назначить управляющим рудниками, но я отказался, так как просил уездный партийный комитет послать меня учиться на рабочий факультет в Юзовке. Чтобы добиться желаемого, мне пришлось затратить много усилий. Секретарем укома был у нас будущий заместитель председателя Совета Мини-

---

²³⁴ Он формировался в 1914–1918 гг. из чехов – подданных Австро-Венгрии и России с дислокацией на Украине (вплоть до Брестского мира в марте 1918 г.) для использования в войне против Четверного союза.

стров СССР Авраамий Павлович Завенягин. У меня сложились с ним приятельские отношения, и в конце концов я его уговорил и был освобожден от выполнения решения укома РКП(б) принять дела управляющего рудниками Щегловского куста, где когда-то работал. Там я в 1914 году трудился на шахте Горшкова, названной «Альберт» по имени его сына, а в 1915 году перешел за четыре версты от нее на электростанцию рудников шахты Пастухова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.